

А.И.
ГЕРЦЕН

А.И. ГЕРЦЕН

XXVII
Книга I

XXVII

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

А. И. ГЕРЦЕН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1963

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

А. И. ГЕРЦЕН

ТОМ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

П И С Ь М А
1860-1864 ГОДОВ

КНИГА ПЕРВАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1963

А. И. ГЕРЦЕН.

Фотография начала 1860-х годов.

Государственный литературный музей, Москва.

П И С Ъ М А
1860-1863

1860

1. А. А. ГЕРЦЕНУ

9 января 1860 г. (28 декабря 1859 г.). Фулем.

9 января 1860.

Надеюсь, что твой катар прошел давным-давно. С тех пор и у Наташи был такой же. К. Фогт пишет, что он едет на месяц в Берн, прилагаю ему писульку.

На днях у Огар(ева) был его старый припадок. Такого еще не было с его приезда. Здоровье его плохо, и очень.

Деньги, полученные из Фрибурга, пойдут на твое жалованье, сверх того ты с Фогта получишь 200 фр. с чем-то. Жалованье твое продолжает быть 3000 — да на Новый год позволяется взять 100 фр. *surpluséaire*'ных¹.

Пиши к нам чаще или записывай что-нибудь по-русски, а то больно много ошибок в правописании. В Россию стыдно будет показаться... а Девиль все требует, чтоб ты туда ехал профес(сором) естественных наук.

У нас был русский студент, занимающийся в Вюрцбурге у Келликера. Он приехал из экспедиции с Каспийского моря и встретил у нас того самого инженерного офицера, который заведовал артиллерийскими работами при взятии Шамиля и участвовал в самой битве.

Пришел ли «Колок(ол)», и читал ли ты 1-ю статью «1860»? Сат(ины) в Москве — надеются к марту получить пасс.

Для Ольги ищущей *daily governess*²; пансион не приносит той пользы, какую следовало бы ожидать. Ее развитие я нахожу больше трудным, чем твое и Таты; множество способностей, и за каждую большой недостаток.

Досадно, что из Meusenbug никакой пользы не добьешься.

На этот раз прощай — болит голова, на дворе туманно, серо...

Тата будет учиться ездить верхом.

Кланяйся всем вашим.

¹ сверхсметных (франц.); ² приходящую гувернантку (англ.). — *Ред.*

2. М. А. МАРКОВИЧ
17 (5) января 1860 г. Фулем.

17 янв<аря> 1860.
Park House.
Fulham.

Действительно вы меня, Марья Александровна, совсем с толку сбили пароходом, все же вы приедете — и я этому очень рад. Приезжайте-ка вместе с Тат<ьяной> Пет<ровной> на остров Вайт. — Я конечно и сам мечтаю куда-нибудь уехать из Лондона... т. е. хотелось бы перебраться в Швейцарию — но вряд это возможно ли, только в городе я еще лето не останусь.

«Все рюматизм и головные боли».

Передайте Т<атьiane> П<етровне> письмо, скоро пришлю ей через вас книги, она упрекает, что я мало пишу, разучился — совершенно разучился писать письма.

Усердно кланяюсь вам.

А. Герцен.

3. М. К. РЕЙХЕЛЬ
20 (8) января 1860 г. Фулем.

Рукой Н. А. Герцен:

18 января 1860.

Милая моя Маша.

Поздравляю тебя с Новым годом, хотя тоже очень опоздала. Мы очень весело провели конец прошлого и начало нынешнего года. В русский Новый год у<нас>¹ было что-то вроде маленького бал-маске, и мы почти до трех часов танцевали.

Папа мне позволил учиться ездить верхом. Я давно это желала.

Благодарю тоже миленького моего Сашу за милое письмецо и посылаю ему картинку, где представлено, как купается «babu», и много раз и крепко целую его.

Прощай, милая моя Маша, крепко целую вас всех.

Твоя Тата:

Рукой Н. А. Тучковой-Огаревой:

Любезная Марья Каспаровна, Гер<цен> забыл мне сказать, что писал к вам, вот почему я так поздно приношу вам мою искреннюю благодарность за письма из Р<оссии>. — Боюсь только, не слишком ли хлопотно вам их пересылать. — Станкевичи едут, вы пишете, — неужели в Россию?.. Если так, вы бы мне сделали величайшее одолжение, узнавши, возьмусь ли они доставить письмо сестре. Если она в деревне, то можно бы переслать в какой-нибудь книге. Прощайте, любезная Марья Каспаровна. Преданная вам Н. О.

¹ Слово в автографе пропущено. — Ред.

20 января 1860. Park House.
Fulham.

Да-с, грешок есть — давно вы не писали к нам. Но я был на ваш счет покоен, потому что Т<атьяна> П<етровна> мне писала, что имеет от вас письмо. Вы говорите: «Остаюсь с тою же собачьей верностью». Ну так я вам за эту любезность — заплачу двойной: остаюсь с верностью подагры, которая никогда не изменяет больному и умирает с ним, — отлично!

Вы человек умный и потому не рассердитесь, получив по почте от Трюбнера фунтов пять денег. Эти деньги должны идти на франкирование всяких пакетов к нам. Тогда у меня не будет на совести — и я не буду по английскому закону принужден платить *вдвое*. Итак, тут не возражайте — это же деньги типографии.

Теперь насчет бумаг у вас. 1-е. Историю о помещиках сейчас пришлите по почте, это нам необходимо и франкируйте там. 2-е. Если что есть очень современного, тоже пришлите. 3-е. Всему остальному сделайте каталог.

Что же вы не пишете, как вам понравился мой новый год — «1860» в 1 «Колоколе», я очень доволен этой статьей.

4. А. А. ГЕРЦЕНУ

22—23 (10—11) января 1860 г. Фулэм.

22 января 1860. Park House.
Fulham.

Любезный Саша,

ты прав, что прошлое письмо мое писано далеко не в веселом расположении духа, — впрочем, жизнь человека и не должна идти, как полка — веселой пляской. — В русском вопросе и в твоём отношении к России, я вижу, ты ничего не понимаешь — как это я уже заметил на Isle of Wight. 1-е. Без всякого отношения к собственному лицу — Россия представляет *единственную* страну, которая гигантски идет к социальному перевороту. Об этом, наконец, заговорили и «Times», и «Daily News», и вообще немцы. Неужели ты так неопытен, что можешь воображать, что переход от николаевского деспотизма к экспроприации части дворянских земель и образование свободно-коммунальных общин может сделаться без отклонений, реакции, ошибок, при которых, может, не один Александр II, а десять сломят шею? Да ведь интерес-то человека развитого только и состоит в участии в общем деле — он доволен, если оно идет хорошо, т. е. и с прерывами, но к цели. Как можно — без необходимости жить, напр<имер>, в Англии? Этого я не понимаю. Во Франции — еще меньше. Если ты под этим разумеешь *жить в науке* — это другое дело, но тогда можно жить и в

Томбукту, даже в гнусной Америке, делающей из рабства основание республики (вот плантатор-то ваш, женатый на Ф<огтовой> сестре, когда приедет, — расскажет тебе).

2-е. Твое частное отношение — мне толковать почти стыдно. Везде ты иностранец, в России ты один из *богачейших* наследников. Ты наследник всей моей и огаревской деятельности — и, следовательно, разом поставлен в лучший и самый симпатичный круг. Все открыто как своему, — *что ты* из этого сделаешь, будет зависеть от твоих способностей, но, пожалуй, можно и ничего не сделать, но то хорошо, что не сделаешься, након<ец> (в Европе) — почтенным профессором, филистром, женатым на немке, в глупейшем обществе и в самом ограниченном — умом и общежитием — или в Англии — ковать деньги. В таком случае лучше просто постоянно *путешествовать*.

А пророс к русскому вопросу — я что-то подозреваю, что ты не понял моей статьи в 59 № «Колок<ола>» и Огар<ева> *ответ* в 58. *Omni casu*¹ ты не имеешь никакой отговорки в непониманье русского вопроса.

Здесь проезжал молодой русский ученый Борщов — он будет потом и в Берне, ботаник, составитель флоры на Аральском и Каспийском море — он видел «Маскарад», который мне сделали сюрпризом Тхор<жевский>, Чернец<кий> и С^{nie}. И сегодня у нас обедает тот капитан, который командовал артиллерией при взятии Шамиля.

23.

Сегодня мороз — желаю, чтоб вы все и ты были здоровы, — и прощай.

5. А. ДЕЛАВО

23 (11) января 1860 г. Фулем.

Monsieur Fritch, un Slave de Prague, désire faire votre connaissance, cher monsieur Delaveau, — veuillez le recevoir avec votre bienveillance accoutumée.

23 janvier 1860.

На обороте: Paris. Monsieur Henry Delaveau.
№ 24, Rue du Vieux Colombier.

П е р е в о д

Господин Фрич, славянин из Праги, хочет с вами' познакомиться, дорогой господин Делаво, — благоволите принять его с обычной вашей благожелательностью.

23 января 1860.

На обороте: Париж. Господину Анри Делаво.
Улица Vieux Colombier, № 24.

¹ Во всяком случае (лат.). — Ред.

26 января 1860. Park House.
Fulham.

Как досадно и смешно было нам, Марья Александровна, узнать нашу ошибку. Вы нам прислали разные «елочные» фрукты — а мы благодарили Тат<ьяну> Петр<овну>, — а потому вы простите нас и дайте вашу руку, чтоб поблагодарить теперь.

Тихо, ужасно тихо идут дела на Руси, слабая рука Алек<сандра> Ник<олаевича> дрожит. В ростовц<евской> комиссии — единственный оплот освобождению. Против нее интригуют и делают всякие мерзости — Самарин (он моложе меня лет пять) до того горячился — что un beau jour¹ упал разбитый параличом. Теперь он поправился немного — и снова явился на своем посте. Молодец.

В феврале — так в феврале, милости просим, но весной здесь лучше, февраль скверный месяц, — напротив, март и апрель — лучше иногда мая и июня. У меня есть против вас злой умысел — мне хочется вас заставить — вечер или два — слушать отрывки из «Былое и думы» — из тех частей, которые будут напечатаны — когда меня запечатают, как посылку на тот свет (отчего никогда не страхуют покойников — вот было бы вернейшее средство узнать, есть ли тот свет и есть ли там почтовая контора?). — Отрывки эти, кроме Ога<ре>вых, никому я не читал (исключая две, три главы) — и мне хотелось бы *совершенно искреннего* отзыва, и отзыва не мужского.

Я счел долгом предупредить вас, что вас ждет, сверх качки на Ламанше, туманов в Лондоне, темноты в полдень и дождя все 24 часа, — еще такой кашкан. Берите меры!

Кстати, я с Ог<аревым> изобрел, что так, как у Гоголя сумасшедший пишет «День без числа», — так в английском климате, чисто сумасшедшем, есть «Числы без дня», оттого и темно.

П<рощай>т<е>.

Все благодарят вас за подарки.

Рукой Н. П. Огарева:

Много благодарим вас, милая Марья Александровна, за присылки и крепко жмем вашу руку. Г<ерцен> торопится посылать на почту и потому я кончаю.

Ваш О г а р е в.

¹ в один прекрасный день (франц.). — Ред.

31 января 1860 г.
Park House. Fulham.

Здравствуйте на Западе, любезнейший Иван Сергеевич, — письмо ваше и посылка были праздником для нас. Мы искренно и много любим и уважаем вас. Хорошо бы вы сделали, если бы приехали освежить нас невской водой (не ваша вина, что она не чище откупной водки).

Что это за комическое лицо — Алекс<андр> II! Слабость — не только мать пороков, но ошибок. И жаль его, а я думаю, придется сделать ему по службе строжайший выговор со внесением в «Колокол» и оставить его на Барановых и Адлербер<гов>.

С тех пор, как мы не виделись, партии обозначились больше.

Мне досадно, что вы не говорите о ряде моих статей «Русские немцы» в «Кол<околе>», особенно о последней (15 декабря). Если теперь славяне не видят, что мы представляем разное, но родственное с ними направление, а с западниками — разное и враждебное, — не наша вина. Напишите мне об этом (если у вас нет, я тотчас вышлю №№) и скажите ваше мнение. Нам очень бы надобно было повидаться для того, чтобы взять общие меры, настоящую линию действий.

Рукой Н. П. Огарева:

...Не вздумайте отправиться в путешествие не повидавшись, тем более что ваше путешествие не так легко, как, может, вам теперь кажется.

Т. е. нам кажется, что в австрийских владениях вам надобно очень остерегаться, — там такое озлобление против русских и такая боязнь панславизма.

У нас пошли слухи, что у Юр<ия> Самарина был удар; правда это? Неужели и он пленился чернильными лучами бюрократии?

Пишите, пожалуйста, поскорее, а главное — приезжайте. Посланное вами пришло исправно.

Дружески обнимаю вас.

Вот еще — что же западники? Как они нас — побранивают или нет?

31 (19) января 1860 г. Фулэм.

31 янв<аря> 1860. Park House.
Fulham.

Любезный Саша,

что я тебе скажу о твоём последнем письме? Ты пишешь, что, читая мое, тебе было *«грустно и смешно»*. Мне было только грустно — и, может, всего больше оттого, что тебе было мое совершенно серьезное письмо — смешно. Придет время, когда ты не только будешь смеяться — но и поймешь. А потому я больше об этом писать не стану. Скажу только — чтоб открыть тебе глаза на твоё совершенное непонимание вопроса — что если б ты с тех пор как начал рассуждать, прочитал бы со вниманием что я пишу, что я писал за восемь лет до смерти Николая, то ты не написал бы пошлости, что Александр II дал импульс и что он может остановить, т. е. что не внутренние силы страны вовлекли его, а что он вовлек их. Не надобно быть политиком, чтоб понимать вещи лучше, чем какие-нибудь жалкие французики. Хотя и надобно иметь общечеловеческое образование, которое не выкупает никакое специальное ученье и без которого человек все же не будет человеком. Дальше об этом вопросе — писать я не буду. Man will—was man kann, man kann—was man will¹. Я и Огар<ев>, окруженные со всех сторон страшнейшим деспотизмом Николая, гнетом семейных предрассудков, — мы вступили действительно в смешной бой с властью — и через тридцать лет мы стали так, что само правительство признало, что мы власть в общественном мнении — les rieurs sont de notre côté!² Нашу оппозицию теперь из истории не вычеркнешь — она бродит в сердцах юного поколения бродит на Кавказе у офицеров, в Сибири и пр. Естественно было желать — чтоб ты так же открыт был нашему слову, как все поколение. Естественно было желать — чтоб ты шел по пути, тяжело протоптанному, но протоптанному родными ногами — по нем ты мог дойти бы, напр<имер>, до того, до чего дошел один из величайших деятелей в России — доктор Пирогов, который как попечитель в Одессе, потом в Киеве приносит огромную пользу, что не мешает ему быть первым оператором в России. Но для этого надобно упорно хотеть. У тебя идеал быть профессором в Швейцарии — я не порицаю этого, но думаю, что ты незаконно бросаешь возможности, которые другие не имеют. Будь профессором — но для этого развей в себе *научные понимания*; куча сведений ничего не сделает, а пуще всего будь, пожалуй, и не профессор, будь просто человеком — но

¹ Что можешь, то и хочешь, что хочешь, то и можешь (нем.); ² насмешники на нашей стороне (франц.).— *Ред.*

человеком развитым. Ты видишь, что я стеснять тебя не намерен; человек идеал свой имеет смолоду — у тебя его нет, ты не знал ни борьбы, ни усилий и рос вяло, не верю, чтоб ты и теперь мог определить будущность... именно потому, что настоящей кровной *attière pensée*¹ нет, — я буду долею направлять и останавливать тебя — до 25 лет. Потом только советовать и помогать. Доволен ли ты? Если, впрочем, и это тебе покажется смешным — ты этого не пиши — а, еще лучше, останови и самый смех — как не сообразный с тем уважением, полным любви, которое я заслужил от тебя. Ну и аминь.

Если К. Форт еще у вас — скажи ему, что я его брошюры не получал и что мне очень хочется ее иметь. — Наташа отправилась за билетами в манеж. К Ольге ходит *daily governess*², однако не больно приткая. Об поездке *Natalie* ничего нет положительного, теперь С<атины> в Москве, может, в начале апреля они и приедут. Я далее Дувра мечтаний не простираю. Работы у нас много; да и весьма вероятно, что весна не обойдется без войны.

Чернецкий заводит свою типографию — я был бы очень рад, чтоб он разбогател для доказательства рефюжье, что делает труд и воля.

Прощай — пиши больше и будь здоров.

Рукой Н. А. Герцен:

Милый мой Саша, вот я только что воротилась с мапежа, первый урок, надеюсь, что когда ты осенью приедешь, я с тобой буду ездить. Не могу еще судить, какое это влияние на меня имеет, завтра увижу. Только от скачки у меня немножко голова болит, но это только первый раз.

Ну прощай, милый Саша, пиши, ездй, веселись и будь здоров.

Твоя Т а т а.

Что делает Эмма?

9. Н. Н. МАЗУРЕНКО

3 февраля (22 января) 1860 г. Фулем.

3 февраля 1860 г.

Спешу отвечать вам на главный вопрос: если вы не превали себе путь (официально), то воздержитесь. Жизнь эмигранта, и в особенности русского, ужасна, — работая в типографии, вы не выработаете больше 35 или 40 франков в неделю; тайной это не может остаться. Скорее — без имени переводить с русского на французский или немецкий.

Как можно теперь оставлять Россию, когда там каждая сила нужна, когда все мы стремимся туда, и особенно человеку, понявшему, что время общения с народом наступило!

¹ здесь: задушевной мысли (франц.); ² приходящая гувернантка (англ.). — *Ред.*

Статьи ваши я получил. Разговор на станции несколько фельетонен для «Колокола», другие места употребим.

Романы надобно прочесть. Если их можно печатать в России, вы можете продать их в редакции «Отечественных» зап(исок)» или «Современника». Если нельзя и они хороши, можно спросить Трюбнера.

Пишу второпях и от души кланяюсь.

А. Герцен.

10. М. К. РЕЙХЕЛЬ

4 февраля (23 января) 1860 г. Фулем.

4 февр(аля) 1860. Park House.
Fulham.

All right¹, все пришло благополучно и аккуратно. Письмо ваше получил, не писал я дней пять, потому что 1 фев(раля) послал вам 62 «Колокол», где напечатано о получении.

Но в самом деле не хорошо что или спрашивают, иногда можно посылать неважные вещи — через книгопродавцев (я забыл, кто Трюбнеров корреспондент) — а важные можно или как письмо, а всего лучше с верным человеком.

Вы, вероятно, знаете, что Уньковский убит. Но вот вам к характеристике дела. — Мне писали и я получил в Лондоне 18/6 янв(аря) о том, что Долголов хотел ему отомстить за отца, что губернатор узнал, что он уладил дело, но что Долголов хвастался, что доедет Уньковского — что же сделала полиция, имея в виду это? Уньковск(кий) был очень хороший человек — и сильный. Впрочем, жду подробностей.

Отправить Тату или Ольгу в Россию — было бы безобразием. Добро бы с кем-нибудь — на год или на два, а навсегда — и думать нечего. Саша мог бы съездить в совершеннолетие — за костромскими доходами (их теперь должно быть до 100 000 ассиг(нациями)), но об этом следует описаться с очень хорошо знающими людьми.

Когда Т(атьяна) П(етровна) приедет сюда, мы поговорим. Я большой алчности не имею — но думаю, что чем больше детям достанется, тем они свободнее будут.

Прощайте. Кланяйтесь Рейхелю, знаете ли вы, что опера Кашперова «Maria Tudor» очень идет в Италии. Вот и русский maestro.

A propos к maestro — я вспомнил maestro Мельгунова — он пишет, что за мои письма, франкир(ованные) в 6 пенсов,

¹ Прекрасно (англ.). — Ред.

он должен был приплатить что-то вроде 8 су. Я справлялся здесь. Это явное мошенничество почты, они, видите, нарочно посылают через Бельгию.

11. А. А. ГЕРЦЕНУ

7 февраля (26 января) 1860 г. Фулэм.

7 февраля 1860. Park House.
Fulham.

Не будем длить этой переписки, т. е. об этом — и оставим главные вопросы до того времени, когда ты всеми силами ума и сердца — поймешь задачу. Ты своего положения не понимаешь — это ясно. Быть свободным человеком — вещь очень хорошая и совершенно отрицательная. Самый свободный человек в мире — Голынский. Высокое значение всей истории — страстная борьба. И наука может быть борьбой, мучением и величайшим благом — но только когда она входит в душу с своими вопросами на жизнь и смерть. Когда ты порядком вчитаешься в «Фауста», то поймешь, как Гёте ярко разграничил ученого à la Каченовский — Вагнера, и мыслителя à la Огарев — Фауста. — И это не все. Чем смелее, чем безумнее человек чертит себе будущее, тем шире становится он. Неужели у тебя недостает любопытства узнать — положить пальцы в раны — той страны, которая теперь становится задачей для всех дальновидных умов? Швейцария — место покоя, ученой работы, но она не может дышать свободно, — она вся под влиянием Наполеона, даже Австрии; про остальную Европу и говорить нечего, а потому я совершенно понимаю Шурца, который ушел в Америку, и совершенно не понимаю русского, который из сурово-юного хаоса идет в хаос гнилого разложения. Твое действительное несчастье и в котором ты не несешь никакой ответственности — это твоя оторванность от всякой традиции; у тебя нет той *Naturgewalt*¹, которая дает национальную физиономию, цвет и стремления. Ты бесспорно выиграл тем, что из общества Дом(анже) и Боке перешел в чистую семью, но окончательно теряешь свою физиономию — и это оттого, что она не была круто завернута, а не была таковой оттого, что ты вел пусто-рассеянную жизнь и не понимал дела, возле тебя подымавшегося.

Татьяна Петровна писала мне из Гейдельберга, что разные важные (финансовые) дела требовали бы чьего-нибудь присутствия в России. Может, недурно было бы тебе съездить в 21 год — разумеется, узнав прежде, как уехать. Впрочем, тебя теснить не будут — это пока совсем не в духе Алекс(андра II). Я на твоём месте прожил бы там года два, три — присмотрелся бы к иной арене. Подумай об этом.

¹ самобытности (нем.). — *Ред.*

Что касается до последнего твоего признания, я одного не понимаю: как его *sadrer*¹ с тем, что ты мне в Лондоне говорил.

Помни одно, что те чувства только святы, которые прошли горнило лет, испытаний и не качаются, меняясь с географическим перемещением и временем года.

Помни и то, что жизнь не начинается, а завершается покоем. Затем обнимаю тебя.

Р. S. Что же Фогт не посылает брошюру? Здесь об ней была статья в «Daily Telegraph». Или он недоволен моим письмом?

Тата не знает, что я пишу. Я продолжаю быть довольным ею. У ней больше той физиогномии, о которой я говорю, чем у тебя.

Кланяйся вашим.

На обороте: Switzerland.

Alexandre Herzen fils.

Aux soins de M. le Professeur Vogt
à Bern.

12. С. ЛАЗАРЕВИЧУ

Начало февраля 1860 г. Фулем.

Милостивый государь,

вы были у меня, и я посещение ваше принял за знак сочувствия вашего к нашему труду, к нашим началам; я и теперь не перестал так думать, а потому решился с вами откровенно объяснить насчет одного обстоятельства, сильно огорчившего нас и заставившего сомневаться в том, чтоб мы понимали друг друга.

На днях, говоря с г. Тхоржевским, я узнал от него, что на пароходе, находящемся под вашим начальством, матросы сильно наказываются линьками. При чем я слышал историю несчастного моряка, хотевшего бежать и схваченного английской полицией (по гнусному закону, делающему из матроса раба).

Здесь невольно возникает вопрос — неужели закон обязывает вас к исполнению свирепых его распоряжений, и какая ответственность лежала бы на вас, если б вы не исполнили требований, естественно противных всякому человеческому чувству? При всей дикой нелепости наших военных и морских постановлений я не помню, чтоб они под строгой ответственностью меняли в обязанность телесно наказывать *без суда*; напротив, они стараются *ограничить* произвол начальнических наказаний, ограничивая число ударов. Остается предположить, что вы делаете эти истязания *по убеждению, что они справедливы*;

¹ согласовать (франц.). — *Ред.*

но тогда подумайте, что же общего между нами, открытыми врагами всякого деспотизма, насилия и на первом плане телесных наказаний, и вами?

Если это так, как я должен объяснить ваше посещение?

Вам может показаться странным мое письмо — та нравственная сила, которую мы представляем, малоизвестна в России, но к ней надобно приучиться. *Гласность* будет стоять возле всех злоупотребляющих властью, и если их совесть долго не проснется, наш «Колокол» будет служить будильником.

Дайте нам право надеяться, что вы не приведете нас к жесткой необходимости повторить наш совет печатно, и примите уверение, что Огарев и я — мы душевно были бы рады снова протянуть вам руку, но не можем этого сделать, пока она не бросит линька.

Park House, Fulham.

13. А. А. ГЕРЦЕНУ

13 (1) февраля 1860 г. Фулем.

13 февраля. Park House.
Fulham.

Письмо твое я получил, — повторяю то же, что сказал в прошлом: я верю только тем чувствам, которые зимуют, а потому суждение о будущем — предоставим будущему. Что ты со мною откровенен, это хорошо, но неудивительно — ближе друга у тебя нет.

Вот тебе подарок. Один академик петербургской академии написал большую картину апотеозы «Полярной звезды» и «Колокола». Мне прислали из Парижа три прескверные фотографа — посылаю тебе один. Говорят, что картина превосходна — русские художники хотят впоследствии поднести ее мне.

Из этого действительно очень лестного признания ты поймешь, как мне должно быть все-таки больно, что «Колокол» — призывающий массы и артиста — мало зовет тебя.

Средняя фигура очень грациозна. Внизу Алекс<андр> II, генералы в масках, попы — и народ, слушающий звон.

14. М. А. МАРКОВИЧ

23 (11) февраля 1860 г. Фулем.

23 февр<аля> 1860. Park House.
Fulham.

Письмо ваше сегодня получил. Так это вы хворали в вашем Гейделберге, — а мы здоровы в нашей трущобе сырости, тумана и мглы. Что это за печальный климат — он ведет к сосредоточенному озлоблению.

Перечитал я вашу «Игрушечку», — превосходная вещь, вы ее исправили — и, кроме двух-трех безделиц да вдвое малороссийских слов, это был бы брильянт чистейшей воды. Я читал ее вслух — и на всех она сделала то же впечатление, как на меня.

В польском Revue, выходящем в Париже, — две длинные (и очень умные) статьи против меня.

Ну — делать нечего — попробую старческие мускулы — и поберу его.

Когда же вы будете? Вы напишите дни за два.

Статьи о Павле я получил.

Будьте же здоровы — кланяйтесь вашим и передайте записочку Т<атьяне> П<етровне>.

Огарев, Нат<алья> Ал<ексеевна> и дети усердно кланяются.

15. Р. ГРИФФИНУ

24 (12) февраля 1860 г. Фулем.

24 fév<rier> 1860. Park House.
Fulham.

Monsieur,

Moins habitué à écrire l'anglais je prends la liberté de vous répondre en français — sur votre bien aimable lettre.

Il y a quelques erreurs dans la petite note. 1° Je suis né en 1812 — le 25 mars. 2° J'ai été exilé pour la première fois en 1834 — l'endroit de mon exil était la ville *Perm*, ensuite *Viatka* — cela a duré cinq ans. 3° Le second exil de Pétersbourg à Novgorod — deux années (1841—1842) moins quelques mois. 4° Ce n'est pas Louis Philippe — qui m'expulsa de France, mais *Louis-Napoléon* en 1850. — J'ai quitté sous Louis Ph<ilippe> Paris pour un voyage en Italie. Après la révolution de Février, je retournerai, — mais <mes> liaisons avec Proudhon et autres, et ma collaboration au journal *La Voix du Peuple* — m'ont fait expulser. J'allai à Nice — de là en 1852 — à Londres.

A Londres commence une nouvelle partie de mon activité. J'ai organisé en 1853 une imprimerie russe — à Londres et depuis ce temps — nous imprimons continuellement. Jusqu'à la mort de Nicolas — nous avons imprimé à nos frais sans pouvoir vendre un exemplaire. Mais après la mort de Nicolas — les affaires changèrent. Après avoir publié en russe les livres:

1. *Lettres sur l'Italie et la France*,

2. *De l'autre rive*,

3. *Récits interrompus*,

j'ai commencé la revue *l'Etoile Polaire* — en 1855 et en 1857 — un

journal la *Cloche* (*Kolokol*) qui paraît tous les 15 jours. Ce journal a acquis une importance immense en Russie — en dévoilant les méfaits des fonctionnaires.

Voilà tout ce que j'ai cru nécessaire de vous communiquer, demain vous recevrez la traduction française de mes mémoires — je vous l'offre en vous priant de lire la *Préface* — M. Delaveau y raconte beaucoup sur ma carrière passée.

Recevez, Monsieur, mes salutations empressées.

Alexandre H e r z e n.

На конверте: Messieurs R. Griffin and Co.
Stationer's Hall Courts.

Перевод

24 февраля 1860. Park House.
Фулем.

Милостивый государь,

мне не столь привычно писать по-английски, и потому я позволяю себе ответить по-французски на ваше любезное письмо.

Есть несколько ошибок в этой маленькой заметке. 1-е. Я родился в 1812 году — 25 марта. 2-е. Я был сослан в первый раз в 1834 — местом ссылки был сначала город *Пермь*, потом *Вятка* — это продолжалось пять лет. 3-е. Вторая ссылка из Петербурга в Новгород — два года (1841—1842) без нескольких месяцев. 4-е. Из Франции меня выслал не Луи-Филипп, а Луи-Наполеон в 1850 году. При Луи-Филиппе я покинул Францию, чтобы совершить путешествие по Италии. После Февральской революции я возвратился, но за мои связи с Прудоном и другими и мое сотрудничество в газете «*La Voix du Peuple*» меня выслали. Я поехал в Ниццу, оттуда в 1852 году — в Лондон.

В Лондоне начинается новый период моей деятельности. В 1853 году я организовал русскую типографию в Лондоне, и с тех пор мы непрерывно печатаем. До смерти Николая мы печатали за свой счет, не имея возможности продать хоть один экземпляр. Но после смерти Николая дела изменились. Выпустив на русском языке книги:

- 1) «Письма из Италии и Франции»,
- 2) «С того берега»,
- 3) «Прерванные рассказы»,

я начал издавать журнал «Полярная звезда» в 1855 году, а в 1857 — газету «Колокол», которая выходит каждые две недели. Эта газета приобрела огромное значение в России — разоблачая преступления чиновников.

Вот все, что я счел необходимым вам сообщить; завтра вы получите французский перевод моих воспоминаний — препод-

ношу их вам с просьбой прочитать «Предисловие». В нем г. Дело рассказывает многое о моей прошлой жизни.

Примите, милостивый государь, мой усердный поклон.

Александр Герцен.

На конверте: Г-дам Р. Гриффину и К^о.
Stationer's Hall Courts.

16. А. А. ГЕРЦЕНУ

25 (13) февраля 1860 г. Фулэм.

25 февр<аля>. Park House.
Fulham.

Любезный Саша,

писать о финансовых делах — долго; упомяну одно, что со времени, как мое имение под секвестром, казна бережет с него доход, примерно по 7000 фр., след., это составляет в десять лет 70 т<ысяч> и на них по 3%. Дальнейшее — когда-нибудь. Ты потеряешь формальное право через 6 месяцев после 21 года.

Как ты мог думать, что картина в Петерб<урге> — она выставлена у артиста в Париже; он академик, и когда шпион Васильчиков (о чем было в «Колоколе») обходил мастерские, он ее видел.

Наконец, вышло в Париже по-франц<узски> «Былое и думы» — с скверными картинками и с титулом еще сквернее: «Monde russe et la Révolution».

M^{se}lle Meysenbug все еще в Париже, а так как она с Кобде-ном, то перезнакомилась со всеми гран-французами.

Ex<empli> gr<atia>¹ с Гизо,

Кузенем,
Одилон Барро,
Мишле,
Минье,

а так как Боке и Прево она прежде знала, то, стало, и остается только познакомиться с Женни в Ницце.

Après veau я вот почему вспомнил. Он, встретясь со мной, объявил, что ты ему остался 21 шилл. должен за уроки и 3 за починку куртки, которая с рапирами осталась у него. Так ли?

Рукой Н. А. Герцен:

Милый мой Саша,

я и в этот раз успею только несколько строчек написать тебе. Теперь я уже семь уроков верховой езды взяла, и каждый раз с ужаснейшим нетерпением жду следующий урок. В последний раз я себе натерла кожу под правым коленом и нажила себе маленькую, ничтожную рану, теперь уже почти все прошло, я надеюсь, через два дня совсем пройдет и я опять буду в состоянии ездить.

¹ Например (лат.). — Ред.

Надеюсь, что ты со мной будешь ездить осенью. Огарев и Тхоржевский уже предлагали мне свои услуги.

Ну, прощай, крепко целую тебя.

Твоя Т а т а.

Вчера приехал новый молодой русский и привез нам от Панаевых разные подарки. Мне татарские туфли, очень красивые.

17. И. С. АКСАКОВУ

28 (16) февраля 1860 г. Фулем.

Любезнейший Иван Сергеевич,

Тат<ьяна> Петр<овна> писала мне, что я могу через вас послать ей письмо — а потому я и попрошу ей передать.

Мы имели очень интересного гостя, прямо из Петерб<урга> и до сатураций наполнились невскими грязями. Что за хаос!

Брошюру лейпциг<скую> мы задели в «Колок<оле>», который завтра или 2 вам пошлю.

Сегодня писать некогда. Дружески вам кланяюсь. Т<атьяне> Петр<овне> я писал на письме анекдот насчет Ал<ександра> II и «Колокола» — прочтите его.

28 фев<раля>.
Park House. Fulham.

Весь ваш
А. Герцен.

18. С. ЛАЗАРЕВИЧУ

Февраль (после 15) 1860 г. Фулем.

М<илостивый> г<осударь>,

поверьте, что мне очень больно, что я должен был писать к вам о предмете, неприятном для вас, но вспомните, что вопрос об уничтожении телесных наказаний для нас имеет чрезвычайную важность.

Русский солдат, русский мужик только тогда вздохнут свободно и разовьются во всю ширь своей силы, когда их перестанут бить. Телесное наказание равно растлевают наказуемого и наказывающего, отнимая у одного чувство человеческого достоинства, у другого чувство человеческого сожаления. Посмотрите на результат помещичьего права и полицейски-военных экзекуций. У нас образовалась целая каста палачей, целые семьи палачей — женщины, дети, девушки розгами и палками, кулаками и башмаками бьют дворовых людей.

Великие деятели 14 декабря так поняли важность этого, что члены общества обязывались не терпеть дома телесных наказаний и вывели их в полках, которыми начальствовали. Фонвизин писал полковым командирам, под влиянием Пестеля, приказ о постепенном выводе телесных наказаний.

Зло это так вкоренилось у нас, что его последовательно не выведешь, его надобно разом уничтожить, как крепостное состояние. Надобно, чтоб люди, поставленные, как вы, отдельными начальниками, взяли благородную инициативу. Это, может, будет трудно — что же из этого? Тем больше славы. Если б я мог надеяться, что наша переписка приведет к этому результату, я благословил бы ее, это была бы для меня одна из высших наград — моя андреевская лента.

Еще слово. Вы говорите, что могли бы показать обстоятельства дела, т. е. доказать, что наказание было справедливо. Это все равно. Мы не имеем права сомневаться в вашей справедливости. Да и что же бы было писать к вам, если б у вас матросы наказывались *несправедливо*? Телесные наказания и тогда надобно уничтожить, когда они по смыслу татарски-немецкого законодательства совершенно справедливы.

Позвольте мне быть уверенным, что вы видите всю чистоту моих намерений и почему я адресовался к вам. Мне кажется, что вы можете сделать эту перемену у вас, другие последуют, — это будет великое дело. Вы покажете пример русским, что древнеславянская кровь больше сочувствует народным страданиям, чем Петербург.

Я сказал все, что было на сердце; дайте мне надежду, что слова мои сколько-нибудь западут в душу, и примите уверение в желании всего благого.

19. А. А. ГЕРЦЕНУ

5 марта (22 февраля) 1860 г. Фулэм.

5 марта. Park House.
Fulham.

Я получил твое письмо и, разумеется, не мог быть доволен этим постоянным раздражением, в котором ты проводишь жизнь. Больно мне, что нет серьезного грунд-тона в твоей жизни, который заправлял бы страстями, и, наконец, нет силы характера, которая бы вынашивала долго всякое чувство в собственной груди, испытывая его и закаляя. Поездку в Лондон на несколько дней я считаю решительно ненужной — и без достаточных причин не могу ее допустить. Я, любезный Саша, вижу во всем этом распущенность и до некоторой степени барство, т. е. неумение ограничиваться. Ты очень хорошо знаешь, как бы мне хотелось тебя видеть, но именно образ твоего предложения меня заставляет положить veto — ты можешь писать все, что тебе скажет сердце.

Наташа не пользуется большим местом в твоём воспоминании — это очень больно и даже неловко. В скучной жизни для

ее лет письма от тебя были ей большим утешением. Последние рассеянные записочки, чтоб отделаться — что-то vague¹ и наскоро — предшествовали молчанию.

Попробуй побольше сосредоточиться—введи с совершенно-летием арифметическим больше возмужалости.

В гармонию жизни входят и любовь, и искусство, и наука, и пуще всего широкая гуманность — чем больше и богаче все это перемешано, тем полнее жизнь. А сделаться каким-нибудь Вертером — бедно.

Пиши обо всем, что хочешь.—Я, разумеется, вперед предполагаю святую откровенность и непоколебимое доверие—но вынашивай больше в себе

и затем прощай.

А. Герцен.

А что насчет Прево будет ответ или нет?

20. А. А. ГЕРЦЕНУ

10 марта (27 февраля) 1860 г. Фулем.

10 марта 1860. Park House.
Fulham.

Любезный Саша,

и новое письмо твое меня сильно огорчило. Ты не понимаешь ни меня, ни жизни... идешь увлечениями и дошел до безумия — жениться в 20 лет. Изведал ли ты свое чувство, был ли у тебя искус, выработал ли ты годами, искушениями закал твоему чувству? Ничего подобного, — *второгодичный* студент женатый — в pendant² к твоему товарищу из милиции. Жизнь, начинающаяся с конца, — жизнь без борьбы... Семейная жизнь — гавань, а тебе надобно плыть.

Да тут замешан и не ты один: ты влечешь в нелепый (по летам) брак девушку. Ну, а если ты через два года ее разлюбишь? Где доказательства твоего твердого постоянства?—И что мы за немцы—зачем все Фогты знают это? Сильное чувство—сильно скромно и не высказывается... Я тут вижу ряд несчастий для тебя и для себя, а потому, как друг и как отец, я тебе скажу со всею откровенностью мое мнение. Я считаю безумием и патентом на пошлую или несчастную жизнь — жениться студентом 20 лет. Если ты в самом деле имеешь истинное чувство, то оно проживет и до 25. Раньше 25—я, что касается до меня, *не дам моего согласия*, и это потому, что моя совесть, мой опыт и мой разум согласны. Нетерпеливые чувства подозрительны. Для того чтоб испытать себя, сделай усилие над собою и жертву,—

¹ неопределенное, пустое (франц.); ² в дополнение (франц.).— *Ред.*

жертву не одной любви ко мне, но доверия,—так как мною не руководит в моем мнении об этом никакая мысль, кроме твоего счастья (которое ты должен взять в свои руки, но по крайней мере не ранее, как сойдя с ученической лавки и взглянувши на свет), то ты и прими это за последний совет—и за совет неизменяемый. Жалею, что я не могу старушке Фогт рассказать что я пишу, она поняла бы меня — я уверен. Я столько же говорю для близкой ей девушки, как для тебя. Нелепость, комизм—начинать первую главу жизни браком — бросается в глаза.

Не говорю уж о том, какой гибельный пример для Таты, — тогда и ее воспитание окончено и почему же ей не идти замуж 16 лет.

Ты думаешь, что я сержусь за то-то и за то-то, например, что ты не едешь (не зная, можно ли возвратиться, я бы и опыта не сделал) в Россию, — совсем нет. Я сержусь, что все здание, которое я строил в мечтах о вашей жизни, мало-помалу осаживается, а может, и рухнет... и пойдете вы маленькими тропинками... А какое же на это доказательство — да вот, например: сколько я ни толковал, а ты не чувствуешь, что в России идет борьба и что эта борьба отталкивает слабых, а сильных именно потому и влечет она, что эта борьба насмерть. Что ты ссылаешься на письмо в «Кол<окол>» — разве он его окончил тем, чтобы бежать или лечь спать? Он его окончил боевым криком.

На днях будет в Берне Серно-Соловьевич (брат того, который приезжал в прошед<шем> году)—посмотри на упорную энергию его, это тот самый, который был у Александра II и написал ему, что дело освобождения не идет.

Что ты (хотя это и непростительно) не знаешь России и не имеешь интереса — это еще понятно; но что ты отворачиваешься от борьбы — это странно.

Мне казалось, что я в прошлом письме к тебе писал, что ты скверно делаешь, что не пишешь к Тате.—Что ты не исполнил моего желания—свидетельствует о той же распущенности, о которой я писал.

Прощай.

21. Л. ФОГТ

13 (1) марта 1860 г. Фүлем.

13 März 1860. Park House.
Fulham (London).

Hochgeschätzte Freundin,

Ihren Brief habe ich mit Rührung und Dankbarkeit gelesen. Ihre edle und liebende Seele kannte ich schon längst. Sie haben mir einen neuen Beweis gegeben. Ich werde Ihnen ganz aufrichtig meine Meinung sagen. Ich schätze so hoch die individuelle

Freiheit, daß ich weder in meinem Sohn, noch in einem andern, sie durch Zwang begrenzen will. Aber das erste, was ich für die Freiheit fordere — das ist die Mündigkeit, — die Festigkeit des Mannes — und das hat Alexander nicht. Sie haben vortrefflich die Bemerkung gemacht, daß er — wie *verlassen war* in Genf, so war es auch in London. Das tätige Männerleben — war ihm etwas zu rauh.

Der Tod meiner Frau — beraubte Alex<ander> von der sanften Mitte, und die innere Fülle war noch nicht entwickelt. Ein großes Glück — daß er Sie traf. Aber — Sie müssen — ich sage es aufrichtig und offen — noch mehr für ihn machen.

Ich glaube nicht an die ungeprüften Leidenschaften, ich zweifle an der Festigkeit von den jugendlichen Hinreißungen. Nur derjenige hat das Recht — welcher beharrt, welcher errungen hat.

Was leicht kommt — geht nicht in die Tiefe. Aber bringt leicht zum Unglück. Wenn Sie meiner Meinung sind — dann werden Sie, hochverehrte Freundin — meinen Entschluß billigen. Ich kann, ohne Alex<ander> und meine Überzeugung — zu verraten — ihm keine Einwilligung <geben> frei in dieser Sache zu handeln — bis er *almeno* 25 Jahre alt ist.

Das ist sogar kein neuer Gedanke in mir. Ich sprach mit ihm vor seiner Reise — daß ich ganz anders das Erbrecht verstehe, als man dieses tut. Nämlich — ich glaube an die Gerechtigkeit dem Sohn nach 21 Jahr — sein Gehalt progressiv zu vermehren bis 25 Jahre — und da seinen Teil ihm austeilen — und das materielle Band des Vermögens und des Wartens zwischen dem Sohn und Vater zu lösen.

Geben Sie mir Ihre Hand zur Stütze — und Sie werden eine neue Wohltat für Alexander machen.

Um 25 Jahr — lege ich sein Geschick in seine Hände. Meinen Rat werde ich auch dann geben, meine Meinung auch dann aussagen — aber kein Veto *suspensif* — setzen.

Er würde mich sehr betrüben, sehr unglücklich machen, sollte er anders handeln wollen.

In diesem religiösen Warten liegt eine große, reine Poesie — und wenn die Leidenschaft nicht *viable* ist, und früher vergeht — ein großes Glück, das schrecklichen Unglücksfällen vorbeugt.

Dazu noch eins — die schöne Jugend, des «Lebens Mai» — das geht zusammen mit Liebe, aber nur in der vollen reinen Freiheit. Ein verheirateter Jüngling — ist beinahe so eine Karikatur — als ein Greis mit einem Kinde vermählt oder *vice versa*.

Das Familienleben — ist ja ein Hafen, eine Ruhe, eine Beschließung — und kein Prolog, keine Bahn.

Ein Unglück für Alex<ander> — daß er nicht die Leidenschaft hat — sich in die Kämpfe der Gegenwart zu werfen, die Lust

des Hineingreifens — das nimmt nicht ab die Leidenschaft, aber zügelt sie und dominiert.

Da ist meine ganze Meinung. — Ich danke Ihnen noch und noch einmal im Innersten meiner Seele.

A. H e r z e n.

Ich würde bitten diesen Brief Ihrem Gemahle — den ich aufs höchste achte — zu zeigen. Ich möchte seine Meinung kennen lernen.

П е р е в о д

13 марта 1860. Park House.
Фулем (Лондон).

Высокочитимый друг,

ваше письмо я прочитал с волнением и благодарностью. Вашу благородную и любящую душу я знал уже давно. Вы дали мне новое тому подтверждение. Я выскажу совершенно откровенно свое мнение. Я так высоко ценю личную свободу, что не хочу насильственно ограничивать ее ни в своем сыне, ни в ком-либо другом. Но первое, чего я требую от свободы, — это зрелость и мужская твердость характера, — а этого у Александра нет. Вы очень справедливо заметили, что в Женеве он был словно *потерянный*, таким же был он и в Лондоне. Деятельная жизнь самостоятельного мужчины оказалась ему не под силу.

Смерть моей жены лишила Александра любящей среды, а полнота внутренних чувств в нем еще не раскрылась. Большое счастье, что он вас встретил. Но вы должны — я говорю это искренне и открыто — еще больше для него сделать.

Я не верю в непроверенные страсти, я сомневаюсь в прочности юношеских увлечений. Только у того есть право, кто проявил упорство, кто завоевал его.

То, что легко достается, не пускает глубоких корней. Но легко приводит к несчастью. Если вы того же мнения, тогда, высокочитимый друг, вы одобрите мое решение. Я не могу, не предав Александра и не изменив своим убеждениям, предоставить ему свободу действия в этом деле, пока ему не исполнится almeno¹ 25 лет.

Эта мысль совсем не нова для меня. Я говорил ему до его отъезда, что совсем иначе, чем это принято, понимаю право наследования. Именно: я полагаю справедливым после 21 года до 25 лет увеличивать содержание сыну, а затем выделить ему его долю, прервав материальную связь и зависимость между сыном и отцом.

Протяните мне руку помощи — и вы окажете Александру новое благодеяние.

¹ по крайней мере (итал.). — Ред.

Когда ему исполнится 25 лет, я отдам его судьбу в его собственные руки. Советы и тогда я буду ему давать, свое мнение буду и тогда высказывать, но не буду отменять его решения, навязывая свое вето *suspensif*¹.

Он бы меня очень огорчил и сделал бы несчастным, если бы ему вздумалось поступить иначе.

В этом религиозном ожидании заключается большая, чистая поэзия, а если страсть оказывается не *viable*² и проходит раньше, — великое благо, что предотвращено большое несчастье.

И еще одно: прекрасная молодость, «май жизни» — неотделимы от любви, но только при условии полной, чистой свободы. Женатый юноша — это почти такая же карикатура, как старец, помолвленный с ребенком, или *vice versa*³.

Семейная жизнь — это пристань, тихое убежище, завершение — но не пролог, не начало пути.

Несчастье Александра в том, что у него нет желания ринуться в битвы современной жизни, нет захватывающего стремления глубоко в них окунуться; желание участвовать в такой борьбе не уменьшает страсти, но сдерживает ее и подчиняет себе.

Вот все, что я думаю. — Я благодарю вас еще и еще от всей души.

А. Герцен.

Я бы просил вас показать это письмо вашему супругу, которого я тоже очень ценю. Я хотел бы знать его мнение.

22. А. А. ГЕРЦЕНУ

15 (3) марта 1860 г. Фулем.

15 марта. Park House.
Fulham.

Любезный Саша,

начни с того, что скажи *Mme Vogt*, что я на ее первое письмо уже отвечал третьего дня и что в моем мнении весь мой ответ — откровенный и полный. Ты, друг мой, как всегда, вполнину понимаешь, что я говорю, торопишься отвечать, торопишься писать.

Неужели ты не понял то мужественное, твердое мнение, которое заставило меня остановить и сентиментальность и чисто немецкую болтовню? Да, ты говорил в предпрошлом письме — именно об браке. И потому я отвечал об браке — отвечал с горестью и досадой, видя студента, юношу 20 лет, говорящим о самой тяжелой цепи в жизни.

¹ отсрочивающее (франц.); ² долговечной (франц.); ³ наоборот (лат.). — Ред.

Какое особенное доверие могу я иметь к твоему сердцу, когда полгода тому назад ты мне сделал иное признание. Сказал ли ты это М^{ме} V<ogt>?

А оттого, что все это идет легко—оттого и мысль брака, которая на юношу наводит ужас, для тебя, как даровое и легкое последствие, составляет мечту.

Я женился 26 лет, оттого что надобно было спасти N<atalie> от княгини, — читай в «Былом и думах». Я женился человеком, твердо стоявшим на своих ногах, испытанным не только школу—но тюрьму.

Если ты только мне хотел доверить тайну, то оборот твоего письма дурен и о браке не следовало поминать.

Насчет твоего приезда я согласен; но, желая тебя всеми мерами приучить к тому, чтоб ты знал, что есть *лишениа*, ты должен оба пути заплатить из жалованья. К тому же я требую, чтоб ты это держал под секретом от Таты, чтоб ей сделать сюрприз—а мне напиши число, когда выезжаешь, и, между прочим, приезжай не ночью, а то сюрприз не удастся.

В заключение повторяю, что если и в 25 лет ты меня спросишь, я тебе и тогда скажу: я даю тебе полную волю, но не нахожу причины радоваться, что ты так рано подрезываешь себе крылья.

P. S. Сколько езды от Берна до Гейдельберга? Ты мог бы захватить к Тат<ьяне> Петр<овне>, она там с двумя сыновьями.

23. Э. РИВ

19 (7) марта 1860 г. Фулем.

19 mars. Park House.
Fulham.

Chère mademoiselle Reeve,

Je vous remercie beaucoup pour votre bonne attention, pour tant je vous avoue — que j'ai déjà lu les deux articles (comme tous les N^o de l'*Espérance*).

Cette feuille, il me semble, a le même défaut — comme la *Tribune des Peuples* — qui paraissait en 1849 à Paris. C'est qu'avec des idées avancées il y a un certain bonapartisme — et ces deux éléments ne se soudent pas.

Il y a des cas dans lesquels on peut employer des poisons comme médicaments — mais toujours savoir que c'est du poison.

Depuis l'étrange ivresse qui a tourné les esprits du temps de Napoléon I — les hommes ne peuvent se dégriser.

C'est bien dommage qu'il m'est impossible de vous envoyer — un long article sur la Pologne — que je viens de publier dans la

Cloche en langue russe — c'est ma profession de foi par rapport à cette question.

Chez nous en Russie le vent a tourné à la réaction. Pauvre homme — ce tzar Alexandre — quelle position le hasard lui a jetée — sans aucun mérite de sa part — et il perdra tout.

Je suis comme toujours avec les sentiments du plus profond respect pour vous — et cela bien sincèrement.

A. H e r z e n.

Mlle Meysenbug est à Paris — et dans le grand monde — elle a fait la connaissance de Guizot, Odillon Barrot, V. Cousin etc., etc.

Перевод

19 марта. Park House.
Fulham.

Дорогая мадемуазель Рив,

очень благодарю вас за доброе внимание, но не скрою от вас, что я уже читал обе эти статьи (как и все номера «*Espérance*»).

Эта газета, мне кажется, имеет тот же недостаток, что и «*La Tribune des Peuples*», выходявшая в 1849 году в Париже. Дело в том, что наряду с передовыми идеями в ней есть известный бонапартизм, — а эти два элемента несоединимы.

Бывают случаи, когда можно применять яды в качестве лекарства, — но всегда при этом надо помнить, что это яд.

Со времени того страшного опьянения, которое вскружило головы при Наполеоне I, — люди все еще не могут отрезвиться.

Очень жаль, что я лишен возможности послать вам большую статью о Польше, которую я только что опубликовал на русском языке в «*Колоколе*», — это мое исповедание веры в этом вопросе.

У нас в России подул ветер реакции. Несчастный человек этот царь Александр: какое положение случай ему предоставил без каких-либо заслуг с его стороны, и он все погубит.

Остаюсь, как всегда, с чувством самого глубокого уважения к вам — и это очень искренне.

A. Г е р ц е н.

Мадемуазель Мейзенбург сейчас в Париже, и в большом свете — она познакомилась с Гизо, Одиллоном Барро, В. Кузеном и пр. и пр.

24. А. А. ГЕРЦЕНУ

20 (8) марта 1860 г. Фулэм.

Письмо отдай сейчас и, отдавая, прибавь: «Я так мало имею веры в моего отца, что я задержал письмо».

20 марта.
Park House. Fulham.

23 mars 1860.
Park House.

Cher monsieur Proudhon,

Je viens de recevoir votre lettre et je me mets de suite à vous répondre. Je vous remercie franchement pour l'invitation que vous me faites de contribuer par quelque travail à la Revue.

Il faut pourtant vous dire que moi et mon ami Ogareff — nous sommes extrêmement occupés (nous avons la *Cloche*, l'*Etoile Polaire* et les *Voix de la Russie* ... tout cela doit être corrigé par nous deux, et quant à la *Cloche* et l'*Etoile* les articles de fond sont écrits par nous). — Mais voilà ce que je vous propose — une traduction (arrangée pour le public français) d'une série de lettres sur la Russie et la Pologne. Ces lettres seront des réponses à trois ou quatre articles publiés par des Polonais à Paris. — Il faut vous dire la pensée de ces lettres. Pour moi la Pologne représente la *vieille civilisation* dans le monde slave, et cela dans toute sa beauté tragique, avec tous les avantages du malheur, — avec de grands souvenirs, avec des aspirations de liberté, de catholicisme (éclairé!), d'aristocratie (radicale!) — tout cela est beau, mais tout cela n'est pas viable. Nous, les Russes, — nous haïssons notre double passé: — la tradition Moscovite et la *statistique* de Pétersbourg, — nous sommes les *gueux* du genre humain, notre race est mêlée avec des Tartares, des Finnois, des peuples Turaniens. La civilisation occidentale nous devient haïssable dès qu'elle hésite à franchir le ruisseau pour entrer dans le socialisme. Le peuple — le moujik, le dissident, l'homme des champs — n'a rien de commun avec Pétersbourg. Notre aristocratie — ce sont des *Tartares promus au rang d'Allemands*. Le peuple apporte en place du *droit au travail* — le droit gratuit à la terre, l'organisation communale, le partage de la terre, la possession en commun et les associations ouvrières.

Si cela vous va, je me mettrai à l'œuvre pour traduire. Mais depuis que je suis à Londres, j'ai oublié le français, il faut corriger le style, l'orthographe.

Je parlerai de la Revue dans la *Cloche* — on vous aime, on vous admire en Russie. Vos ennemis en Russie — ce sont les économistes, les hommes du «laisser-faire» absolu, les libéraux — de la nuance Lamartine — Odillon Barrot — mais c'est un énorme plaisir d'être haï par ces crétins.

Avez-vous un prospectus de la Revue? Je l'insérerais dans la *Cloche*. Si vous mentionnez les noms des collaborateurs, mettez aussi le mien. Ogareff (il s'occupe plus spécialement de l'organisation communale, économique et administrative en Russie)

qui est un des hommes les plus éminents, veut aussi vous envoyer quelque chose et, avant, vous écrire.

Je vous serre la main avec amitié, sympathie et estime.

Alex. H e r z e n.

Notre Louis XVI d'Alexandre, nous boudant, est un de nos lecteurs constants. Il y a un mois, il a écrit sur le rapport du ministre de l'Intérieur: «Il y a plus de deux semaines que j'ai lu cela dans la *Cloche*». Il devient fou maintenant, il y a des arrestations et un procès politique — le 1-^{er} de ce règne.

П е р е в о д

23 марта 1860.
Park House.

Дорогой господин Прудон,

только что получил ваше письмо и тотчас же берусь за ответ. Искренне благодарю вас за сделанное мне предложение внести свой вклад в ваше *Revue*.

Надо однако сказать вам, что я и мой друг Огарев — мы чрезвычайно заняты (у нас на руках «Колокол», «Полярная звезда» и «Голоса из России»... — все это мы вдвоем должны редактировать, а что касается «Колокола» и «Полярной звезды», то передовые статьи для них мы сами же и пишем). Но вот что я вам предлагаю — перевод (обработанный для французских читателей) серии писем о России и Польше. Эти письма будут ответом на три или четыре статьи, опубликованные поляками в Париже. Надо вам изложить основную мысль этих писем. Для меня Польша представляет собой *старую цивилизацию* в славянском мире — притом во всей ее трагической красоте, со всеми преимуществами, которые дает несчастье, — с великими воспоминаниями, стремлениями к свободе, к католицизму (просвещенному!), к аристократии (радикальной!) — все это прекрасно, но все это нежизнеспособно. Мы, русские, мы ненавидим наше двойное прошлое: московскую традицию и петербургскую *статистику*, мы *безродные* в семье человечества, наша раса смешалась с татарами, с финнами, с туранскими народами. Западная цивилизация становится для нас ненавистной, как только она колеблется перейти Рубикон и вступить в социализм. Народ — мужик, раскольник, землепашец — не имеет ничего общего с Петербургом. Наша аристократия — это *татары, возведенные в ранг немцев*. Народ выдвигает вместо *права на труд* — право на землю без выкупа, общинное устройство, раздел земли, общинную собственность и промысловые объединения.

Если это вам подходит, я засяду за работу, чтобы сделать перевод. Но с тех пор, как я живу в Лондоне, я позабыл французский язык, надо будет исправлять стиль, орфографию.

Я буду писать о вашем Revue в «Колоколе» — вас любят, вами восхищаются в России. Ваши враги в России — это экономисты, сторонники абсолютного «laissez-faire», либералы оттенка Ламартина — Одиллона Барро; но это ведь огромное удовольствие — быть ненавидимым такими кретинами.

Есть ли у вас проспект вашего Revue? Я бы напечатал его в «Колоколе». Если вы указываете имена ваших сотрудников, назовите и мое. Огарев (он занимается преимущественно общинным, экономическим и административным строем России) — один из самых выдающихся наших деятелей — также желает послать вам кое-что и, предварительно, вам напишет.

Жму вашу руку дружески, с симпатией и уважением.

Алекс. Герцен.

Наш Людовик XVI, Александр, хоть и дуется на нас, — один из наших постоянных читателей. Месяц назад он написал на докладе министра внутренних дел: «Более двух недель тому назад я уже читал об этом в „Колоколе“». Теперь он совсем безумел: идут аресты и политический процесс — первый в это царствование.

26. А. А. ГЕРЦЕНУ

30 (18) марта 1860 г. *Фулем.*

30 марта. Park House.
Fulham.

Любезный Саша, окончим эту переписку; она мне очень тяжела, и я вижу, что надобно много времени, чтоб ты оценил и понял мое воззрение. До тех пор будем писать о других предметах. Я повторю тебе одно, что когда я говорю о 25 годах, я разумею 25 лет, а не 24, не 23, не 22... и потому я не понимаю, почему ты говоришь: «3, 4... года»... Бесплезность писем моих ты доказал тем, что, сделавши поступок, глубоко оскорбивший меня — т. е. произвольно остановивши отдачу письма М^{ме} Vogt — ты имел твердость не попросить прощения, не раскаяться. Мне это больно. Я в этих случаях больше делаюсь сосредоточенным в себе — и чувствую кругом какую-то степь.

Что М^{ме} Vogt не поняла моего письма, я тоже не понимаю. Слово *брак*, так не свойственное юноше, поразило меня в твоём письме; *новая любовь*, вдруг заменившая *вчерашнюю*, и ранний брак — все это испугало меня. Я пишу ей: без искуса, закала нет ничего прочного; говорю мое воззрение на жизнь — она не понимает.

Natalie едет на Рейн между 15 апр(еля) и 25. У Ольги была daily gover(ness)¹ — прескверная, не знаю, что делать. Мейзенбург зовет ее на шесть месяцев — в Париж — с детьми Швабе и Кобдена. Может, я и соглашусь. Досадно, что нет возможности оставить Лондон, он надоел ужасно. С присоединения Ниццы и Савойи — Девили и Боке стали еще хуже... Но поставленные на часы — должны стоять. Влияние наше в России растет и растет. Там явно готовятся бури. В трех университетах арестовали студентов и несколько профессоров — в том числе и Каченовский.

Затем прощай и будь здоров.

Рукой Н. А. Герцен:

Милый мой Саша,
есть кое-что тебе рассказать. Ты знаешь, что Татьяна Петровна придет с детьми в Ventnor и мы к ним поедem в конце мая.

У меня секрет, но теперь я тебе его не расскажу, — может быть, в следующем письме, после шестого апреля.

У нас был русский, который тебя видел в Женеве. Он нашел, что я очень похожа на тебя и расхвалил меня Кельсиеву, говорит, что я говорю хорошо, по-русски.

Я все еще езжу верхом, вчера я два часа ездила. Надеюсь, что до мая хорошенько выучусь, так чтобы могла в Ventnor ездить.

Но как все у нас устроится. Ты знаешь, что Натали уезжает, может быть, на шесть месяцев. Mlle Meysenbug предложила Папе взять Ольгу в Италию на это время. Папа почти согласился, потом Татьяна Петровна предложила меня взять, по Европе погулять. Она мне пишет иногда и тебя называет Шушкой. Недавно я получила от ней премилый браслет.

Ну, прощай, милый Саша, крепко тебя целую, будь здоров и весел.

Твоя Т а т а.

Что же твой секрет? помнишь, ты говорил, что весною...

27. А. А. ГЕРЦЕНУ

6 апреля (25 марта) 1860 г. Фулем.

25 марта
6 апреля 1860. Park House.
Fulham.

Письмо твое получил я сегодня утром. Рожденье не празднуется на этот раз. Хотел для детей что-нибудь сделать, да все заперто — великая пятница. Тата подарила мне очень мило нарисованную масляными красками головку с бюста — и ее подарок brille² отсутствием других. Впрочем, Ольга вышила что-то.

Что и как не совсем легко устроить, — Natalie едет на Рейн. Тат(ьяну) Пет(ровну) я увижу в Isle of Wight. Мейзенб(уг)

¹ проходящая гувернантка (англ.); ² блистает (франц.). — *Ред.*

будет сюда, кажется, к 1 мая. Я сделаю все, что могу, все, что считаю хорошим, вовсе не думая о том, что мне бы было приятнее... Не люблю я всех отъездов, потому что прикован к Англии, потому что будущее исполнено туч. Швейцарской войны, разумеется, не будет без общей коалиции, т. е. австро-германской. Где же Швейцарии с ними бороться. Ну что ж К. Фогт говорит? Я попроницательнее его определил этого господина.—В Алекс<андра> II, разумеется, никто не стрелял, а что там волнение между дворянами страшное, это правда. И уже это волнение меняет характер и из олигархического делается конституционно-либеральным,—так что они становятся к нам ближе, чем Алекс<андр> II.

«Колокол» продолжает делать фурор. В Одессе—на публичном обеде в честь Московск<ого> университета—один г<осподин> предложил этот странный тост: «За отсутствующих студентов Москов<ского> ун<иверситета>». Все поняли, что это был тост за Огар<ева> и меня, встали и пили—с разными «ура» et cetera.

Ручкой Н. А. Герцен:

Милый мой Саша,
новость, что может быть скоро поступишь в солдаты, меня очень огорчает. Утешаюсь надеждой, что не будет войны и что ты все-таки не поступаешь как простой солдат, а как хирург, это все-таки безопаснее.

Натали только что получила письма из России, Елена уже <в> Москве. Не знаю, как все устроится, ничего не решено.

Папино рождение прошло очень тихо. Я начала писать масляными красками, я больше месяца училась по секрету от Папы и для него маленький бюст срисовала.

Верховая езда идет, кажется, хорошо.

Прощай, крепко, крепко тебя целую, будь здоров и весел.

Твоя Т а т а.

Кланяйся от меня Эмме.

28. М. К. РЕЙХЕЛЬ

9 апреля (28 марта) 1860 г. Фулем.

Да-с, это вопросец-с ... где Тат<ьяна> Петр<овна> или кто-нибудь из русских, все толкуются, бегают из угла в угол. Кто теперь сыщет Марью Алекс<андровну>...

Думали ли, что день моего рождения в Берне у Фогта Саша делал праздник — и на нем была — отгадайте — Татьяна Петровна. А адрес ее теперь:

Hippolitte Alexandroff.

Genève. Poste restante.

Я начинаю думать, что (если вы еще при желании оном), то можно в самом деле устроить визит к вам Таты.

Сатины в Москве, к 1 мая, вероятно, Нат(алья) Ал(ексеевна) соберется. Она бы довезла ее до Швейцарии — там можно распорядиться, но мне для этого нужно знать, когда Тат(ьяна) Пет(ровна) поедет в Isle of Wight, — чтоб ее паки и паки в Енгланд привезти.

Вы слышали, что не только Каченовс(кого), но и Павлова — арестовали. В Твери — Головачев сидит на гауптвахте. Каков Сашенька!

Бумаг еще не получил.

Вчера мы были на открытии новой русской типографии — Чернецкого. Каково-с.

Целую Рейхеля, и вас пожалуй, и детей.

Прощайте.

А. Герцен.

9 апре(ля). Park House.
Fulham.

29. П. В. ДОЛГОРУКОВУ

12 апреля (31 марта) 1860 г. Фулем.

12 апреля 1860. London.
Park House. Fulham.

Почтеннейший князь,

спешу благодарить вас от себя и Огарева за вашу присылку — и жду с нетерпением продолжения. Мне жаль, что вы не выставили почтенные имена — отцов отечества, — пора им знать, что занавесь отдернута и их в Европе знают. Мне кажется, что вы очень хорошо делаете, что печатаете по-французски — они этого боятся как огня, и Могу прочтает и, пожалуй, принцесса Матилда. Известна ли вам безобразная история с Головачевым (корчевским помещиком), которого посадили на три месяца на гауптвахту за грубое письмо к губ(ернскому) предводителю, заменившему Унковского, который хотел уничтожить университетские стипендии, вотиروанные дворянством, — и это делают лучшие люди в министерстве — «Нестор» Ланской и «либерал» Милютин!

Известно ли вам, что петербургские газеты возвестили о том, что вы печатаете книгу, — что это либерализм или желание указать... Недавно читал я ваши записки об Италии — конечно, цензура теперь гораздо гуманнее — она даже позволила сказать, что вы желали видеть Гарибальди. А propos — когда Гарибальди говорил Кавуру слова, переданные вам Кавуром, — он был в ссоре с Маццини и как человек итальянского темперамента сильно бранил его. Теперь он не так смотрит на него. Я знаю обоих — и одного довольно коротко. Оба они

чистейшие деятели. Позвольте обратить ваше внимание на их характеристику в V кн<ижке> «Поля<рной> звезды» — если у вас ее нет, потрудитесь взять у Франка, а ему Трюб<нер> пришлет — в замену.

Назначение Панина — свидетельствует о размягчении мозга у государя, его речь (она будет в «Колоколе» 15 ап<реля>), т. е. Панина, — памятник бездарной тупости.

Засим еще раз благодарю вас и желаю, чтоб добрые намерения ваши нашли отзыв на нашем Севере. Мы работаем — насколько сил и любви есть. Н. П. Огарев свидетельствует свое почтение.

Преданный вам

А. Герцен.

30. К. ФОРТУ

13 (1) апреля 1860 г. Фулем.

13 avril 1860. Park House.
Fulham.

Cher ami,

Je vous présente deux de mes amis — M. Serno-Solovievitch et M. Borchtchoff — recevez-les avec votre bonté générale et votre amitié spéciale. M. Borchtchoff doit vous intéresser immensément — au moins à Paris l'Académie l'a fêté géologiquement. — Il a passé 3 ans comme naturaliste au bord de la Mer Caspienne — botaniste, géologue etc.

Vous avez fait la connaissance de Mme Passec. J'en suis enchanté sur mes vieux jours.

Je pense que Tata — qui est maintenant une grande demoiselle — ira avant moi à Genève. Nous sommes tellement cloué<s> avec notre *Cloche* — que je ne sais quand je pourrai quitter ce sacré Londres.

Il y a q<uel>q<ues> semaines M. Armand Levy — a été chez moi, proposant de prendre part à l'*Espérance* — il m'a dit qu'il vous connaît. Comment veut-il que j'aille écrire dans un organe bonapartiste, qui a Golovine — pour courrier russe. Regardez ce qu'il leur écrit.

«J'aime ma Xième. légion!» — Je suis très content de la Suisse — c'est un exemple à ces crétins timorés.

Adieu — cher Vogt — que Dieu vous préserve des annexations, amputations.

Tout à vous

A. Herzen.

На обороте: Monsieur Charles Vogt. Plein Palais près Genève.

13 апреля 1860. Park House
Fulham.

Дорогой друг,

представляю вам двух своих друзей — г-на Серно-Соловьевича и г-на Борщова — примите их с присущей вам добротой и особым радушием. Г-н Борщов должен вас чрезвычайно заинтересовать — по крайней мере в Париже Академия чествовала его геологически. — Он провел 3 года в качестве натуралиста на берегу Каспийского моря — был ботаником, геологом и т. д.

Вы познакомились с госпожой Пассек. Я очарован ею на старости лет.

Я думаю, что Тата — теперь совсем уже взрослая девушка — поедет раньше меня в Женеву. Мы так прикованы к нашему «Колоколу», что не знаю, когда мне удастся покинуть этот проклятый Лондон.

Несколько недель назад г-н Арман Леви явился ко мне с предложением принять участие в «Espérance» — он сказал мне, что знает вас. Как же он хочет, чтобы я стал писать в бонапартистском органе, в котором Головин состоит русским корреспондентом. Посмотрите, что он им пишет.

«Я люблю свой X-ый легион!» — Я очень доволен Швейцарией — это пример для этих забытых кретинов.

Прощайте, дорогой Фогт, да хранит вас бог от аннексий и ампутаций.

Весь ваш

А. Герцен.

На обороте: Господину Карлу Фогту. Plein Palais близ Женевы.

31. М. К. РЕЙХЕЛЬ

16(4) апреля 1860 г. Фулем.

16 апреля. Park House.
Fulham.

А вы зачем же не пишете заблаговременно об X-ах? Нат<алья> Ал<ексеевна> хочет встретиться с С<атиными> где-нибудь в Германии, ждет их письма и собирается ехать морем около 1 мая. Наташа может приехать и позже, может пожить у Т<атьяны> Петр<овны> и с нею возвратиться в Isle of Wight — а также и в сопровождении Саши, напр<имер> к 1 августу. Но вы одна порядком отвечаете, ни от Т<атьяны> П<етровны>, ни от Мейзенб<уг> не могу добиться толком ответа. Вам все же надобно месяц, чтоб оправиться, и, стало, до 1 июня и речи не

может быть — постараемся. Кто же Ник(олая) Фил(ипповича) Павлова станет сажать в тюрьму? Разве кредиторы. Речь о киевском профес(соре) Павлове, который был здесь.

«Колок(ол)» посылаю сегодня, утешьтесь — моими ругательствами Панина.

Алекс(андр) II — совершенно сошел с ума. Нет, не по его плечам эта ноша.

Прощайте. Кланяюсь всем и всем.

32. Э. РИВ

18 (6) апреля 1860 г. Фулэм.

18 avril. Park House.
Fulham.

Chère mademoiselle Reeve,

On prépare maintenant un volume de mes articles politiques (1855—1860). La question polonaise — est déjà réimprimée. Au lieu de vous envoyer la *Cloche*, je vous envoie les feuilles. Votre ami ne sera pas content de notre radicalisme crasse et éminemment antibonapartiste. Le rédacteur en chef de l'*Espérance* a été chez moi — il a pensé que nous pouvons faire q(uel)q(ue) chose pour le journal — mais il y a une trop grande incompatibilité des principes.

Nous l'avons très bien su, dans quelle petite minorité nous nous trouverons. Mais le grand intérêt — de la *vérité objective* — l'a emporté. Et pourtant en Russie (vos amis peuvent vous dire) — notre voix pénètre de plus en plus et tout ce que nous imprimons est immédiatement vendu. C'est que le génie russe a une plus grande sympathie — vers le scepticisme le plus poignant que vers une religion sentimentale. Chez nous — dans la littérature, dans l'administration, parmi la noblesse surgissent des questions terribles — qui sont *résolues* partout. Mais résolues par des phrases ou par des articles de foi.

Le livre de Dolgorouky est assez bien. Beaucoup d'anecdotes concernant les galériens, qu'on appelle chez nous ministres, etc.

Il y a en Russie une grande réaction dans le gouvernement. Alexandre II a une grande puissance, une grande force — la force de la bêtise. Contre la stupidité il n'y a pas d'armes.

Portez-vous bien, chère mademoiselle Reeve — et ne m'oubliez pas.

A. H e r z e n.

18 апреля. Park House.
Фулем.

Дорогая мадемуазель Рив,

в настоящее время готовится том моих политических статей (1855—1860). Польский вопрос — уже перепечатан. Вместо «Колокола» посылаю вам эти листы. Ваш друг останется недоволен нашим крайним и в высшей степени антибонапартистским радикализмом. Главный редактор «Espérance» был у меня; он полагал, что мы можем что-нибудь сделать для его газеты, — но уж слишком несовместимы наши принципы.

Мы очень хорошо понимали, в каком незначительном меньшинстве мы окажемся. Но наше глубокое стремление к *объективной истине* взяло верх. И тем не менее в России (ваши друзья могут вам это подтвердить) наш голос доносится все дальше и дальше, и все, что мы печатаем, немедленно раскупается. Дело в том, что русский ум гораздо более склонен к самому горькому скептицизму, чем к какой-нибудь сентиментальной вере. У нас в литературе, в администрации, в среде дворянства то и дело возникают проклятые вопросы, которые разрешаются повсюду. Но разрешаются только фразами или догматическими выступлениями.

Книга Долгорукова довольно хороша. Много анекдотов о тех каторжниках, которых у нас называют министрами и т. д.

В России в правительстве — сильная реакция. Александр II обладает большой властью, большой силой — силой глупости. А против тупости нет оружия.

Будьте здоровы, дорогая мадемуазель Рив, и не забывайте меня.

А. Герцен.

33. А. А. ГЕРЦЕНУ

20 (8) апреля 1860 г. Фулем.

20 апреля. Park House.
Fulham.

На днях Марья Каспар<овна> издала в свет нового Рейхеля. Ей надобно порядком оправиться. До письма от нее и до ответа от Тат<ьяны> Петр<овны> ничего нельзя решить о Татином отъезде. Сатин в Петерб<урге> и еще не может выхлопотать паспорт. Мейзенб<уг> приедет 1 мая в Лондон — до 15, вероятно, все устроится.

Теперь я должен обратить твое внимание на ошибку, которую ты можешь сделать и которая меня огорчит. Почему и на каком основании ты пишешь, чтоб я Тату послал с Урихами,

да я вообще не знаю, с какой стати он приедет ко мне. Неужели ты до сих пор так мало меня знаешь, что можешь думать, что я из чего бы то ни было стал принимать и сближаться с каким-нибудь slaveholder'ом, и притом добровольным (не в наследство же ему досталось имение, как нам всем в России). Стало быть, ни после, ни прежде я с этими людьми ничего общего иметь не хочу, кроме внешней учтивости.

И это не все. Я того же требую от тебя. Ты должен открыто и просто заявить им свое мнение. Таких уступок люди не делают — помни об этом. Я знаю, что есть добрые люди, которые умеют ладить с богом и с чертом, но знаю и то, какую силу и какой покой дает нравственная чистота. Ни любовь, ни какое-иное чувство не дают права на такого рода уступки. Ты об этом очень подумай. Тут с моей стороны ты встретишь непреклонную волю. Преступления родителей не переходят на детей... но и не прощаются им за детей.

Неужели в Женеве есть партия, желающая присоединиться к Франции? Что ты не пишешь о К. Фогте? Он тоже перехитрил. Известна ли у вас книга «On Species» Darwin'a? Я тебе могу ее прислать.

Сюда приехал, т. е. прибежал, князь Голицын — с невестой, от живой жены, с певчим, учителем и гувернантой. Он удрал без паспорта и хочет здесь поселиться.

Засим на сей раз прощай.

Кланяйся старушке.

34. И. С. АКСАКОВУ

28 (16) апреля 1860 г. Фюлем.

Любезнейший Иван Сергеевич, пишу вам несколько строк, для того чтоб узнать, дошел ли до вас один лист «Кол(окола)» (последний), тогда я тотчас вам пришлю все. Бумаги, вами посланные, я получил. Боюсь по почте посылать назад. Пришлю лучше к книгопродавцу. Адрес влад(имирского) дв(орянства) очень хорош, и — что всего забавнее — мы его напечатаем с гнусным петербургским.

Страм и запустение, но ведь этот страм в правительстве и его аколитах. Я в литературе вижу тоже движение, вероятно, оно и в обществе продолжается. Надобно дать правительству и высшему слою выгнать.

Сегодня суббота — не хочу ждать до понед(ельника), и пора на почту. Вы меня одолжите, написав о получении.

Я и Огар(ев) дружески обнимаем вас.

Что же это Черкасский-то возится с розгами?

Я слышал, что Милютин совсем испортился. А пропос, вице-губ^{ер}натор^т тверской переведен с разными нахлобучками за ложные доносы на Уньковского, а Уньковский в ссылке.

Минис^тр Ковалевский отстоял, говорят, харьков^{ск}их студентов.

28 апреля 1860.

Park House.

Fulham.

Не забудьте снова приложить адрес, если вы куда едете.

35. А. А. ГЕРЦЕНУ

1 мая (19 апреля) 1860 г. Фулем.

1 мая 1860. Park House.

Fulham.

Любезный Саша,

я дольше обыкновенного не писал потому, что все еще жду у моря и жду погоды. Мейзенбург, которая писала ко мне часто без нужды, не отвечает по месяцу. Дела обстоят вот как: 1-е, паспорт Сатиным дали с условием не ездить в Англию; 2^{-е}, Nat^{alie} едет на Лейпциг etc. около 15; 3^{-е}, Мейзенбург должна приехать сегодня или завтра.

Вопрос, что выгоднее: ехать Тате теперь и возвратиться с тобой к 1 августа (т. е. два месяца с половиной) или ехать с Мейз^{ен}бур^г в Isle of Wight, ждать там Тат^{ьяну} Петр^{овну} и Мар^{ью} Александр^{овну} и в сентябре ехать к Мар^{ье} Кас^пар^{овне} месяца на два, — без Мейз^{ен}бур^г не решишь.

А пропос, Марья Александровна должна теперь быть в Берне — отыщи ее и скажи, что в Берне poste rest^{ante}¹ ее ждет письмо и что книгу я в Мюнхен послал, только русскую, — малороссийский текст не нашел. Кланяйся ей очень.

К тебе будет на днях Серно-Соловьевич — тот самый, который сделал два года тому назад такой шум и подал госуд^{ар}ю письмо, в котором объяснял ему, что дело освобождения не идет. Это человек необыкновенно благородный и весь преданный делу. С ним будет другой лев, — лев допотопной флоры Борщов, который привез с дна Каспийского моря растения, удивившие Парижскую академию — он также превосходный юноша.

Знакомство с такими людьми, уже сверх всего остального, важно для тебя — и откровением того, что такое молодая Рос-

¹ до востребования (франц.). — Ред.

сия, et comme un dérivative¹, оттягивающий немецкое влияние. Да и еще одну задачу ты тут увидишь: Борщов с головы до ног натуралист, а сколько страсти к общественному делу.

Оба — чистейшие представители хорошего слоя в России.

Урихи проезжали, были у меня (разумеется, я их адреса не знаю), я послал тебе книгу Darwin'a «On Species». Говорить ни теперь, ни потом не стану — я тогда писал — зачем же эта слабость повторения? Ты можешь быть уверен, что до твоего рождения, в котором мы выпьем бокал за твое 25., я действительно ничего не сделаю. У жены лицо злое, у сестры — безобразное, у него военное. Покупать негров — тоже дело скверное, но если они не имеют больше, я могу отпустить $\frac{1}{2}$ греха.

Дом для нас временный я нашел, для Ор<арева> и меня, — тот самый в углу, где мы с тобой были — Alpha Road, № 10.

Насчет прав опекунских и прочих дел, я думаю, всего лучше справиться в разных кодексах, если тебя это интересует, но отчего же это тебя интересует? Я не понимаю.

Затем прощай.

У Наташи голова болит.

Завтра второе мая.

36. Г. П. ДАНИЛЕВСКОМУ

1 мая (19 апреля) 1860 г. Фулем.

Посылаю вам билет в парламент на нынешний вечер и желаю насладиться видом Палмерстона и Росселя.

Искренно преданный

А. Герцен.

1 may 1860.

Park House. Fulham.

На конверте: Monsieur Danilevsky.

Panton Hôtel, Panton Street. Haymarket.

37. А. А. ГЕРЦЕНУ

2 мая (20 апреля) 1860 г. Фулем.

2 мая.

День кончины Мамаши.

У Таты опять болит голова. Надеюсь, что и ты провел этот день в воспоминаниях. Политика и Франция украли у меня даже и могилу.

¹ и как отвлекающее средство (франц.). — Ред.

Тат<ьяне> Петр<овне> напишу, как узнаю обстоятельно. А ты ей скажи, что «стыдно, мол, матушка, на старости—давать слабодушные советы». Разве я подчиняю мою деятельность каким бы то ни было видам? Алекс<андр> II себя ведет скверно — отчего же мне, единственному оппоненту его, не бранить его? На днях мне сказывали, что правительство думало мне предложить какую-то чудовищную сумму, чтоб не издавать «Кол<окол>», — и оно было так уверено, что опыт не удастся, что ничего не делало. Не на 48 году меняться, да и раскаиваться, что я так шел, нет нужды, кажется.

Второй № «Кол<окола>» для Мар<ьи> Алекс<андровны>.

38. М. И. ЖИХАРЕВУ

5 мая (23 апреля) 1860 г. Лондон.

5 мая.

Очень жаль, что вы не застали меня вчера. Завтра, в воскресенье, я с 5 часов дома и буду рад вас видеть и с вами обедать и потолковать. С нашими переездами и отъездами — мы всё в хлопотах. Пишу вам от Тхоржевского.

А. Герцен.

39. М. И. ЖИХАРЕВУ

7 мая (25 апреля) 1860 г. Фулем.

7 мая. Park House.
Fulham.

Никак не думаю, чтоб удалось урваться к вам. Итак, прощайте, — благодарю вас за доброе посещение и желаю одного, чтоб вы на будущее наше посветлее взглянули, — а настоящее я вам отдаю с руками, паниными и ногами.

Прощайте.

А. Герцен.

40. А. А. ГЕРЦЕНУ

12 мая (30 апреля) 1860 г. Фулем.

12 мая 1860. Park House.
Fulham.

Письмо твое получил. Одного обстоятельства я не понял, а потому прошу тебя разгадать загадку: что за отношение может иметь семейное счастье Тат<ьяны> Пет<ровны> к Марии Алек-

с<андровне> — мной сделанные предположения очень смешны. А что ты ее не нашел — это ничего не значит, и ты должен все-таки ее отыскать. Если есть одно религиозное чувство уважения, идущее вслед за поклонением самоотверженной преданности, то это уважение к благородным талантам. Если ты ее увидишь, то скажи, что ее «Червонный король» — гениальная вещь. Кстати, в «Колоколе» ты увидишь мою статейку в ее защиту.

Я не писал, потому что до сегодня не было ничего решено. Теперь я издаю следующий *ordre du jour*¹ или *ordre de l'été*². Тата поедет в Дрезден с Нат<альей> Ал<ексеевной>, вероятно, 20 мая. Ты приедешь в Дрезден в конце июля. 1 августа вы поедете вместе в Лондон или Вентнор. Я с Огар<евым> 22 мая живу: 10, Alpha Road, Regent's Park. Мейзенбург приехала. Она сделалась совершенной француженкой, мечтает о Париже, буа де Булонь е отр Лувр. Ольга будет у Швабе с ней — сначала в Лондоне, потом в Isle of Wight. Теперь остается устроить или свиданье или путь с Тат<ьяной> Петр<овной>.

Об этом я к ней сейчас напишу записку, а ты ее немедленно отошли.

Вчера явился ко мне, в усах и бороде, полуплешивый господин, дебелий и солидный — кто, ты думаешь? Петр Александрович — Петруша *sic dictus*³. Рассказывал разные разности о Егоре Ив<ановиче> о Химике etc. Он горит желанием тебя видеть.

Отчего же хорошо было бы Тату послать с Урихом? — Большая потеря времени, большая помеха тебе работать... и что ж бы она стала делать до 1 августа? С кем поехала бы в Дрезден?

Если Тат<ьяна> Петр<овна> останется в Германии месяцем дольше, то она может с Наташей приехать сюда и с тобой на вакации. Потом я придумаю, что делать.

Прощай.

Р. S. Узнай непременно, можно ли достать в Берне паспорт для проезда одного русского в Швейцарию через Белгию. Дело все-таки, что русское посольство ему не выдает пасп<орта> — ему кто-то сказал, что в Швейц<арии> легко получить. Отвечай поскорее.

На обороте: *Switzerland.*

Alexandre Herzen fils.

Aux soins de M. le Professeur Vogt
à Bern.

¹ распорядок дня (франц.); ² распорядок лета (франц.); ³ так называемый (лат.). — *Ред.*

41. Т. П. ПАССЕК

12 мая (30 апреля) 1860 г. Фулем.

Татьяне Петровне.

12 мая 1860. Park House.
Fulham.

Вот почему я давно не писал, почтеннейшая племянница и тетюшка Татьяна Петровна. Я ничего не знал положительного до приезда M^{selle} Meysenbug из Парижа. Наконец она приехала и вот диспозиция кампании 1860 года. (Если вы имеете возражения — пишите как можно скорее.) 1-е. Нат<алья> Ал<ексеевна> и Тата едут около 20 — прямо в Дрезден, не заезжая в Женеву, которую вы 22 покидаете. — А так как вы едете тоже в Германию — то, может, и сплшетесь как-нибудь. 2-е. Она останется у Мар<ьи> Каспар<овны> до конца июля. — Если вам все равно — приезжайте месяцем позже в Isle of Wight (кстати, там настоящее купанье начинается именно с конца июля). Тогда всего лучше вы возьмете Тату и Сашу с собой — а я на острове все вам приготовлю.

Что вы проповедуете Саше — что яслишком браню Александра II. Да ведь вся силенка-то моя хилая — на том основана, что я всегда говорю правду, и вот вам анекдот. Алекс<андр II> разогорчился моей статьей о Панине, приуныл — а потом все же сказал: «Колок<ол>» — один неподкупный голос.

Засим целую ваши ручки заочно и прошу вашего благословения навеки нерушимого.

А. Герцен.

Всем юным друзьям поклон.

Надпись для А. А. Герцена:

Отопли сейчас к Тат<ьяне> Петр<овне>.

42. М. К. РЕЙХЕЛЬ

12 мая (30 апреля) 1860 г. Фулем.

12 мая 1860. Park House.
Fulham.

Не писал я к вам давно не без причины — дело в том, что я ждал Meysenbug и без нее не мог ни на что решиться, а так: как вчера не только она приехала, но и Петр Александрович — Петруша — то я тотчас и сообщаю вам высочайшее решение по делу девицы Таты и соприкосновенных к ней лиц.

Ольга остается у Meysenbug — два месяца в Лондоне, два месяца в Isle of Wight и, быть может, зиму в Париже.

Нат(алья) Алекс(еевна) едет 20 (Сатины давно уж получили паспорт) — Тата едет с ней. Заметьте, что вы 22 мая 1852 — поехали с ней же... *Восемь лет!*.. в Париж. Стало быть, после 25 она прямо приедет к вам (я могу их задержать, если вы хотите, только пишите сейчас) — она может у вас остаться до конца июля, Саша или Тат(ьяна) Петр(овна) обязываются ее доставить к 1 августа в Дувр или Isle of Wight, об этом оппешмя.

Я и Огар(ев) — мы переезжаем после 20 в Сен Джонс Вуд. Вот наш адрес:

10, Alpha Road.

Regent's Park.

Вот вам вся программа на лето 1860 после Р. Х.

Ну что вы? Как оправились? Что baby? (это не ваву по-русски, а беби — по-английски).

Рукой Н. А. Герцен:

Милая моя Маша,

надеюсь, что теперь увидимся скоро, почти все решено, должно быть, мы уедем около 20 мая, итак, до свидания до конца мая. Ты не можешь себе представить, с каким нетерпением я жду день отъезда. Петруша был вчера у нас, мы с ним сейчас подружились, он попросил меня дать ему знать, когда я буду у тебя и когда Саша за мной приедет, тогда он тоже в Дрезден приедет с вами повидаться. С тобой я могу остаться до начала Сашиных ваканциях, т. е. до половины июля, он воротится со мной в Isle of Wight, где мы встретим Т(атьяну) Петровну, М(арью) Алексан(дровну) и, может быть, Петрушу.

Как твое здоровье, милая Маша? И что делает сынок?

Прощай, крепко, крепко всех вас целую.

Твоя Т а т а.

Петр Алекс(андрович) с бородой, полуплешивый, причесанный а л'емпрёр, говорящий в нос, а л'Алексей Александрович — напомнил былые времена...

Не слыхали ли вы чего о Марке Вовчке... пожалуйста, посплетничайте, я ужасно люблю. — А рgoros — имели ли вы случай читать ее «Червонного короля» — это гениально, хотите приплю — и «Накануне» приплю с Татой. Пишите скорее ответ. Рейхелю буду писать инструкцию о Тате — насчет картин, галерей, учителей.

Кланяюсь детям — старшим и новобеби.

На обороте: Germany.

Madame Marie Reichel.

Albrechtsgasse, № 8. Dresden.

14 мая. Park House.
Fulham.

Ведешь себя исправно — в Берлин приехал и пр. Разве в Берлине тоже общество чтения в пользу литераторов, их жен и мужей — открыто? Что будет Тургенев читать — сравнение «Отелло и генерала Кабреры»? — Отрывок из повести «Послезавтра», глава III «Четвертого дня»?

А читал ли ты семнадцатое письмо Лонгинова на тридцать вторую статью Селиванова («Моск^{овские} вед^{омости}»)?

О... Павел Васильевич, о!

Теперь ответы на твои вопросы.

Ответы: 1) 20 мая или 25 переезжаем: 10, Alpha Road, Regent's Park — в августе будем и в Isle of Wight и в Лондоне. — В Isle of Wight в Ventnor. Если поедешь, ступай в Esplande Hôtel — скажи, что знаком нам и Боткину, — там не ограбят.

2) Нат^{алья} Ал^{ексеевна}, Наташа едут в Германию. Ольга в Ventnor и Париж.

3) Саша в Берне — живет у Фогта. 1 августа поедет с Татой в Вентнор.

4) Приезжай в Лондон, когда хочешь. Программа наша тебе известна. Пишу две минуты по получении письма.

Рукой Н. П. Огарева:

Ты возвратился, благодатный! Да еще со штандпунктами. Это дело хорошее, т. е. я тебе бесконечно рад. А штандпункты много меняются, много надежд уходят, и скромная умеренность уходит за ними, и от сынов человеческих благодати не требуется. Да и всякую благодать всякий берет сам, мне кажется, что из этого штандпункта не выйдешь. А Василиса Петровна уехала по части искусства во Флоренцию. А Кашперов поставил в Милане «Marie Tudor» с большим успехом, на что Головин уже напечатал, что русские аплодировали, а итальянцы свистали. Также Голов^{ин} напечатал о своей жене, что беда гениальному человеку связаться с неразвитой женщиной. — Экой я вздор пишу; хотел ведь что-то тебе сказать преумное, да растерялся. Рад я тебе — вот и все. Да!.. Вина я больше не пью, и пива не пью, и учусь математике. Прощай, до свиданья. — Ну! куда тебе в Генф — лучший сезон в Лондоне, туман, голову давит так, что дух захватывает и полжизни страдаешь, и глуп непроходимо, зато ты здесь найдешь искреннюю дружбу и устрицы.

у братца!

«Кол^{окол}» сегодня вечером пошлю к тебе à l' hôtel de St. Pétersb^{ourg} в Берлин — он, стало, придет через день. Обрати внимание на то, как мы куснули «Библиотеку для чтения» — ты будешь, может, недоволен — тоже зашибал в Ларнурлар.

Униженно кланяюсь.

На конверте: *Germany.*

Herrn Paul Annenkoff.
A l'hôtel de St. Pétersbourg. Berlin.

44. П. В. ДОЛГОРУКОВУ

15 (3) мая 1860 г. Фулеме.

15 мая 1860. Park House.
Fulham.

Я буду душевно рад видеть вас, почтеннейший князь, у нас. Если вам свободно в среду от 4 до 6 или в четверг от 3 до 5 — я буду вас ожидать. Около того же времени мы оба почти всегда дома. Если я позволяю себе так по-английски назначать время — то это потому, что к 20 должен переезжать и отправляю детей в Германию — а это всегда сопряжено с хлопотами.

Мы живем — за Brompton, в Фуламе — по дороге к Путнейскому мосту. Дом знают все.

Усердно кланяюсь и остаюсь с истинным почтением

Ал. Герцен.

45. И. С. ТУРГЕНЕВУ

18 (6) мая 1860 г. Фулеме.

18 мая 1860. Park House.
Fulham.

Ты сделался Дон-Жуаном — тебя надобно искать в Байроне. Здравствуй — и здравствуй! Душевно рад, что ты приехал. Ты знаешь, вероятно, от Колбасина — что я вдруг вообразил себе, что ты на меня сердился. Но он меня вразумил.

Твоя «Первая любовь» — восхитительная вещь, зачем она попала в «Бард(ак) для чтения»?

Если тебе все равно — отложи на несколько дней поездку — у нас страшные хлопоты. Нат(алья) Алекс(еевна) и Тата едут 22 ... 24 — в Германию, Ольга отправляется в другое место. Я с Огар(евым) переезжаю 25 — вот новый адрес: 10, Alpha Road, Regent's Park.

Анненкова здесь нет, я ему писал в Берлин — зато здесь много Жеребцов (Н. А.) и довольно Долгоруких (émigrés) — Голицыных (réfugiés) ...

Посылаю тебе «Колокол» — в котором я обругал «Библиотеку» и осмелился сказать ein Wort¹ о тебе. Отчего ты так мало пишешь?

Новостей у нас много.

Ты помни, что до 25 мы в Park House. Да еще, что мы едем на два дня в Дувр.

¹ слово (нем.). — *Ред.*

А что ж ты в Париже завел общество отчитыванья в пользу — литераторов? Я второй месяц наслаждаюсь полемикой — Лонгинова и Селиванова. — Ты читал ли?

Прощайте, почтеннейший Иван Сергеевич.

Ал. Герцен.

46. М. К. РЕЙХЕЛЬ

19 (7) мая 1860 г. Фулем.

19 мая. Park House.
Fulham.

Вот последние телеграфические известия из Паркгауза. Говорят, что едут в четверг или пятницу. Будет остановка в Брюсселе. До 25 мы не переедем в новый дом, следовательно — раз, если нужно, можете написать сюда.

Наташу в вашу Швейцарию и не возите, у нас своя Швейцария есть в Мора.

А я вас попрошу особенно серьезно галереей заняться, и главное — пригласить очень и очень хорошего учителя живописи. Рейхеля умоляю нагайкой ее к клавикорду.

Вообще я ей очень доволен. Но наш образ жизни до того странен, что многое отозвалось. По будням почти никого не бывает — по воскресеньям толпа, и всё других лиц.

Les uns qui tournent, les autres détournent¹. Вчера из Дувра — завтра в Дувр... Несколько молодых людей — добрых, но непривычных, отсутствие женщин, к этому добавьте, что с рождения Лизы — Нат<алья> Ал<ексеевна> почти постоянно хворала и совершенно поглощена ею. Наташа сильно скучала — *et pour cause*². Иначе жить нам нельзя — а ей должно.

Она слишком молода, чтоб понять, что наша жизнь своего рода подвиг, одно то, что в Лондоне живешь — самоотвержение. А потому вы ее отогрейте — только вот что: у ней есть некоторые велеитеты (чисто английские) — к аристократизму и роскоши, не питайте этого и не спускайте.

Об учителях и о прочем вы просто напишите мне цену.

Прощайте.

Знаете ли вы, что в Комитете минист<ров> был вопрос — как прекратить лондонские издания. Мур<авьев> сказал — подкупить большой суммой, но *даже* Панин вступился и сказал, что таких людей не подкупают — и предложил *дать место*.

¹ Одни уходят, другие приходят (франц.); ² и не без основания (франц.). — *Ред.*

47. А. А. ГЕРЦЕНУ
22 (10) мая 1860 г. Фулем.

22 мая 1860. Park House.
Fulham.

Ты забыл мне написать, какого рода дела — торговые, ученые, литературные или политические — тебя заставляют покидать Берн и ездить в Женеву. Сверх того, ты забыл еще сказать и о том, что когда едет Тат<ьяна> Петр<овна>.

В конце июля, т. е. после лекций, Наташа, если это будет легко сделать, может недели на две приехать в Берн.

Все было готово, и наши путешественники собрались было совсем 24 отплывать в Остенд, но 20 занемогла Лиза — в первый раз от роду, сильной простудой, и потому, вероятно, дня три останутся еще, а может, и до 28.

О развитии, воспитании и ведении Наташи следует мне с тобой много поговорить. У Ф<огтов> долго я ее не оставляю, потому что вовсе не хочу, чтоб она обнемечилась, но, может, и решусь еще раз послать ее зимой. Но обо всем следует переговорить много и очень.

Ты большой чудак, Саша, чему же ты дивишься, что Урихи рады. Разве они могли ждать чего-нибудь большего... почему... зачем?..

Анненков пишет, что он будет в Берне и Женеве, — если он в Берне, отдай ему следующую страницу; если нет, то пошли, оторвав ее, и пошли тотчас.

48. П. В. ДОЛГОРУКОВУ
24 (12) мая 1860 г. Фулем.

24 мая. Park House.
Fulham.

Почтеннейший князь Петр Владимирович, я решительно не имею point d'appui¹, я двигаюсь, я на улице, на сквере. У Огар<ева> занемогла маленькая — это задержало отъезд дома. А тут сдача дома — в Англии это дело колоссальное. По всему этому благодарю вас за доброе намерение посетить нас — я попрошу позволение сделать обратное и навестить вас.

С истинным почтением
остаюсь преданный вам

А. Герцен.

¹ точки опоры (франц.). — *Ред.*

49. И. С. ТУРГЕНЕВУ
24 (12) мая 1860 г. Фулем.

24 мая. Park House.
Fulham.

Отчаливая от берегов Фулама, пишу ответ.

1-е. Baul Nanenkorf — не только не здесь, но и не будет скоро — по последнему письму он едет в Северную Италию (тогда как нужно ехать в Южную).

2-е. Зато Freiherr Mielgounoff едет в Россию — устроить дела Павлова.

3. У нас только теперь и есть что всё князья-рефюжье. Князь Юр<ий> Ник<олаевич> Голицын с басом, князь Петр Владимир<ович> Долгорукий — с книгой. Говорят, что и князь Дмитрий Владимирович приехал бы в эмиграцию — да умер, тоже главнокомандующий Кутузов.

4. Меня спрашивала о тебе Юмша — ну, сестра жены «Русского слова» — ее муж все показывает духов — а она что тебе показывала и где?

Прощай. Очень рад, что ты был доволен мной — но я и не то бы сказал, но «Vous comprenez», — как говорит мой повар, — «la cuisine»?

Огарев кланяется.

Дамы едут, кажется, в понедельник. В следующ<ем> «Кол<околе>» (т. е. 15 июня) хочу угостить Краев<ского> и «Петербургские» ведом<ости>».

Пиши — 10, Alpha Road, Regent's Park.

50. П. В. ДОЛГОРУКОВУ
28 (16) мая 1860 г. Лондон.

28 мая. 10, Alpha Road.
Regent's Park.

Наконец-то я в бумагах нашел ваше письмо, почтеннейший князь Петр Владимирович, — вместе с ним я посылаю в <1 нрзб.> статью какого-то поляка о вашей книге.

Огарев и я — мы просим вас отложить ваше доброе приглашение денька на два — мы только в среду вечером возвратимся из Дувра.

Мы не могли найти у нас того № «Петербургских» ведом<остей>» (кажется, 23 апр<еля>), в котором благодарность за излишнюю подать, — позвольте попросить вас прислать нам его только для перепечатания.

Примите уверение в истинном почтении.

А. Герцен.

29 mai 1860. 10, Alpha Road.
Regent's Park.

Пора, любезный Саша, тебе иметь полную и непоколебимую веру в ту глубокую любовь мою к вам, чтобы никогда не сомневаться—даже в тех случаях, когда тебе что неясно. Чего ты хочешь от меня?—чтоб я говорил о том, что я рад, что ты нашел встречу и хочешь, как стукнет 25 лет, жениться? В то время как я думаю, что от 21 до 35 — лучшая жизнь для деятельности. Как же я могу радоваться? Желать, чтоб все это принесло тебе много счастья и, главное, долгое счастье,—я желаю от всей души. Это ли ты называешь благословением? Несправедливо требовать, чтоб я смотрел твоими глазами или Уриха, даже Фогтов. Но считай на мою любовь и дружбу, хотя и огорченную, что не все по-моему. Чему же ты дивись — что я не так сентиментально говорю? Во-первых, это не в моей натуре; во-вторых—вполне пренебрегая всякой аристократией денег и пр., я не совсем так смотрю на иную аристократию и думаю, что в России—и даже вне ее—немногие родители отказались бы выдать за тебя дочь.

Наконец, еще есть причина. Я вовсе не знаю Эммы — она, по словам ее родителей и Т<атьяны> Петр<овны> даже, — дитя... Кланяюсь ей дружески, но вовсе без официальных титулов «невесты». — Ты мне не веришь, как все это пропитано германизмом.

Одно я прошу тебя, одну жертву ты найдешь силу и любовь сделать — это громко и открыто сказать, что, покоряясь мне, ты не женишься до 25 лет. Мне это нужно для спокойствия, для того чтоб я не боялся постоянно, что ты — в летах мальчика — бросишь вдруг всю судьбу твою безвозвратно.

Мало радостей личных у меня осталось. Сзади — гроб. Воспитанье—трудно. В Тате бездна хорошего, но меня морозом обдает, если и она через год расположит собой. Для нее это еще важнее. Ищу женского влияния... никого нет. Natalie не имеет никакой способ<ности>, да я и в Тат<ьяне> Пет<ровне> сомневаюсь. Ольгу отдаю, не зная, что делать; дом Швабе — не чисто немецкий, а скорей английский.

Если б не моя деятельность, не постоянное напряженное занятие, состарелся бы я. Нет, друг мой, непрочно все блага, кроме того, которое в нас.

Such es nicht draußen,
Da sucht es der Tor,
Such es in dir, du bringst es ewig hervor.

Почему же Тат(ьяна) Петр(овна) так строго судит (да и ты) Мар(ью) Ал(ександровну)? Это — следствие раннего брака и неглубокого изучения друг друга. Т(а)тьяна) Петр(овна) видит в этом «потерю времени и занятий».

Два дня бури задержали наших. Завтра в 1—30 мы едем в Дувр, в 11 часов г(оспо)да путешественники плывут в Остенд.

Затем прощай.

Через месяц к тебе заедет князь Петр Владим(ирович) Долгоруков, наделавший шум своей книгой и выехавший из России.

Вот нынче какие пошли рефюжье. Здесь теперь князь Юр(ий) Никол(аевич) Голицын, уехавший без паспорта, красавец, как Аполлон Бельв(едерский). Музыкант—как я не знаю кто. Он рассорился с правительством—за то, что был сослан за то, что писал ко мне, и хочет давать публичный концерт с Марио в Ковен-Гардене в пользу Гарибальди.

52. М. МЕЙЗЕНБУГ

29 (17) мая 1860 г. Лондон.

Brigadier, vous avez raison!.. C'est la seule chose — *cara Malvida* — que je puis vous dire. Votre lettre encore une fois — c'est votre photographie morale, j'en ai souri — mais d'amitié. Une seule, une petite correction. Ce n'est pas le scepticisme, le doute — que l'on cherche dans la jeune génération — c'est le *sérieux*, c'est la grande question ouverte, la démangeaison de la vérité. Cela donne l'unité morale — votre immortalité de l'âme. Sans cela point d'initiative, point de fini. Je vous le dis en parenthèses — car je suis de votre avis sur le fond. Votre idéalisme ou plutôt votre entraînabilité — consiste en cela — que vous appréciez très bien «*die schönen Möglichkeiten*» — et cela vous suffit, vous prenez les cotylédons pour les fruits. — Prouvez que ce n'est pas juste. — Vous avez un grand travail devant vous — fixez l'esprit d'Olga, sauvez-le de cette distraction chaotique, qu'elle soit positive — elle n'a pas besoin de scepticisme — mais de la pensée, de l'occupation réglementée et d'une conduite réglée. *Die schönen Möglichkeiten sind vorhanden — aber ganz in der Potenz* — et le malheur de chaque possibilité — c'est l'avortement.

Maintenant pour le faire (fixer l'esprit) — il ne faut pas commencer par le compliqué — mais par l'élémentaire, par le mécanisme mnémonique. — Je prétends que rien n'est fait si vous ne parvenez à la faire lire coulamment et écrire humainement — cela doit être emporté, rompu — et après — les philosophies et les esthétiques. Si vous voulez me comprendre — vous saurez ce

que je nomme «idéalisme» en vous et, peut-être, de loin vous me donnerez raison. Encore un mot. Partant de la théorie «der schönen Möglichkeiten» — vous pensez qu'il faut pour O<lga> une éducation extraordinaire. J'ai pensé de même pour tous les enfants — il fut un temps. Soyez profondément persuadée qu'il n'y a rien de plus mauvais — que ce qui est «extraordinaire avec préméditation».

Pensate, pensate bene — il vecchio seccatore de Londra — non è sempre assurdo.

Sur cela — je vous serre en vrai ami la main — et les deux si vous le voulez.

A. H e r z e n.

Et la santé?

Перевод

Бригадир, ваша правда!.. Только это, cara Malvida¹, я и могу вам сказать. Ваше письмо — еще одна фотография вашего духа, оно заставило меня улыбнуться — но дружески. Одна лишь маленькая поправка. Не скептицизма, не сомнения ищем мы в молодом поколении — а *серьезности*, стремления обнажить главный вопрос, неодолимого зуда правды. Это и дает душевную цельность — то, что вы называете бессмертием души. Без этого нет инициативы, нет ничего законченного. Говорю вам это в скобках — потому что в главном я с вами согласен. Ваш идеализм, или, лучше сказать, ваша склонность увлекаться, состоит в том, что вы очень хорошо умеете оценить «die schönen Möglichkeiten»², — и этого вам достаточно, вы принимаете завязь за плод. — Докажите, что это не так. — Перед вами большая задача — укрепите ум Ольги, спасите его от этого хаотического рассеяния, пусть она станет положительной — ей не нужен скептицизм, нужны размышления, упорядоченные занятия, соблюдение правил поведения. Die schönen Möglichkeiten sind vorhanden — aber ganz in der Potenz³, — а несчастье, угрожающее всякой возможности, это ее гибель.

Теперь, чтобы это сделать (укрепить дух), надо начинать не со сложного, а с элементарного, с механизма памяти. Я утверждаю, что ничего не достигнуто, если вам не удастся научить ее читать плавно и писать по-человечески, — это должно быть взято с бою, должно стать привычкой — а потом уже всякие философии и эстетики. Если вы захотите меня понять — вы разберетесь в том, что именно я называю в вас «идеализмом», и, может быть, когда-нибудь отдадите мне должное. Еще одно сло-

¹ дорогая Мальвида (итал.); ² «прекрасные возможности» (нем.);

³ Прекрасные возможности налицо, но всего лишь в потенции (нем.). — *Ред.*

во. Исходя из теории «schönen Möglichkeiten», вы полагаете, что Ольге надо дать необыкновенное воспитание. Так и я думал о всех детях — было время. Будьте глубоко уверены, что нет на свете ничего хуже, чем «заранее обдуманное необыкновенное».

Pensate, pensate bene — il vecchio seccatore de Londra — non è sempre assurdo¹.

Засим жму вашу руку как истинный друг, — или обе, если вы согласны.

А. Герцен.

А здоровье как?

53. Н. М. САТИНУ

29 (17) мая 1860 г. Лондон.

29 мая.

Как страшно давно, друг Сатин, я к тебе не писал *просто*, без парика и пудры, маски и т. д. Посылаю тебе новую книжку старых статей («За пять лет») — перечитывая ее, ты вспомни нашу аудиторию... и 1830—34. Похож ли я сам на себя? А ведь очень похож. И кое-что из тогдашних мечтаний — да сбылось же. Той мысли, которая нас связала тогда, мы остались верны — во имя ее мы-то сами остались верны друг другу.

Не знаю, как ты смотришь на мою деятельность и на мои статьи, — как бы ты ни смотрел, твой взгляд будет добр и чист, если ты не испортишь его оптическими инструментами московской работы... Они люди хорошие — как близорукие, но как долгорукие никуда не годятся — ни в философы «Моск^{овских}» ведом^{остей}», ни в Сократы à la наш друг. С перенесения всей жизни внутрь государства — Москва non-sens², а ее матадоры потеряли le sens commun³.

Как же бы увидеться?... Посылаю тебе визитную карточку, чтоб ты не удивился безобразию моей преклонной старости.

Жму руку Елене Алексеевне. Детей обнимаю.

Посылаю тебе превосходнейшую книгу «History of Civilization in England» — прошу заняться ею, а когда воротиться, задай Щепкину мысль перевести и издать (хоть в сокращении).

Еще раз прощай.

10, Alpha Road.
Regent's Park.
London.

А. Г.

¹ Подумайте, подумайте хорошенько — старый надоеда из Лондона не всегда бестолков (итал.); ² бессмыслица (франц.); ³ здравый смысл (франц.). — *Ред.*

Друг, — вот уже, кажется, ты близко и скоро можно будет протянуть тебе руку и обнять тебя в самом деле, с всей любовью к тебе и к памяти прошедшего и со всей силой на будущее. Сколько мы ни состарились, сколько ни подвинулись к гробу, но внутренняя работа так же жива, как в юные годы, может, и еще живее, потому что обстоятельства потребовательнее, да и сознание покрепче. Хотелось о многом переговорить, но, как всегда водится, чувствую, что в дни отъезда ничего путного не скажешь. Какая-то дребедень сборов, тяжесть ожиданий, сердечное горе — все тут заставляет мозг плясать через пень-колоду. Одно могу сказать ясно, что горячо люблю тебя и жду встречи с глубоким трепетом, какой только может быть перед минутой желанного свиданья. Но об этом надо списаться. Три казуса, и я еще не решился ни на один: 1) натурализация, 2) чужой вид и 3) шутка над посольством. Кажется, решусь на первый. Напиши, когда ты можешь быть в Брюсселе; дальше ехать нельзя. В начале августа, может, всего удобнее.

Натали собирается завтра. Провожу ее до Дувра. Полюби Лизу, друг мой, это ясное дитя. Первое, о чем позаботься в первом месте, где вы сколько-нибудь казируетесь, — позаботься о *прививке оспы*. Три попытки не удались. Говорят, что это доказательство, будто нет еще способности заразиться настоящей оспой. Ну, это бабушка надвое сказала, положительных доказательств на это нет. А при мысли, что Лиза может подвергнуться оспе, — меня в холод бросает. Милая Елена, похлопочите об этом. Крепко обнимаю вас и детей, каждого порознь и всех вместе. Хотел им послать на память что-нибудь, но все так глупо, что хочу прежде знать их вкусы, склонности и прислать им что-нибудь применимое к жизни. Вам посылаю перышко, а тебе котомку. Пишите как можно скорее, как и где вы встретились, как и что, и пр.

Addio!

Спасибо за Бодмера — гора с плеч.

54. П. В. ДОЛГОРУКОВУ

31 (19) мая 1860 г. Лондон.

31 мая. 10, Alpha Road.
Regent's Park.

Почтеннейший князь Петр Владимирович, *сейчас* приехали мы из Довра — и, получив вашу записку, спешим уведомить, что мы с Огар(евым) завтра (в пятницу) будем в 7 часов лично благодарить за приглашение и за имена хороших сборщиков.

Усердно кланяюсь вам.

А. Герцен.

При сем отпр(авляю) «Колокол».

Если слишком поздно франкир(овать), то велю бросить так — вы извините.

55. Н. А. ГЕРЦЕН и М. К. РЕЙХЕЛЬ

1 июня (20 мая) 1860 г. Лондон.

1 июня. 10, Alpha Road.
S. John's Wood.

Милая Тата, очень благодарю тебя за письмо из Брюсселя. Мы его получили сегодня утром в девять часов. Приехали мы в Лондон из Довра в четвертом часу и нашли телеграмм от С<атина>. Вы, может, уж в Дрездене — молодцы. А какова Лиза-то. Напиши мне — выросла ли Марья Каспаровна и Рейхель?

Странно у нас в доме без вас... Ну да лишь бы вам было весело и хорошо и набрали бы новых сил прожить эту зиму — в скучной Англии. А там увидим, что и как.

Марья Каспаровна — вы должны быть так заняты, что радуетесь тому, что я вам пишу о том, что ничего не пишу.

Будет больше — потом.

Письмо от Ага отдай.

Целую тебя — много и много.

56. М. К. РЕЙХЕЛЬ

3—4 июня (22—23 мая) 1860 г. Лондон.

3 июня. 10, Alpha Road.
Regent's Park.

Ну-с, как-с? Жду вашего описания приезда и прочего. Какое впечатление сделала Тата на вас? Подробно, откровенно.

Теперь обращаюсь к вам за советом, не требую его скоро, но требую хранить в секрете (молчаливость вашу я даже воспел в моих записках). В августе мес<яце> Тата возвратится, месяца два прогуляет в Isle of Wight — потом домой. Тут начинается ряд загвоздок. В Лондоне оставаться невозможно. Общество, окружающее нас здесь — и растущее, никуда не годно для воспитания девушки в 15 лет. Я после долгого обдумывания решил ехать в один из приморских городов — всего скорее в Брайтон. (Два часа от Лондона.) Нат<алья> Ал<ексеевна> воротится не скоро, да и после рождения Лизы ей трудно заниматься и она устала. Мейзенбург имеет хорошее, прочное место — Ольга пока у нее поживет. Да, entre nous soit dit¹, при всем благородстве своем и хорошем направлении — она не много сделает для большой девушки. Что же мне делать?

¹ между нами говоря (франц.).—Ред.

Я желал бы русскую образованную, и очень, даму — посоветуйтесь, повыспросите, нет ли rechts¹, нет ли links². Нет ли девушки exaltée³, вдовы — которой все надоело и скучно, женщины — неутешно плачущей, что ее муж жив, и пр. и пр. Словом, помогите советом. Мне важны не уроки, а общее ведение, выправка внутри и снаружи.

Тате оторвите следующий листок.

Сегодня вечером идем чай пить к кн<язю> Юр<ию> Голицыну, он, я полагаю, здесь запутается и пойдет ко дну.

4 июня.

Ваше письмо с вопросами, расспросами — а мы С<атину> телеграфировали 1 июня. Теперь все это поздно — и вы, вероятно, давно вместе. Тату поколотите за то, что она забыла «Червонного короля».

57. Н. А. ГЕРЦЕН

3—4 июня (22—23 мая) 1860 г. Лондон.

3 июня 1860.

Представь себе, милая Тата, что с тех пор как мы проводили вас на пароход, дождь не переставал, третьего дня и вчера — лил как из ведра, так что везде течет сквозь крышу. При этом буря и холодно. У вас, вероятно, не так скверно.

Вчера явился к нам один из известных петербургских актеров — и просил дозволение завтра прочитать у нас «Грозу» Островского. Жаль, что тебя не будет.

4 июня.

Получили второе твое письмо, долгонько вы едете — ну да лишь бы хорошо приехали. Вчера я был у Швабей — Ольга тоже очень часто поминает о Лизе и видит ее во сне. Жду теперь подробное описание приезда. Я с самой поездки в Довр простудился — насморк и кашель.

Обнимаю тебя. Огарев много кланяется.

Пиши Ольге.

58. А. А. ГЕРЦЕНУ

7 июня (26 мая) 1860 г. Лондон.

7 июня 1860. Alpha Road, 10.

Любезный Саша, много и много придется мне толковать, прежде чем ты вполне оценишь мои советы и мое желание. Слушай с начала. Я очень ясно и очень хорошо понял, что личная

¹ справа (нем.); ² слева (нем.); ³ экзальтированной (франц.). — *Ред.*

жизнь моя окончилась — бурями и ударами 1852 года. Ты помнишь, я тебе читал в моих записках, как много просила меня Мамаша — спасти вас, брошенных политическими обстоятельствами в совершенно чужой мир. Я дал обет — и сдержал его. Для меня остались в мире две задачи: моя русская деятельность и ваше развитие. Одна — удалась вполне, и работа, жертвы — все вознаградилось успехом. От вашего развития я жду много; но тут я не умел сделать то, что хотел. Из тебя вышел иностранец — вероятно, моя вина, что я не умел развить в тебе даже понимание русского вопроса, но проходя мимо этого — я думал, что ты устроишь свою жизнь пошире обыкновенного average¹. Случилось не так. Испуганный нелепостью женитьбы в 21 год — ужасаясь последствий для обоих, я хватаюсь за последнее средство — и говорю: «Испытай себя, остановись — пожертвуй уму, опытности, пожертвуй отцу — четыре года. В 25 лет — поступи как хочешь». Меньше нельзя было требовать — в ответ на это протестации с твоей стороны, что я ошибся, что ты и не думал прежде связать себя на всю жизнь. Я поверил — и только смотрел с глубоким сожалением на чисто немецкий оборот дела — формальностей, вмешательства старших — словом, все проза немецких нравов.

Оказалось, что я и тут ошибся — в последнем письме ты просто намекаешь на то, что 25 или 24 года все равно, а, продолжая, можно дойти, что 24 и 23 — 6 месяцев *«ев»* еще ближе и пр. Стало, душевной силы, стало, преданности и веры ко мне — *настолько нет*. Стало, и эстетического чувства — по которому женатые студенты или мальчики смешны — тоже нет.

И ты имеешь необдуманность спрашивать, почему я не радуюсь всему этому — потому что все это не нравится. Я употребляю все усилия (кроме материальных средств), чтоб тебя остановить — но вижу, что ты пойдешь своей дорогой — лишь бы она привела к чему-нибудь!

Но это не все. У меня остается большая надежда на Тату, — последние мечты, которыми я липну к семье, к воспоминаниям. Думал ли ты, приглашая ее на некоторое время, что ты можешь мне разбить и это упование? Я бьюсь, как рыба об лед, чтоб ввести элементы серьезного образования, чтоб не развивать в ней преждевременной страстности. Твой пример губителен для нее. И ты, несколько не думавши *ни обо мне, ни об ней*, хочешь, боясь обидеть *susceptibilité*² старушки и желая познакомить Тату, — хочешь, чтоб она была свидетельницей девочки тех же лет, помолвленной и собирающейся идти замуж. Мне становится до такой степени страшно, что я себя спрашиваю в иную

¹ среднего человека (англ.); ² чувствительность (франц.). — *Ред.*

минуту: да исполнил ли я обет, данный у постели умирающей? Умри я — через месяц и этот венок весь распухнет в бедную огородную жизнь. Я видел у Наташи уже поползновения, не нравившиеся мне, а ты de gaîté de cœur¹ хочешь ей дать soup de grâse². Ты не думал об этом, — зачем не думал?

А потому насчет ее — остается все по-прежнему. Когда начнутся вакации, если она до тех пор не придет с Сатиным в Швейцарию, — ты за ней поедешь, можешь провести от 10 дней до двух недель в Берне и ехать сюда к 15 августа.

Письмо это я тебя искренно прошу прочесть десять раз прежде ответа — да и вообще положи его особо. Если ты не понимаешь его, мне будет больно — оно покажет нашу даль. Ответ я посылаю — а лучше, если б этого письма не было, — отвечать трудно.

Когда Ур<ихи> едут в Тринидад?

Портр<ет> в след<ующем> письме пришлю.

59. Н. М. САТИНУ

7 июня (26 мая) 1860 г. Лондон.

7 июня 1860.

Благодарю тебя за предложение, саго Сатин, но об этом следует подумать. Отправляя Тату к М<арье> Кас<паровне> месяца на полтора или до 1 авгу<ста>, я думал, что она там займется музыкой и живописью; жизнь путешественника в эти лета развивает привычку к праздности, а мне хочется ее больше и больше втолкнуть в артистические занятия. Саша просит меня, чтоб Тата провела у Фогтов в Берне дней десять в начале вакаций, т. е. послед<ние> числа июля и пер<вые> августа. В Лондоне теперь у нас Т<ате> нечего делать — к осени я приготовлю что нужно.

Когда ты собираешься? Это похоже на сказку; если б Сазонов не покрылся всякого рода жиром, то можно бы представить сцену из 1831 года — особенно, когда Тат<ьяна> Петр<овна> подъедет. Сходить ликеру выпить к Перу и колбасы поест к Матерну, обедать у Яра... 30 лет!

Ну что наши или экс-наши в Москве? Астракова смертельно жаль. Напиши что-нибудь о Кетчере.

Прощай. Кланяйся своим и рекомендуй меня детям.

Рукой Н. П. Огарева:

И сладко, и страшно, и хочется руку подать, — но одно — не станем делать глупостей, времена хотя помягче, но не так праздны, чтоб человек имел право компрометироваться и отрезывать себе деятельность. Я

¹ без причины (франц.); ² последний удар (франц.). — Ред.

думаю, пребывание Таты у вас была-бы вещь *необходимо* вас компрометирующая, а для нее праздношатание, которое не пойдет дальше того, что сердце пусто, празден ум, что с туризмом в 15 лет наверно свяжется. — Как же тебе Лиза понравилась? Да, ради бога, привейте же ей в Дрездене оспу. Разве можно ручаться, что в путешествии вы где-нибудь не натолкнетесь на эпидемию? Можно же из-за этого лишние 2 недели прожить даже и в Дрездене; а медики там обычно хорошие и, следст^{венно}, оспопрививание устроено порядком. Жив ли Гедениус? Настой на этом, друг мой. — Напиши, *когда же* и как и что вы решаете. Крепко обнимаю тебя. Голова болит, тяжесть ужасная. Целую ваши ручки, Елена, за приписку, и детей целую.

60. М. К. РЕЙХЕЛЬ

7—8 июня (26—27 мая) 1860 г. Лондон.

Вам самим.

7 июня. 10, Alpha Road.

Жду от вас больше подробного письма. Пока напомню вам — о немедленном начале уроков рисования, и притом у хорошего мастера. Рейхеля тоже прошу — снискать клавикордой.

Я очень желал бы вашего мнения (откровенного) о Тате. Мне смертельно хотелось бы ее развить в русскую девушку, и притом с серьезно артистическим направлением (Огар^{ев} писал вам с нею об этом). Я Сашей вообще доволен — но он швейцарец, и этого не поправишь. Хотелось бы иначе повести Тату и Ольгу — но сил не хватает, да и способностей нет.

Вот в этом-то вы и должны мне помочь нравственным влиянием, развитием в Наташе больше и больше понятия не только своего положения вообще — но и того важного значения, которое она и дети имеют в моей жизни.

Саша очень просит ее отпустить в Берн — недели на две я согласен, но не дольше. Тат^{ьяна} Петр^{овна}, кажется, едет ранее, чем думала. Если вы знаете, где она, то скажите или дайте ей знать, что проще сначала прямо в Лондон приехать.

Isle of Wight меня тоже начинает ужасать неистовым množеством русских, которые туда едут. Это и для детей и для нас гибельная праздность. Ума не приложу, что делать.

Кабы вырваться из Англии — так нет, атанде! Может, я поеду на другое место к морю.

8 июня.

За что вы так осерчали на Голицына — это шалун — вероятно, промотался. Но музыкантов не выпускает полиция. Или он денег дал. А впрочем, пусть Рейхель напишет.

Он поднес мне Herzen-Valse... — ну я и растаял.

7—8 июня (26—27 мая) 1860 г. Лондон.

Тате.

7 июня. 10, Alpha Road.

Милая Тата, твое письмо пришло 24 часа раньше письма от Natalie. Нас очень потешило происшествие Сатина с Miss Turner — это надобно бы было нарисовать. Представь себе, что с той минуты, как мы вас проводили, и до этой, в которую я пишу, — идет дождь, иногда проливной, а иногда так, осенний. При этом такой холод — что я ходил в зимнем пальто. У вас наверно лучше.

Теперь я жду от тебя больше подробного письма и, главное, отчет о посещении Дрезд<енской> гал<ереи>.

Если можно, устрой поскорее, чтоб брать уроки рисованья, и непременно у одного из лучших артистов.

А потом напиши, как Рейхель — доволен янзовскими уроками? Займись с ним хорошенько.

Надобно, чтоб ты в этот месяц снова поработала, а то поездки да то да се помешают до осени.

У нас тихо без вас — Ольга вчера обедала у нас, и для нее было особое сладкое блюдо — Тассинари ее считает гостьей.

Что же ты мало пишешь о Мар<ье> Касп<аровне> и о Сат<иных>? Что Лиза — поминает ли она дядю? Ольга до сих пор бредит об ней.

Прощай, друг мой, — помни, что мне интересны все подробности об вашем житье-бытье — перечитывай иногда письмо мое, которое я дал тебе в Лондоне. Если б ты могла вполне знать, как сильно я желал бы видеть, как твоя жизнь идет шире и шире развиваясь, — и как мне это нужно, — впрочем, ты знаешь это, а потому вперед и вперед!

Напиши мне обо всех сатинских детях. Что они делают, как учатся и пр.

А прогос, что ты читаешь?

8 Пятница.

Прощай, друг мой, — будь здорова, жду опять письмо. Сюда приехала молоденькая немочка — 16 лет, которая, вероятно, с вами будет у моря — она едет с Мейзенб<уг>, — я ее еще не видал. Вот тебе и товарищ.

Огар<ев> велел, чтоб ты сказала Nat<alie>, что № Кашперова 21/650.

Поцелуй за меня Лизу и скажи, что я ей пришлю Ольгу в портрете.

62. П. В. ДОЛГОРУКОВУ

9 июня (28 мая) 1860 г. Лондон.

9 июня. 10, Alpha Road.
Regent's Park.

Почтеннейший князь Петр Владимирович, позвольте мне вас попросить заменить сегодняшний вечер завтрашним или понедельником. Нас звал один господин (корреспондент всех континентальных газет), у которого — мы не были века.

Вы позволите вас ожидать завтра часов в 8?

Вчера старушка М^{ме} Моль мне жаловалась на вас, что вы обижаете мою фаворитку 1858 года — княгиню Дашкову.

С истинным почтением остаюсь

А. Герцен.

63. И. С. ТУРГЕНЕВУ

14 (2) июня 1860 г. Лондон.

14 июня. 10, Alpha Road.

Geehrtester¹ Иван Сергеевич,

вчера имел беспредельное счастье — получить в 10 часов ваше содовое письмо,

в 11 — *idem* от Жемчужникова,

в 10 вечера — В. П. Боткина.

Приятно было видеть успехи ваши в *мясописи*: ваше изображение Гененкофа умилило меня поразительным сходством. Ты вообрази (даю честное слово), что я развернул письмо и узнал не читая.

Занятия философией и музыкой положили морщины у Боткина — не на месте, а именно с внутренней стороны ствола его, в силу чего у него образовались там днепровские пороги — а я, как настоящий христианин, не желаю «ни осла его, ни ствола его».

Это самое любопытное в Англии. Я вчера познакомился с историком Гротом и очень обрадовался, что это не он русский консул здесь.

Голицын дает концерт в пользу Гарибальди, 120 поют — 1200 слушают — музыка играет «Herzen-Valse» à quatre pat-tes.

Прощай.

Огарев очень кланяется. Погода здесь ужасная, преступная. В Вентнор собираются тьма тем русских — *prenez garde*

¹ Глубокоуважаемый (нем.).— *Ред.*

à vous, sentinelle! ¹ Это будет так скучно, что море придется выпить, а не купаться в нем.

Я думаю, что надобно сыскать другое место. Ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩ где я наставил кресты — тут Limington, Bournemouth

W. W.

На обороте: Germany. I. Tourgeneff Esq.
Soden, Groß⟨es⟩ Herz⟨ogtum⟩ Nassau, Hôtel de l'Europe.

64. Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

Около 14 (2) июня 1860 г. Лондон.

Рукой Ольги Герцен:

Милая Натали, поздравляю тебе съ твою ражденья и спасибо за сигар. Мали тебе кланяется. Как Тата и Леля, Лиза и Коля. Я радо, что ты Лизань⟨кин⟩ портрет прислаль.

Прощай. Твоя О л я.

Прими дружески и мое поздравление — мы все виноваты и с числом не справились. На душе что-то было далекое от праздников... Протяни мне руку, братски-дружескую, — да-да, Натали, — надобно родиться в другую жизнь — совершенно другую. Я сам за себя чувствую это.

Скажи Сат⟨ину⟩, чтоб он ехал с верой в меня — с полной, безусловной.

Лизу целую от души, — прощайте.

65. Н. А. ГЕРЦЕН

15 (3) июня 1860 г. Лондон.

15 июня. 10, Alpha Road.
Regent's Park.

Милая Тата,

письмо твое и последнее и предпоследнее я получил. Все, что ты видела, очень хорошо, но ты могла все это пропустить. А то, что ты пропустила до сих пор, — то и надобно видеть. Как

¹ берегись, часовой! (франц.). — Ред.

же ты не была в галерее?.. да и что же быть один раз — там непременно надобно быть раз пять. Когда у тебя будет учитель — тебя может горничная с ним провожать, а ему платить, как за урок. Прочти это Мар<ье> Касп<аровне> и попроси в точности исполнить.

К Сатиным я не думаю, чтоб было полезно тебе потом заезжать иначе, как на самое короткое время. — Ты не забывай, что это твое рабочее время, а праздно проводить дни — как вообще путешествующие — для тебя рано. Важнейшее теперь — принимайся сейчас за рисование. Что ты за вздор пишешь об деньгах — я тебе эти 6 фунтов подарил на шалости и капризы. А за деньгами на уроки и платье дело не станет, я пришлю тебе в следующем письме — вексель от Трюбнера в десять фунтов.

Ты пишешь, что не поняла в моем письме о нетерпеливости и недостатке снисхождения, — да, друг мой, в твоих сношениях с Ольгой, даже с ричмондскими детьми и долею с прислугой — была иногда запальчивость, в последнее время, может, поменьше. Я иногда с большой горестью слушал ответы твои Nat<alie>. Все это, я уверен, ты перерабатываешь. Помни, что ты и Ольга — одно утешение, которое мне осталось в частной жизни, с другой стороны — Огарев и Саша и потом друзья — но вы две должны составлять — мой отдых от труда. Оттого мне хотелось бы вас очистить от маломалейшей дряни. Ольга — шалит, но чем реже вижу я ее, тем больше вижу, что у нее необыкновенные способности. Вот одна из твоих жизненных задач — помогать ее развитию. А для этого-то и необходима кротость, она легка при любви. Ты не думай, что Мейзенбург совсем не права в ее методе. Она идет только через край.

Что мы будем делать в августе, я еще не знаю. Вентнор наполняется русскими — надобно избрать другое место. Мейзенб<ург> хочет себе в помощь взять девочку (о которой я тебе писал) — я ее видел — она, кажется, умная. Я хочу съездить в Брайтон — посмотреть, что там.

Третьего дня я обедал у Швабе с знаменитым историком Гротом — а вечером был у них на рауте. Дочь тебе кланяется. Там был и Голицын — англичанин, очень толстый, обиделся, увидав, что русский и выше и толще.

Прощай — целую тебя десять раз; Марье Каспаровне — Маше — скажи, что ей буду отвечать после. Спасибо ей за письмо большое.

Да вот еще — пусть Мар<ья> Касп<аровна> мне напишет характеристику: портрет, признаки, добродетели и пороки горничной Станкевича — тогда только я дам мое мнение.

Если Ст<анкевичи> в Дрезд<ене>, кланяйся им, а Рейхелю два раза.

Рукой Н. П. Огарева:

Что ж ты мне ни строчки не напишешь, милая Тата? А я требую, чтоб ты сходила в картинную галерею и написала бы мне подробно, что какое впечатление на тебя произведет. Я уверен, что лучшая доля твоей жизни будет в живописи. Обнимаю тебя и целую в лоб. Жму руку Рейхелям.

Твой А г а.

Ты можешь и еще что-нибудь Гофмана прочесть — я его с восхищением читал, когда был в твои лета.

Пиши часто и подробно. Т<атьяна> П<етровна> должна быть в Эмсе, — если она через полтора месяца придет — можешь и с нею ехать. Или Саша за тобой придет, а горничная Станк<евича> проводит (после рекомендации Мар<ьи> Касп<аровны>).

66. В. ФОРТУ

20 (8) июня 1860 г. Лондон.

20 Juni 1860. 10, Alpha Road.
Regent's Park.

Verehrtester Freund,

Ich habe Ihren Brief erhalten und will Ihnen ganz offen, ganz aufrichtig meine Meinung sagen. Wie könnte ich etwas gegen das Glück meines Sohnes haben, was könnte ich — ohne einen Vater aus den alten Komödien vorzustellen — gegen seine Wahl haben? Aber ich hatte vieles dagegen, daß ersich nicht zu jung verheiratet, ohne Prüfung, — dieses Opfer war nicht zu kolossal. Ich zählte nicht auf die Autorität des Zwanges, sondern auf die Autorität der Liebe, des Zutrauens.

Sie sagen, daß Alexander — andere Meinungen hat über das Familienleben. Und — erlauben Sie — hier verstehe ich kaum Ihre Meinung. — Sie können glauben, daß eine der tiefsten Antinomien des Lebens, eine der schwierigsten Aufgaben unserer Zeit, an welcher ich ein ganzes Leben genagt habe, ohne zu einer *Solution* zu kommen, von einem jungen Menschen — der nie eine theoretische Qual gehabt hat — gelöst ist; und so weit, daß er das Recht hat seine Lösung schroff entgegenzustellen. — Er zeigt eine große Anmaßung, eine große Eitelkeit. Und das ist nicht alles. Was mir den größten Schreck machte — das ist — ich kann es nicht anders sagen — die insolente Weise zu antworten. Da sah ich mit Entsetzen — einen Mangel von dieser poetischen *Veneration*, — ohne welche kein großes Band zwischen Menschen existieren kann. Meine Sprache war streng — das «Zahn für Zahn» — mir schrecklich unästhetisch. Ja — traurig aber offen sage ich, das hab' ich nicht verdient! — Ich sah, wie fremd ich meinem Sohn bleibe. Wo ich seiner Meinung bin — da geht alles

gut, wo nicht — keine Schonung. Also — da sind wir nicht mehr Vater und Sohn — sondern dialektische Gladiatoren. Dann soll er mir auch seine Kraft zeigen — aber auch diese in einer Form — die nicht einst in einer Reue auftauchen wird.

Geehrtester Freund — ganz allein auf der Welt mit meinen drei Kindern, glaubte ich, daß wir ein mehr nahes Leben hätten. — Wir verstehen uns nicht mit Alexander und das ist ein Riß in meinem Herzen.

Sie sagen, daß Alexander betrübt war — das freut mich, leider sehe ich das viel weniger in dem Advokatentone des Briefes an Ogareff.

Wenn Sie es für gut finden, zeigen Sie ihm diesen Brief. Ich gebe ihm die volle Freiheit zu handeln wie er will. — Nur soll er mir auch die Freiheit des Schmerzes und der offenen Meinung lassen.

Eine letzte praktische Frage. Alexander hat 21 Jahr — ich muß ihm sagen — daß er also bis zu 25. *Dezember 1860* — das Recht hat — in Rußland — meine sequestrierten Güter zu fordern, ein Kapital von den Revenuen (zirka 200,000) und seinen Adelstitel. Ich rate dabei nichts, besonders glaube ich, daß man den Titel dem Kaiser schenken kann. Dennoch muß ich das voraussagen. Nach Dezember geht das Recht der Tat über.

Geben Sie Ihre Hand. — Ich danke Ihnen warm, warm danke ich auch Ihrer Frau Gemahlin — für alles, was Sie für meinen Sohn machen. Verzeihen Sie den etwas schwarzen Ton meines Briefes — in meiner Seele ist es auch nicht zu hell.

Ganz der Ihrige

Al. H e r z e n.

Перевод

20 июня 1860. 10, Alpha Road.
Regent's Park.

Глубокоуважаемый друг,

я получил ваше письмо и хочу совершенно искренно, совершенно откровенно высказать вам свое мнение. Как я могу иметь что-либо против счастья своего сына, что я могу иметь против его выбора, не оказавшись в роли папаши из старых комедий? Но у меня было много возражений против того, чтобы он слишком рано женился, без опыта — эта жертва была не так уж велика. Я полагался не на силу принуждения, а на авторитет любви, доверия.

Вы говорите, что Александр иного мнения о семейной жизни. И — простите — здесь я едва ли вас понимаю. — Можете ли вы представить, что одна из глубочайших антиномий жизни, одна из труднейших задач нашей современности, над которой я бился целую жизнь, не придя ни к какому выводу, решена юношей, никогда не знавшим теоретических мук; и настолько

глубоко, что он имеет право резко противопоставить свое решение. — Он проявляет большую дерзость, большое тщеславие. И это не все. Но что меня более всего испугало, так это — я не могу назвать иначе — наглая манера отвечать. И я с ужасом обнаружил отсутствие того поэтического обожания, без которого невозможны никакие прочные узы между людьми. Мой ответ был суров, для меня страшно неэстетичен — «зуб за зуб». Да — как ни печально об этом открыто говорить — этого я не заслужил! — Я увидел, насколько чужим я становлюсь для своего сына. Где я согласен с его мнением, там все идет хорошо. где нет — никакой пощады. И вот тогда мы больше не отец и сын, а диалектические гладиаторы. Пусть же и он покажет мне свою силу, но в такой форме, чтобы она никогда не обернулась раскаянием.

Глубокоуважаемый друг, оставшись совсем один на свете со своими тремя детьми, я думал, что мы сблизимся еще больше. — Мы с Александром не понимаем друг друга, и это ранит мое сердце.

Вы говорите, что Александр был печален — это меня радует, к сожалению, я вижу это гораздо меньше в адвокатском тоне письма к Огареву.

Если вы сочтете удобным, покажите ему это письмо. Я предоставляю ему полную свободу поступать так, как ему угодно. — Но пусть же и он мне предоставит свободу переживать и открыто высказывать свое мнение.

Последний практический вопрос. Александру 21 год, я должен ему сказать, что до *25 декабря 1860 года* он имеет право требовать в России мои секвестрованные имения, капитал (приблизительно 200 000) и свой дворянский титул. При этом я ничего не советую, в особенности я полагаю, что дворянский титул можно подарить царю. Однако я должен заранее это подсказать. После декабря он лишается этого права.

Дайте вашу руку. — Горячо благодарю вас и вашу супругу за все, что вы делаете для моего сына. Простите несколько мрачный тон моего письма — у меня на душе тоже не слишком ясно.

Весь ваш

Ал. Герцен.

67. А. А. ГЕРЦЕНУ

22 (10) июня 1860 г. Лондон.

22 июня. 10, Alpha Road.

Двадцать пятого тебе будет 21 год. Для нас обоих это великий день — мне не должно было отсутствовать на нем. Я представляю себя и покойницу.

Будь человеком и будь по возможности счастлив — рука моя всегда с тобою, той ли или другой дорогой ты пойдешь.

Я хотел послать тебе портрет Ольги, но подожду, пока узнаю, дошел ли до тебя мой портрет, посланный из Дувра.

68. Н. А. ГЕРЦЕН

23 (11) июня 1860 г. Лондон.

23 июня. 10, Alpha Road.
London.

Я очень доволен, милый друг мой Тата, твоим письмом и всем, что пишет Марья Касп(аровна). Уроков бери как можно больше в рисовании. Я забыл взять вексель у Трюб(пера), но о деньгах не заботься, я вышлю вовремя. Заехать к С(атиным) можно будет, если они не уедут куда.

Концерт Голицына очень хвалят «Times» и другие журналы, Herzen-Valse произвел фурор.

Ты меня спрашиваешь о «Bleak House» и о серьгах. Ты носи «Bleak House» — и читай Серги. Неужели ты хочешь прокалывать уши — это варварство такое же, как носить перо в носу или раковину в губах. Пожалуйста, не делай этого — и отчего же Станк(евичам) не пришло в голову подарить что-нибудь умнее — если уж надобно было дарить. Диккенса ты найдешь, вероятно, и в Дрездене — издание Таухница, а то можно и до Лондона подождать. Ноты купи по Рейхелеву повелению.

Ты, вероятно, не забыла, что 25 Сашино рождение — и не только рождение, но и совершеннолетие. Итак, он из детей — перечисляется в Mannsperson'ы¹. Ну а ты пока остаешься — при мне адъютантом, — Ольга слишком молода. Старайся, мой друг, напоминать мне больше и больше Мамашу, тогда и мне будет легче жить и не так буду скоро стариться... Целую тебя. Ольгин дагерротип для Лизы хорош вышел. Она, т. е. Ольга, потолстела.

Прощай.

Мы были на выставке — Грасс совсем испортил мой бюст — он его поправлял потом. Бем тебе кланяется — мы ходили с ним покупать рамку для «Колокола».

Рукой Н. П. Огарева:

Милая Тата, крепко тебя целую и радуюсь, что тебе не понравилась гольбейновская Мадонна. Здесь так стали подражать старой живописи, т. е. дорафаэлевской, т. е. Гольбейну из немцев и чуть ли не Giotto из итальянцев, что на выставке так тошно становится — до рвоты. — Голицын и русская музыка у любителей и артистов произвели furor. Addio!

¹ мужчины (нем.). — Ред.

23 июня.

Я очень был обрадован вашим отзывом о Тате — я на нее считаю, т. е. на ее любовь ко мне, — а то пусто около. Вам, как старому другу, я должен исповедовать одно дело, причиняющее мне много горести. Представьте эту нелепость: Саша вдруг хочет жениться. Я ему писал, что я насилий не употребляю — но до 25 лет согласия не дам. Он уж и это принимает за притеснение — пишет мне глупые письма. Больно.

Между прочим, вот причина, почему я не хочу, чтоб Тата слишком долго оставалась в Берне.

Если она насмотрится на немецкие *Liebelei*¹ да в 16 лет тоже выйдет замуж — это действительно убьет половину моей жизни.

О Семья, Семья... тут-то, матушка Марья Каспаровна, и сидят скрытые Николай Павловичи да орудия пытки.

С общим я со всем слажу, тут я боец — а там что сделаешь — ни любовью, ни силой не возьмешь.

Смертельно хотел бы сохранить Наташу и Ольгу — как образчики иной жизни.

Редкину скажите (он, кажется, в генеральских рангах) — что я одиннадцать лет ни разу не ел редиски, чтоб не вспомнить об нем, — а впрочем, пожалуй, и не говорите. Что он, консерватор, что ли?

Денег не жалейте — приплю сколько надобно. Кутите! Что вы все опрокинулись на Голицына? Концерт его был блестящий — и мне кажется, что музыканты в Петерб^{урге} его надули, а не наоборот. Не судите строго, пуще всего не судите ни по-московски, ни по-ростовски (последнее для рифмы).

Обнимаю вас обоих и с чадами.

Уши Наташе сверлить не нужно.

На обороте: Марии Каспаровне.

70. И. С. ТУРГЕНЕВУ
23 (11) июня 1860 г. Лондон.

23 июня. 10, Alpha Road.
Regent's Park.

Сбежала, Иван Сергеевич, так-таки взяла и сбежала, уж мы и туда и сюда — и пан Тхуржески и пан Людовик Czerpiński, — нет Аси, да и только. Мы, правда, нашли повесть Каролины Карловны — она в стихах, — если ты по ней хочешь поправить Асю — можно прислать. Но вернее выписать из Современницы.

¹ флирты (нем.). — *Ред.*

«Полесье» (одна из самых изящных проделок твоих) я отослал. Прошу или ее возвратить или новым изданием наградить.

Первый концерт Голицына принес убыток — но зато надедал шуму. Все журналы превознесли, особенно «Times» и «Morning Star».

В Дрездене, сверх Рафаэлевой и Гольбейновой Мадонны, — показывают теперь Петра Григорьевича Редкина.

Панин начал делать невероятные мерзости — но нет документов и подробностей.

«Колокол» получил? Ну, вот как я Краевского, — дворник, мол, с метлой.

Жемчужников здесь — он теперь оканчивает насморк. Боткин необыкновенно важен, бывает редко — на четверть часа. Он, верно, думает, что стриктура — это какой-нибудь чин.

Рукой Н. П. Огарева:

Мы перечитывали «Полесье», Тургенев, и еще раз скажу, что это прелесть, и «Первая любовь» прелесть. Я вознегодовал на вас — ваши повести и голицынский концерт так утянули меня в иной мир, что никак не могу приняться за серьезное дело. Благославляю вас за то, что вы так перемудрили мое мирматическое направление.

А прогос, меня здесь спрашивали, зачем ты поехал в Соден. Я на это сказал, что доктора в Париже тебе советовали пить настоящую *Содовую* воду.

Но был побежден тем, кому сказал, — ибо он изъявил сомнение.

Пиши, пожалуйста.

Кто генерал, о котором ты пишешь?

71. А. А. ГЕРЦЕНУ

30 (18) июня 1860 г. Лондон.

30 июня. 10, Alpha Road.

Вот Ольгин портрет. Твое письмо пришло — много снимется тягости и с меня, когда я увижу понимание и раскаяние. В письме твоем к Огар(еву) я ни того, ни другого не видел.

Татой я очень доволен — неужели ты до сих пор не понял, что ей не следует лет в 16 покинуть меня? А впрочем — я готов на все жертвы — лишь бы вам было хорошо.

Думаю, что не в Вентноре мы соберемся, а около или возле Соутамптона.

Прощай.

Рукой А. Таландье:

Adieu, cher Alexandre, et excuse-moi de ne pas causer plus longuement avec toi: j'espère te voir bientôt ici, ou plutôt à Landhurst, où ma chère Eugénie te prie ainsi que moi de ne pas manquer de venir.

A toi

A. Talandier¹.

72. Н. А. ГЕРЦЕН

30 (18) июня 1860 г. Лондон.

30 июня. 10, Alpha Road.

Друг мой Тата и адъютант, письмо твое получил и опять им очень доволен. Посылаю тебе вексель в триста франков, из них сто — ты можешь употребить как знаешь, а 200 на уроки и дело. На дорогу, если поедешь с Сашей, я ему дам. Ну, а почему же ни Марья Касп(аровна), ни ты не пишете о Станкевичевой горничной?

Здесь Н(иколай) М(ихайлович) — ты знаешь, что об этом не должно говорить. Мы были очень, очень рады ему. Были в Cristal-Palace и слушали 3000 орфеонистов из Парижа. Погода у нас ужасная — холод, дождь льет с вашего отъезда, ветер — у меня болит щека. Когда это мы вырвемся из этой сырой ванны.

В Кристаль-Палас я видел Алису и Миля(ер)-Гибс(он) — Алиса очень тебе кланяется. Боткин — ходит с Юмом вертеть столы. А знаете ли, кто через неделю едет в Швейцарию — Вильма Кошут. Она очень больна. Пульские все — Краш, Пруш, Фаф, Кеус и пр. — уезжают навсегда в Италию, и Фанаторини с ними.

Ольга вчера была в цирке — Мейзенбург с ней собирается около 20. Мы едем прежде с Боткиным осматривать места.

Ты спрашиваешь, кто за тобой заедет — это дело нерешенное. Или Н(иколай) М(ихайлович) или Сапа, — ты можешь взять Станкев(ичеву) горничную (все-таки после рекомендации Мар(ьи) Кас(паровны)) и, если не навсегда — то на дорогу. Можешь остановиться дней на пять в Гейделберге и, если Саша очень хочет, в Берне. Отовсюду пиши аккуратно — чтоб я знал, когда вас ждать.

Сегодня пришел Лизин портрет, не дурен, да и не хорош.

Прощай — целую тебя и желаю, чтоб ты была здорова.

Мар(ье) Касп(аровне) и Рейхелю кланяйся. Вексель на Брокгауса в Лейпциге.

¹ Прощай, дорогой Александр, и извини меня за то, что я не смог поговорить с тобой дольше: я надеюсь вскоре повидать тебя здесь или в Landhurst, куда моя дорогая Эжени, так же как и я, просим тебя прийти.

Твой А. Таландье (франц.).— *Ред.*

73. Н. А. ГЕРЦЕН и М. К. РЕЙХЕЛЬ

6 июля (24 июня) 1860 г. Лондон.

6 июля. 10, Alpha Road.
Regent's Park.

Милая моя Тата,

я и этот раз очень доволен твоим письмом — и целую тебя за него. Я думаю, что за тобой заедет Саша — если к тем порам не подъедет Тат<ьяна> Петр<овна>. Я приготовлю все после 1 августа. Место стоит найти, где нанять — чтоб и видаться с нашими и не жить вместе.

Ноты покупай, на дорогу я еще пришлю деньги или займи у Мар<ьи> Кас<паровны>. Если не сюда, то не может ли Станк<евичева> горничная проводить тебя до парохода. (Обо всем этом умоляю Мар<ью> Кас<паровну> распорядиться.) У нас вот что было. На днях пришел ко мне один русский — знакомый — и сказал, что он и еще кой-кто из русских зовут меня отобедать — на другой день — и Огарева.

Когда мы пришли — представь, что мы нашли почти всех русских в Лондоне и огромный стол со всякими роскошями. Тут были и наши Чернец<кий>, Тхорж<евский>, моряки, русские офицеры, которых ты не знаешь, Бени, — это *было ровно три года*, как вышел первый лист «Колокола», — и они собрались дать мне этот пир с Огаревым.

На столе стоял торт с надписью 1 июля 1857. Торт этот был послан Ольге. Один из русских говорил речь, и Бени говорил — я им отвечал. Обед начался в 8 часов вечера и кончился в 3^{1/2} ночью. Все гости пошли нас провожать.

Вот тебе и новость.

Сегодня концерт Голицына, и Янза будет. Он кланяется тебе. Вильма все больна, и у матери ее глаз болит.

Ольга ведет себя недурно.

Таландые был здесь.

Марья Каспаровна, читайте обед — но не говорите Oh — bête.

74. М. А. МАРКОВИЧ

7 июля (25 июня) 1860 г. Лондон.

7 июля. Alpha Road.
S. John's Wood.

Наконец-то от вас письмо с означением места. А то я уж начинал дуться на вас — во-1-х, за то, что вы точно Мадзини — никогда вас не найдешь — то в Палерме, то в Берне, то в Мадриде; во-2-х, как же вы мне ни слова не сказали о моей статье —

писанной только, чтоб воскурить вам фамиям лести. За то посылаю ее еще раз.

Ваш червонный *муз* (больше чем Король и козырный) — такая изящная прелесть, что я заочно поцеловал вашу руку. А читали ли Тург<енева> «Первая любовь»? По-моему, это гораздо лучше «Накануне».

Читать я вам буду многое — но между четырех глаз. Мне очень редко хочется кому-нибудь читать — то, что вам прочту.

До 10 августа, вероятно, мы здесь. В Isle of Wight или возле я буду непременно к приезду Таты.

Процайте. Напишите, пожалуйста, получили ли письмо. Огар<ев> кланяется, и оба жмем руку.

А. Герцен.

А Тат<ьяна> Пет<ровна> где?

75. А. А. ГЕРЦЕНУ

9 июля (27 июня) 1860 г. Лондон.

9 июля 1860.

10, Alpha Road. S. John's Wood.

Я принимаю твое последнее письмо за начало раскаяния. Я готов все простить... но не так легко в самом деле забывается то, что произвело сильную боль.

Я требовал от тебя жертвы, — жертвы, которую диктовал здравый смысл, с которой согласны *все, с кем я ни говорил*. Ты отказал. Оскорбленный не только отказом, но притязанием мне толковать какую-то пустую теорию семейной жизни, я был строг — в твоей дерзости, с которой ты отвечал, я измерил, насколько мы чужие и насколько родные... Письмо к Огареву не лучше. Желание оправдаться и начало, может, угрызения совести — тебя привело к мелкому желанию обвинить меня. Ну представь себе, что ты с документами в руках докажешь, что в минуту досады я дурно поступил, — неужели это тебя оправдает? Нет, это только унижит меня.

Представь, что Огарев и Фохт скажут: «Да, действительно он скверный человек». Весело ли тебе будет это торжество? Нет, любовь молодого к старому — не может быть основана на кулачном бою. Если б я в самом деле был виноват — тут-то и было бы торжество любви в кротком ответе. И заметь, я эту любовь и это уважение — требую от тебя не только потому, что я твой отец, — но потому, что я знаю и чувствую, что всей моей жизнью — я заслужил его от молодого поколения (от русского по крайней мере), — я вправе требовать *пристрастия* — но как дар, идущий из сердца.

Если б ты видел теперь здесь эту семью молодых офицеров, севастопольцев, отличившихся кровью и мужеством, которая окружает меня женской нежностью (одного из них, кн(язя) Тр(убецкого), ты увидишь), — то ты еще яснее поймешь, отчего иногда у меня навертывается слеза. Да, я тебе говорю откровенно... я многое, все клал на вас троих...но я плохой семейный человек. Не рвите же эти кровные связи — нехорошо будет вам, когда та семья сочувственного юношества — станет ближе... И когда я, испуганный этим, хватаюсь, чтоб Тата не пошла в сторону... ты и этого не понимаешь!

Сим я оканчиваю — я не сердит больше. Ищи не прощенья — я давно простил, ищи возвращения веры, — ищи, чтоб мне легко было думать об этом — как о случайности.

Письмо я к тебе переслал, потому что я всегда и все письма посылаю, но по твоему письму я вижу, что я хорошо сделал. Что за слабость — бежать от раскаяния. Тут тебе только новое доказательство — что я должен был тебя остановить.

Вероятно, вакансии начнутся в конце месяца — ты можешь заехать за Татой к Мар(ье) Касп(аровне), или согласиться с Тат(ьяной) Петр(овной), или с Сатиными — где и как встретиться. Тата может на несколько дней заехать в Берн, — при этом возьми у Мар(ьи) Касп(аровны) до моря горничную Станкевича или другую. Между 10 и 15 августа — я вас буду ждать, вероятно, не в Вентноре — там слишком много русских. Лето здесь ужасное — холод и дожди.

Будь здоров — обнимаю тебя. Ольга здоровет и хорошеет.

На днях мне и Огар(еву) давали спландидный обед — почти все русские, находящиеся в Лондоне, — это была годовщина первого листа «Колокола». Подробности я писал к Тате. На обеде из старых знакомых были Чернеп(кий), Тхоржев(ский), моряки — обед начался в 8 часов и кончился в 3 ¹/₂.

Понедельник.

76. М. К. РЕЙХЕЛЬ

12 июля (30 июня) 1860 г. Лондон.

12 июля. 10, Alpha Road.
S. John's Wood.

Вот что значит близь Иртыша родиться — все канцелярский порядок, да отвечай по пунктам.

§ 1. Само собою разумеется, если Сапа приедет через три недели, то Тате лучше его ждать, с ним заехать в Гейделберг, в Берн — а потом ехать сюда.

§ 2. Горничную наймите очень определенно. Пожалуй, до Лондона — только чтоб я знал, заплатить столько-то и столько-то на обратный путь.

За что же гневались и ссорились? А вы лучше скажите Мельгунову — что я его поздравляю с приездом в Дрезден, и познакомьте его с Татой — а с Редкиным не знакомьте (потому что он и без вас его знает).

Если деньги нужны — черкните.

В Ventnor я решительно не поеду, там кишмя кипать будет русскими. Второй концерт Голиц^ына имел огромный успех — вы увидите, что я сказал в «Колок^оле».

За сим разные либенсвирдигкейты и респекты.

НВ. Вчера у меня был один из наших посланников. — Это первый визит в этом роде — и очень любезный человек.

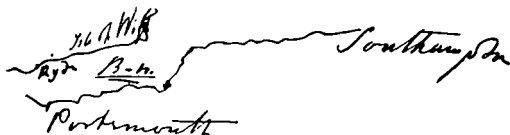
77. Н. А. ГЕРЦЕН

12 июля (30 июня) 1860 г. Лондон.

12 июля.

Милая моя Тата, целую тебя за твое письмо. Твои письма мне доставляют всякий раз большую отраду — и может единственную отраду, которую имею. Будь той же простой и чисто русской девицей — как ты есть. Ты должна долею заменить в моей жизни — Мамашу.

Ехать тебе, разумеется, с Сашей, горничную можешь взять до Лондона. Петруше напиши — что место еще не избрано, вероятно, M^{selle} Meysenbug поедет с Олей в Bournemouth — там очень хорошо, сосновые леса, горы и море.

Прощай. О даме думаю, и очень. Miss Reeve была бы всех выше умом, но она сама большая нелюдимка. Осень — ты будешь с Мейзенб^уг (Ольгой я больше прежнего доволен) — на море. Я буду жить и там и в Лондоне.

Meysenb^уг предлагает на зимние месяцы в Париж. С ней и с Miss Reeve. Я предлагаю ехать в Брайтон.

Я забыл тебе написать, что на обеде торт этот был сделан в форме колокола.

Целую тебя много, прощай.

Огарев кланяется. Ольга уехала в Виндзор.

Рукой Н. П. Огарева:

Милая и премилая Тата, крепко целую тебя и за то, что ты доброе дитя, и за то, что ты не немка. А все же не худо по обещанию написать мне подробно — что ты делаешь в живописи и музыке.

Твой А г а.

78. А. А. ГЕРЦЕНУ
14 (2) июля 1860 г. Лондон.

14 июля. 10, Alpha Road.

Если ты едешь 22<-го> — то поезжай не в Гейдельберг, а прямо в Дрезден, оттуда в Гейд<ельберг> вместе с Тагой. Тате одной с тобою ехать на воды невозможно — иначе как на самое короткое время. В Берне было бы лучше. В Дрездене вы возьмете горничную, о которой я писал. В Гейделб<ерге> она останется у Сат<иных>, а ты в Hotel'e.

Мое письмо к тебе было исполнено любви и печали — и я действительно не понял, чему ты радовался. Внимательно ли ты прочел его?

И я вовсе еще не в радостном положении. Вчера С<атин> — благороднейший, превосходнейший человек, который остался каким был в 1834 году, — пишет: «Спаси Alex<andre'a> от глупости преждевременного брака»... а Мар<ья> Кас<паровна>: «Разумеется, вы правы — да послушается ли он вас?» — Наконец, Таландье и тот остолбенел.

Моя совесть, мое понимание и любовь к тебе говорят то же, что они — один ты говоришь другое. Оттого-то я тебе и дал грустную волю делать как хочешь, но никогда не дам согласия противно моему убеждению.

Если б Тата могла до Лондона доехать с Тат<ьяной> Петр<овной>, это было бы лучше.

Насчет пути все, что я пишу, — ты должен принять за приказание.

Прощай. Пиши, когда выедешь.

Извести также вперед и Тату.

79. И. С. ГАГАРИНУ
21 (9) июля 1860 г. Лондон.

21 июля 1860. 10, Alpha Road.
S. John's Wood.

Милостивый государь,

позвольте мне поблагодарить вас за ваше доброе внимание. Чаадаева я действительно любил и уважал много. Я у него имел удовольствие встречаться с вами — полагаю, в 1843 или 44 году.

У вас есть значительная ошибка, вы можете ее исправить в следующей книге, о которой вы говорите. Письма Чаадаева не были писаны к Екат<ерине> Ник<олаевне> Орловой, а к Екатерине Гавриловне Левашовой. (В ее доме и жил Чаадаев — на Басманной.) Это была женщина необыкновенно развитая,

много и тихо страдавшая, она умерла — лет сорока, и Чаадаев, говоря раз со мною об ней, превосходно выразился: «Женщина эта изошла любовью». В моей жизни она тоже играет роль — (в «Поляр<ной> звез<де>», кажется, в 4 кн<ижке>, 143 стр.), — и я прошу у вас позволение явиться за нее адвокатом — в праве на письмо.

Примите уверение в моем искреннем почтении.

Ал. Герцен.

80. Н. А. ГЕРЦЕН

23 (11) июля 1860 г. Лондон.

23 июля 1860.

Милая Тата, не знаю, найдет ли тебя эта записочка в Гейделберге или ты еще в Дрездене. Пишу на всякий случай, чтоб сказать, что Ольга и М. Meys<enbug> едут к 1 августу в Bournemouth, куда, вероятно, мы уже отправимся вместе. Если Тат<ьяна> Пет<ровна> скоро поедет, то ты можешь ехать с ней. В Берн тогда, может, ты не попадешь; но можешь погостить в Гейделберге. Во всяком случае напиши мне тотчас и подробно, чтоб я мог написать тебе ответ и сказать, как лучше.

Мне прислали из России подарки, только слишком богатые — серебряный крестьянский лапоть и золотой бурак для икры. Бурак сделан превосходно.

Прощай. Напиши, узнала ли тебя Лиза и узнала ли ты Тат<ьяну> Петр<овну> — ты можешь у ней справиться, как мы ели гороховый кисель с постным маслом и грешневники.

Обнимаю тебя много — пора тебе домой.

81. Н. А. ГЕРЦЕН

24 или 25 (12 или 13) июля 1860 г. Лондон.

Милая Тата, жду теперь от тебя вестей из Гейделберга и Берна. Пиши аккуратно, когда едете, — я приеду на железную дорогу. — Meysenbug едет 1-го августа с Ольгой в Bournemouth.

Письмо твое получил, и Огарев тоже, мы оба были ими довольны. Художник был прав — всякое искусство требует много усилий, много навыку — и след. много времени — но оно у тебя есть. Музыка и рисование — должны быть на главном плане.

Что Miss Reeve не светская дама — это правда. Но что это женщина необычайного ума и развития — и это правда. Насчет зимы ничего не решено. В Париж если я тебя отпущу — то по очень важным причинам. Тебе надобно быть близко от меня.

Горничная — на вопрос Саши — может ехать во 2-х мест<ах>.

Скажи Саше — письмо его я получил, — отвечать на него нечего. Если в Берне к нему придет князь Трубецкой (Павел) — то чтоб принял его как нельзя лучше.

Представь себе, что сегодня мне Tassinari — надергал копии — значит, пора тебе домой.

82. И. С. ТУРГЕНЕВУ

25 (13) июля 1860 г. Лондон.

25 июля. 10, Alpha Road.
Regent's Park.

Получив строжайшее вашего превосх^одительства предписание — по следующей за ним почте — счастье имею ответить.

К 10 августу Анненков метет перед собою лавину русских, в том числе — литераторы, воины, мои дети, Т. П. Пассек, Марья Александр^овна, — последний № «Современника» и другие страны и области — к Лондону.

К 10 августу — и я еду из Лондона.

Но это не для того, чтоб не видеться — а для того, чтоб видеться.

Я разбиваю свою палатку — т. е. купальную, в Bournemouth — это от Ventnor, от Needles и от всего Белого острова через маленький пролив, так.

Но спрашиваешь ты меня — зачем не в Ventnor?

Но отвечаю я тебе — там из Жмуди целое население русских, и покоя не дадут ни на минуту. Видеться мы можем всегда. Даже есть правильное сообщение пароходами.

Если тебе все равно — купайся в Бунмуссе (как произносят здесь). Тебе я рад.

Далее я буду снова между Regent's Park'ом — и берегом.

У ног ваших.

А. Г.

Огарев кланяется.

Ты знаешь, что в Петерб^урге на обеде старшинам Английского клуба подавали (по печатному меню) Глас-Шатобриан.

Ну, кабы Мельгунова — глаз?

25 (13) июля 1860 г. Лондон.

Рукой Н. П. Огарева:

25/13 июля.

Спасибо тебе, друг мой, за письмо. Натали в Гейдельберге, и потому я один могу воспользоваться случаем. Что же скажу я тебе? Я работаю насколько сил хватает и насколько этот поганый климат оставляет их. Постоянное давление на мозг водородо-электрической и вдобавок обугленной атмосферы очень надоедает. Все это время содержание воды в воздухе от 0,82 до 0,84, — что очень удобно для рыбы и очень грустно для человека. Но несмотря на это, я все же не унываю. До сих пор у меня еще не прошла постальгия, и так бы хотелось обнять тебя и увидеть родные места и нашу — аристократически — самую скверную губернию. Долго я говорил и думал о тебе. Друг мой, поезжай в Москву; в нашей губернии ты слишком одинок, а от промышленной деятельности пора отдохнуть; ты слишком хороший человек, чтоб нажить барыши. Меня, право, мороз пробирает, когда вдумываюсь — что ты там делаешь?.. Крутом соседи, внутренне, затаенно враги, а контрметры по хозяйству плохие помощники. Первым я, конечно, плачу той же враждой, а на последних не знаю даже сердиться ли. С чего им быть честными? Но из всех данных я одно думаю — тебе в Москве было бы легче, и ты, конечно, больше принесешь пользы умением говорить в Москве, чем в деревне. Подумай об этом. Я глубоко страдаю твоим одиночеством; так бы и полетел хоть на минутку отвести тебе душу моей безграничной любовью к тебе, — да вот что ж делать — взялся за гуж, не говори, что не дюж. Да по правде сказать — перестать тянуть гуж все равно, что перестать жить.

Хороший человек доставит тебе это письмо; он тебе расскажет и об нас. Крепко обнимаю тебя и маман. Когда же я вам покажу Лизу? Лиза одно из самых отградных явлений в человеческом мире; говорю без всякого пристрастия. Даже немцы — уж на что тупоумны — а останавливаются на улицах и смотрят на нее с восхищением. Кабы да выросла она такая же светлая, как теперь! Пожалуй, мы этого уже и не увидим, да так хочется, чтоб жизнь ее была изящна.

Ну, прощай, еще раз крепко обнимаю тебя.

Редко мне удается сказать вам, как по-прежнему я люблю вас, и позвать хоть чернилами вашу руку. Нынешним летом — мы так живо поминали Русь и былые времена, что просто стало грустно в нашем *сыром* далеко!

Будьте здоровы.

84. Н. А. и А. А. ГЕРЦЕНАМ

26 (14) июля 1860 г. Лондон.

Тате или Саше, кто налицо.

26 июля.

Милая Тата, я своего плана не изменял, и тебе самой поручаю смотреть за его исполнением. — Если Тат(ьяна) Петр(овна) едет в продолжение *одной недели* от получения этого письма в Лондон — ты можешь ехать с ней и с Сашей вместе. Если ты

хочешь и это возможно, ты можешь остаться дни два-три лишних в Гейдельберге. Выехав из Гейдельберга — если заедете в Берн, я там *решительно не позволяю остаться* больше трех, четырех дней.

Ясно теперь? В Эмс с Тат(ьяной) Петр(овной) ехать не зачем.

Если все еще недостает денег, возьми у Елены Алекс(еевны) — а я сейчас пришлю.

Ольга едет — 30 или 31 в Bournemouth — куда и я приеду, да, кажется, и Тургенев.

Марии Александровне скажи, что я оттого и не пишу, что жду ее сюда.

Затем обнимаю тебя и Сашу.

Прощай.

85. М. А. МАРКОВИЧ

27 (15) июля 1860 г. Лондон.

27 июля. 10, Alpha Road.
Regent's Park.

Я раз писал к вам в Швалбах, Мария Александровна, и потом ждал, что вы в первых августах как снег на голову. Анненк(ов) пишет, что он как вихрь забирает la Russie mobile и плывет в Англию. Тургенев ворочается и медленно выступил из Courtavenel. В Isle of Wight будет, как я вам писал, толпа русских — я буду возле. Мне очень хочется вам прочесть те несколько глав (которые мне стоили несколько лет и которыми я был до нынешнего лета недоволен) — да только мне бы это хотелось или в комнатке у вас — читать с глазу на глаз, или на поле — я сказал бы на берегу морском — только это смешно, — но непременно с глазу на глаз, тогда я не буду по обычаю дурачиться, могу быть грустен, если буду грустен, и вы не будете развлечены. Я жду вашего искреннего суда, честного, — вы — как женщина — должны сказать, если что вас шокирует. Я верю в ваше сердце. А для меня эти главы не шутка. Кроме Ог(аревых) и С(атина), я *никому* не читал всего.

Видели ли вы Тату? Я ею очень, очень доволен... Наши колокольные дела идут блестяще. Об этом при свидании.

Дайте вашу руку.

А. Герцен.

Я для того взял большой лист, чтоб письмо показалось коротко.

Если Тат(ьяна) Петр(овна) у вас близко, скажите ей, что я получил письмо от Зонненберга. И что Медведева умерла (это

вятская дама Р. в «Былое и думы»). Тате в Эмс ехать я не позволяю — это слишком долго.

На обороте: *Germany.*

Madame M. Markovitch.

Schöne Aussicht bei Hoffmann.

Schwalbach.

86. М. К. РЕЙХЕЛЬ

27 (15) июля 1860 г. Лондон.

27 июля 1860. 10, Alpha Road.

S. John's Wood.

Почтеннейшая тетушка Марья Каспаровна, я всегда полагал, что германский воздух — нездоров для северных мозгов, — ныне же убедился, что и на вас таковой дурно действует. И это вам было не стыдно писать целую диссертацию, с бухгалтерией, с *Comptabilité en partie double*¹, — давно ли же я стал таким Гарпагоном. В то время как я вам писал: «больше уроков, больше уроков»... а коли уроки, надобны и башмаки (нельзя босой их брать). Итак, об этом вздоре не пишите. Я, впрочем, счет ваш и не читал. А когда совсем расплотитесь — напишите: «Шикен зи зофилъ». Вчера получил я письмо из Москвы... От кого? Отгадайте... Ну фунт конфект, рюмку абсенту... а я скажу на другой стороне. От Зонненберга, с теми же ошибками, просто удивленье. Праск(овья) Петр(овна) умерла.

Теперь я полагаю, что Тата в Гейделберге. Тетушка-племянница Тат(ьяна) Пет(ровна) тоже мозги расстроила. Я и вам и ей писал, что хорошо, если Тата — с ней поедет, т. е. если она в то же время поедет. А зачем же Тате в Ласточкин ручей (*Schwalbach*)? Надобно и домой ей — т. е. к морю. В Берне как можно меньше оставаться.

Прощайте.

87. М. К. РЕЙХЕЛЬ

2 августа (21 июля) 1860 г. Лондон.

2 августа. 10, Alpha Road.

S. John's Wood.

Письмо ваше на этот раз удивило меня, и моя шутка о немецком влиянии на мозги подтверждается. От вас я никак не ждал этого. О чем речь? Я посмеялся над вами — что вы с такой серьезностью пишете о деньгах. Но тем не меньше я считаю, что немецкая жизнь вообще пошлая и что достаточно, что Саша — сделался гелветонемец. Где же это вас оскорбляет? В какой симпатии или антипатии? Или этот взгляд мой вам новость? — Впрочем я думаю, если вы подумаете, то будете согласны.

¹ двойной бухгалтерией (франц.). — *Ред.*

Писал я разные распоряжения вот почему. Тат(ьяна) Пет(ровна) вообразила, что я Тату с ней отпускаю в Эмс — Саша, что я с ним ее отпускаю в Швалбах. Все это вздор. Тате следует ехать в Гейделберг, пожалуй, заехать в Берн — и прямо сюда. Только найдите ей провожатую — мудрено ли *argent payant*¹ найти.

Не нужно ли еще денег? На всякий случай посылаю еще 10 ф.

Напишите поскорей и не ссорьтесь со стариком — а дайте-ка попросту вас обнять на мировую.

Рейхелю сто поклонов.

Получили ли последн(ий) «Колок(ол)». Какова 1-ая статья?

88. А. А. и Н. А. ГЕРЦЕНАМ

6 августа (25 июля) 1860 г. Лондон.

Любезный Саша,

так как ты мне после твоего отъезда не отдавал ни разу отчета в деньгах, то я не мог знать, есть у тебя или нет. Я послал еще 10 ф. (после 15-ти) к Тате и посылаю 10 ф. тебе. Если не достанет, то, я полагаю, ты можешь занять, а я тотчас отдам. Твое жалованье — 3000 фр. да, сверх того, я плачу дорогу от Берна в Дрезден и обратно, потом из Берна в Лондон (путевые издержки). Нет ли еще получения из Фрибурга?

Странно мне, что ты так мало опытен, что не догадываешься о секрете, почему Тат(ьяна) Пет(ровна), Сат(пны) и все говорят мне одно, а тебе другое, — при свиданье я тебе растолкую и даже буду с тобой держать пари, что Таландые, который совершенно согласен со мною, будет согласен с тобой.

Что ты плохо знаешь сердце человеческое — это натурально. Но что ты из всего делаешь орудия противоречия — это жалко и скучно. Ты меня не убедишь, а я тебя больше не убеждаю (неужели ты и этого не заметил?) — *я тебе предоставляю волю*. Образ твоей оппозиции, манера ее была такова, что я тотчас отказался. Теперь ты хочешь, чтоб я при этом еще улыбался — я не каменный и боль очень глубоко умею чувствовать. Что при этом я от всей души желаю счастья — тебе, вам всем — в этом ты, верно, не сомневаешься.

Затем — прощай!

Милая моя Тата.

Жду тебя с большим нетерпением, для того чтоб вместе ехать в Bournemouth — напиши мне тотчас, когда вы едете, — аккуратно день в день. Вы должны так распорядиться, чтоб приехать не ночью, если можно. Тогда я мог бы вас встретить.

¹ на наличные деньги (франц.). — *Ред.*

Прощай, друг мой, будь здорова. Огарев вам кланяется.
Узнала ли тебя Лиза?

6 августа.

89. М. К. РЕЙХЕЛЬ

7 августа (26 июля) 1860 г. Лондон.

7 августа. 10, Alpha Road.
Regent's Park.

Либе Марья Каспаровна,

бюст Грановского прибыл, он очень хорош, хотя и не без изъянцев. Да и то чудо. А вот в чем изъянцы — у Грановского брови были проеминантнее и глаза глубже, потом мне кажется, что его лицо было подлиннее. Но похож — и я очень, очень благодарен.

Что Тата уехала или нет? Саша пишет от 1 авгу<ста>: «Мы через 4 дня едем в Берн». — Отчего же не в Гейделберг?

Я послал еще 10 livr. вам в письме, да 10 в Берн. Если нужно, я готов сейчас прислать еще.

Если Тата в Гейделберге, отошлите ей записочку.

Писал ли я вам, что Зонненберг писал ко мне бизмо — с каким-то квартальным. Ему 80 лет, и он хотел жениться два года тому назад. На досуге я вам напишу, как у него маска украла полчелюсти.

Детей целую и Рейхеля.

90. Н. А. ГЕРЦЕН

7 августа (26 июля) 1860 г. Лондон.

Милая Тата.

Ты и Саша очень неопределенно пишете, когда вы едете и как. Я полагал, что вы будете в Гейделберге — отчего же Саша просил деньги прислать в Берн? Я послал туда на его имя 10 ф., если неостанет, он может занять.

Обнимаю тебя и Сашу.

7 августа.

Анненков здесь, Тургенев завтра приедет.

91. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

7 августа (26 июля) 1860 г. Лондон.

Любезный Тхоржевский!

Не знаете ли вы хорошего переписчика-англичанина, который бы знал язык и даже мог бы поправить рукопись. — Я приду часов в 6 — узнать.

7 августа.

10, Alpha Road.
S. John's Wood.

92. А. А. и Н. А. ГЕРЦЕНАМ
9 августа (28 июля) 1860 г. Лондон.

9 августа. 10, Alpha Road.
S. John's Wood.

Последнюю записку я от вас, т. е. от Таты и от Саши, получил, к 20 августу дом будет нанят в Bournemouth. Пора, и очень, вам приехать, я устал, устал от шума, от пустоты, от многого; спокойно прожить месяца два — дело великое. Я не могу сказать, как страшно было здешнее лето, но мне не к лицу жаловаться.

Как мне учредить зиму—этого я сам не знаю; может, перееду в Брейтон. Я хочу очень много сам заниматься воспитанием Таты.

Твой бывший учитель, Домогальский, едет к Гарибальди, и мы (т. е. я с здешними русскими) хотим его экипировать на наш счет и послать в подарок.

О деньгах я писал, что 10 ф. в Берне. Можешь занять, если надобно, а если есть время, напиши.

Тата, Ольга спрашивает всякий день о твоём приезде письмом.

Напиши, как Лиза—узнала ли тебя. Кланяйся Natalie и Елене Алексеевне и всем детям

и будь здорова.

Рукой Н. А. Тучковой-Огаревой:

Может, мы не будем в Boulogne, а возле Ostende — не ездите к нам, не получивши письма.

93. А. П. ТУМАНСКОЙ
11 августа (31 июля) 1860 г. Лондон.

Madame,

Tout coupable que je parais — j'ai des causes atténuantes à plaider. J'ai deux domiciles, l'un au bord de la mer et l'autre au bord de Regent's Park. Voilà la seule cause d'un retard fâcheux pour moi.

Je tâcherai de venir présenter mes respects — Lundi ou Mardi — en attendant je vous prie, Madame, de recevoir mes salutations les plus empressées.

Al. Herzen.

11 août 1860.
10, Alpha Road, St. John's Wood.

Перевод

Милостивая государыня,
как бы я ни казался виновен, я могу сослаться на смягчающие мою вину обстоятельства. У меня два места жительства,

одно на берегу моря, другое на краю Regent's Park. Вот единственная причина опоздания, на которое я очень досадую.

Надеюсь засвидетельствовать вам свое почтение — в понедельник или во вторник, — а пока прошу вас принять мой усерднейший поклон.

Ал. Герцен.

11 августа 1860.

10, Alpha Road, St. John's Wood.

94. А. А. ГЕРЦЕНУ

Между 10 и 13 августа (29 июля и 1 августа) 1860 г. Лондон.

Любезный Саша,

обо всем я переговорю с тобой в Лондоне. Советоваться, придумывать — я готов с тобой как с другом. Но позволить и допустить, чтоб ты разом расстроил целый план — и не приезжал бы с Наташей, как я сказал, я не могу, да, вероятно, если ты подумаешь, то и не потребуешь этого.

А потому — по получении этого письма — ты (как было сказано в прошлом письме) приедешь сюда. Это очень странно — я все приготовил, нанял большой дом, чтоб провести с вами два месяца и придумать, что делать. — И снова меня обрекаешь ты на пустоту, после того как нанес мне все-таки сильное огорчение. Я думаю, что Тата на это не согласна.

В будущее воскресенье или понедельник я вас жду.

С каким восторгом ты мне писал месяца два тому назад об Тат<ьяне> Петр<овне>.

Р. S. Я очень рад, что С<ерно>-Сол<овьевич> тебе понравился, — в многом я желал бы, чтоб ты походил на него, — этот человек всеми корнями живет в общей деятельности.

95. М. А. МАРКОВИЧ

13 (1) августа 1860 г. Лондон.

13 августа. 10, Alpha Road.
S. John's Wood.

Тургенев вчера уехал на Isle of Wight, — адрес к нему — просто Ventnor, pos<te> res<tante>. Isle of Wight.

Последнее время так страшно много было народу у нас — и всё меняются лица, точно на смотр, идут — идут правильно, кричат: «Здравья желаем!» и опять идут — так что я устал; на меня тоже находит иногда хандра — я знаю, что она мне не к лицу — а туда же, сверлит до тех пор, пока снова начинаю шуметь. Вы знаете солдатскую песню:

Нам ученье ничего,
Впрочем, очень тяжело!

Меня многое сердит — даже раннее намерение Саши жениться, его немецкое состояние *flagrant*¹-жениха, невозможность порядком устроить дело воспитания, невозможность покинуть Англию. До 23 я пробуду здесь, потом к морю.

Говорят, что из Bournemouth на Wight два шага (морем), если вы туда — я буду к вам ездить.

Тургенев очарован вами.

Прощайте. Будьте здоровы.

А. Герцен.

96. М. К. РЕЙХЕЛЬ

15 (3) августа 1860 г. Лондон.

15 августа. 10, Alpha Road.
S. John's Wood.

Подумал я о вашем письме — подумал, — а все же вы не во всем правы. Оставимте пустословие о немцах — я никогда не думал, чтоб не было хороших и отличных немцев, — стало быть, мне и в голову не могло прийти, что вы станете защищать их из семейного начала. Да и вы это, вероятно, после придумали.

Перехожу к воспитанию. Если б вы знали, как мучителен мне был в последнее время этот вопрос, то не усомнились бы в том, что я много думал об нем.

Ничего, решительно ничего не представлялось путного, доброго, умного. Да, в Мейзенбург есть недостатки (отрицательные), но благородства и чистоты она всеполнейшей. Я хочу заниматься воспитанием Таты сам. А Ольге Мейзенбург очень полезна. Это странная натура — и сильная.

Вероятно, вы знаете, где Тат<ьяна> Петр<овна>, перешлите ей записочку.

Но всего страннее то, что нам приходится спросить вас, слышали ли вы — где теперь Нат<алья> Ал<ексеевна> и Сат<ины>. Они писали, чтоб после 15 не писать на Гейделберг — и никакого адреса, так что Ог<арев> не знает, пришло ли его письмо и куда писать.

Was bin ich Ihnen schuldig, Frau Professorin? ²

Здесь Ан<ненков>, Тур<генов>; Бот<кин> уехал в Wight. У меня насморк — погода ужасная.

Прощайте.

А. Г.

P. S. Если вы можете вернуть Тат<ьяне> Петр<овне> словечко, что по первой йоте о каком-нибудь сватовстве я с ней поссорюсь, вы меня обяжете — и очень. Мне так все это надосло, что я просто делаюсь желчевым стариком.

¹ явного (франц.); ² Что я вам должен, госпожа профессорша? (нем.).— *Ред.*

21 (9) августа 1860 г. Лондон.

Вторник. 10, Alpha Road.
S. John's Wood.

O du guter, bester

Hanenkoff¹.

Что взял, что поехал на остров... куру строить Тургеневу, смотреть Боткина носорык и жить Робинсоном возле Крузе. — «Мне нужны поля (les marges) — Листы (не играющие на клавикордах)» — вот тебе за то — дождь, ветер, курить нельзя — а здесь Голицын дирижирует Ogareff-Quadrille, возле каждого Poste Office, Poste aux filius и сверх того доктор Смирнов — от Елагиной с письмом. Меня задержали дети глупейшим образом — я советую тебе просто ехать в Лондон, а отсюда прямо в Царевосангурск.

Я полагаю, что это умнейшее.

Пришла «Библиотека для чтения» и Каткова «Англо-клет». (Долгорукий очень удачно называет его Катков — оно и деликатнее и самую сущность предмета выражает.) Англо-мания его доходит до отвратительного, он рабски любит свободные учреждения.

Тургенева обнимаю — ну что значит телеграмм?

Кланяйся всем. — Скажи Боборыкину, что я вряд могу ли выехать ближе конца недели.

Твой раб — в бессрочно переходном состоянии

А. Г.

Огарев, пожалуй, и сам припишет.

На концерте: Monsieur P. Anen<koff>.
Aux soins de Mons<ieur> I. Tourgué<neff>.
Rocke Cottage. Ventnor.
Isle of Wight.

22 (10) августа 1860 г. Лондон.

Télégraphe du Kolokol

Département

Anenkoff

11 heures — Mardi — Alexandre Tata arrivés — départ fixé —
vendredi (ou samedi)

¹ О ты, добрый, пандобрейший Анненков (нем.). — *Ред.*

Il pleut — Tourguéneff saluez

Adresse de Bournemouth
Eagle's Nest.

10, Alpha Road.

S. John's Wood.

Mercredi — 22 août (день коронации Николая).

На конверте: P. Anenkoff Esq.
Care of I. Tourguéneff Esq.
Rock Cottage, Ventnor.
Isle of Wight.

П е р е в о д

Телеграф «Колокола»

Департамент

Анненкова

11 часов — вторник — Александр Тата приехали — отъезд
назначен — пятницу (или субботу)

Идет дождь — кланяйтесь Тургеневу

Адрес в Борнемуте
Eagle's Nest.

10, Alpha Road.

S. John's Wood.

Среда — 22 августа (день коронации Николая).

На конверте: П. Анненкову, эск.
При содействии И. Тургенева, эск.
Rock Cottage, Ventnor.
Isle of Wight.

99. Дж. ГАРИБАЛЬДИ

23 (11) августа 1860 г. Лондон.

23 août 1860. Londres.

10, Alpha Road. St. John's Wood.

Mon cher général,

Un de nos amis polonais, officier et ingénieur, membre de la Centralisation démocratique à Londres — *M. Domagalsky* — part pour se mettre sous vos drapeaux. Nous lui avons fourni les moyens pour atteindre son but — et permettez-moi d'ajouter quelques mots de recommandation — si vous vous souvenez de moi.

J'ai presque peur de m'adresser à vous — vous êtes trop grand, trop illustre, nous vous admirons, nous vous aimons — et je vous jure que ce n'est pas de la rhétorique. C'est avec une sympathie

sans bornes et les larmes aux yeux que nous vous suivons — pas à pas — dans votre marche glorieuse.

Recevez mes salutations les plus sincères.

Alexandre Herzen.

Перевод

23 августа 1860. Лондон.

10, Alpha Road. St. John's Wood.

Дорогой генерал,

один из наших польских друзей, офицер и инженер, член Демократической централизации в Лондоне, *г-н Домагальский*, едет сражаться под вашими знаменами. Мы предоставили ему средства для достижения его цели; разрешите мне рекомендовать его в этих кратких словах — если вы меня еще помните.

Я почти боюсь обращаться к вам — вы слишком велики, слишком знамениты, мы восхищаемся вами, любим вас — клянусь, что это не риторика. С безграничной симпатией и со слезами на глазах мы следуем за вами — шаг за шагом — по вашему славному пути.

Примите мой искреннейший привет.

Александр Герцен.

100. М. К. РЕЙХЕЛЬ

23 (11) августа 1860 г. Лондон.

23 августа. 10, Alpha Road.

S. John's Wood.

Посылаю вам — карейшая madame — 15 фунтов. Саша и Тата налицо — едем завтра. Вы можете смело адресовать письмо так: England, Eagle's Nest, Bournemouth (near Poole).

Я решил сам написать Тат<ьяне> Пет<ровне>. Жаль, если рассердится; но делать нечего, право, я устал от всех этих дразг.

Рукой Н. А. Герцен:

Милая моя Маша.

Опять пишу тебе из старого Лондона. Ты верно сердилась оттого, что я <не> писала, не правда ли?

Я очень весело провела время в Швейцарии, познакомилась с Эммой и с Вогтами, я их всех очень полюбила и они нас тоже.

Мы приехали сюда третьего дня, Папа и Огарев были довольны моими головками.

Я тебе больше напишу из Орлиного гнезда, а теперь прощай.

Твоя Тата.

Портреты посылай в Bournemouth. Эмма просит тебя взять для нее два билета, Сахе тоже возьми два и мне два и пришли нумера.

Рукой Н. П. Огарева:

Пятница.

Не обвиняй меня без нужды
В разврате лениости моей,
Еще далеко мне не чужды
Корреспонденции друзей,—

а дело в том, что Г<ерцен> так заторопил намеренн отсылкой на почту, что я не успел черкнуть ни строчки. Ах, Павла Васильевна, если б вы знали, как ваше присутствие возбуждает во мне какое-то милое и скорбное воспоминание о каком-то дружном круге, о родине, о деревне... вы бы не сказали, что мне лень к вам писать. И черт знает почему, Анненков, именно ты, твой вид, твоя добрая физиономия — затрогивают меня в этом смысле так, что я чувствую — и ты сам мне близок, и из-за тебя для меня воскресает весь родной мир, и если б не стыдно было и не некогда — я бы от души заплакал. Никто, кроме тебя, не производит на меня этого впечатления. Ерго не обвиняй меня в лени. Но этой речи я продолжать не стану, она расслабляет.— Я бесконечно рад, что вы наконец делаете попытку приучиться к обществу, и горячо обнимаю за это Т<у>рг<енева>.— Если он поступает сознательно — честь ему и слава; если не нарочно — и то хорошо. Без групп или клубов обществен<ное> мнение не образуется; а группы составляются явно или тайно, смотря по внешним обстоятельствам; главное, чтоб были группы с известной задачей и с известной дисциплиной в работе, а беда не велика, если при официальной группе к делу прибавится и немного болтовни, точно так же, как и нет беды и нечего бояться прокапывать кротовые норы. Метода совершенно зависит от внешней обстановки, только группы необходимы.

Эк тебе в Англии не везет и не удастся насладиться Вентнором. Вот тебе, эпикурейцу, и урок: ехал насладиться природой, а попал на дождь, но на распространение грамотности. А почему ты эпикуреец? А потому что мне как-то весело видеть в тебе умение наслаждаться всем, что встречается на пути. Мне даже завидно смотреть на тебя, и я с унынием чувствую, что я не эпикуреец, а Сатир и Силён разом, хотя и не силён.

Погода у нас черт знает что такое, наверно хуже Вентнора, даже грудь начинает болеть. Но мне ехать к морю не хочется. Во-первых, много книг для справки нужно и потому переезд неудобен, во-2-х — мне хочется немного совершенного уединения — для ради разных планов. Но — если ты уедешь, не завернув в Лондон из боязни получаса лишней дороги — это мне будет очень прискорбно. Тебе езда не составляет телесного наказания, как мне. Да я и не верю, чтоб ты мимо проехал. А впрочем, вскую шаташася языцы, пожалуй, и не заедешь; в таком случае я тебе протяну издали. А лучше заезжай.

Посмотри на Тату — какая она стала славная; посмотри на ее рисунки, у ней есть несомненный талант. Вдобавок она сохранила прелесть детскости. Ты при встрече с ней

Сбрось тоску, на юность глядя,
Оживись и улыбнись,
И как старый добрый дядя
С благодушием явись.

Что ж еще сказать?— Статью я кончил; вышла больше, чем я ожидал. Весьма нетерпеливо желаю знать суждения о ней, ибо ее экономико-юридические понятия, пожалуй, не всем по нутру придутся; а если бы кто

поднял перчатку и вступил в полемику, я был бы несказанно рад; ничто бы так не помогло постановке вопросов и указанию на приложение их к гражданской деятельности. Эка беда, что нет врагов печатающих, кроме Головина.

Кстати — Долгорукий Каткова постоянно зовет Катков^{ым}. Это мне как-то ужасно нравится.

Прощай, душа моя, до свиданья. Напиши, когда приедешь, чтоб я был дома, а не на прогулке.

Твой О г а р е в.

12 часов. 10, Alpha Road.

Через три часа я на чугунке, через шесть в Пуле, через семь смотрю Needles и из Eagle's Nest посылаю поклон. Приезжайте когда хотите. Всем кланяюсь.

На конверте: *Isle of Wight,*
P. Annenkoff Esq.
Care of V. Kasatkin Esq.
Vale Cottage, High Street.
Ventnor.

102. М. К. РЕЙХЕЛЬ

28 (16) августа 1860 г. Борнемут.

28 августа. Eagle's Nest.
Bournemouth.

Письмо ваше на бреге если не Иртыша — то Бунмаса (так произносят здесь), и притом в присутствии страшной бури и Тургенева, получил. Да что вы торопитесь с ненужным мне оригиналом Лунина. Это *копия*, лежавшая года полтора у Мельгунова, — он с нее переводил, и что же вы ее не отдали Тате — а теперь пусть полежит *ruhig*¹ у вас.

Ну-с, говорил я с Сашей — говорил много. — *Er geht seinen Weg*² — может, придет время, он снова своротит на мой путь — но не теперь. И вот тут-то вы совершенно неправы — побранивши меня тогда за шутку. Да — то, что делает нашу нравственную непохожесть, — это немецкое влияние на него.

Татой я доволен — но ломаю себе голову до дыр, что мне делать, и ничего не могу — т. е. как устроить будущее воспитание ее. Цепи, матушка, — цепи направо и налево.

Прощайте.

Портреты получены.

¹ спокойно (нем.); ² Он идет своим путем (нем.). — *Ред.*

6 сентября (25 августа) 1860 г. Борнемут.

6 sept<embre>, 10 h<eures>du sofr.
Eagle's Nest.
Bournemouth.А как Па Васильевич
Во Бурмапкой слободе
время препровел ... вел

А я вот возвратился опять из Лондона, саго mю, и снова отсюда обнимаю тебя. Ну поезжай в Полночь(ный край) — да больше сосредоточься, не распускайся, не скидай — не теряйся от подробностей, иди одной дорогой — не развлекаясь. А Тургенев-то в Лондоне был у Emilie Hermitage-blanc и в Портсмуте — а у нас не был.

Твой Г.

Рукой Н. П. Огарева:

Лондон, 8 сент(ября).

Думал написать тебе стихи о том, что: лица проходят, а человечество остается. Именно: на станции Vaterhu была беззубая девка, которая служила в café, — теперь беззубой девки нет, а café остался. Мысль поэтическая, но тут принципиал приехал — и некогда было, а теперь надо писать статью.

Прощай, моя милая Полина, твой приезд был мне очень, очень отраден. Странное чувство возвращения с похорон преследовало меня, когда я воротился со станции. А ведь между тем я уверен, что мы увидимся. Поди ты — как глуп бывает человек.

Стаканчики отдал, и я их тебе послал с офицером, ты месяца через 2 или 3 их получишь.

При случае пришли портреты наши новые. А ты своего экземпляра 3. Напиши мне, как ты нашел Лизу.

Обнимаю тебя и всех, кто мне дружески протянет руку.

На конверте (рукой Н. П. Огарева): Germany.

Monsieur Paul Annenkoff.

Berlin.

Hôtel de St. Pétersbourg.

7 сентября (26 августа) 1860 г. Борнемут.

7 сентября 1860.

Письмо ваше я прочитал с вниманием. И могу, кажется, положить руку на сердце, сказать вам мое мнение. Ваша совершенная откровенность, серьезный тон внушают мне обязанность отвечать вам искренно. Ваша жизнь впереди — а вы хотите ее окончить. Десять строк о впечатлении, которое сделала на вас

природа в Константинополе, и постоянное искание *полного* счастья показывают, как вы молоды душой. Для чего же вы себя лишите жизни? Для чего покинете вашу дочь?

Вы постоянно, как почти все женщины, искали исключительно в одном чувстве, в чувстве любви к мужчине, *полного* удовлетворения, *долгого* удовлетворения. Но чувство любви только удовлетворяет, и надолго, когда есть другие интересы, т. е. работа, искусство, общие интересы, наконец, воспитанье детей. Ни одно личное чувство, ежели оно не основано на общем интересе, не достаточно; где ваше безличное святое, чтобы вы любили всею душой? Если оно есть — ищите в нем счастья, если нету — раскройте вашу душу — оно влетит, как мотылек в окно. До сих пор вы были сосредоточены на себе, на домашних, на возле стоящих — вместо того, чтоб смотреть в себя, посмотрите вокруг и не требуйте от людей, чтоб они были идеалы.

Жизнь — вещь случайная, — дайте ей случайно окончиться. Речь идет не о праве человека убивать себя или нет. Этот вопрос разрешается ясно из всего воззрения моего — а вы его знаете, иначе не стали бы писать ко мне; но это поступок слабый — без достаточных причин.

Вы искали человека; люди, встречавшиеся вам, далеко не подходили к тому искомому вашего сердца, о котором вы мечтали, — вы колебались, страдали и рассердились за то, что вы спрашивали больше, чем встретившиеся люди могли дать. Вам надо было встретить энергию и ум — которые бы вас подавили, натуру сильную и изящную — которая бы вас вела... вместо этого вы постоянно играли *grim'u*, вам это опротивело, и вы хотите оставить дочь. — Вы этого не сделаете, я уверен.

Письмо ваше у меня. Позвольте ли мне списать с него копию? Если нет — будьте уверены, что я его отошлю вам не списывая.

105. Э. РИВ (черновое)

20 (8) сентября 1860 г. Борнмут.

20 sept<embre> 1860.
Eagle's Nest.

Chère mad<emoiselle> Reeve,

Je prends la plume pour vous remercier cordialement pour votre bon *yes* — je l'apprécie de tout mon cœur. Maintenant je passe *in medias res* — comme disent les pédants.

Il faut mettre le toit sur l'éducation de Tata. C'est la période la plus difficile. Elle est très intelligente, ses dispositions sont plus artistiques qu'abstraites; elle aime beaucoup la lecture, elle a un caractère plutôt concentré et peu expansif, mais pas-

sionné. Je veux pousser pendant cet hiver fortement en avant ses études. Je les mets sous votre influence et direction. Vous dire que vous êtes une des intelligences les plus fortes en Europe — je le répète — en Europe — a seulement l'inconvénient de sonner comme un compliment. Donc, sans le dire, je suis sûr que vous pouvez faire beaucoup. Le problème que je vous présente — est l'application — non dans le fond que vous avez voulu etc.

Comment acquérir l'influence nécessaire sur une jeune personne sans prêcher, comment avoir l'autorité sans ordonner?

C'est dans ces choses-là que je constate mon peu de capacité, oui, j'y sens ma limite. En général, j'apporte trop de scepticisme dans la question de l'éducation, et tout filtre à travers les doigts.

Trouvez cette diagonale des forces et tout ira bien. Théoriquement c'est assez facile de résoudre ma question — mais il s'agit de l'incarnation immédiate. Si vous trouvez ce levier, vous aurez une force morale immense sur Tata, et la seconde question qui se présentera alors est celle-ci: *où la mener avec cette force.*

Je commence par dire où *ne pas la mener*. Elle a 15 ans. Ce que je voudrais, c'est d'éloigner d'elle, autant que faire se peut, l'idée banale du mariage, la préoccupation bourgeoise de sa position et avec cela tous les pet<its> vices des *aspirantes* au mariage — la coquetterie, la rage des parures (une jeune fille doit se parer, — je parle ici de la maladie des chiffons).

Une des causes les plus efficaces qui m'ont décidé de ne pas vivre dans la même maison, ce sont les caravanes des Russes qui passent continuellement, — qui absorbent le temps — ne pouvant rien faire de bon pour Ta<ta>.

La séparer de notre manière de vivre c'est encore négatif. Il faut créer un intérêt ou le développer. La science ne fera pas grand'chose — quoiqu'elle est indispensable. Mais les deux forces sur lesquelles je compte sont l'art (science et passion soudées) et deux-trois amies — jeunes filles. Elle a été trop peu dans la société des femmes.

Ayant ce but devant les yeux et autant que possible les moyens, on peut tout faire en s'emparant de la confiance, en développant une *foi* tant soit peu religieuse en moi et en vous.

Quant au problème du développement intellectuel, nous ne pouvons pas avoir deux opinions, et au reste je suis là pour nous concerter.

Encore une chose. Moi, je suis tout-à-fait pour les distractions esthétiques dans une certaine mesure. J'entends par là l'Opéra, le concert, les galeries de tableaux — le théâtre est trop mauvais.

V<otre> A. H.

20 сентября 1860.
Eagle's Nest.

Дорогая мадемуазель Рив,

берусь за перо, чтобы от души поблагодарить вас за ваше доброе *yes*¹ — я всем сердцем ценю его. Теперь перехожу *in medias res*², как говорят педанты.

Необходимо завершить образование Таты. Это самый трудный период. Она очень умна, у нее больше склонности к искусству, чем к отвлеченным предметам; она очень любит читать, характер у нее скорей сосредоточенный и малоэкспансивный, но страстный. Мне хочется в течение этой зимы сильно продвинуть вперед ее занятия. Поручаю их вашему влиянию и руководству. Сказать, что вы один из самых сильных умов в Европе, повторяю — в Европе, — неловко только потому, что это звучит как комплимент. Итак, не говоря этого, я уверен, что вы можете сделать многое. Задача, которую я ставлю перед вами, — это приложение, а не коренная перестройка, которой вы желали и пр.

Как приобрести необходимое влияние на молодую особу без нравоучений, как добиться авторитета без приказаний?

Именно в вещах подобного рода я признаю недостаточность своих способностей, да, здесь я чувствую свой предел. Вообще я вношу слишком много скептицизма в вопрос воспитания, и все просачивается сквозь пальцы.

Найдите эту диагональ сил, и все пойдет прекрасно. Теоретически довольно легко разрешить мой вопрос — но дело идет о непосредственном приложении. Если вы найдете этот рычаг, вы приобретете огромное нравственное влияние на Тату, и второй вопрос, который тогда встанет, — *куда ее направлять, пользуясь этим влиянием.*

Начинаю с того — *куда ее не надо направлять.* Ей 15 лет. Чего мне хотелось бы — это отдалить от нее, насколько это возможно, пошлую мысль о браке, буржуазную озабоченность своим положением и вместе с тем грешки особ, *ищущих* замужества, — кокетство, страсть к нарядам (молодая девушка должна наряжаться, — я говорю здесь о нездоровом увлечении тряпками).

Одна из наиболее существенных причин, побудивших меня не жить одним домом, — это постоянные караваны русских посетителей, которые поглощают время — и не могут принести никакой пользы Тате.

Отделить ее от нашего образа жизни — это еще только негативное решение вопроса. Нужно создать какой-либо интерес

¹ да (англ.); ² к сути дела (лат.). — *Ред.*

или развить его. Наука многого здесь не сделает, хотя без нее не обойдешься. Но две силы, на которые я рассчитываю, — это искусство (наука, спаянная со страстью) и две-три подруги — молодые девушки. Она слишком мало находилась в женском обществе.

Имея эту цель перед глазами и, насколько возможно, средства, можно сделать все, заручившись доверием, развив *веру* — несколько религиозного характера — в меня и в вас.

Что касается вопроса об умственном развитии, в этом у нас не может быть разных мнений; к тому же я нахожусь здесь, и мы всегда сможем сговориться.

Еще одно. Я всецело за эстетические развлечения — в известной мере. Я имею в виду оперу, концерты, картинные галереи, театр же — слишком плох.

Ваш А. Г.

106. И. С. ТУРГЕНЕВУ

23 (11) сентября 1860 г. Борнемут.

23 сентября. Bournemouth.

Pour Monsieur I. Tourguéneff.

Любезный Тургенев, напиши мне сейчас, в Париже ли Марья Алекс<андровна> — у меня есть из России к ней письмо. Кстати, ты скажи Мар<ье> Ал<ександровне>, что, сверх письма, у меня в моем Орлином гнезде есть для нее комната, две—три, если она желает, до 18 октября.

Отвечай сейчас. Я пишу через г. Делава, потому что не знаю, в Париже ли ты.

Прощай.

107. М. А. МАРКОВИЧ

27 (15) сентября 1860 г. Лондон.

27 сентября. London. 10, Alpha Road.
S. John's Wood.

Итак, вы не приедете. Я несколько сомневался и прежде. Теперь я в Лондоне, приехал вчера вечером — и тотчас посылаю вам письмо из России. Надобно искать квартиры — учителей — и пр.

Вы пишете, что расспрашивали обо мне и все знаете о нашем житье-бытье. Вам Тургенев и Анненк<ов> могли сказать, что и я не отстал в этом. — Хотя знать, где вы, было потруднее. Месяц тому назад я получил — из здешнего почтамта —

огромный пакет. По русской привычке я большие пакеты распечатываю с сердечным биением — все кажется, в III отделение зовут. Почта возвращает мне письмо to Mrs Markovitch, ездившее по разным poste rest(ante).

Прощайте — Ор(арев) вам кланяется. Одна дама перевела на англ(ийский) вашего «Черв(онного) короля».

А. Герцен.

Скажите Тур(геневу), что я его сильно благодарю, но что я уж нашел даму для Таты. А Ольга едет в Париж.

108. И. С. АКСАКОВУ

5 октября (23 сентября) 1860 г. Лондон.

5 октяб(ря). 10, Alpha Road.
S. John's Wood.

Любезнейший Иван Сергеевич,

письмо ваше я получил, больно мне было читать его. Такой нетерпимости я не ждал от вас — не привыкли мы к свободной речи, ни даже к шутке — и чтение письма Хлестакова будет часто повторяться. Вы были снисходительнее к Черкасск(ому), когда он не шутя защищал розги — и действительно отстоял их.

Не могу понять, куда делась тетрадь Конст(антина) Сергеев(ича). Трюбнер говорит, что я ему ее не посылал. А мы живем на два дома — у моря и здесь — оттого большой беспорядок. У меня никогда не пропадало клочка бумаги, а это целые тетради.

Я завтра еду — и примусь искать, как возвращусь.

Душевно желаю, чтоб здоровье Конст(антина) Сергеев(ича) поправилось — кланяйтесь ему от меня. Интересно было бы знать ваше мнение о Сербии и Черногории — они входят в новую фазу.

Весь ваш

А. Герцен.

Рукой Н. П. Огарева:

Вот и вы наконец вернулись с юго-востока, любезный Иван Сергеевич, — хорошо бы вас послушать. Но что же это с вашим братом? Крепко жму ему руку и надеюсь, что он скоро поправится в славной стороне, где вы теперь поселились, и среди единого племени в Европе, которое свободно. Статью Константина Сергеевича мы отыщем среди домашнего беспорядка; но вот в чем вопрос: не позволит ли он напечатать ее (без имени) в 9-й книжке «Голосов из России»? Она вышла бы рядом с статьей о том же предмете У(нковског)о, и хорошо бы пополнила задачу именно потому, что то, где У(нковски)й по моему мнению неправ, — там ваш брат прав.

Это сделало бы из 8 и 9-й кн<ижки> «Голосов» нечто очень целое о крестьянском вопросе. Как вы думаете? Жду вашего решения; 9-я кн<ижка> печатается. — Если мы во многом, начав с разных концов, сходимся в понимании, это хорошее свидетельство в пользу истинности понимания, потому что здравый смысл один, да и один здравый смысл действительно и важен, и требует религиозно-искреннего служения. — Надолго ли же вы в Швейцарии? Куда потом? Что у вас нового из России, с тех пор как она поубавилась на четыре лошади и на два Шувалова?

Прощайте, пишите. Крепко жму вам руки обоим.

Ваш Огарев.

Р. С. Пересмотрев корректуру статьи У<нковского>, я вижу, что невозможно в одну книжку поместить статью Кон<стантина> Сер<геевича>; слишком выйдет толста, а потому прошу позволения напечатать ее отдельной книжкой, X кн<ижкой> «Голос<ов> из Рос<сии>».

На конверте: *Switzerland.*

Monsieur I. Aksakoff.

Poste restante. Vevay.

109. М. К. РЕЙХЕЛЬ

6 октября (24 сентября) 1860 г. Лондон.

6 октяб<ря>. 10, Alpha Road.

Приезжал в Лондон, отправил Сашу в Швейцарию — и сегодня еду в Борнмаус. Письмо ваше получил еще там. А с Луниным не могу вас остановить, да оставьте вы его в покое — он мне вовсе не нужен теперь.

Теперь просьба. Я слышал, что М^{ме} Gasparini в очень плохом положении. А Марихен прислала мне 5 ф., которые брала на дорогу, — а потому я хочу оные деньги разделить так: 2 фун<та> — М^{ме} Gasparini, а 3 пойдут на следующего гарибалдийца. Можете вы ей послать? — обяжете сильно.

Все здоровы. Мейзенбург в начале ноября едет с Ольгой в Париж. При Тате — над Татой т. е. — будет Miss Reeve — женщина гениального ума.

Прощайте. Будьте здоровы.

Весь ваш

А. Герцен.

110. П. В. ДОЛГОРУКОВУ

8 октября (26 сентября) 1860 г. Борнемут.

Почтеннейший князь Петр Владимирович, журнал и письмо я получил, благодарю вас за внимание, но, право, не стоило делать замечание этому Ринд - Фивегу — он мелкий интригант и плут и постоянно делал мелкие пакости. О журнале еще не могу ничего сказать, его «будущность» еще впереди,

ждем № два, три. Для нас был бы клад — свободный орган, выражающий более умеренную мысль.

Я живу сам у моря, только не у теплого. К 20 окт(ября) переберусь в Лондон — Огар(ев) в Лондоне. Искренне желаю успеха — и остаюсь преданный вам

Ал. Герц ев.

8 октября 1860. Eagle's Nest.
Bournemouth (near Poole).

P. S. Зачем вы посылаете журнал в пакете — sous bande¹ он идет в пять раз дешевле.

111. А. А. ГЕРЦЕНУ

17—29 (5—17) октября 1860 г. Борнемут—Лондон.

Сперва прочти приписку.

Это письмо возвращено почтой.

17 октября. Eagle's Nest.
Bournemouth.

Завтра я еду отсюда, любезный Саша; дети собираются проводить до Christ Church. Теперь на досуге поговорю с тобой. Во-первых, странно мне, что, приехавши 7 или 8 в Женеву, ты не нашел времени написать о том, исполнены ли комиссии, был ли у Nat(alie) и как что нашел. Неужели в *целую неделю* ты не нашел несколько часов, и в целые 24 часов не находишь 15 минут написать ко мне. А ведь ты знал, что Ог(арев) и я — хотели, чтоб ты написал. Да и потом сколько же продолжают-ся у вас вакансии?

Большое счастье, что ты встретился и сблизился с Борщовым, да я, сверх того, считаю большим счастьем, что ты пожил здесь. Если ты отдаешь себе отчет в своих делах и чувствах, то я тебя прошу, вспомни ты серьезно, каким ты приехал в *августе* и каким уехал в *октябре*. Видно, атмосфера, в которой ты здесь жил, ловче, чтоб ins Breite sich entfalten²? Ты снова едешь на семестр — в прежнюю среду, очень хорошую, очень чистую, но которая утягивает человека в тесно семейную раму и суживает его понятия. На этот раз ты перевернулся, как Корвин на перекладине в Фуламе, но понятия становятся, как и тело, меньше и меньше гибки. — Это я тебе пишу, как Warnung³ — и до поры до времени не будем больше об этом говорить.

¹ бандеролью (франц.); ² распространяться вширь (нем.); ³ предупреждение (нем.). — Ред.

Я думаю, ты меня понимаешь довольно ясно. Я несколько не враг тихих и мирных добродетелей семейного круга. Но... видишь ли, и Борщ^{ов} может полюбить девушку, это будет одна из звездочек, и самых милых, па его пути к киргизам. Но ты его с пути (этого или другого, научного) не своротишь. Быть чувствительным Вертером скоро надоеет und wird fatal¹.

19. Лондон.

По страшнейшему проливному дождю и буре приехал я вчера сюда и сегодня брошусь искать квартиры. Перед отъездом получил твое письмо из Женевы. Без сомнения, и с Фогтом ехать недурно, только ученая экскурсия, я думаю, мало выиграет от тех исключительных обстоятельств, при которых ты едешь, — это будет скорее сентиментальное путешествие. Два дела вообще трудно делать. Видел ли Фогт, что его приятель Жером Бонапарт опять едет в путь и притом кругом света? Это было бы очень недурно.

Петруша прислал твои портреты — один kind² превосходный — брось все прежние. Очень хорош. Я дал один Тате, один Огар^{еву} и Ольге («в шляпе»).

Вот тебе комиссия: *пошли* сейчас, и самым *верным путем*, от 350 до 500 франк. к Natalie, — об этом тебя просит Огарев, и я сейчас их вышлю. Мы ждем с нетерпением твоего рапорта.

В заключение вот тебе анекд^{от} о Тхорж^{евском}. Сюда приехал какой-то польский помещик. Хлопотун и пр., совещается, дает советы — и говорит Тхор^{жевскому}: «Вы приходите ко мне как можно раньше, приходите в 9 часов — я всегда пью чай в 9». На это Тхор^{жевский} ему сказал: «А в котором часу вы пьете грог? — я уж лучше тогда приду».

28 октября. 10, Alpha Road.

Вот и Эмиль Фогт был у нас, и мы с ним очень хорошо провели день, за исключением головной боли.

Письмо это я послал тебе и забыл написать «à Bern», оно и возвратилось, — такая досада. А главное, в нем я писал, чтоб ты снабдил Natalie деньгами, а я тебе вышлю. Сделай это сейчас и мне отрепортуй.

Дом мы нашли — хорош, но зато в обрез, а удобен. Orsett House, Eastbourne terrace, Paddington; если ничего не помещает, переедем 15^{-го}, и Ольга отправится в Париж. Погода туманная и отвратительная.

Что портрет, ты оставил Тургеневу или нет?

¹ и станет роковым (нем.); ² снимок (англ.). — *Ред.*

29 окт<ября>.

Сейчас принесли твое письмо. Ты теперь знаешь, почему не было письма.

Прощай и будь здоров.

Бакунин прислал портрет; я пришлю копию вашим.

¿Как писать адрес твой — по-старому или улицу и №?

112. А. А. ГЕРЦЕНУ

26 (14) октября 1860 г. Лондон.

26 октяб<ря>. 10, Alpha Road.
S. John's Wood.

Вчера приехали дети и остановились в 38 № Alpha Road. Твою реляцию из Невшателя я получил. Итак, à la fin des fins ¹ ты в Берне. Я совсем было нашел квартиру — и в цене совсем сошелся, и Тассинари посылал, и сам успокоился — а хозяин вдруг прислал сказать, что он ошибся, и попросил прибавки за шесть месяцев 40 ф., — и вот я опять, высуня язык, бегаю с Тхоржевским в Свято-Ивановском лесу и ищу.

Почти все, что ты пишешь о Natalie, совершенно дельно. Мы много тешились твоим рассказом о Лизе, Ольга его тоже вытвердила. Она очень любит и помнит Лизу. — Я, с своей стороны, очень рад, что они поживут в Берне, познакомь N<atalie> хорошенько с бабушкой Фогт. Тебе тоже будет польза: сверх многого — русский язык, а то ты его забыл, caro mio, до того, что пишешь: «Она обрадовалась подарками»... а я думал, что радуются нервами, ошибка эта четыре раза в последнем письме.

Рукой М. Мейзенбуг:

Lieber Alexander, gestern Abend sind wir von dem schönen blauen Meer in die Dunst- und Nebelatmosphäre wieder eingegangen voller Seufzer und Beklemmungen, denn wir können nicht atmen hier und bedauern die goldne gesunde Freiheit in Wald und Luft. Als wir in die schwarzgelbe Luft von London einfuhren, sagte ich zu Tata: und dabei verlangt man, daß die Menschen, die in solchem Qualm leben, gut, vernünftig, einfach menschlich sein sollen? Das scheint mir unmöglich und alle Weltverbesserungsbeteuerien werden nicht gelingen, ehe nicht wieder ein frischer Hauch in diesen Qualm hineinweht. Tata und Olga haben sich in der letzten Zeit sehr einander gewöhnt zu meiner großen Freude und Tata entwickelt ein besonderes Talent zum Lehren, sie gibt Olga russische Stunden und macht es wirklich sehr gut. Wenn es nur möglich wär, unter einem schönen Himmel zu leben, dann wäre es gewiß möglich, ein recht schönes Familienleben zu entwickeln und

¹ в конце концов (франц.). — *Ред.*

Иhre von mir höchlich gebilligte Neigung für das Familienleben würde ihre Befriedigung¹

тут было на обороте «финден».

Тата не пишет из лени сегодня, а Ольга — из подражания.

113. И. С. ТУРГЕНЕВУ

29 (17) октября 1860 г. Лондон.

29 октября. 10, Alpha Road.
St. John's Wood.

Любезный Тургенев,

вот я и оставил бурный Емаус и переселился снова в гнусный Лондон, где туман с вонью тотчас вызвали страшнейшую головную боль. Оттого и тебе три дня не отвечал. Итак, Шеншин — встретится с Хомяковым. Что у него была связь — он этого и не скрывал, называя одну жену «гражданской» (другая, может, была военная?). Он водил к ней наших морских приятелей — но что же из этого? Если жена не хочет помочь — как ее заставить.

Очень рад, что услужил «Богомкрицами» и «Лишними людьми». В 84 № хорошая штучка «К сербам о русской политике». А в 85 — помещаю картину свиданья, начинающуюся родами жены и оканчивающуюся болезнью матери — с заглавием:

Es reiten drei Reiter
Aus Warschau hinaus!
Tra-ra!
Drei Reiter aus Warschau,
Sie reiten hinaus!
Tra-ra! ²

Когда ты будешь писать к Ан<ненкову>, допроси его, как он был у моего «Химики» — в Петербурге. Это меня ужасно занимает.

¹ Любезный Александр, вчера вечером мы возвратились с берегов прекрасного лазурного моря сюда в чадно-туманную атмосферу со вздохами и подавленные, так как мы совершенно не можем дышать здесь и с сожалением вспоминаем о золотой здоровой свободе в лесу и на просторе. Когда нас окружил черно-желтый воздух Лондона, я сказала Тате: «Как можно при этом требовать, чтобы люди, которые живут в таком чаду, были добрыми, разумными, просто человеческими? Это кажется мне невозможным, и никакие попытки усовершенствовать мир не могут осуществиться, пока в эту копоть не проникнет свежая струя». Тата и Ольга за это время очень привыкли друг к другу, к моей большой радости, и у Таты развивается особый талант к преподаванию: она дает Ольге уроки русского языка и исполняет это очень хорошо. Если бы только была возможность жить под прекрасным небом, можно было бы создать хорошую семейную жизнь и ваша высоко мной ценимая склонность к семейной жизни наша бы удовлетворение (нем.).— *Ред.*

² Едут три всадника из Варшавы, тра-ра! Три всадника из Варшавы уезжают, тра-ра! (нем.).— *Ред.*

А пргос — мой сын был у тебя в Париже, я с ним тебе послал новый портрет мой и Огар(ева) — превосходнейший — и рекомендовал тебе отличного русского геолога и ботаника Борщова. Но они тебя не застали — это я знал — т. е. ты был еще в Куртавенеле. Да портрет-то отдали или нет — напиши?

Кстати к геологу. Видел ли ты в «Отеч(ественных) зап(исках)» статью Вагнера об Милне Эдварсе? Кто этот Вагнер? Молодец — вот настоящий русский ум: светлая консеквенция и чего бы ни стоило, все нипочем, — консеквенты и немцы, но с натугой, как в запоре, — если ты об нем знаешь, напиши.

После долгих исканий я дом нанял, очень милый — Orsett House, Westbourne terrace, Paddington. Переезжаю 15 ноября — до того времени пиши сюда.

Будь здоров. Огарев тоже кланяется.

Я тебе пришлю экзем(пляров) пять статьи «К сербам» по-французски — дай их кому-нибудь.

P. S. Ольга и Miss Meysenbug едут на 4 месяца в Париж — если ты знаешь порядочного русского, который бы давал уроки и, разумеется, по умеренной цене — 5 фр. в час, что ли — то меня сим обяжешь.

Видел ли Тург(енев) senior — какую я ему ввернул похвалу, и даже о его каменной болезни упомянул — а как тебе нравится «Будущность»? Долг(орукый) мне пишет, что я играю

Ut-majeur, а он

Ut-mineur,

вследствие я считаю, что его журнала
frère Uterain — «Колокол».

114. А. А. ГЕРЦЕНУ

1 ноября (20 октября) 1860 г. Лондон.

Рукой Н. П. Огарева:

Секретно.

1 ноября.

Друг мой Саша, скажи мне подробно, что Фогт говорит о здоровье Nat(alie). — Болезнь ее — девиация утеруса. От этого высокая лестница и подниманье Лизы опасны. Надо, чтоб Фогт констатировал положение болезни и сказал, что делать; а ты меня обо всем немедленно извести. Если Nat(alie) сама тебе об этом не говорила, то это не мешает тебе, не говоря с ней, говорить с Фогтом и заставить ее серьезно потолковать о болезни и заняться ею.

У меня 3-го дня был припадок (Nat(alie) не сказывай), довольно не приготовленный, т. е. готовился не больше 10 минут. Чувство совершенно разряднения Лейденской банки, наэлектризованной до произведения обморока. Обморок не продолжался 2-х минут. Язык укушен раз в корню и раз перед кончиком с левой стороны. Упал я на правую. Икры болят так,

что ходить мешают; это обычные признаки моих припадков. Я ставил пиявки. Кажется, что сегодня голове лучше; впрочем — день свежий и светлый; а эти дни было тепло, как летом, и туман густой, как в феврале. У всех головы болят. На меня отразилось это припадком, несмотря на то, что я не только вина не пью, но даже ем в $1\frac{1}{2}$ меньше. После припадка я пошел через полчаса и ходил часа 4 без усталости; только икры побаливали, и теперь по обычаю несколько дней будут болеть все больше и больше, а потом понемногу пройдет. Это не ушиб, понимаешь, — это, т. е. икры, *colla vostra permissione*¹, — другой полюс заряда или столба, если за 1-й полюс примешь мозг. Эту боль я очень знаю; она продлится, верно, неделю. — Да! а в здоровом состоянии каждое давление, налегание воротника рубашки на затылок — производит у меня тяжесть, граничащую с болью. Это отчего? Почти безошибочно могу указать на атлас и от него позвонка на 3 вниз неловкость, доходящую до боли; а голове — чем больше давление на затылок, тем хуже. Не подумай, чтоб я писал тебе эти подробности, как ипохондрик; совсем нет, я записываю то, что я чувствую, и ставлю вопросом — какой тут происходит процесс? Ответ на этот вопрос для меня интереснее и важнее самого излечения, которого я вовсе не надеюсь, ибо, мало веруя в науку, прежде чем она выучится ставить вопросы, — я совершенно не верую в медицину как *ars* — и готов все пробовать и ничего не пробовать с одинакой уверенностью, что действие лекарств на организм — неразрешенный и чуть поставленный вопрос, а что *finis coronat opus*².

Ну — смотри же не говори, кроме Фогта, никому, и, пожалуйста, займись устройством для Nat(alie) квартиры, как бы она коротко ни оставалась в Берне, по возможности *rez de chaussée*³. Обнимаю тебя. Поцелуй Лизу. Кланяйся Эмилию.

1 ноября.

Отдал ли тебе Эмиль Фогт письмо, путешествующее второй раз в Германию, т. е. в Швейцарию? Непременно устрой все для Natalie, я также тебя об этом прошу. Посылаю тебе 5 экз(емпляров) моего воззвания — пошли Карлу, дай Эмилию.

На этот раз пишу мало. Вероятно, на днях буду писать. Дом окончательно нанял: Orsett House,
Westbourne terrace,
Paddington.

Переезжаем 15-го.

Черт знает что такое: опять болит у меня голова — уж не начать ли и мне принимать *arsenic*⁴.

Тат(ьяна) Петр(овна) в Париже.

115. И. С. ТУРГЕНЕВУ

1 ноября (20 октября) 1860 г. Лондон.

1 ноября. 10, Alpha Road.
St. John's Wood.

Посылаю тебе франц(узский) перевод и письмо жены Шеншина; если ты мне позволишь, я ей напишу, что вот вам есть

¹ с вашего позволения (итал.); ² конец венчает дело (лат.);
³ нижний этаж (франц.); ⁴ мышьяк (франц.). — *Ред.*

средство помянуть «Александра», — давши денег и пр. Для этого отвечай сейчас и дай ее адрес — далее сказать нечего. А Мар(ья) Ал(ександровна) сильно блудит с маленьким Пасеком — мать в отчаянии, как будто все мы не виноваты перед царем и не грешны перед богом.

Он поехал за ней в Париж.

116. А. А. ГЕРЦЕНУ

8 ноября (27 октября) 1860 г. Лондон.

8 ноября.

Посылаю тебе, любезный Саша, письмо к Natalie, Meys(enbug) ей нашла какую-то гувер(нантку) для Сатиных в Берне; я вложил и свою приписку. Ог(арев) все последнее время здоров, только Девиль и руками и ногами против arsenic'ального лекарства. Огарев очень благодарит тебя за твои хлопоты о Nat(alie), и я тоже. Ты одного опять-таки не понимаешь — стало быть, есть много причин, почему мы так поступаем, а не иначе. Зачем у тебя нет веры — она требует остановиться и не судить поверхностно.

Я убежден, что для истинного и хорошего развития Natalie, для того, чтоб она могла окончательно быть другом детей, надобно ей пройти через одиночество жизни серьезной и, может, суровой. Огар(ев) в этом убежден еще больше. Какое же значение будет иметь переезд сейчас? — Это я пишу тебе секретно и только потому, что всякий раз дивлюсь, как и ты поверхностно о нас судишь. Как будто вопрос в том, в Берне жить или Париже, в Вюрцбурге или Мюнхене. Прощай пока.

Татой и Ольгой я очень доволен.

Обрати внимание на мою статью о варшавском свидании в «Колоколе».

117. И. С. ТУРГЕНЕВУ

9 ноября (28 октября) 1860 г. Лондон.

9 ноября. 10, Alpha Road.
S. John's Wood.

Не знаешь ли ты, любезный Тургенев, кто издал «Исторические материалы по делу об освобождении крестьян» — в Берлине? Замечательно хорошо и умно составленная книга — если знаешь, напиши.

Что же ты не пишешь — доставил тебе тогда Саша портрет или, не найдя тебя, он его увез.

Жду с нетерпением твоего суждения о моей статье «Свидание в Варшаве» — я ее считаю удачной. Теперь я пишу

для «Поляр(ной) звезд(ы)» «Robert Owen» — за эту я отвечаю. Еще, читал ли ты «Фрейлина Гамильтон» в «От(ечественных) зап(исках)» — я начинаю первыми ненавидеть Петра I.

Переходя к твоему предложению насчет Шеншина и стипендии, я не могу сказать, чтоб я совершенно был согласен с тобой. Частная филантропия — дело старых барынь... Почему вы составляете аннuitет этому ребенку — и какой? — Отдайте его в простую школу, и я готов буду участвовать. Я остановился на твоей фразе «по крайней мере 100 фр. в год». Меня скупым никто не считает — но почему же это я буду ему давать? — Я у тебя взял на гариб(альдийского) офицера. — Я с тех пор еще имел случай сделать подобную вещь... и всегда готов.

Только ты не думай, что я отказываю вовсе участвовать, — если вы отдадите его в школу, я готов платить по 50 фр. в год — в продолжение 10 лет.

Далее — (*свято между нами*). Die Liebe muß sein platonisch — мы это знаем. Но М(арья) Ал(ександровна) жила вместе и ездила вместе с молодым человеком и все Aristotelisch, я знаю верно. Да и это ее ни на йоту не уменьшает — только зачем же все это так гласно. Неужели ты думаешь, что я поверил бы ламентациям матери. — Пишу это я одному тебе — потому что мне смешно, что ты на практике и сегодня не такой психолог, как «накануне».

А что ты пишешь?

Еще — где же теперь живет М(арья) Ал(ександровна), читала ли она статью об ней Боголюбова — длинна, но хороша? Чья статья о смерти Павла, которую она мне прислала? Очень хороша, — она напечатана в Сборнике.

Прощай. Отвечай же на все обстоятельно, а еще ты не писал — кто Вагнер, писав(ший) в «От(ечественных) зап(исках)».

У Львицкого в фоте — живет Захарьин, я ему через знакомого послал портр(ет) Бакунина и его жены — хочешь видеть, так ты в фоту зайди и скажи, что же он, Захарьин, мне не шлет этот портрет.

Мы переезжаем 15 нояб(ря), а потому вот новый адрес: Lond(on).

Orsett House, Westbourne terrace, W. Paddington.

Премилый дом и превосходная улица. Ольга едет в Париж 20, т. е. моя дочь.

Trinity House London
Rev. J. St. John

12 ноября (31 октября) 1860 г. Лондон.

Понедельник. 10, Alpha Road.

Мне больно, что ты, любезный Сапа, опять не понял моих слов, я не думал тебя оскорблять или шутить. Я хотел тебе указать на две вещи; вероятно, ты их поймешь, перечитывая письмо, — раз — на то, как ты оскорбительно для меня был неправ в оценке нашей жизни. Второе — сказать еще раз: горе тому, кто основывает свою жизнь — на одних частных, семейных основах... Отчего же ты всякий раз не понимаешь моих слов? Я тебе это написал как два заключительные совета, wie eine Warnung¹. И даже сказал, что об этом до поры до времени писать не буду. Для чего же было отвечать? И не подумавши.

Что я в твоём путешествии не могу видеть только ученую экспедицию — я думаю, что ты это и сам оправдаешь.

Но так как ты теперь все знаешь, т. е. все мое мнение, даже я и с Э. Форт<ом> очень откровенно об этом говорил, то до свиданья и не будем толковать об одном и том же. Одно мне досадно — что ты мою серьезную речь принимаешь не за серьезную — и отвечаешь на нее зря. Подумай, неужели мои слова не заслуживают больше внимания.

Мы переезжаем 15, новый адрес: Orsett House, Westbourne terrace, W. Paddington.

Вещи для Nat<alie> все готовы, и завтра Tass<inari> их отправит, я велю адресовать на твое имя. Скажи Natalie, чтоб она непременно взяла сколько нужно у тебя денег.

Здесь был вел<икий> кн<язь> Михаил Никол<аевич> и присылал к Тхоржевскому за книгами; так как он денег не прислал, то Тхор<жевский> отправил книги с Жихонем. Он сам их принял, заплатил и сказал: «Дорого продаете — я в Петербурге почти то же плачу».

Из твоего письма что-то мне кажется, что Emil V<ogt> ничего об нас не говорил. Послал ли ты Карлу Фогту фран<цузский> экземп<ляр>?

Огарев тебе поручает все хлопоты о Nat<alie>. Мы очень рады, что Лиза с тобой приятель. Я бы прислал в Берн со временем и Ольгу — погостить, но не на вакации.

Теперь у ней насморк.

Погода здесь ужасная, невыразимая, и дом 10, Alp<ha> R<oad> уложил бы всех в гроб — такая сырость и всюду сквозной ветер.

Прощай. Старайся же понять намерение прошлого письма, других не будет об этом. Прощай.

¹ как предупреждение (нем.). — Ред.

Рукой Н. А. Герцен:

Милый Саша.

Что же ты мне не пишешь, должно быть, ты очень занят, да это хорошо, тебе некогда будет об Эмме скучать, что она?

Я опять мало-помалу начинаю заниматься с Янзой, Кельсиевым etc. ... и с Miss Reeve познакомилась, она мне очень нравится, я уверена, что я зиму очень хорошо проведу. Дом наш недалеко от Кинкелей, может быть, я буду ходить в Kensington Museum с Johann'ой, вот товарищ будет, я ее давно не видела, Мали ее и всех их очень хвалит.

Ольга простудилась, у нее насморк, но она все еще учится со мной по-русски и очень хорошо.

Дома меня ждет Miss Charpenau.

Прощай.

Твоя Т а т а.

119. И. С. ТУРГЕНЕВУ

13 (1) ноября 1860 г. Лондон.

13 нояб<ря>.

Начну с выговора, который ты должен принять, потому что ты поступил нелепо. С какой же стати ты что-то наговорил М<арье> Ал<ександровне> — если это не из старческой пассивности сплетничать, а из иных соображений — ты бы мог написать ко мне и спросить меня. Писавши к тебе — я не циркуляр писал.

Она спрашивает меня об Ольге — но в двух записках не пишет адреса (как это не привыкнут все по-англ<ийски> повторять адрес в каждом письме). — Записки М<арьи> А<лександровны>, полученной месяца за два, я не нашел и должен прибегнуть к тебе, чтоб ты переслал ей приложенное письмо, — а затем прощай.

Здесь Чижов и Дельвиг.

Весь твой
А. Г.

10, Alpha Road. S. John's Wood.

От Анненк<ова> длинное письмо.

120. А. А. ГЕРЦЕНУ

14 (2) ноября 1860 г. Лондон.

Читай один.

14 нояб<ря>. 10, Alpha Road.
S. John's Wood.

Любезный Саша,

завтра дети переезжают в Orsett House, Westbourne terrace, Paddington. Мы еще останемся дней пять здесь. Писать можешь туда. Дом не велик, но очень хорош. У Огар<ева> внизу au rez-de-chaussée¹ спальня и кабинет. У меня кабинет возле

¹ на первом этаже (франц.).—Ред.

гостиной — большой — и наверху три спальни да *аттик* — как англич^(ане) называют чердак, с одной хорошей и тремя дурными. Если все пойдет хорошо и Natalie приедет — я перейду на чердак, а у ней будет комната возле Таты и Miss Reeve...

Вмешательство Сер^(но)-Сол^(овьевича) — извинительно, потому что он молод и потому что он его делает из любви. Но оно противно моим правилам и вот почему. Помочь посторонний редко может — а не понять и перевернуть почти всегда. Нравственное доверие необходимо — это то чувство уважения, то чувство веры, которое лежит в основе истинной дружбы и сыновней любви.

Я требовал от тебя веры не только в меня, но и в Огарева — мы не можем состоять даже в подозрении дурного поступка, т. е. негуманного. Это был бы *démenti*¹ всей нашей жизни... Какой же совет может подать Сер^(но)-Сол^(овьевич)?

Что касается до партии (это я позволяю тебе написать С^(ерно)-С^(оловьевичу)) и пр. — если мы дурные люди, то тем лучше — пусть с нас спимут венки. Но, друг мой, ты этого не опасайся. В жизни могут быть странные коллизии — но порочного и дурного в нас не найдут.

Мы думали, что одиночество и сосредоточенность — сведет мир в душу Natalie, — мы, кажется, ошиблись. Причина ее отъезда — и это я тебе говорю клятвенно — *одна и исключительно одна* — негуманность с детьми и с нами, упорство в этой негуманности — *вот где начало раздора*. Ожесточение Таты и дичанье Ольги — были достаточны, чтоб остановиться. Ты знаешь, что и что я взял на душу за вас, вас спасти — я присягнул умирающей Мамаше — пока я жив, я воспитание Таты и Ольги (ты уж стоишь на своих ногах) — поставил одной из краеугольных задач моей жизни.

Огарев — убеждал, умолял, никакой перемены не было — *тогда надобно было расстаться*.

Мы хотели видеть перемену от одиночества — в каждом письме протягивали руку, на разумное примирение — успеха не было.

То ли говорит — то ли думает Сер^(но)-Сол^(овьевич)? Дадут тысячи причин от ненависти до ревности — и никто не догадается, что причина глубже и святее.

На этот раз довольно. Помни, что порядочный человек только тот, что умеет *молчать*².

Что касается до национальности и Густава (один Густав

¹ опровержение (франц.). — Ред.

² Текст от слов: «Я требовал от тебя веры...» до «...умеет молчать» отчеркнут Герценом и сопровождается пометами — в начале текста: «всё это секретно тебе одному»; в конце: «всё это я пишу по секрету».

Ваза, и был умен, а этот Ваза глупости — я это прочел у него на лице). Опять мне больно, что ты меня не понимаешь. Об этом я тебе буду писать в следующем письме, т. е. получивши ответ.

А propos, что ты разумеешь под inde ire...? Я не понял — есть inde ira — вот откуда гнев — но это не идет.

Затем прощай.

Я думаю, что не лучше ли Ольге — весной приехать подольше к вам. В последнее время Тата с ней гораздо лучше. Может, мы и соберемся все — в Швейцарии или в Италии. Домогальский сделан каким-то полковым начальником у Гарибальди.

121. А. А. ГЕРЦЕНУ и Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

16 (4) ноября 1860 г. Лондон.

16 ноября. Orsett House.
Westbourne terrace.
W. Paddington.

Саша, дай твою руку — я тебя благодарю за благородное, юное, прекрасное письмо. Ты мне доставил минуту полного счастья — я уважаю в тебе уж не только сына, но друга в глубоком смысле. Я благодарю тебя за эту минуту гордости тобой. Все кончено, все прошедшие вины и недоразумения стерты.

Я, чтоб тебя наградить, тебе пишу эти строки. Святое, полное примирение с Natalie — и начнем свежими силами новую жизнь.

Natalie, я тебя зову от чистого сердца, — тронутый и потрясенный — но с полным сознанием. Я тебя зову к нам. Все забыто. Не поминай и ты. Я и Ог<арев>, мы рыдали над Сашиным письмом, да, рыдали. Огар<ев> вышел на воздух, я схватил перо тебе написать, что я умоляю тебя, прошу тебя именем Лизы: ни словом, ничем не поминая прошедшего, возвратись в твою семью, — и больше не могу сегодня написать. А вот и Огарев.

Рукой Н. П. Огарева:

Обнимаю и благословляю тебя, Саша, как достойного сына твоего отца и матери, как нашего сына...

Наташа моя, дай же теперь возможность осуществить мой идеал — соединения нас всех в одну святую семью.

Поедешь, возьми у Фогта ипекакуаны для Лизы, если б вдруг сделался кашель, похожий на круп. Не смейся над этой предусмотрительностью... может, я одурел с Сашиного письма.

Обнимаю вас всех и мою Лизу целую. Сейчас переезжаю на новую квартиру Orsett House, где у меня квартира лучше царской.

Ну — до свиданья.

Если нянюшка хороша, бога ради не отпускайте.

Дом в Лондоне (Orsett House), где жил Герцен в 1860—1863 гг.
Современная фотография.

19 (7) ноября 1860 г. Лондон.

19 ноября. Orsett House.
Westbourne terrace.
Paddington.

Вот то-то, — «строгий, но справедливый» человек, — хорошо, что ты употребил толикую каптацию benevolencies, — а то вслед за твоим письмом является пакет — в величину тех, которые я в последний раз видел в вятской канцелярии — в нем челобитье на тебя с приложением документов... от Викторины Шеншиной — она отдает тебя, себя и пр. на мой суд — и присылает всю переписку. Между прочим — она говорит, что у ее мужа была *hidrocèle*, т. е. водяная грыжа, — ты видишь, что ее в застенчивости упрекать нельзя, в скрытности тоже, но дело-то все-таки глупое. Я ей напишу, что она дело может решить очень просто — сомневаться в причине дней ребенка и дать денег, что и ты ей предлагал. А ведь это у тебя «благотворительная» открылась все с бедных литераторов.

Зачем Шеншин так упорно ей лгал? Правда ли, что она не имеет почти ни гроша — или только *Auskommen*?

За Ольгу — благодарю. Она едет с *Meysenbug*, которую я серьезно очень рекомендую Мар<ье> Ал<ександровне>. Сначала останутся у одной знакомой *Meys<enbug>*, *Mme Gal-lait*, а потом будут искать квартиру, — я им дам твой адрес — а ты попроси твою дочь ее принять и приласкать.

У меня до того болит зуб, что я чуть не реву.

Новый дом очень хорош.

А *groros* — ну-с, какова затрещинка «*Es reiten 3 Reiter*»? Я ею доволен.

Читал ли ты «Гайку» Кохановск<ой>? Места есть порядочные, знаешь так, как в говядине — фунт филе да пуд дряни. Я, впрочем, не всю прочел.

Кланяйся Мар<ье> Ал<ександровне>. Зачем же это Богдан был в крупе? Ну, прошло, так и толковать нечего.

Прощай.

Огар<ев> кланяется.

Рукой Н. П. Огарева:

Милый Тургенев, по моему мнению — вы должны взять на себя расходы по воспитанию сына Шеншина, потому что, вероятно, она Виктория послужит вам типом для превосходнейшей повести, которую продав, вы на % можете воспитывать мальчика; ведь это не дорого заплатить за такой тип; я давно так не наслаждался, как при чтении ее письма; оно убило во мне скорбное чувство, невольно охватывающее при смерти человека, который был товарищем детства. «*Alas pour Jorrik*», — сказал я, и, взглянув на письмо Викторины, покатылся со смеху.

Вот еще есть в Париже русская пара, которой, если хотите, займитесь; это Агреньевы (rue St. Honoré, № 259 или 253 — не помню). Он тенор и поступает в феврале на парижскую итальянскую оперу, дебютируя как primo tenore; а она, очень красивая женщина, пишет английские стихи (они мне не нравятся) и переводит на английский Марк(а) Вовчка (это хорошо). Она у меня просит сочинений Мар(ьи) Ал(ександровны). Сведите их, это будет полезно для пропаганды русской литературы и для развития художнического такта в Агреньевой ... Почему знать — может и он и она, каждый на своем поприще, выйдут люди талантливые, и ваше влияние наверно будет хорошо.

Крепко жму вам руку.

Дом у нас чудесный, готическая церковь перед окном. Я живу средневековою жизнью и страдаю насморком.

123. П. В. АННЕНКОВУ

20 (8) ноября 1860 г. Лондон.

20 ноября. Orsett House.
Westbourne terrace.
Paddington.

Ну вот, caro mio, утешил, так утешил. Взял да и воскресил Химику, я так и вижу и нос, и то, что он находит «удобным» читать свящ(енное) писание — только с чего ты взял, что у него паралич — ему просто пора лечь. Кланяйся, если увидишь.

Трюб(неру) я предложил издать «Wesen des Ch(ristentums)» за три фунта с печатного листа, сначала он мялся, боится, что эта книга не пойдет, наконец говорит, что если я напишу предисловие (он скоро потребует к лексикону логарифмов предисл(овие)), — то он готов издать, и если хорошо книга пойдет (по моему контролю), то он заплатит 3 ф. с листа. Если угодно на этих условиях, то пусть посылают к нему рукопись.

Читал ли ты «Лишних людей» в «Кол(околе)»? Я после разговора с тобой и небольшой статьи этих господ вдруг вздумал анонимный портрет — демократа поэта поместить под Колокола. Что это произвело за эффект?

Да еще очень бы хотелось знать, как принята статья о варшавском свидании — с Drei Reiter — die reiten.

Рукой Н. П. Огарева:

Закончив речь на слове die reiten, принципал передал мне письмо, чтоб отправить сегодня, и ускакал в Сити, и в omnibusе. На, мол, пиши! Да что я стану писать сегодня? В самом мерзком расположении относительно art épistolaire, во-1-х потому, что ревматизм в правом <...>, во-2-х — читаю проект выкупа Запасника (Etudes financières sur l'émancipation des paysans en Russie, sur l'impôt foncier, le système monétaire et le change extérieur par Alexandre Zapasnik, Paris chez Jonaust, 1860). Ревматизм в <...> пройдет, к счастью, а проект Запасника не пройдет, к сожалению. Проект очень практичен, по всем правилам науки, и в долж-

ных границах науки; но все же он слишком умен для Комитета и потому не пройдет. Границы науки — это принятие всякого мошенничества за принцип, с оговоркой, что все же, напр(имер), премия нравственное лотереи; важность научного проекта — его прилагаемость немедленная, потому что и общество сочувствует принципу, т. е. общество капиталистов, а для мужиков развязка не худая, и за этот проект порядочное правительство вцепилось бы обеими руками; но не вцепится наше, потому что не порядочное. А может, оно и лучше, может, развязка из движения общественного невольно выйдет и из границ современной науки, и из не достиж-шей и до них рамки Комитета. Тебе все будет не вериться... но сила обстоятельств сильнее твоего неверия. Я вообще не верю, — но не могу не признать, что движение должно совершаться по результатанте составных сил, а эти составные силы и составляют силу обстоятельств (*force des choses*). Их анализ на сию минуту страшно важен, потому что должен раскрывать глаза, способные к раскрытию. — Кроме книги Запасника, вышла превосходнейшая вещь в Берлине у Шнейдера на русском языке: «Материалы для истории упразднения крепостного права в царствование Алекс(андра) II». Кто автор — не знаю, и если ты мне сообщишь, то, несмотря на то, что не пью, а выпью за его здоровье. Это прелесть, достань и прочти. Это лучшая книга, вышедшая за границей на континенте. Может, в кое-чем мы и не согласны, но бездна фактов неведомых, но изложение, тон, направление, — да!.. я поклоняюсь перед этой книгой. Теперь только выпуск 1.

Ты славно воскресил Химику. Я радовался. Но его чтение Св(ящен-ного) пис(ания) меня изумляет. Что он шутит или боится? Или в подражание Ньютону хочет закончить век комментарием к апокалипсису?

Получил ли ты мое письмо недавнее и можешь ли исполнить мое поручение?

Что у нас за новая квартира, — чудо! Я помещен Сарданапалом. Жду из Швейцарии Натали со дня на день и с Лизой, которая пока составляет наслаждение всего семейства Фогтов, но как истинно русская любит только одного Сашу, а немцев так себе... Поди ты — с каких пор пробивается и укореняется физиологическое чувство национальности! — Ольге завтра минет 10 лет. Они все славные, — и Саша вырос действительно и складывается в великолепно благородного человека.

Перед моим окном готическая церковь; польза от нее та, что я знаю всегда который час, а вред — то, что настраивает на какую-то музыкальную мрачность, на что мне теперь совершенно нет времени, а это настроение тянет к другой деятельности и мешают. Засим обнимаю тебя, моя Полина, и целую на обе щеки, и пойду расхаживать ревматизм в <...>.

На обороте (рукой Н. П. Огарева): П. В. Анненкову.

124. А. А. ГЕРЦЕНУ

22 (10) ноября 1860 г. Лондон.

Читай один.

22 ноября. Orsett House.
Westbourne terrace.

Любезный Саша,

что меня особенно поразило в прошлом письме твоём — это широкое понимание и горячая любовь. Этим письмом мы стали ближе и равнее. Об этом больше я не говорю, а еще раз обнимаю тебя.

Сегодня я получил и последнее письмо твое. Пока Ольга здесь, ехать Natalie невозможно — ни одной комнаты нет. Дом новый очень хорош, только немного спальнями обижен. Но дело не в дне и не в неделе. Теперь я тебе поручу еще одно (опять-таки этого письма не показывай, а скажи: «Все это я говорю от себя»). У меня тени нет сомнения — в искренности, в раскаянии, в любви N(atalie), — но имея наше влияние. — ты должен сильно стать теперь на сторону Таты и Ольги, ты можешь требовать, а главное — рассуждать. Я еще раз тебе говорю: не было другой причины, кроме детей и негуманного обращения, которое наконец довело не только меня, но Огар(ева) до ожесточения. Горе, если это повторится. — Прошное все забыто, стерто — но сил вынести в будущем меньше и меньше.

А потому главное не в том, чтоб торопиться, а в том, что(б), еще раз остановившись на пороге, Natalie поняла всю святость нового обета. Все это мне особенно пришло в голову, читая письмо Таты, — оно поразило меня, я советую тебе показать его Nat(alie) (по секрету от Таты) — вот где причина ссор. Меня мороз провел по коже от слов Таты об «ненависти» — потому что я знаю, о чем она говорит.

Будь осторожен и тверд в словах и напиши мне главное из вашего разговора.

Затем прощай.

Между отъездом Ольги и приездом Natalie должно пройти несколько дней — для того, чтоб Тата могла сблизиться с Miss Reeve.

125. М. К. РЕЙХЕЛЬ

25—27 (13—15) ноября 1860 г. Лондон.

25 ноября. Orsett House.
Westbourne terrace.

Вот не писал-то я, так не писал, а отчего? Суета, хлопоты, опять переезжал. Дом наняли славный.

А вот что значит хорошие намерения и плохое исполнение. Если б вы послали итальянке Гаспарини 2 ф., они бы и были у нее. А то я сказал Тате,

Тата мне,
Мы оба — Трюбнеру,
Трюбнер — Чернецкому,
Чернецкий — Тате,
Тата мне ...

что он денег не послал, потому что у него там корреспондента нет. Итальянка и осталась двумя фунтами легче.

Позвольте вас спросить насчет целого ряда «Колоколов» — как вам понравилось делитное заушение Некрасова (в «Липших людях»), статья о Богомокридах, а главное «Drei Reiter, sie reiten»? Это следовало бы перевести супругу вашему.

Анненков был в Петерб^{урге} у Ал^{ексея} Ал^{ександро}вича — по описанию вижу, что он не изменился.

Ольга едет завтра с Мейзенб^{уг} в Париж — на 4 месяца. Натал^{ья} Алекс^{еевна} возвращается сюда, Тата будет под генерал-губернаторством Miss Reeve, необычайно умной женщины, которая будет здесь жить. Тат^{ьяна} Пет^{ровна} в Париже (говорят, что у нее все бродят мысли о сватовстве — но я их совершенно уничтожу, я слышал много дурного о пациенте).

Сегодня едем в Французский театр.

Прощайте.

27 ноября.

Рукой Н. А. Герцен:

Милая моя Маша.

Что же ты не пишешь?

Напиши мне, что выиграли наши билеты, — может быть, белые атласные башмаки или нет?

Я должна кончать. Мы собираемся в театр. Ольга едет завтра в Париж.

Твоя Т а т а.

126. П. В. ДОЛГОРУКОВУ

27 (15) ноября 1860 г. Лондон.

Я так виноват перед вами, почтеннейший князь Петр Владимирович, что не знаю, как и получить отпущение. Дело в том, во-первых, что мы не знаем, какие стихи получены от вас и какие из других источников. Если бы вы нам написали несколько заглавий — мы тотчас отыщем их.

Мы плетемся нашей маленькой дорожкой по-старому.

Князь Гол^{ицын} делал всевозможные чудеса (без всякой нужды) — оставлял квартиру, пошел в кабалу музыкальным антрепренерам, сидел без гроша — и снова при деньгах. — Напи доктор говорит о нем: «C'est un collégien échappé de l'école»¹.

Огар^{ев} вам усердно кланяется. «Будущность» читаем и благодарим за нее — она, как всякая будущность, туго развертывает крылья — ждем третий №.

Знаете ли вы, кто писал преинтереснейшую книгу — об истории освобождения крестьян? Мы не имеем понятия.

Будьте здоровы и мучьте как можно больше петербургских буржуров.

Преданный вам

А. Герцен.

¹ «Это школьник, сбежавший из школы» (франц.). — Ред.

Мы собираемся вскоре начать печатать «Поляр<ную> звезду», VI книжку.

27 нояб<ря>. Orsett House.
Westbourne terrace.

127. М. А. МАРКОВИЧ

28 (16) ноября 1860 г. Лондон.

28 ноября. Orsett House.
Westbourne terrace.

Посылаю вам — вы думаете «Колокол» — нет-с — одна речь не пословица, — посылаю вам Ольгу с визитом и с этим письмом. Что вы делаете, Марья Александровна, — какое упорное молчание. Я серьезно рекомендую вам Mlle Meusenbug, — и, пользуясь сей верной оказией, жму вам руку. Огарев кланяется.

Будьте здоровы.

128. И. С. АКСАКОВУ

29 (17) ноября 1860 г. Лондон.

29 ноября.

Жду и я, любезнейший Иван Сергеевич, вестей о вас обоих. Что венский климат для Кон<стантина> Серг<еевича>? А в какое интересное время попали в Вену. Впрочем, наше время из прежней апатии вдруг сделалось временем сюрпризов, и, конечно, один из самых курьезных — это готовность Америки распасться из-за вопроса о рабстве.

Видели ли вы «Будущность» так, как ее показывает П. В. Долгоруков?

Кланяйтесь Конст<антину> Сергеев<ичу> и пожмите ему руку, а я вам,

А. Герцен.

129. А. А. ГЕРЦЕНУ

5 декабря (23 ноября) 1860 г. Лондон.

5 декаб<ря>. Orsett House.
W<estbourne> terr<ace>.

Любезный друг,

сегодняшнее письмо от Natalie расстроило нас ужасно. Меня до лихорадки — не мог ничего делать. Теперь я от тебя требую деятельного вмешательства. Долг, святость воспоми-

наний, уважение друг к другу требуют, чтоб Natalie приехала сюда. Огарев и я — мы это *требуем*. Что изменилось? Да, у меня душа — избита многим, да разве это новость? Она могла быть новостью для тебя, потому что есть лета, в которые это не понимается.

Ты должен уговорить и отправить Natalie и Лизу в Париж *как можно скорее*. Письмо придет 7-го—10-го можно быть в Париже.

Пусть же Natalie докажет, что она изменилась, кротостью повиновенья. Пусть докажет здесь, что мои сомнения — вздор.

Пиши сейчас ответ. Сегодня наши именины. У нас никого, и не будет шампанского в первый раз, я думаю, с 1825 года. Огарев тоже не празднует рожденья.

Мы ждем — и праздники откладываем.

Посылаю вексель в 40 фунтов. Итого теперь 2000 фр., как ты хотел. Ты смотри, чтоб на дорогу никак не меньше было — за уплатой всего здесь — 700 фр.

Прощай. Таты нет дома — мне очень и очень скучно.

Рукой Н. П. Огарева:

Если ты вырос настолько, что в жизнь вдумываешься серьезно, то докончи свой подвиг и покажи Натали, что непонимание, доводящее до безумия, — грешно, и во имя нас вышлай ее сюда, пока время не опасно для Лизы. Слово истины я не продам ни за какие блага на свете, но пора же и Натали увидеть, что непонимание не есть искренность, итак, ее последнее письмо пусть забудется, как пустой бред, и я имею к ней то уважение, которое не сомневается в ее приезде.

Вмешательство Сергеев-Соловьевича для меня тем более странно, что он не принадлежит, кажется, к разряду Рудиных и должен понять, что нельзя из серьезного вопроса делать пошлую сплетню, что будет необходимым результатом постороннего вмешательства.

Ольга ждет Лизу в Париже. Тата ждет Натали и Лизу здесь; готовит Лизе разные картинки, Натали посылает план дома. Мы распорядились комнатами так, чтоб разместиться удобно, и комната Натали готова и ждет.

Обними за меня мать и дочь и себя самого.

Письмо к Natalie от нас послано на ее адрес.

Я начинаю думать, что Сергеев-Соловьевич дурак, умный не осмелится замешаться в такое глубоко личное дело. Если я так дружески горячо принял твое вмешательство, если я за него тебя еще больше полюбил и оценил... то это не значит, чтоб всякий добрый человек был допущен мною или Огаревым.

Завтра рожденье Огарева.

Прощай.

11 декабря (29 ноября) 1860 г. Лондон.

Ружой Н. П. Огарева:

Милая Полина, в не дошедших до тебя строках я просил тебя шибко об одном, и теперь повторяю: у Мше Сал<иас> есть моя писанная книга стихов и письма в стихах. Мне она нужна на полгода, после чего я все возвращаю. Попроси ее на это время через тебя прислать ее. Мне надо для разных писаний и потому, что не хочется умереть не пересчитавши ее. Сам ты ее читать можешь, но другим не давай. Там, вероятно, вздору куча, а иной раз найдется и порядочное. Устрой ты мне это, умоляю тебя; это личная потреба. Ты меня невыразимо одолжишь, по гроб моей жизни не забуду.

Больше ничего и не напишу. Нездоровится. Странная местная боль привязалась ко мне; пустая и неопасная, а мучительная. Но это скоро пройдет. Обнимаю тебя крепко. Что нового... хочу нового. — Кланяйся сам себе от меня с чувством глубокой дружбы.

Моя квартира — просто наслаждение. Наш дом с брюхом, а перед ним церковь; мне кажется, что я дома в деревне. *Nessun maggior dolore, che ricordarsi del tempo felice...* Право, соврал Петрарка, какой тут dolore! Едва ли есть что-нибудь сердечнее лучшее. Прощай, иду обедать.

Это я, доблестный П<авел> В<асильевич>, отодрал конец письма — испортивши его под влиянием того, что пиит Ог<арев> называет Данта — Петраркой, — я хотя и не Пе-дант, но этого вынести не могу. На последнее письмо твое я уже отвечал — и теперь пишу только для того, чтоб сказать, что писать нечего. Живем мы тихо, я пью за себя и за Огар<ева> — красное вино и марсалу, а водку вовсе не пью. Тур<гев> искажил свою душу председательством общества поощрения бедности родственников и детей — литераторов, педагогов, — сделался 1) опекуном Марк<а> Вов<чка> и не позволяет ей баловаться, 2) опекуном сына Шеншина, которого законная супруга не признает, несмотря на то, что он до того похож на Шеншина, что все просит коньяку. Жена Шен<шина> грозила Тур<геву> процессом и защищает мужа тем, что у него была водяная грыжа — как будто это мешает земным страстям, 3) ... довольно.

Читал ли статьи Вагнера о Милне Эдварсе в «От<ечественных> зап<исках>» — прелесть; если ты непотребуешь до того, что едешь не только к Некрас<ову> (которого, надеюсь, ты видел как я оборвал), но и к самому Краев<скому>, то скажи ему, что он меня искренно обяжет, если передаст, что вот, мол, на острове живет такой-де Ал<ександр> Ив<анович> Добчинский и Ник<олай> Пл<атонович> Бобчинский — так свидетельствуют, мол, братский привет за ваши статьи. А ты их прочти.

Я приготовил монографию о Роберте Оуэне для «Полярной» звезды». — Надеюсь заслужить ваше родительское внимание и материнскую снисходительность.

Прощай. Обнимаю тебя — поминаешь ли Бурнамацкую слободку? Податель вручит тебе портреты.

11 декабря 1860.

Рукой Н. П. Огарева:

Назвать Петраркой Данта
Смешно для дилетанта;
Но жалким будешь франтом,
Назвав Петрарку Дантом!

На обороте (рукой А. И. Герцена): Полине.

131. П. В. ДОЛГОРУКОВУ

18 (6) декабря 1860 г. Лондон.

18 декабря. Orsett House.
Westbourne terrace.
W.

Почтеннейший князь Петр Владимирович, во-первых, рекомендую вам юного и чрезвычайно образованного поляка, желающего представиться вам. Он отлично знает языки, особенно англ^{ийский} и немец^{кий}, и серьезно занимается наукой. Фамилия его — Бени.

Третья «Будущность» очень интересна, и мы из нее украдем — статейку. (Разуме^{ется}), обозначая.)

Тимашев прибыл в Лондон и ищет купить шпиона — чтоб узнать, кто нам пишет из России. Не напечатать ли это? Я, как узнаю подробнее, извещу через «Теймс».

Р. С. Сейчас узнал, что его еще нет, но что ждут, — не знаете ли вы, в Париже ли он?

Стихов до сих пор не могли сыскать, простите.

Усердно кланяются вам я и Огарев.

132. И. С. ТУРГЕНЕВУ

19 (7) декабря 1860 г. Лондон.

19 декаб^{ря}. Orsett House.
Westb^{ourne} terrace.

Генерал, покровитель и
фавтор,

пронзенный благодарностью за то, что изволили под ваш шупц взять Ольгу, имею честь донести:

1-х. Я к правой вдове, которая вовсе не права, написал тогда же — письмо холодное, учтивое и ассомантное. Что же с ней делать?

2-х. Деньги прошу тебя отдать, а я, как буду посылать какие-нибудь другие, пришлю тебе 50 фр., слишком сумма мала, чтоб посылать через Ротшилда. В продолжение месяца ты непременно получишь.

3. Насчет вашего уведомления об открывшейся нимфомании — привели меня в радость.

Я, со своей стороны, вчера кончил большую етюду «Р. Оуэн» — очень, очень желал бы тебе ее прочесть, вещь смелая и, сколько кажется, удачная — я ее помещу в «Пол(ярной) зв(езде)», которая выйдет к 1 марта — будет стр(аниц) 70.

«Гайку» мне давал Чижев и книгу потом отдал Смирновой, но только я ошибся — плоховато и сентиментально.

Третий лист «Будущности» гораздо лучше двух первых — за что ты его побранил? А ты вот что сделай — прочти нынешний «Кол(окол)» непременно. Ты, пожалуй, увидишь, что это *дело в три* печатных листа — да и положишь. Это такой цинизм, такое безобразие, какого ты даже и в нужном кабинете не видал, — а это еще ненужный к тому же.

Вот все, что из туманов Альбиона могу тебе сообщить.

Затем пиши и пиши,

будь здоров.

А. Г.

Читал ли ты Раскол(ьничий) сборник? Это чудо как интересно. У меня нет экземп(ляра), ты пока возьми у Мар(ьи) Ал(ександровны).

Огар(ев) кланяется.

133. А. А. ГЕРЦЕНУ

24 (12) декабря 1860 г. Лондон.

24 дек(абря). Orsett House.
Westbourne ter(race).

Любезный Саша,

посылаю бабушке Фоке дедушку Бакунина. Этот портрет снят с того, который у меня, его делали в Иркутске — о сходстве она и Эмиль могут сами судить. Я такой же послал Прудону.

Natalie приехала. Есть надежда, что пойдет хорошо, но я желаю больше времени. Лиза очень мила, но и достаточно капризничает. Я думаю, что она будет сильно умна и пойдет по стопам Ольги, но Ольги толстой и с жирцом. Они приехали в сибирский мороз, мы ждали на станции часа четы-

ре — я отогревался и виски и хересом, а Огар(ев) бараниной с содовой водой. Лиза нас тотчас узнала, нянюшка старше ее — но не узнала, несмотря на то что никогда не видала прежде.

А prorsus, Natalie мне облегчила отыскивание безделушки для Эммы. Она говорит, что она любит маленькие вещицы — ну, за это я берусь только после Нового года.

Прощай, жду от тебя письма. Сер(но)-Сол(овьевич) в Ахене, болен. Девиль говорит, что у него прескверный организм.

У нас все хорошо. Татой я очень доволен.

Я написал письмо к Эмме, если ты им доволен, пошли ей, я хочу, чтоб она переписывалась со мной.

Прощай, целую тебя.

Ты ей объясни, что сентиментальных писем à l'allemand¹ я не пишу, — Ruthenus sum².

Завтра рождение Наташи, надеюсь — ты не забыл.

134. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

[26 (14) декабря 1860 г. Лондон]

Любезнейший Тхоржевский,
приходите сегодня часов в 8 к нам, — вы нас очень этим одолжите.

Посылаю г. Жихонь 4 бутылки марсалы — и прошу дружески принять и со вкусом выпить.

Усердный ваш богомолец

А. Герцен.

Orsett House.

26 дек(абря) 1860.

На обороте: Monsieur S. Thorzevsky.

¹ на немецкий манер (франц.); ² я русский (лат.). — Ред.

135. И. С. ТУРГЕНЕВУ

5 января 1861 г. (24 декабря 1860 г.). Лондон.

5 янв<аря> 1861. Orsett House.
Westb<ourne> terrace.

Здравствуйте, Иван Сергеевич, — и вплоть до 1862, а тогда я снова вам пожелаю всякого благополучия. — «Стрикаловских помещиков» я прежде читал, а «Гаванских чиновников» прочел теперь. Хотя и видно, что еще перо не устоялось, а хорошо. Стрикал. подражает тебе. Ну а Порошин-то порошинки не выдумает — за коим Булгариным он в «Норд» посылает дербиденъ — да еще против Кавелина. Поверь, что у России будущей нет хуже врагов, как доктринёры и западотёры.

Затем благодарю Рюрикова потомка — за обломок корабля.

Видала... но почто?

«Морской сбор<ник>» мне пригодится (впрочем, он здесь был). А пусть Рюрик напишет Головнину — что за *пять* лет не было такого неистовства в флоте, как теперь. Они одурели. Я напечатаю сборник имен вроде Шестакова, Крузенштерна, Дистерло etc., etc. Ты это непременно скажи. Прежде эти разбойники стыдились или боялись огласки — а теперь прямо говорят: «Велика важность, что в „Колок<оле>“ напечатают — плевать нам на „Колокол“». — (Я исключаю некоторых молодых и одного почтенного седого моряка, который с пеной у рта мне рассказывал это.)

А что Труб<ецком>у, как пришелся побег *Орлихи*. Эта история zu schön¹. Не с того ли он стал писать глупые брошюры?

Маццини приехал — я вчера пробыл у него весь вечер и был очень доволен им. Да, это величие — он совершенно по-

¹ уж очень хороша (нем.). — *Ред.*

забыл о существовании Мадцини и в восторге от успехов в Италии, без малейшей гансуне¹. Но дело не кончено, и очень.

Хочешь ли теперь *Раскольников*? — Я Трюб<нера> разругал, он и прислал мне еще 6. А «Поляр<ную> звезду» он уже купил *на корню всю*. К 15 мар<та>, наверное, будет у тебя.

Крузе мне рассказывал одну проделку Некрасова с Кулишом — вероятно, ты ее знаешь. И с эдаким-то сукиным сыном — вы все якшаетесь. Характеры вы мои, характеры.

Прощай. Напиши мне твое мнение о статье Огарева и о статье в 15 янв<аря> на смерть Константина Аксакова.

За Ольгу благодарю. Женись-ка на ней — да и живи домком.

Что Бени, доставил ли портрет?

136. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

7 января 1861 г. (26 декабря 1860 г.). Лондон.

Cher Thorzevsky!

1° Je ne me presse pas du tout avec l'impression de mes mémoires.

2° Je ne changerai rien dans les conditions.

3° Les conditions sont: Je propose à M. Trubner les deux premiers volumes de mes mémoires — de 40 — à 45, peut-être jusqu'à 50 feuilles — format За пять лет — pour un honoraire de 10 livr. par feuille.

M. Trubner peut tirer autant d'exemp<lares> que cela lui plaira.

Mais dès que le 1<-r> vol<ume> sera imprimé — il m'ouvre un crédit — de 200 livr. Dès que le 2<-e> — sera imprimé — 200. — (S'il y aura plus de feuilles — nous compterons après.)

Cet argent ne sera payé que par petites sommes — de 25 — 30 livr. — et avec toutes les facilités possibles, mais sans changement des conditions.

Перевод

Дорогой Тхоржевский,

1-е. Я нисколько не тороплюсь с печатанием своих мемуаров.

2-е. Я ничего не изменяю в условиях.

3-е. Условия таковы: Я предлагаю г. Трюбнеру первые два тома моих мемуаров — от 40 до 45, может быть, до 50 листов, формата «За пять лет» — гонорар по 10 фунтов за лист.

¹ злобы (франц.). — *Ред.*

Г. Трюбнер может напечатать столько экземпляров, сколько ему будет угодно.

Но как только будет напечатан 1-ый том — он открывает мне кредит в 200 фунтов. Как только будет напечатан 2-ой — 200.— (Если листов окажется больше — мы рассчитаемся потом.)

Эти деньги будут выплачиваться лишь мелкими суммами — от 25 до 30 фунтов — и со всеми возможными отсрочками, но без изменения условий.

137. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

7 января 1861 г. (26 декабря 1860 г.). Лондон.

Огарев боится, не будет ли просвечивать бумага. Надобно бы попробовать — а то она недурна.

Вот для Трюб<нера> записка о моих *Записках*. Спросите у него счет (пока хоть en gros¹). Да и ваш счет приготовьте. Я сказал Чернец<кому>, что как в прошлом году — так и в нынеш<нем> вам выдавать 25 экзем<пляров> «Колокола» — без денег. Прошу их принять.

Засим прощайте.

Пон<едельник>. 11 часов.

138. М. К. РЕЙХЕЛЬ

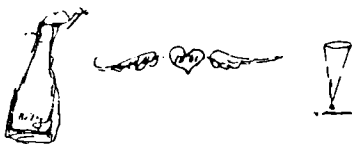
9 января 1861 г. (28 декабря 1860 г.). Лондон.

Zum neuen — anno 1861 — Jahre

Glückwunsch — von einem warmen (und Alex<andre>) Herzen

Der G<nädigen> Frau Maria Kasparovna
gewidmet

Samt Gemahl und lieben Kindern².

V<om> warmen Herzen³ — это неправда. Я мог бы сказать — kalten⁴. Как мы живы, я не постигаю. С 18 числа здесь моро-

¹ в общих чертах (франц.); ² К новому, 1861, году примите пожелания счастья от горячего сердца и Александра Герцена милостивой государыне Марии Каспаровне с супругом и детками (нем.); ³ От горячего сердца (нем.); ⁴ холодного (нем.). — *Ред.*

зы — вы знаете дома английские. Все в комнате в шинелях, Лиза больна, вокруг все кашляет, сморкается, хрипит, сопит — и это называется комфортабельной страной — где, тратя на квартиру 7000 фр., нельзя найти комнату.

А что, каково я одолжил вашего подлеца дрезденского в «Колоколе» — я так и думал, что душа у вас в пяты ушла. Для него, говорите вы, на старости лет ничего святого не осталось — *er bellt und beißt* —

*So geht es in der Welt!*¹

139. И. С. ТУРГЕНЕВУ

11 или 12 января 1861 г. (30 или 31 декабря 1860 г.). Лондон.

О смерти Аксакова писал мне Иван Сергеев<ич>. Он умер на острове Занде, куда его послал Шкода для леченья. Ив<ан> Сер<геевич> его перевез в Триест и теперь поехал в Россию с ним. Письмо его ужасно — *gloomу*², даже фризует отчаяние. Я написал от души несколько строк ему в память.

Ну, и с русским Новым годом. — Я верю, — и так же готов на труд, как прежде. В России все закипает — какие письма приходят иногда, — и черт знает откуда — из Казани, из Оренбурга. Из Казани — нам пишут такие симпатии, что чудо.

Nein, nein. Es sind keine leere Träume,
как мы говорили студентами.

«Пластуна» — пришлю.

140. А. А. ГЕРЦЕНУ

11 и 15 января 1861 г. (30 декабря 1860 г. и 3 января 1861 г.). Лондон.

11 янв<аря>. Orsett House.
Westbourne ter<race>.

Such es nicht draußen — da sucht es der Tor,
Such es drinnen — du bringst es immer hervor.

Помнится, так сказал Шиллер, а я скажу тебе. Совершенно не понимаю (и никогда не понимал), что значит скука, и отчего тебе в Берне скучно. Когда я говорил тебе, и очень часто, что только научные вопросы, взошедшие в плоть и кровь, только общие интересы могут человечески наполнить грудь, — ты мне не совсем доверял. Да, Тринидад и все это — *draußen*³. Конечно, можно сделать для себя целую жизнь агитации — не Тринидад, так Фифтидад, Твендидад, — но где центр-то нравственной тяжести, гнездо, *poуau*⁴? Я смотрю на Natalie —

¹ он лает и кусается — так повелось на свете (нем.); ² мрачно (англ.); ³ вовне (нем.); ⁴ сущность (франц.). — *Ред.*

и думаю: сколько преданной любви к Лизе, сколько того и другого, и в сущности она и теперь не очень счастлива, а вперед страшно глядеть... (разумеется, это я тебе одному пишу), — почему? У нее все основано на лицах, на семье, на себе — общее ее занимает, как газеты, искусство и пр., — все на втором плане. Ты можешь сказать: как же я говорю — «на себе» — ну, да ведь это *mein Inneres*¹ и есть. Нет, только то внутреннее хорошо, которое обобщило себя, и только одно оно — не скучает. У него есть интересы вечные, страсти неиссякаемые. Подумай еще и еще об этом. В твои лета люди всего больше отдаются делу.

Лиза очень нездорова — сегодня решится, коклюш или корь. Морозы страшные — вчера опять весь день горел огонь, т. е. свечи. Я решительно думаю, что, кроме России, зимой нигде жить нельзя. Мороз стоит с 18 числа. Толпы нищих ходят по улице с криком — работать в комнатах почти невозможно... И это все в стране комфорта. А *propos*. Возле нашего дома — огромнейший и, вероятно, лучший в Лондоне отель — при *Paddington Street* — рекомендую его Урихам. А не то и квартиру можно найти возле или близко — надобно знать цену. В отеле все будет двоим стоить 25 шилл. в день и даже 30.

15 января.

Письмо это залежалось. С тех пор Лиза поправилась. У нее была лихорадка — и, несмотря на ожидание Девиля, до сих пор равно ни кори, ни коклюша нет.

Такой зимы мы с тобой в Лондоне не видывали. Холод невыносимый, в больших комнатах сидеть нельзя, по улицам ходят толпы голодных, с криком и песнями. Неужели это результат цивилизации, и только-то люди выработали, а «Теймс» подхваливает народ — такой, говорит, добрый: голоден, а смирен.

Читал ли ты *Orareva* статью на 1 января?

Затем прощай. Очень, очень налегай теперь на занятия — все же в путешествии многого не сделаешь.

Мейзенбуг хлопчет, чтоб мне был разрешен въезд в Париж, тогда я, может, приеду и в Швейцарию. А что, убедился ли К. Форт примером Телеки, что с немцами плохая шутка?

Обнимаю тебя.

Тата едет в *Geological Institute* на лекцию электричества.

¹ мое внутреннее (нем.). — *Ред.*

17 (5) января 1861 г. Лондон.

17 janvier 1861. Orsett House.
Westbourne terrace.

Cher Vogt,

Il n'y a pas à y réfléchir — il faut faire ce voyage. Vous serez reçu par la jeunesse littéraire et universitaire — comme je ne sais qui — César ou Fanny Elsler. Nos lettres ne peuvent pas vous compromettre, vous êtes en arrière d'un demi-siècle. Certainement il faut un peu de prudence — mais *un peu*. Connaissiez vous Michelangelo Pinto (un ami et collaborateur de Spini) — il a suffi d'une lettre de nous — et immédiatement il a reçu la chaire de la littérature italienne à l'Université de Pétersbourg. Si vous allez par Paris — il faut faire la connaissance de J. Tourguéneff (210, Rue Rivoli) — c'est un de nos amis intimes et qui a une influence colossale en Russie. Enfin nous sommes prêts — les plumes taillées, le papier déployé, l'imagination tendue. Votre allusion — à la chute du parti libéral — n'a rien à faire à tout cela. Les libéraux de tous les pays sont entre chien et loup — parti bâtard et mixte. Il y a autre chose chez nous — c'est le parti profondément mécontent et qui commence à haïr et à parler.

Maintenant comme vous tenez à garder la chose en secret, je dois vous prévenir — que votre lettre m'est arrivée — scandaleusement décachetée. Je l'ai montrée à Ogareff.

Pour le passeport, on ne vous fera pas de difficulté — c'est à dire pour le visa russe — et certainement c'est plus facile de l'obtenir que le visa français pour moi. Enfin j'ai écrit encore une fois au ministre de l'Intérieur.

Avec l'affaire d'argent il faut maintenant attendre. Vendre les papiers américains est impossible — j'ai acheté à 115 et 120 — ils sont déjà à 90. Il faut attendre la fin de la sécession. Mais de quel droit — tiennent les braves concitoyens de Fribourg — mes 20 000 francs dans la banque? Est-ce que c'est à perpétuité que je dois leur laisser là?

Je dépense dans ce maudit *London* tout ce que je reçois, *plus* — tout ce que je gagne par Trubner. Si je peux avoir les 4000 fr. sans toucher le capital — (je le saurai par les comptes de Rothschild) — je vous écrirai. En attendant demandez Schaller.

Adieu, cher Vogt, — que pensez vous concernant le voyage d'Alex<andre> à Trinidad — je le permets, parce que je n'ai pas assez d'autorité pour refuser, mais j'ai pensé qu'il ira avec vous.

Tout va bien chez nous — nous imprimons, nous imprimons — nous sommes lus, nous sommes achetés et voilà tout.

Je vous embrasse.

A. H e r z e n.

D'où avez vous tiré la nouvelle — Rinaldo Rinaldini — des assassins envoyés contre Clapca?..

П е р е в о д

17 января 1861. Orsett House.
Westbourne terrace.

Дорогой Форт,

нечего и раздумывать — надо отправляться в путешествие. Вы будете приняты литературной и университетской молодежью как не знаю кто — Цезарь или Фанни Эльслер. Наши письма не могут вас скомпрометировать, вы отстали на полвека. Конечно, пужна некоторая осторожность, но лишь *некоторая*. Знаете ли вы Микельанжело Пинто (друга и сотрудника Спины) — достаточно было одного нашего письма, чтобы он немедленно получил кафедру итальянской литературы в Петербургском университете. Если вы поедете через Париж, вам следует познакомиться с И. Тургеневым (улица Риволи, 210) — это один из наших близких друзей, он пользуется огромным влиянием в России. Словом, мы готовы — перья очинены, бумага развернута, воображение напряжено. Ваш намек на провал либеральной партии — тут ни при чем. Либералы всех стран словно в сумерках — партия ублюдочная и разнородная. У нас другое дело — это партия, глубоко недовольная, которая начинает ненавидеть и роптать.

Теперь, так как вам хотелось сохранить все это в секрете, должен вас предупредить, что ваше письмо дошло до меня возмутительным образом распечатанное. Я показал его Огареву.

С паспортом, т. е. с русской визой, трудностей вам чинить не будут, и, несомненно, вам легче ее получить, чем мне французскую визу. Наконец я снова написал министру внутренних дел.

С денежными делами надо теперь подождать. Продать американские бумаги невозможно — я их купил по 115 и 120, теперь они уже упали до 90. Надо выждать окончания раздела. Но по какому праву любезные фрибургские сограждане задерживают мои 20 000 франков в банке? Навеки, что ли, должен я их там оставить?

Я трачу в этом проклятом London все, что получаю, *более* того — все, что зарабатываю при содействии Трюбнера. Если я могу получить 4000 франков, не трогая основного капитала (я об этом буду знать из отчетов Ротшильда), я вам напишу. Пока же попросите у Шаллера.

Прощайте, дорогой Фогт, — что вы думаете относительно поездки Александра на Тринидад — я ее разрешаю только потому, что не имею достаточного влияния, чтобы отказать, но я полагал, что он поедет с вами.

У нас все идет хорошо — мы печатаем, печатаем — нас читают, нас раскупают — вот и все.

Обнимаю вас.

А. Герцен.

Откуда вы взяли новость — Ринальдо Ринальдini — убийцы, подсланные к Клапке?..

142. Т. П. ПАССЕК

27 (15) января 1861 г. Лондон.

Воскресенье, 27 января. Orsett House.
Westbourne ter<race>.

Тетушка-племянница... я готов назвать вас бабушка-внучка, из-за чего же вы худеете и в тоску впадаете и пр.? Великое дело вовремя отпускать на волю — детей, рабов и все, что в неволе. Я родительское бешенство не ставлю в добродетель — сидеть и думать, что дитя в гололедицу упадет — а дитя 25 лет, — ведь это нелепость. Оставьте пока волю — перебесится, лучше будет. Если ж (по всему виден слабый характер) нет — вы не поможете ничем.

Писать, добрый и старинный друг мой, я не стану и не могу, что же я скажу? Вас они опять надувают, я знал уже прежде, что М<арья> А<лександровна> едет в Италию. Я рад, что она оказывается очень плохим субъектом — оттого-то и не выйдет ничего. Понадейтесь на меня и на то, что трусь между народом и вижу то да се. И так оставьте дело это, не мешайтесь, не давайте много денег, а сколько нужно.

Не думаю, чтоб легко было издавать J.-J. Rousseau «Contrat Social», печать здесь страшно дорого. Знают ли в ваших странах, что лист печатный — 2000 экз<емпляров> — здесь стоит 8 livr., т. е. 200, а чуть много поправок да больше формат — 225? Не лучше ли попробовать сходить Ч. к Линднеру — от моего имени (я, пожалуй, и записку напишу), это преемник книжной лавки Франка (Rue Richelieu) — он жидок и жидок, ему печать в Немецтине обходится от 75 до 80 фр.

Трюбнер в нынешнем году не возьмет ничего, он печатает
«Полярную звезду»,
2-ой том Раскольников,
Два тома — I, II — «Былое и думы»,
Фейербаха,
2 часть «За пять лет» Огарева,
Финансы при Людви́ге XV.

«Колокол» печатаю я. Все занято до нового года.

Пошлю вам сегодня «Колок(ол)», обратите внимание на то, как я уважил Академию наук.

Читаете ли вы «Будущность» — фирста Долгорукова? Имеете ли русские журналы?

Знаете ли, что вам надобно отколоть? Оставьте вы вашего Вертера с украинской Шарлоттой — садитесь-ка одни на шлюпку — побывайте в Лондоне, вы увидите — всё пойдет как по маслу, и старину вспомним и новину забудем.

Прощайте.

Все кланяются, и все идет тихо и так себе.

143. М. К. РЕЙХЕЛЬ

2 февраля (21 января) 1861. г. Лондон.

2 Feb(ruar) 1861. Orsett Hou(se).
Westbourne terr(ace).

Lassen Sie Miss die Rutzine in *Ruhe ziehn* — уж здесь прием будет — фенсерф. — А Татьяна Петр(овна) только и пишет о интрижке своего юноши с Мар(ьей) Алекс(андровной), а Мар(ья) Алекс(андровна) сбаловалась совсем ... пошла писать, да не повести, а были.

Тата собирается вам послать разные безделицы (на свои собственные деньги): иголки и книжки, да нет okazji. Затем — посылаю Рейхелю отличный подарок — Бакунина портрет, снятый в Иркутске, 1860 год(а) — в следующем письме будет для вас.

Читали ли вы в «Кол(околе)», как я огрел Москву и Академию?

Засим униженно кланяюсь.

144. А. А. ГЕРЦЕНУ

5 февраля (24 января) 1861 г. Лондон.

5 февраля. Orsett House.
Westbourne terrace.

Любезный Саша,

весть твоя огорчила нас всех. Конечно, старику было 73 года, но как он был бодр и умен в 1852 году. Пожми дружески и крепко руку Mme Vogt...

Смерть второй раз прошла мимо тебя, т. е. возле. Смерть — страшно скверная вещь, и все мы уберемся, — вот почему особенно надобно баловать старость.

Что будет делать старушка? Теперь тебе случай уходом и любовью поплатиться с ней.

Опиши мне последние минуты его, его слова и вообще подробности.

Скажи Em. Vogt, что я постараюсь через Саффи или еще одного г(осподи)на, который там, узнать о деле, по полагаю, что это не так легко, как кажется.

Прощай. У нас все идет тихо.

Полагая, что К. Фогт у вас, я ему прилагаю записку. Если он в Женеве, отошли ее сейчас.

145. К. ФОГТУ

5 февраля (24 января) 1861 г. Лондон.

5 février 1861. Orsett House.
Westbourne terrace.

Cher ami,

Je viens d'apprendre le malheur qui a frappé votre famille — cela m'a vivement rappelé lorsque vous avez été à un enterrement chez moi. Je n'ajouterai pas une phrase — je vous serre la main.

Alex<andre> m'a parlé à Londres d'une je ne sais quelle propriété qu'on vendait près de Berne pour 80/m. fr. et dont la valeur montait à 160/m. J'ai dit que si cela était ainsi — je prendrai de suite une partie de mes fonds pour l'acheter — car sans cela le United St<ates> 6% sera remboursé en 1867. Voilà la source de laquelle il a conclu que je cherchais un placement. Si l'Amérique se divise ou non — il m'est impossible de faire quelque chose maintenant, mieux vaut perdre par une chance — que par un suicide financier. Je perdrais maintenant déjà 25%.

Si Fribourg tient bon, je pense que je pourrais prendre des sommes qui sont chez Rot<hschild>les 4000 fr. Ecrivez-moi et envoyez après un acte formel.

Adieu — cher Vogt. — Tout ce que vous écrivez par rapport à Alex<andre> est vrai — seulement vous vous trompez en mon intention de le faire publiciste russe — si je parlais de son sang-froid — concernant nos questions, c'est que *nihil humani* ne doit être *alienum*.

On a encore mal compris mon opposition — à son mariage. Je ne suis pas un père de Comédie. Je n'avais rien contre son choix, contre son mariage, mais beaucoup contre la précipitation. Je lui disais — mais attends donc au moins 4 ans, et finis le cours—

il faut avoir une position à soi avant, car se marier étant écolier — est ridicule. Avais-je raison?

Tout à vous
A. H e r z e n.

Ogareff vous serre la main.
Connaissez vous la proclamation Bucher contre Venise —
Oh grand Tedesque!

На обороте: Charle Vogt.

П е р е в о д

5 февраля 1861. Orsett House.
Westbourne terrace.

Дорогой друг,

я только что узнал о несчастье, постигшем вашу семью, — это мне живо напомнило другие похороны, на которых вы были у меня. Не прибавлю больше ни слова — жму вашу руку.

Александр мне говорил в Лондоне о каком-то имении, которое продавалось возле Берна за 80 тысяч франков и стоимость которого достигает 160 тысяч. Я сказал, что если это так, то сразу же возьму часть моих средств, чтобы его купить — так как иначе 6% будут выплачены Соединенными Штатами лишь в 1867 году. Вот откуда он заключил, что я хочу во что-то вложить деньги. Независимо от того, поделят Америку или нет, — сейчас мне невозможно что-либо предпринять, лучше потерять случайно, чем в результате финансового самоубийства. Я бы уже сейчас потерял 25%.

Если Фрибург будет стоять на своем, я думаю, что мог бы взять 4000 фр. из денег, которые находятся у Ротшильда. Напишите мне и пришлите затем документ по форме.

Прощайте, дорогой Фогт. — Все, что вы пишете относительно Александра, верно — только вы ошибаетесь в том, что я намерен сделать из него русского публициста, — если я и говорил о его равнодушии к нашим делам, так это потому, что «*nihil humani*» не должно быть «*alienum*».

Плохо понято также мое противодействие его женитьбе. Я не папаша из комедии. Я ничего не имел против его выбора, против его женитьбы, но сильно возражал против поспешности. Я ему говорил: подожди же хотя бы 4 года и закончи курс, нужно сначала стать на ноги, ибо жениться в школьном возрасте — смешно. Был ли я прав?

Весь ваш
А. Г е р ц е н.

Огарев жмет вам руку.

Знакомы ли вы с прокламацией Бухера против Венеции — о великий *Tedesque!*

На обороте: Карлу Фогту.

146. А. А. ГЕРЦЕНУ

11 февраля (30 января) 1861 г. Лондон.

11 февр<аля>. Orsett House.
Westbourne terr<ace>.

Письмо твое с приложениями я получил, ты очень хорошо сделал, принявши свой пай в деле Фогтов. Я тебе советую теперь больше, чем когда-нибудь, тесно сблизиться с бедной *Mme Vogt*. — Скажи ей, что я к ней не пишу потому, что не могу в этих случаях говорить фразы, а просто жму ее руку. Устраивай твою жизнь так, чтоб она осталась с тобой, — я думаю, ты будешь нежнее ее покоить, чем другие, — и тогда ее домик и твой могут быть иной раз и местом отдыха для меня и местом перемены для Таты и Ольги.

Может, я скажу слова два в «Поляр<ной> звезде», но в «Колоколе» нельзя, ты видишь, что специальный характер «Кол<окола>» не допускает таких статей. А *propos*, ты мог бы перевести несколько строк моих из «Пол<ярной> звезд<ы>» — может, они пригодятся.

Позже.

А вот и второе письмо твое. К. Фогт недавно писал ко мне, спрашивая, не могу ли я его ссудить еще 4000 фр. (может, это секрет, так ты не говори) — в дополнение к прежним, и это — на дом, кажется, его тещи. Деньги я могу ему дать; не хочешь ли, чтоб он ипотеку дал на твоё имя, или думаешь, что это затруднит ваши сношения? *Il faut s'initier peu à peu*¹ в дела. Очень может быть, что наши финансы пойдут поплотше, — я уж теперь в большой был бы потере по американским бумагам, а продавать их теперь — это разорение. Вот почему я говорил (а ты своими глазами видишь теперь пример), что человек должен стоять как можно независимее — от денег. Семья Фогтов вырастает от их безденежья и труда.

Будь здоров. Прощай, обнимаю тебя. У Таты болит голова.

¹ Надо понемногу входить (франц.). — *Ред.*

147. И. С. ТУРГЕНЕВУ

11 февраля (30 января) 1861 г. Лондон.

Понедельник. Orsett House.
Westbourne terrace.

Любезный Тургенев, ты мне должен сослужить службу — и даже попрошу тебя сослужить ее поскорее. Месяца полтора тому назад явился здесь один русский, сначала под псевдонимом, потом как Николай Платонович Трубецкой, штабс-капитан гвардейской артиллерии — réfugié¹, без денег, без рекомендаций. Он поселился здесь. Не может ли парижский Трубецкой догадаться, кто он, что он, зачем он? Или не знает ли кн. Долгоруков — мне это очень нужно. К тому же разные слухи. Ех^{empli} gr^{atia} не знает ли Долг^{орук}ов или Обручев, были ли в прошлом сентябре или октябре аресты офицеров в Петерб^{урге} и преимущ^{ественно} из аристократов. Все это мне нужно, и очень, заставь богу молить за себя и свечку поставить.

A propos — может Слепцов тебе говорил или кому о нашем Дяконе. По строжайшему следствию (style Viatka & Chancellerie²) — оказалось, что он не виноват, а просто болтун и сплетник, как все монахи.

Как тебе моя статья об Академии и Москве Casanove?

Умер старик Фогт — отличный старик был.

Прощай. «Пол^{ярная} звезд^а» печатается — я «Оуэна» тебе пришлю в листах.

Будь здоров.

Есть и еще офицер, с неба свалившийся, — Дубровин — тоже экспатрированный.

148. М. К. РЕЙХЕЛЬ

16 (4) февраля 1861 г. Лондон.

16 фев^{раля}. Orsett House.
Westbourne terrace. W.

Вижу, всемилостивейшая государыня, завелась у вас страстишка к патретах — думаю, что долго посылать поодиночке — я вам на сей раз и вздумал поклониться (и не то что сегодня вздумал, а с 9 дек^{абря}) двумя старцами — что и прошу благосердо принять.

1) Анненков женился.

2) Боткин (В. П.) приехал из Флоренции в Париж очень больной и почти слепой.

3) Указ об освобожд^{ении} будет 3 марта.

Тюк вздору отправляет к вам Трюбнер — на днях.

¹ эмигрант (франц.); ² стиль Вятки и канцелярии (франц.). — Ред.

149. А. А. ГЕРЦЕНУ

24 (12) февраля 1861 г. Лондон.

24 февраля. Orsett House.
Westbourne terrace.

Любезный Саша.

Работай и работай, это дело хорошее. Я одного теперь в толк не возьму: для чего вы не отмените поездку в Тринидад? И как же все оставят старушку? Мое мнение не совсем таково. Ее следует сделать вашим центром. Об этом обо всем ты мне напиши. С Фогтом иметь дело тебе я *потому* и предложил, чтоб ты приучался их вести. Мы можем довольно много потерять, если в Америке дела сильно ухудшатся, — продавать поздно. Надобно ждать.

Здесь последние дни бури и проливной дождь, а впрочем тепло. Я писал (это между нами) два месяца тому назад о разрешении ездить по Франции, — и ответа нет. А К. Форт все думает, что это «машинация» действует, как говорила старая нянюшка.

Ты, вероятно, знаешь, что 4 марта — провозглашается *освобождение с земель* (доля земли неизвестна). Это наверное с освобождением Италии — важнейшие события в последние двадцать пять лет. Старайся прочесть как можно скорее. «Nord» пишет, что в Петербурге везде толпится народ — в кабаках, церквах, банях, на торгу, в театре, — все говорит об освобождении.

Дома у нас тихо. Лиза необыкновенно мила и умна, хотя и капризничает сильно. Ольга в гран-монде, ездит в «Тангейзер», в ложу самого Вагнера. Татой я тоже доволен, как всегда, — только слишком часто болит голова.

Вчера обед(ал) у нас Мац(цини) и спрашивал об тебе. Сегодня я обедаю у Нуме, который призывает духи, — вот и наши новости, да еще я познакомился с генер(алом) Эбер — он венгерец (корреспондент «Теймса» при Гарибальди), очень милый человек; я начинаю думать, что все люди — кроме французов, англичан и немцев — похожи на людей.

Прощай. Кланяйся старушке.

«Поляр(ная) звезда» выйдет к 15 марта. Я очень желаю, чтоб ты серьезно изучил статью о Р. Оуэне.

Обнимаю тебя.

150. И. С. ТУРГЕНЕВУ

1 марта (17 февраля) 1861 г. Лондон.

1 марта. Orsett House.
Westbourne terrace.

Письмо твое я в надлежащее время получил. За сведения благодарю. Завтра ты получишь «Кол(окол)» — с довольно подробным

описанием двух заседаний в Петерб^бурге. Алекс^сандр Ник^колаевич молодцом. Источник верен. — Мы ждем не переводя духа. Освобождение крестьян — и поступление Анненкова в крепостную зависимость — совершается почти в одно время. А ты еще перфидно радуешься, старый bachelor¹. Ну а Боткина не женил еще. Девиль взбесился на тебя за то, что ты писал о его болезни, — он говорит, что Боткин здоров, что у него глаза не болят. — Каков?

Не постигаю, каким образом я в свое время не прочитал Анненкова книгу «О Станкевиче». Это чрезвычайно важная публикация. Так и пахнет чистым, родным воздухом — от этой кучки людей благородных, идеалистов. Ну где же в Европе (кроме Италии) вы встретите что-нибудь подобное? В Германии идеалисты есть — но они думают о кухне и месте. Оттого что бедны... — а Белинс^ский, Красов, Кольцов не Миресы.

Засим прощай. — М^марья Ал^лександровна велела прислать письмо на твое имя. Я недоволен ее письмами. Недоволен ею, — и это не так, как ты иногда с женщинами капризничаешь и ломаешься, а недоволен серьезно. Имей она себе десять интриг, мне дела нет — и, конечно, я не брошу камня. Но общая фальшивость — дело иное. Ты на нее имеешь влияние (вероятно, она на тебя больше) — если хочешь быть ей полезен, поставь ее на ноги и выпутай из мира дрянных сплетен, двойных любей, кокетства и лжи.

Само собою разумеется, что это strictement² между нами.

Ведь Ж. Санд не оттого великая писательница — что много пакостей делала.

кину кланяйся.

151. И. С. ТУРГЕНЕВУ

7 марта (23 февраля) 1861 г. Лондон.

7 марта. Orsett House.
Westbourne ter^сrace.

Ты понимаешь, caro mio, что эти дни не жизнь, а судорожное переживание себя — прочитав вечернюю газету, я мечтаю, что завтра в 9 будет «Теймс».

Это наше время, наше последнее время — эпилог.

Иногда верится, что мы будем в России, — чаще, что мы совсем не будем.

В прошлую субботу я попросил графа Кушелева телеграфировать вопрос в Питер, и ответ пришел правильно — «pas le

¹ холостяк (англ.); ² строго (франц.). — *Ред.*

З — mais bientôt»¹. Опять мученье. А propos, ты знаешь Желя-говского. Он, я полагаю не без резона, один из поляков имеет настоящие сведения. Ты бы у него поспрошал — да мне бы от-писал. Вообще, Тургенев, ты уж теперь нас не забывай, и как что — пиши, а если очень важно, то и в телеграф сыграй.

Толстой — короткий знакомый, мы уже и спорили, он упорен и говорит чужь, но простодушный и хороший человек — даже Лиза Ог(арева) его полюбила и называет «Левостой». Что же дальше?

Только зачем он не думает, а всё, как под Севастополем, берет храбростью, натиском.

Слышу о ваших раутах с князьями, боярами и воеводами. Слышу о том дружественном беседстве о предметах важных с Чичериными и пр.

А ведь хороши вы все, таскающиеся в Европе для ради про-хлаждения, когда долг, разум и сердце (ты не говори Чичери-ну, что я помянул сердце, вообще ничего ему не говори обо мне) заставляют быть в России.

Радостное явление в русской литературе — полемика Корша с Лохвицким. — Они, особенно последний, ездят себя чернилами по сысалам. «Вы, — говорит Лох(вицкий), — вы думаете, что вы редактор, вы — чиновник, ваше дело смотреть, чтоб бумаги казенной не выходило больше, чем надобно».

Что скажете?

Ваш раб

А. Г.

P. S. Имеешь ли ты сношения с Генрихом шестым — т. е. Delaveau. Я ему прислал бы «Кол(окол)» (следующ(ий)), чтоб он сунул во француз(ские) журналы статью о Польше.

152. И. С. ТУРГЕНЕВУ

12 марта (28 февраля) 1861 г. Лондон.

12 марта. Orsett House.
Westbourne ter(race).

Ты меня действительно огорчил, приняв как-то дурно есте-ственный упрек — особенно естественный человеку, не имею-щему возможности ехать и завидующему вам. Я писал в «Кол(о-кол)» статью вместе с письмом к тебе. В статье я упрекнул русских туристов — а в письме тебя. Только, сарго mio, жги меня, режь меня, но твой резон — резона не имеет. Будто на два месяца ты не мог бы отлучиться. Мы все не привыкли жерт-вовать общему — that is the question.

¹ «не З, но скоро» (франц.). — Ред.

Гр. Толстой сильно замирается подчас — у него еще мозговарение не сделалось — после того как он покушал впечатлений.

Пишу к тебе, только чтоб ты гнев сложил на милость. Известен ли тебе факт, что один из офицеров в Варшаве — отказался командовать *плиц*!

Пришли мне, если есть, новости — все ждут к 18. Я одурел от беспокойного ожидания — и от досады, что не могу ехать.

Если кто поедет сюда, пришли мне, пожалуйста, $\frac{1}{2}$ фунта лучшего французского нюхательного табаку.

Объяснение, почему Делаво — Ипполит, не понял, — разве его Бунцен писал.

153. И. С. ТУРГЕНЕВУ

15 (3) марта 1861 г. Лондон.

15 mars. Orsett House.
Westbourne ter<race>.

Иван Сергеевич Divus¹,

получив таковое от вас письмо — я желаю обнять и поцеловать ваши седины. Но это не все. Не сокращение — а копию или оригинал надобно, — как можно скорее найми писца, заплати ему ценою злата и платины. Бога ради достань. А то ваши там лежат à la пес на Сене (реке и траве) — а нам необходимо.

Да ведь Галилеянин-то победит.

Ну, а ваши речи в Сенате — ах, мать их в Сену, какие мерзавцы!

Присылай же, не забывай.

154. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

20 (8) марта 1861 г. Лондон.

20 March. Orsett House.
Westbourne ter<race>.
W.

Любезнейший Тхоржевский.

Завтра, я полагаю, Тата не раньше может вас переводить на бумагу, как *в час*. Мы отправляемся с нею в Warwik Str<et> на панихиду.

Сделайте одолжение, пошлите весь «Колок<ол>» за 1861 (и вперед посылайте) (безденежно):

M^r le prince Pitzipio

4, Charles Street, Eastbourne terrace, W.

Нет ли у вас его «Revue d'Orient» — у меня одна книжка.

А что «Полярная» звезда — VI кн<ижка>? Мне ее очень нужно.

¹ божественный (лат.).— *Ред.*

21 марта. Orsett House.
Westbourne terrace.

Geehrtester Herr Sohn
und Medicinae et chirurgiae Doctor!¹

Письмо твое, разумеется, нас очень обрадовало, хотя я кое-что ждал в этом роде по одному выражению Фогта. Ты знаешь, что дипломом оканчивается школьное учение и начинается самобытное занятие наукой.

Советую тебе очень отдохнуть от усиленных занятий.

Теперь, друг мой и доктор, на досуге рассуди сам с собою тихо, кротко и всесторонне, зачем ты едешь в Тринидад.— Я тебе вперед говорю, что я не поставлю материального препятствия, а прошу тебя обратить внимание—на пустоту этой поездки. Ты года через два женишься, т. е. на худой конец имеешь перед собой лет тридцать семейной жизни. Для чего же ты натягиваешь еще год, с океанным путешествием, с климатом жарким и пр.?

Я не зову тебя на политическую работу — ты не имеешь для нее ни достаточной связи с Россией, ни влечений. Но если сообразить, что весь мир не представляет теперь больше интересного зрелища, как Россия, входящая клином социального переворота в совершенно новую фазу; если подумать, что путешественнику там—необъятное поле, — то я стал бы хлопотать на твоём месте о разрешении съездить в Россию и поездил бы à la Borchschoff.

Я тебе это предлагаю на размышление.

Каждая неделя приносит новости огромные, — века будут об них говорить, а ты без нужды поедешь жить в свое удовольствие в Тринидад.

Я тебя буду ждать. Напиши, впрочем, день; комната есть небольшая наверху — à la guerre comme à la guerre².

Заезжай к Ольге. Об ней очень хорошие слухи. Мейзенб<уг> не хочется очень возвращаться. Я думаю, что позволю им остаться до 1 июня.

У нас будет праздник. Может, ты успеешь к нему. Весь дом будет иллюминирован газом — с надписью:

3 МАРТА 1861

и знамя с «Emancipation in Russia»³.

¹ Высокочитимый господин сын мой, медицины и хирургии доктор! (нем., лат.); ² на войне, как на войне (франц.); ³ «Освобождение в России» (англ.).— *Ред.*

Обед—для всех работников типографии и вечер для всех неработающих, т. е. раут. Будут и Ашурст, и Бигсы, и Маццини, и Девиль (тоже доктор). День не назначен, потому что мы ждем подробности постановлений—для того чтоб знать, стоит ли Алекс<андр> II, чтоб я предложил его тост.

Затем обнимаю тебя и посылаю следующий рескрипт:

«Господин доктор,

Новое звание ваше обязывает вас как к покупке хирургических инструментов, <так и> сигар и иных лекарств,—мы признали необходимым увеличить оклад ваш до пяти тысяч франков, считая со дня получения вами диплома. Остаемся, впрочем, благосклонным к вам...»

Рукой Н. А. Тучковой-Огаревой:

Поздравляю тебя и Эмму — я сдержала слово молчания, жду вас с нетерпением.

Ваша Н а т а л и.

156. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

Между 21 и 25 (9 и 13) марта 1861 г. Лондон.

Любезнейший Тхуржевский, мы передумали и иллюминацию хотим делать в день общего праздника типографии. А потому я вас прошу узнать как можно лучше цены — но дня не назначать.

EMANCIPATION in Russia 3 March 1861 ¹

Вот бы что надобно сделать газом — и дом осветить с трех сторон. Я должен ехать к Ротшилду — вечером зайду, т. е. в седьмом часу зайду. Если можно, вручите г. Трубецкому 1 фунт за перевод.

Г.

157. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

25 (13) марта 1861 г. Лондон.

25 марта.

Манифест получен.

Он недурен, а потому

Наш праздник назначается 5 апреля.

Приведите г<азовую> иллюминацию и узнайте, что будут стоить музыканты от 8 до 11. — Я думаю, 4 ф.

Мне нужно 5 экз<емпляров> «Записок».

¹ Освобождение в России. 3 марта 1861 (англ.).— *Ред.*

158. А. А. ГЕРЦЕНУ

Между 25 и 28 (13 и 16) марта 1861 г. Лондон.

Господин Доктор,

Николай Платонович посылает вам следующее напутственное стихотворение:

Лжет наш век, везде личины,
Сердце шатко, ум лукав.
Под ударами судьбины,
Саша, *доктор* *медицины*,
Будь всегда — мой *доктор* *прав*.

Я пишу тебе, чтоб сказать, что наш праздник может быть отложен до 5 апреля, но не дальше. Напиши тотчас, когда ты будешь и застанешь ли иллюминацию.

Все здоровы.

159. Л. ЧЕРНЕЦКОМУ

Между 25 и 28 (13 и 16) марта 1861 г. Лондон.

Чернецкий, велите набрать эти строки, но только надобно попросить самого Диякона продержать строгую корректуру.

Наш праздник назначается 5 апреля. Трюбнер присылал пробу напечатанной страницы Фейербаха. — Советую начинать «Былое и думы».

160. Н. И. ТУРГЕНЕВУ

28(16) марта 1861 г. Лондон.

Милостивый государь

Николай Иванович!

Вы были одним из первых, начавших говорить об освобождении русского народа; вы недавно растроганные, со слезами на глазах, — праздновали первый день этого освобождения. Позвольте же нам, питомцам вашего союза, сказать вам наше поздравление и с чувством братской или, лучше, сыновней любви — пожать вам руку и обнять вас горячо от всей полноты сердца. Тот же наш привет просим передать князю Волконскому.

С живым умилением мы написали эти строки и подписываем наши имена с той глубокой, религиозной преданностью, которую мы во всю жизнь сохранили к старшим деятелям русской свободы.

Александр Герцен.

Николай Огарев.

28 марта 1861. Лондон.

Orsett House.

Westbourne terrace.

161. И. С. ТУРГЕНЕВУ
28(16) марта 1861 г. Лондон.

28 марта 1861. Orsett House.
Westbourne terrace.

Спасибо за забвение. Прошу тебя отослать приложенное письмо сейчас к таковому же Николаю Ивановичу. Далее пришли, если у вас там есть, полный устав, в газетах печатать будут сто лет¹. Что за слог в Манифесте — это писал Пимен Арапов с Ловецким. Об Оуэне все-таки жду. С Толстым мы в сильной переписке — и портретами обослались — а только у него в голове не прибрано еще, не выметено, а что мебель, то может и того-с.

У нас 5 или 8 в Orsett House — праздник — *monstre*². Еманципационный. Приглашаются все русские, кто бы ни были. — *Обед* с тостом — коего речь придется на галльском языке. Иллюминация — газом со щитами, знаменами, надписями *etc.*, *etc.*...

Музыка на улице — «Марсельеза»,
«Вниз по матушке по Волге» (Голицына) аранжемент),
«Еще Польска не сгинела»,
Мазурка Хлопицкого,
Из «Вильгельма Телля».
Вечером яблоки и дамы.

Прощай.

Кажется, праздник не совсем идет на лад. Грабить хотят.

162. М. К. РЕЙХЕЛЬ
8 апреля (27 марта) 1861 г. Лондон.

8 апреля. Orsett House.
Westbourne terrace.

Шерейшая Марья Каспаровна,
в ожидании Саши,
в ожидании праздника

пишу к вам несколько строк, чтоб заявить — что я жив и письмо ваше, в котором браните (справедливо, это-то и досадно) за долгое неписание, получил.

Саша придет сегодня вечером.

Тата хочет описывать вам банкет. Чудеса, Марей Каспаровна, да и только. В Лондоне на банкете карбонщиков и якобинцев — (Жакобин', как говорил Дер Гер) — под красными

¹ Между строк вставка рукой Н. П. Огарева: Ради бога пришлите сейчас. — *Ред.*

² грандиозный (франц.). — *Ред.*

знаменами и газовыми беками (дом будет илл<юминирован> 7000 беками) я публично провозглашаю тост — как Закревский — за *Александра Николаевича*...

Zu wunderbar!¹

Вы видели в «Колок<оле>» приглашение?

Затем и прощайте.

Я с числами и переводами сбился опять с толку, ваше рождение в апрелех как-то. На всякий случай — пожалуйста ручку и супруга с дети.

163. И. С. ТУРГЕНЕВУ

15 (3) апреля 1861 г. Лондон.

15 апреля. Orsett House.
Westbourne terr<ace>.

Я не писал к тебе, потому что не мог сказать ничего хорошего о русском празднике, он случайно вышел великолепен — погодой, количеством гостей и количеством совершенно незнакомых русских (наверное до 50 челов<ек> были в первый раз), — и все было убито варшавской кровью. Все походило на похороны. Завтра ты получишь «Кол<окол>» и увидишь, если Бени не рассказал еще.

Нет, с ними нам все-таки не идти — они все-таки немцы.

Далее, от Аннен<кова> получил письмо и порт<рет> его жены. Он пишет, что наше описание засед<ания> Госуд<арственного> сов<ета> поразило в Петерб<урге>. Горчак<ов> — сказал: «Да это слово в слово».

Теперь к тебе две просьбы. Достань мне верный адрес *Желяговского*. И если поедешь сюда — привези 1/2 фунта лучшего и крепкого французского нюхального табаку. Не забудь.

Теперь я тебе ставлю строжайше *секретный* вопрос — и так как об нем никто не знает и не будет знать — то и ты не говори никому.

С прошлого твоего приезда я заметил какой-то разлад твоих отношений с Огаревым. Мне это было больно — но я молчал, зная, что ты любишь капризные отношения с людьми и демонстрации не без кокетства. Переписка твоя мне доказала, что я был прав. Кланаясь и спрашивая о каком-нибудь Крузе (крошечном и пустом человеке) — я не мог добиться у тебя ответа на вопрос о статье Ог<арева>, которая стоила внимания без сомнения наравне с проектом школ. Я молчал — и молчал бы теперь. Но так ты едешь сюда — то я и счел необходимым тебя

¹ Восхитительно! (нем.). — *Ред.*

спросить, в чем дело. Ведь, вероятно, ты не брюхом, как беременные женщины, определяешь симпатии.

Так как это останется между нами двумя — то отвечай мне откровенно, — но только об одном я тебя прошу — без демонстрации, когда будешь здесь. Я чем старше становлюсь, тем менее могу сжать себя — чтоб не протестовать.

Письмо сожги — а руку пожми.

164. Н. Ф. ЩЕРБИНЕ

15 (3) апреля 1861 г. Лондон.

15 апр<еля> 1861. Orsett House.
Westb<ourne> terrace.

Я виноват перед вами, что не тотчас отвечал, а теперь не знаю, в Париже ли вы, и посылаю записку через Ив<ана> Сер<геевича>. — На душе вместо света темь, — лишь только хотели мы расправить крылья — а тут варшавская бойня...

Как вы хотите издавать народные песни, — разумеется, текст и музыку, — я думаю, что это дело возможное. Но не дороже ли будет в Лондоне, чем в России, на ипостранный сбыт не надеяться. Для них это ein Kuriosum ¹.

Огар<ев> и я — мы совершенно согласны с вашим мнением насчет русской народной песни. Русская песня — вызывает в степи живого человека, тоскует по нем, ждет его. Да и вся наша жизнь — в будущем. Лишь бы сбросить скорее немецкую куртку.

Во всяком случае теперь мы пойдем — скорее. Одной жабой меньше на груди.

Приезжайте же в Лондон. Мы вас ждем (вы почти всегда застанете нас вечером).

Весь ваш
Ал. Герцен.

На обороте: Paris. Monsieur Charles Ebère
pour remettre à M. Stcherbina.
Boulev. Montmartre, № 21.

165. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

16 (4) апреля 1861 г. Лондон.

Почтеннейший и любезнейший Тхоржевский,
опять вас мучить и терзать комиссиями. Посылаю вам (на обороте) чек в 10 ливр. — на Трюбнера и прошу отдать,

¹ редкость (нем.).— Ред.

во-первых, знаменному мастеру — но я не согласен с его счетом: он считает 6 шилл. за повозку — да разве это слыхано, чтоб из лавок не посылали. За это я не плачу. Думаю даже, что и 4 шилл. за работу дорого, — ему следует 3 ф. 5 ш. или, наконец, 3 ф. 9 ш.

Второй счет — сигарочника — прошу просто заплатить.

Касаткин пишет вам поклон и просит извинить, что давно не писал. Он пишет, что деньги вам послал с знакомым.

Видели ли вы в «Теймсе» письмо ко мне Гарибальди?

Пошлите Абихту «Колокол», да мне необходим адрес Л. Мерославского.

Прощайте.

А. Герцен,

166. Дж. ГАРИБАЛЬДИ

19 (7) апреля 1861 г. Лондон.

19 avril 1861. Orsett House.
Westbourne terrace.

Cher Garibaldi,

Je me hâte de vous répondre que je transmettrai — par le *Kolokol* — aux Polonais et aux officiers russes vos paroles sympathiques.

Je suis heureux de vous dire que nous avons agi conformément à votre conseil — avant de l'avoir reçu. Le mérite n'en est pas grand, au reste — nous n'avions pas de choix en face des crimes commis par le gouvernement russe. — Il est vrai que nous avons rêvé à une fédération future des peuples d'origine slave — mais nous laissons ces *pia desideria* pour un tout autre avenir. L'actualité demande la reconnaissance de l'autonomie complète, sans phrases, de la Pologne, son indépendance absolue de la Russie et de l'Allemagne.

On pouvait s'imaginer que l'empereur Alexandre — qui a agi admirablement dans la question de l'émancipation des paysans, saurait comprendre la nécessité historique du rétablissement d'une Pologne libre. Malheureusement — il y a trop du Prussien, de l'Autrichien et du Mongol en lui. Le guet-apens prémédité — froid, cruel — avec cette fourberie orientale dans laquelle le tigre se perd dans le chat — le met hors de question.

Avant la réception de votre lettre, cher Garibaldi, j'en ai lu un fragment dans un télégramme, et de suite, j'ai envoyé une petite note à trois feuilles de Londres, dont deux ont eu la politesse de l'imprimer. Je vous envoie le texte anglais de la *Daily News* — en vous priant de le faire insérer, avec cette lettre — si vous n'avez pas d'objection — dans le *Diritto*.

Я'y ajoute une feuille volante imprimée en 1854 (qui dans le temps fut aussi reproduite par le *Daily News*) contenant notre adresse aux soldats russes en Pologne.

Je saisis cette occasion pour vous répéter ce que tout le monde vous répète — nos sentiments d'admiration et de sympathie — avec lesquels je serre votre main.

Alexandre H e r z e n.

П е р е в о д

19 апреля 1861. Orsett House.
Westbourne terrace.

Любезный Гарибальди,

спешу ответить вам, что я передам — через «Колокол» — ваши симпатические слова полякам и русским офицерам.

Я счастлив сообщить вам, что мы поступили согласно с вашим советом — прежде чем получили его. Достоинства в этом большого нет, впрочем — нам выбора не было перед лицом преступлений совершенных русским правительством. — Правда, что мы мечтали о будущей федерации народов славянского происхождения, — но мы оставляем эти *pia desideria*¹ совсем иным, грядущим временам. Настоящие события требуют признания, без фраз, полной самозаконности Польши, ее безусловной независимости от России и Германии.

Можно было думать, что император Александр, который так замечательно поступил в вопросе освобождения крестьян, сумеет понять историческую необходимость восстановления свободной Польши. По несчастью, в нем слишком много от пруссака, австрийца и монгола. Капкан, холодно, жестоко рассчитанный — с тем восточным лукавством, в котором тигр теряется в кошке, — ставит его вне вопроса.

Прежде получения вашего письма, дорогой Гарибальди, я прочитал отрывок из него в одной телеграмме и тотчас послал маленькую заметку в три лондонские газеты, две из них любезно напечатали ее. Посылаю вам английский текст «Daily News» с просьбой напечатать его с этим письмом — если не имеете возражений — в «Diritto».

Прилагаю напечатанную в 1854 году листовку (которая тогда была также воспроизведена в «Daily News»), содержащую наше воззвание к русским солдатам в Польше.

Пользуюсь сим случаем, чтобы повторить вам то, что весь свет вам повторяет, — наши чувства восхищения и симпатии, с которыми жму вашу руку.

Александр Г е р ц е н.

¹ благие пожелания (лат.). — *Ред.*

167. А. С. УВАРОВУ

24(12) апреля 1861 г. Лондон.

24 апр(еля). Orsett House.
Westbourne terrace.
W.

Жюль, т. е. мой человек, рассказывал мне, что вы были у нас и что вы были так добры и звали нас вечером — но когда, он не знает. Мелких дел набралось бездна, сын мой едет в Америку — сегодня у нас Луй Блан — если вы желаете видеть седьмую часть du gouvernement provisoire de 1848, мы будем ради показать ее. В какой день желаете вы чтоб мы пришли? — (Исключая нынешнюю пятницу и воскресенье).

Преданный вам
А. Герцен.

Видали ли вы в «Le Nord» письмо кн(зя) Трубецкого в ответ на письмо Гарибальди ко мне. C'est du propre! ¹

168. А. С. УВАРОВУ

26(14) апреля 1861 г. Лондон.

Позвольте нам прийти к вам сегодня вместо субботы, почтеннейший граф Алексей Сергеевич.

Завтра меня соблазняет мой швейцарский согражданин — Вильгельм Телль в Ковен-Гарден.

Усердно кланяюсь вам.

А. Герцен.

26 апреля.

Orsett House.
Westbourne terrace. W.

169. И. С. ТУРГЕНЕВУ

30 апреля — 1 мая (18—19 апреля) 1861 г. Лондон.

30 апреля.

Вот тебе письмо к Гарибальди. — Досадно, что ты едешь, не заехав сюда; но делать нечего. Шалун ты эдакой — седовласый. И письма прошлого твоего я не понял. — В России — так бедно людьми, что видеть, как расходятся благородные и чистые деятели, противно и грустно. Да, тут есть и равнодушие и гетерство. Вон, мол, Некрасов — вор и подлец, но он меня забавляет, и я с ним друг. Что такой натяжка?.. Ей-богу, не знаю. Может, ларпурларчикам кажется натяжкой — единство

¹ Вот гадость-то! (франц.). — *Ред.*

какого-нибудь убеждения, поднимающего пульс через всю жизнь. Ну так в Гарибальди — тебя так и обдаст натяжкой.

В России поручаю тебе сказать К<a>в<елину>, что мы были поражены смертью его сына. Скажи, что ст<атья> моя об Оуэне (о которой я не добился твоего мнения, несмотря на десять вопросов) — ему посвящена.

Затем будь здоров. Видно, нам России еще долго не видеть. Кровь в Варшаве — страшно изгадила все.

Уваров говорил, что есть слухи об уничтожении цензуры.
Прощай.

Я запечатал письмо к Г<арибальди> для того, что стыдно признаться, как я тебя окомплиментовал.

170. Дж. ГАРИБАЛЬДИ

1 мая (20 апреля) 1861 г. Лондон.

1 mai 1861. Orsett House.
Westbourne terrace.
London.

Cher Général,

Un de mes amis, une de nos gloires littéraires les plus distinguées — Jean Tourguéneff — désire avoir l'honneur de vous être présenté. Il va directement en Russie — où la jeunesse vous adore et le plus la jeunesse militaire. Quel immense malheur que l'Empereur Alex<andre> s'est couvert de sang. Les affaires allaient chez nous parfaitement bien — dans deux ans (c'est à dire le 3 mars de 1863) l'affaire de l'émancipation — devrait être finie — et nous entrions dans une série nécessaire — de réformes sociales.

C'est un bien grand malheur de l'autre côté que les Polonais n'ont pas attendu les deux années.

Maintenant toute tergiversation serait criminelle et vous avez vu — dans ma réponse et dans mes articles — que nous nous sommes déclarés — catégoriquement — contre l'absolutisme massacreur et pour la Pologne. Je ne sais pas pourquoi l'*Unità* fait des reproches — aux Polonais d'être restés passifs. Mais la Pologne tout isolée, entourée — de Prussiens et d'Autrichiens — que pouvait-elle faire? Elle a immensément gagné par son attitude.

Pardon, cher Général, que je vous prends tant de temps. Encore une fois je vous recommande mon ami et vous serre la main.

Tout à vous

Alex. H e r z e n.

На обороте: Général Garibaldi

De la part d'Alexandre Herzen

1 мая 1861. Orsett House.
Westbourne terrace.
Лондон.

Дорогой генерал,

один из моих друзей, один из наших самых славных и знаменитых писателей, Иван Тургенев, желал бы иметь честь быть вам представленным. Он направляется прямо в Россию, где молодежь вас обожает, а более всего — молодежь военная. Какое это огромное несчастье, что император Александр запятнал себя кровью. А дела у нас шли превосходно — через два года (т. е. 3 марта 1863 года) все дело освобождения должно было бы завершиться — и мы бы приступили к ряду необходимых социальных реформ.

И, с другой стороны, это очень большое несчастье, что поляки не переждали этих двух лет.

Теперь всякая уловка была бы преступной, и вы видели — по моему ответу и по моим статьям, — что мы высказались — категорически — против кровавого абсолютизма и за Польшу. Не знаю, почему «Unità» упрекает поляков в том, что они оставались пассивными. Но — совершенно изолированная, окруженная пруссаками и австрийцами — что могла сделать Польша? Она бесконечно много выиграла благодаря такому своему поведению.

Простите, дорогой генерал, что я отнимаю у вас столько времени. Еще раз рекомендую вам моего друга и жму вашу руку.

Весь ваш
Алекс. Герцен.

На обороте: Генералу Гарибальди
от Александра Герцена.

171. М. К. РЕЙХЕЛЬ
13 (1) мая 1861 г. Лондон.

13 мая. Orsett House.
Westbourne terrace.

Получив ваше приказание, я через четверть часа *eigenhändig*¹ вручил кн. Голицыну пакет. Что это — требование денег или нет? Если требование, то я могу вам сказать, что он едва ест и едва спит. У него ни гроша нет. А так перепадают за ноты да за концертные заботы. А *groros* — его фантазия на русские темы, писанная для нашего праздника, печатается, я

¹ собственноручно (нем.).— *Ред.*

вам пришло, на заглавном листе наш дом, вот и будете знать, где раки в Лондоне зимуют. Но так как Ольги нет, то посылаю вам ее дагерротип — чрезвычайно похожий.

Вчера Саша уехал с К. Фогтом в Норвегию и Исландию — я очень рад, что успел отклонить его поездку в Тринидад месяцев на шесть. Жаль мне его бесконечно — может из Эммы и выйдет что-нибудь, но на сию минуту — она пустая девочка и не очень хорошо воспитанная. Ее мать — боа констриктор, отец — тамбовский помещик времен 1812 года — и Саша хотел год прожить с этой немецкой травой, пересаженной на Антильские острова. Досадно — очень досадно.

Знаете ли вы все ужасы, происходящие в России; в пяти губ^{ер}ниях расстреливали, убивали крестьян. В Казанской губ^{ер}нии 70 убитых — и во всем виновато правительство. Вспомните, что мы в «Колоколе» — три года кричим, что переходное состояние — гибель, что это на смех выдуманно для бунта. Ну вот эти скоты и попробовали...

Мелюзга меня бранит за статьи о Польше, — я с своей дороги не сойду ни на шаг — это знамя донесу. И всякое событие в России показывает, что я прав.

Прощайте. Здесь был Тесье. Жена его совсем выздоровела.

Насчет погоды вы не говорите — что в Лондоне, это ни зонтиком покрыть, ни в калошах пройти.

Кланяйтесь Рейхелю и детям. У нас все здоровы и кланяются.

А. Г.

172. К. Д. КАВЕЛИНУ

15 и 19 (3 и 7) мая 1861 г. Лондон.

Давно хочется сказать тебе несколько слов скорби и любви, старый друг, и до сих пор не удавалось. Твое горе обдало меня ужасом, сожалением, великой тяжестью того, что безвыходно. Мне хотелось быть возле тебя и плакать с тобой. Я знаю, что мы не можем выносить горя иначе, как мужественно, а все же мне кажется, что у тебя близких, кроме нас, нет на самом деле, и никогда даль не была для меня так прискорбна. Я знаю, что и ласковая рука бережит рану, а все как-то легче. Если тебе может помочь мое братское объятие — возьми его, возьми и с этой слезой, которой я и теперь не могу удержать, когда думаю о тебе. Но вперед — история! Твои силы требуются на общее дело... В этом наше спасение, в этом все, без чего нам жить нельзя, да и не нужно. А и оно на сию минуту прискорбно, но за то тут борьба, где выход возможен — не нам, так грядущему поколению. Наше дело — работать. Я знал, что ты ни в каком случае не упадешь духом; этому я верил, а все-таки хотелось,

чтоб кто-нибудь подтвердил это. И кто-то подтвердил, да и твой ответ какому-то подлецу показал нам, что ты работаешь. Хотелось бы быть возле тебя и работать вместе, но и тут я с преданностью склоняю голову и говорю: пусть каждый стоит там, где он полезнее. Одного прошу, брат неизменный: дай весть о себе, скажи, что делаешь, что станешь делать. Утешь нас в своей собственной скорби. Крепко обнимаю тебя, поцелуй за меня твою дочь.

Действительно, мы застрахованы нашей деятельностью. А как падают эти тупые удары судьбы, и я знаю во всей силе. Нас сильно потрясло твое несчастье... И никакой возможности сказать дружеское слово. Эта даль, эти границы... И нас же так мало остается — *les vieux de la vieille*.

Что ты возишься с вашим журналом и Виногоровым? Брось его. Редакция завралась — этого не поправишь ответами, и вопрос так стал, что *les rieurs*¹ будут не с вашей стороны. Тебе-то что за радость, что и твое имя поминают вместе с Вейнбергом.

Я мысленно посвятил тебе статью в «Полярной звезде» об Оуэне; ты ее за это прочти.

Сегодня 15 мая, — 13 лет тому назад французская республика оказалась с изъянцем. Идет, идет время, то по-николаевски — ступая пудовыми ботфортами, то à la Mephistofeles — раз по-лошадиному да раз по-человечьи — а все идет, унося и нас. Прощай. У меня, как нарочно, сегодня болит голова.

19 мая.

Еще раз жму тебе руку. Дай при случае весточку... Как судьба и люди отравили нам лучшие дни, — дни, которые мы ждали всю жизнь. Прощай, *саго mio*.

Письмо это должно было быть отправлено совсем с другой оказией. Теперь его везет Борщов, которого я тебе очень рекомендую — он благородный человек и отличный геолог, ботаник и пр.

Еще раз обнимаю тебя. Дорого бы дал, чтобы обнять на самом деле; оно было бы и хорошо и нужно... Ну, да как бы, где бы ни были мы, а друг друга вспомняем и в живой, и в смертный час.

На обороте: Профессору <К.>Д. К.

¹ насмешники (франц.). — *Ред.*

173. М. К. РЕЙХЕЛЬ
28(16) мая 1861 г. Лондон.

28 мая 1861. Orsett House.
Westbourne terrace.

Похвальный лист, ведет себя исправно!.. Так вы вот как: не писали худого слова, да и «приращение семейства». — Дай вам господь бог большими растить — да нас, стариков, не забывать — а детьми забавлять.

И вместе с гласом из колыбели — глаз из того света, т. е. глаз Мельгунова. Дела его все поправляются — я начинаю думать, что он скоро будет Ротшильдом.

Doctor Herzen — в Норвегии, и очень весел. Какая глупая глупость, как немецкая глупость — его предстоящий брак. Мне все еще кажется, что эта чаша его минует, может, из Эммы что-нибудь и будет со временем, но теперь она — ничего. Да ведь и страсти такой — нет ни у нее, ни у него.

Ольга что-то нездорова в Париже. А Тата что-то нездорова здесь — и уехала к Девилю — я же письма не хочу задерживать.

Прощайте.

Здесь я встретил одного богатого золотопромышленника из Восточной Сибири, который знает вашего брата Николая — и его хвалит. Если есть комиссии, можете приказать.

Хоецкий здесь!.. aber... aber ¹.

Gruß, Kuß, Glückwunsch und Taufpunsch
vom Uralten

vom Ural gekommenen Alten

Monsieur A. Reichel maître de Chapel et père de famille.

174. НАПОЛЕОНУ III (черновое)

30 (18) мая 1861 г. Лондон.

Sire,

Il y a plus de dix ans qu'un ordre ministériel m'a notifié de quitter la France. Depuis j'ai été autorisé d'y venir deux fois. [Maintenant] Ultérieurement cette autorisation m'a été refusée. Ma fille est élevée à Paris, [elle est en ce moment-ci malade] et j'y suis propriétaire d'une maison, Rue Amsterdam.

Je prends la liberté de m'adresser directement à votre Majesté pour obtenir l'autorisation d'entrer en France, et j'attendrai avec confiance et respect la décision que votre Majesté voudra faire prendre à mon égard.

¹ но... по (нем.). — *Ред.*

En tout cas, je peux donner, Sire, l'assurance sur ma parole d'honneur que la politique est complètement étrangère à mon intention de venir [à Paris] en France.

Je suis, Sire, avec le plus profond respect de

votre Majesté

le très humble serviteur

Alexandre H e r z e n.

30 mai 1861.

Londres.

Orsett House, Westbourne terrace.

Перевод

Государь,

больше десяти лет тому назад министерским распоряжением мне было предписано покинуть Францию. С тех пор мне два раза был туда разрешен приезд. [Теперь] Впоследствии в этом разрешении мне было отказано. В Париже воспитывается моя дочь [она в настоящее время больна], и я владею домом на Амстердамской улице.

Я беру смелость отнестись прямо к вашему величеству для получения разрешения на въезд во Францию и буду с доверием и почтительностью ждать решения, которое ваше величество сообразовалит принять в отношении меня.

Во всяком случае, государь, могу заверить своим честным словом, что мое намерение приехать [в Париж] во Францию совершенно лишено политической цели.

Остаюсь, государь, с глубочайшим почтением,

вашего величества

покорнейшим слугой

Александр Г е р ц е н.

30 мая 1861.

Лондон.

Orsett House, Westbourne terrace.

175. С. РОШУ

3 июня (22 мая) 1861 г. Лондон.

Cher monsieur Roche,

Certainement ma fille se serait donné le plaisir de venir chez vous le 15 — mais elle ne sera pas à Londres — je plaide l'alibi et vous remercie.

Votre tout dévoué

A. H e r z e n.

3 juin 1861.

Orsett House.

Westb<ourne> ter<race>.

Дорогой господин Рош,

конечно, моя дочь не отказала бы себе в удовольствии прийти к вам 15-го — но ее не будет в Лондоне. Подтверждая это алиби, приношу вам свою благодарность.

Глубоко преданный вам

А. Герцен.

3 июня 1861.

Orsett House.

Westb<ourne> ter<race>.

176. Вл. ЧАРТОРЫСКОМУ (?) (черновое)

Начало (до 6) июня 1861 г. Лондон.

Mon Prince,

J'ai profondément réfléchi à votre invitation de prononcer quelques mots au meeting [polonais] du 6 juin. [Et d'abord je vous en remercie de tout mon cœur.] Chaque fois que nos frères polonais s'assemblent au nom de l'indépendance polonaise et nous invitent — quelles que d'ailleurs soient les nuances des opinions qui peuvent nous diviser — nous sommes [profondément touchés, car] bien reconnaissants; nous avons une grande expiation à faire, et nous nous sentons soulagés par vos marques de sympathie. Et pourtant [tout] [en acceptant] [vot<re>] [mes remerciements] vous me permettrez de décliner l'honneur que vous et vos amis me proposent. Ce qu'un Russe devait dire en vue des derniers événements de Varsovie — j'ai tâché, autant que j'en avais la force, de le faire, en mon nom et au nom de mes amis en Russie; vous connaissez nos articles du «Kolokol». Il m'est impossible de rien ajouter, je n'ai que [un] le même cri de malédiction et de larmes à apporter à la tribune.

Les férocités récentes [du gouvernement des] de nos allemands byzantinisés de Pétersbourg n'ont rien changé à notre point de vue sur la question polonaise, elles ont seulement mieux accentué nos rapports [mutuels] [réciproques]. Depuis douze ans nous avons [hautement] prêché le dogme de *l'indépendance absolue* de la Pologne — c'est sur cette indépendance d'une fédération slave dans l'avenir que nous basions l'espérance et, d'un autre côté, [sur cette même] c'est cette [même espérance] foi qui nous [a guidé] guide dans la question [épineuse] des frontières. Nous avons constamment [cru] affirmé que les populations doivent décider elles-mêmes avec lequel des voisins elles veulent se lier plus intimement, voire même avec aucun.

[[Vous pouvez être sûr que c'est une] Cette opinion tout-à-fait russe [et] est très répandue [maintenant] chez nous.] J'ajouterai

que chaque Russe, qui ne la partage pas, — *est notre ennemi comme le vôtre.*

[Maintenant, à mon tour, je demande] En terminant ma lettre — je veux à mon tour vous demander [un mot de souvenir, une larme] un mot de sympathie sur la fosse toute fraîche [dans laquelle on a jeté les corps des paysans russes de Kazan, avec une férocité carnas<sière>, par les aides de camp du] qu'on a rempli, près de Kazan, de corps des paysans russes [— martyrs de leur foi dans le tsar émancipateur — ils tombèrent tranquilles, en [faisant le signe de la croix] portant sur leurs têtes] qui n'ont commis d'autre crime que d'avoir cru [à la liberté] à l'affranchissement et à la sincérité d'un gouvernement qui l'annonce.

Recevez, mon Prince, l'assurance de <...>

Перевод

Князь,

с глубоким вниманием обдумал я ваше приглашение сказать несколько слов на [польском] митинге 6 июня. [И прежде всего, я благодарю вас от всего сердца.] Всякий раз, как наши польские братья собираются во имя польской независимости и приглашают нас — каковы бы ни были притом оттенки во взглядах, которые могут нас разделять — мы бываем [глубоко тронуты, ибо] весьма признательны; нам предстоит великое искупление, и знаки сочувствия с вашей стороны приносят нам облегчение. И тем не менее [полностью] [принимая] [ваше] [мою благодарность] разрешите мне отклонить честь, которую вы с вашими друзьями мне предлагаете. То, что каждый русский должен сказать перед лицом последних событий в Варшаве, — я попытался сказать, в меру своих сил, от своего имени и от имени моих друзей в России; вы знаете наши статьи в «Колоколе». Я не могу чего-либо добавить, я могу принести на трибуну лишь [крик] все тот же крик проклятия и те же слезы.

Недавние жестокости [правительства] наших петербургских овизантинившихся немцев ничего не изменили в нашей точке зрения на польский вопрос, они лишь еще более подчеркнули наши [взаимные] отношения. В течение двенадцати лет мы [во всеуслышание] проповедовали догмат *абсолютной независимости* Польши — именно на этой независимости славянской федерации в будущем мы основывали надежду и, с другой стороны, [на этой же] эта [же самая надежда] вера [руководила] руководит нами в [тернистом] вопросе о границах. Мы неизменно [полагали] утверждали, что народы должны решать сами, с кем из соседей они желают связать себя более близко, даже, может быть, ни с одним из них.

[[Вы можете быть уверены, что это —] Это совершенно русское мнение, [и] оно очень распространено [теперь] у нас.]

Добавлю, что всякий русский, не разделяющий его, — *наш враг, как и вы.*

[Теперь, в свою очередь, я прошу] Заканчивая письмо, я хочу, в свою очередь, просить у вас [слова в память, слезы] слова сочувствия над совсем еще свежей могилой [в которую с такой хищной жестокостью бросили тела русских крестьян из Казани — адъютанты] возле Казани, которую наполнили телами русских крестьян [— мучеников своей веры в царя-освободителя — они пали спокойно, [осеняя себя крестным знаменем], вознося над головой], единственное преступление которых было в том, что они поверили [в свободу] в освобождение и в искренность правительства, его провозглашающего.

Примите, князь, уверение в <...>

177. М. К. РЕЙХЕЛЬ

12 июня (31 мая) 1861 г. Лондон.

Ну что же, удивлены — поражены — неподвижное движется и запертое распирается.

Как вы? и юнейший из Рейхелей?

Голицын действительно несчастнейший из толстых — даже жаль его. Немного справился, уплатил часть здешних долгов (брат или семья прислали) и заключил контракт с Surrey-garden на все лето. — Вчера огромнейшая зала сгорела дотла.

Прощайте.

Я еду в субботу.

178. Ж. МИШЛЕ

22 (10) июня 1861 г. Париж.

22 juin 1861.

Paris, 4, Rue d'Alger.

Cher monsieur Michelet, c'est avec intention que je n'ai pas répondu à votre bonne et amicale lettre. Vous me disiez à la fin — «Mais quand donc nous nous verrons?» — j'étais sur le départ pour Paris — et je voulais vous remercier personnellement pour cette question. J'arrive — dans votre 44, Rue de l'Ouest. «Monsieur Michelet est parti hier». — Le sort me persécute et je dois vous répondre par écrit. Je vous remercie pour toutes les choses aimables que vous dites de mon livre. A propos, j'ai lu certainement «La Mer» — mais je n'ai pas reçu d'exemplaire — je vous en parle, car c'est évidemment la faute du libraire. Je retourne dans ma tanière humide de Londres vers

le 10 Juillet, peut-être avant. Peut-être vous me ferez cadeau de quelques lignes maintenant. L'adresse est en haut.

Je vous serre la main avec un profond respect et une sympathie sincère.

A. Herzen.

Перевод

22 июня 1861.

Париж, 4, Rue d'Alger.

Дорогой господин Мишле, я намеренно не отвечал на ваше доброе и дружеское письмо. В конце вы мне писали: «Но когда же мы увидимся?» А я уже готов был к отъезду в Париж и хотел лично поблагодарить вас за этот вопрос. Приезжаю в ваш 44. Rue de l'Ouest. — «Господин Мишле уехал вчера». — Судьба меня преследует, и я принужден отвечать вам письменно. Благодарю вас за все то лестное, что вы говорите о моей книге. Кстати, я, конечно, прочел «Море», но не получил экземпляра; я говорю об этом только потому, что здесь, очевидно, вина книгопродавца. Я возвращусь в свою лондонскую сырую берлогу к 10 июля, возможно и раньше. Может быть, вы мне подарите несколько строчек. Адрес в начале письма.

Жму вашу руку с глубоким уважением и искренней симпатией.

A. Герцен.

179. Вл. МИЦКЕВИЧУ

24 (12) июня 1861 г. Париж.

Lundi. 4, Rue d'Alger.

Monsieur,

En partant de Londres j'ai promis à mademoiselle E. Reeve de vous apporter de ses nouvelles. Si vous voulez me donner votre temps, je serai enchanté de venir chez vous. Quant à moi je suis presque toujours à la maison entre 11 et 12.

Recevez, Monsieur, les salutations les plus empressées.

A. Herzen.

Перевод

Понедельник. 4, Rue d'Alger.

Милостивый государь,

уезжая из Лондона, я обещал мадемуазель Рив рассказать вам о ее делах. Если вы укажете удобное для вас время, буду рад прийти к вам. Я же почти всегда дома между 11 и 12. ¶

Примите, милостивый государь, усерднейший поклон.

A. Герцен.

180 И. -В. ФРИЧУ

26 (14) июня 1861 г. Париж.

26 juin. 4, Rue d'Alger.

Cher monsieur,

Je serai toujours enchanté de vous voir — venez un matin,
par ex<emple> samedi — à 10 h<eures> ou dimanche.

Tout à vous

A. Herz en.

Перевод

26 июня. 4, Rue d'Alger.

Дорогой господин Фрич,

я всегда буду рад вас видеть — зайдите как-нибудь утром,
например в субботу — в 10 ч<асов> — или в воскресенье.

Преданный вам

A. Герцен.

181. Вл. МИЦКЕВИЧУ

29 (17) июня 1861 г. Париж.

Monsieur,

Je viendrai, si ce temps est libre pour vous, demain à 4
h<eures> ou à 4 ¹/₂; si vous désirez changer le jour, je pourrai venir
ou lundi ou mardi, écrivez-moi dans ce dernier cas un mot et
recevez l'assurance de ma parfaite considération.

Al. Herz en.

29 juin 1861.

4, Rue d'Alger.

Перевод

Милостивый государь,

я приду, если вы свободны в это время, завтра в четыре часа
или в 4 ¹/₂; если вы пожелаете переменить день, я могу быть у
вас в понедельник или во вторник; в этом случае уведомьте
меня запиской и примите уверение в моем совершенном почте-
нии.

Ал. Герцен.

29 июня 1861.

4, Rue d'Alger.

182. А. А. ГЕРЦЕНУ

11 июля (29 июня) 1861 г. Лондон.

11 июля 1861. Orsett House.
Westbourne terrace.

Я был очень рад, получив твое последнее письмо, любезный Сапа. Мы были месяц или два, кажется, без известий. Не стану писать много, потому что письма не доходят; я тебе писал: два раза — в Берген,

трет^{ий} — письмо из Тринидада,
четв^{ертый} — послал из Парижа в Trondheim.

Как я попал в Париж, это длинная история — я могу теперь ездить as I like¹ — в Париже очень скучно. С Левицким мы примирились. С Тат^{ьяной} Пет^{ровной} чуть не поссорились. Самое важное — была польская депутация, явившаяся меня благодарить с адресом, на котором было более 500 подписей. Такой чести еще не было, я полагаю, ни одному русскому.

Теперь мы все дома. Вчера я *привил* оспу Лизе, которая хотя и пошаливает, но очень мила. Ольга необыкновенно развилась, а Тата едет Милнер-Гибсон венчать 20 числа — эту Алису 16-ти лет.

Последняя новость та, что Девиль решительно повредился. Вздумал, что его кн. Голицын отравил, сватался за Тату, грозил Огар^{еву}, сидел с заряженным револьвером. На коленках просил прощение и пр. И при этом он лечит, и англичане *еще не замечают*.

Пиши сейчас по получении — у меня есть еще письмо из Тринидада.

183. Н. Ф. ЩЕРВИНЕ

19 (7) июля 1861 г. Лондон.

19 июля 1861. Orsett House.
Westbourne terrace.

Пишу вам не письмо, а инструкцию. Как цивилизация ни гнила — но все же она не грабит по дорогам. Отправляйтесь из Вентнора в Cowes или в Ryde, оттуда на пароходе в Portsmouth — а из Порсмаута 3 или 4 часа до Waterloo Station в Лондоне. На станции возьмите извозчика и велите ему себя везти в Provence Hotel — Leicester Square (произ^{носятся} Лестер сквер) — скажите там, что вы мой знакомый, оставьте чемодан и велите себя проводить к Тхуржевскому, — которого

¹ как мне угодно (англ.). — *Ред.*

книжная лавка почти возле — Maclesfield Street, угол Gerrard Street.

В трактире все говорят по-французски — и там недорого. — Обедать прошу к нам — и однажды вы будете здесь, мы вас отправим в Isle of Wight спокойно.

Утром, часов до 3-х, вы нас не застанете — после почти на-верное.

Если вы хотите прямо из отеля ехать к нам, то возьмите каб и вот адрес: Westbourne terrace,

Orsett place,

Orsett House

(behind the Trinity Church).

Извозч(ик) 2 sh., а от станции до Provence Hotel — 1 sh. 6 пенсов.

Привозите все, что не громоздко и не беспокоит вас.

В воскресенье или в понедельник есть дешевые trains¹.

Уведомьте за несколько часов, когда выезжаете. Я сам собираюсь в Devonshire.

Огарев кланяется, до свиданья.

184. Н. Р. ЦЕБРИКОВУ (?)

25(13) июля 1861 г. Лондон.

25 июля 1861. Лондон.

Душевно благодарим мы оба за ваши добрые строки. Мы с детства привыкли чтить всех вас, вы — наша аристократия, наши блестящие предки, наши святые отцы. Берегите себя — для того чтоб еще долго служить живым поучением поколению чахламу от николаевских душевредительных преследований — и примите наш сердечный поклон.

По вашему желанию прилагаю наш портрет.

А. Г.

Рухой Н. П. Огарева:

Особо благодарю вас за то, что вспомнили меня и 1838 г. Я вас помню.

О г а р е в.

¹ поезда (англ.). — *Ред.*

30 (18) июля 1861 г. Лондон.

30 July. Orsett House.
Westbourne terrace.

Мы оба очень благодарны за скорое извещение. Начинаю с главного: если квартиры не очень дороги, нанимайте крупнее, с садиком — ну в 4 гиней.

Чтоб вовсе не было ванн морских, не могу думать.

Вчера, пришедши домой, я увидел, что на железной дороге меня обочли на 10 шилл. Я туда Tass<inari> — молодой человек говорит, что знать не знает, а тут пришел начальник, спросил — тот сконфузился и прислал 10 ш. назад.

Обед вчера нам Tas<inari> приготовил такой, что мы встали голодные. В силу всего сего и многого другого он отходит
30 августа.

Найдите-ка турчанку в повара.

Отчего Ольга не писала, а Natalie даже нам и поклона не послала, об этом спроси Ольгу, т. е. по обычаю я ошибся и хотел сказать — Лизу.

Как на Лизу подействовало море?

Рукой Н. П. Огарева:

Рад, что все вы доехали подобру-поздорову. Отдохнула ли Натали? Кричит ли Лиза? Жду от вас известий, с означением квартиры, после чего, милая Тата, и вышлю тебе краски, а то Torguau велик и краски вас долго проищут.

Натали буду писать большое письмо скоро. Теперь кончаю «Положения». Погода — чудо. Целую вас всех: Лизу, Ольгу, Тату, Натали — в одну щеку, а в другую: Натали, Тату, Ольгу, Лизу... и прощайте пока.

Еще всех вас обнимаю и желаю здоровья и здоровья.

Euer Hochwohlgeboren habe ich die Ehre demütigst zu benachrichtigen, daß nach'm Empfange Ihres wertesten Schreibens — habe ich Ihren Befehl realisiert mit Multiplikation — und Marie 2 Liv. offeriert ¹.

Рукой Н. П. Огарева:

Am Tage, wo die Sonne blendend,
Verbleibe, meinen Gruß Euch sendend ².

¹ Имею честь смиреннейшим образом доложить вашему высокородию, что, по получении вашего почтенного письма, я выполнил ваш приказ в умноженном виде и предложил Марии два фунта; ² В день, когда солнце ослепительно, остаюсь, с приветом (нем.).— *Ред.*

186. Н. В. ГЕРБЕЛЮ

Конец июля 1861 г. Лондон.

Рукой Н. П. Огарева:

Поправка на стр. 371.

ВРОНЧЕНКО

Вам известно, что расход
Прибывает каждый год,
И недаром за упам
Чешет бедный наш народ.

Тхоржевский, пожалуйста, сейчас попросите К<...>ина поправить песю на стр. 355: Вера и любовь. Есть пропущенные стихи и пр. Потом доставьте Чернецкому.

Я — propriétaire¹ чернильницы, был у вас с просьбой поправить этот листок и отослать Тхуржевскому.

Прощайте.

187. Н. В. ШЕЛГУНОВУ

3 августа (22 июля) 1861 г. Лондон.

Рукой Н. П. Огарева:

Суббота.

Ну, милый <Шелгунов>, долго я думал и ждал — не поедет ли кто к вам, но не дождался и решился писать просто. С чего начать? Да уж начну с того, что стряхну злобу с сердца. Истинно жаль мне, что вас нет в Питере, потому что наши шалят. Вы спрашивали, что такое что больно было слышать. Да то, что Чер<нышевский> поручил тому господину, который в <Лондон?> не попал, сказать нам, чтобы мы не завлекали юношество в литературный союз, что из этого ничего не выйдет. Конечно, никто так не уважает скептицизм, как я. Рассекая мир до математической точки, я дохожу до формулы: 0^∞ ; но это не мешает мне знать, что нуль также результат и $=+,-$, и собственно есть предел. Что я не в состоянии наполнить бездну или черту, разделяющую логические определения от живого мира, не могу показать, каким образом предел переходит в действительность и чему, какой формуле $= 0^\infty$, — из этого не следует, чтоб я в ту минуту, когда надо дело делать, задал бы себе задачу: ну, а если из этого ничего не выйдет? Такой скептицизм равен тунейдству и составляет преступление. А между тем он человек с влиянием на юношество; на что ж это похоже? Ступайте в Питер, возьмите его за ворот, порастрясите и скажите: стыдно. — Вскоре после этого, по случаю какой-то истории Рима, встречаем мы в «Современнике» (уже прежде смекнувши из довольно плохой критики в «Петер<бургских> ведом<остях>») статью прямо против нас, т. е. что напрасно, мол, говорить, что в России есть возродительное общинное начало, которого в Европе нет, что общинное начало вздор, что Европа не умирает, потому что когда одному человеку 60 лет, то зато другому 20 (как будто историческая смерть есть вымирание людей, а не разложение общественных, химических соединений известного порядка!) и что те, кто это говорят, — дураки и лжецы, с намеком, что речь идет об нас, и забывая, что до сих пор сами держались этим знаменем. Зачем это битье по своим, да еще действительно с преднамеренной ложью? Плохо дело! <...>!² горе, когда личное самолюбие поднимает го-

¹ владелец (франц.). — *Ред.*

² Слово выскоблено. — *Ред.*

лову, завидуя или в отместку за неуважение к воровству какого-нибудь патрона! Какая тут общественная деятельность, какое общее дело! Тут идет продажа правды и доблести из-за личных страстишек и видов; продажа *дела* из-за искусственного скептицизма, который даже не скептицизм, а просто сомнение в приложении *себя* к делу, без всякого понимания принципиального скептицизма. Вдобавок в этой статье сказано, что растение умирает оттого, что питательные соки перестают в него из земли с любовью всасываться. Хорош скептицизм! Нет! поезжайте в Питер и скажите, что это стыдно, что так продавать Христа, т. е. правду и дело, — непозволительно. Это то, что христиане называли преступлением против духа. Ну! будет об этом, только помните, что я считаю эти выходки не личной обидой, а *помехой делу*, поэтому и убежден, что вы обязаны щелкнуть дружеским, но военным кулаком по такой дребедени.

Вы видели: «Что <нужно народу?»>» приложено; а теперь со стороны потребовали еще издания. Доказательство, что промаха не было. Теперь вот что: о <военных> людях писать было бы <...>¹ дело. <...>² язык известнее. Тройная форма присяги — дело очень важное. Раз — присяга по природе или по породе: родившийся в Москве по породе присягнул не продавать Москвы татарам. Другое — присяга по истине: родившийся человеком по рождению присягнул не продавать того, что считает за истину. Третья присяга по службе — дело приказанное, невольное, без внутреннего согласия и которому до такой степени никто не верит, что все крадут.

Долго я думал о <...>¹ подписи <...>¹. Я, как величайший приверженник мелких капиталов, думаю, что 50 человек, жертвуя по 5 руб. в месяц, жертвуют в год 3000 р. На этот капитал много можно сделать. Можно дать трем приказчикам по 500 руб. для зарождения контор на трех самых торговых пунктах, как Нижегородская ярмарка, которая — из днепровских ярмарок и, смотря по надобности, Ирбит или иной урало-сибирский пункт. Можно на 500 или 1000 рублей <учредить конторы?> и 500 или 1000 оставить на разъезды. Заметьте, что это ежегодно и что число акционеров будет расти и что чуть ли не на 2-й год можно уже будет производить не только комиссионерство, а пустить капитал в настоящую торговлю. Для этого капитал не нужно отправлять за границу; достаточно небольшую разъездную сумму для комиссионеров-заподрядчиков. Вы заметьте, что петербургская торговля не требует ежегодных пожертвований, потому что сама компания налицо, что жертвования требуются только для учреждения ярмарочных контор и выписок материалов из-за границы; петербургская компания всегда может вести свою изолированную торговлю на имеющийся капитал, но что действительное развитие оборотов все свое значение получит от контор и от общности торговых интересов. Надо вызвать капиталы, существующие около ярмарочных центров.

Думал я еще о плюсе и минусе, об отрицательном и положительном. Мне кажется, что, кроме отрицания, в наше время прожектерства надо развивать положительную сторону в проектах о будущем устройстве. Я страстно думаю о проекте местных банков; одной маленькой буквы недостает, чтоб поставить формулу совершенно ясно; я ее чувствую, она близка, месяц-два работы, и алгебраическая формула поставонится; останется только сделать ее наглядно арифметически. Но есть и другие задачи, не экономические, но требующие также положительной формы. Напр<имер>, система рекрутства. Я рассчитываю так, что каждый холостой с 17 лет должен выучиться военному ремеслу в продолжение 6 месяцев без всякой особой солдатской одежды, кроме дружинных значков; таким образом, он будет одет на свой счет, а содержан на счет волости,

¹ Слово выскоблено. ² Слова выскоблены. — *Ред.*

где его maestro будет обучать строю и стрельбе в цель. Оружие от государства. А постоянная регулярная армия, 1000 человек на миллион душ, сведет число постоянного войска на 50 или 60 тысяч, откуда будут взяты учителя для дружин и артиллерия; это войско наемное из охотников. Рассчитав, сколько это даст военной силы вообще и как мало будет стоить, очевидно будет превосходство и народность такого устройства против существующего. — Также нужны положительные проекты администрации и судебных учреждений. Теперь составляются при мин(истерстве) юстиции многие. Говорят, что Сенат будет только высшим апелляц(ионным) судом, а правительство берет себе только право смягчать приговоры. Государст(венному) совету дадут иную физиономию. Я надеюсь, напечатать министр(ские) проекты с разбором. Но, кроме того, надо, чтоб кто может подумал и о положительной стороне, т. е. о проектах, более идущих к делу. Помещение их в печати, при самом популярном изложении, чрезвычайно важно. Если возможно ввести их в полемику, то вопросы уяснились бы быстро и язык становился бы с каждым днем доступнее. Поверьте, что мудренность языка лежит в недоскональной ясности мысли. Пока человек ищет, он не может сойти с научного изложения в популярное. Пока я развиваю алгебраическую формулу, я употребляю обычно знаки; когда я ее развил и уяснил себе досконально, я берусь, при небольшом таланте, рассказать ее на словах понятно каждому, хотя это и длинный перифраз. Но до окончательного развития формулы это невозможно. От этого так мало (и еще меньше удачных) популярных книг: наука-то сама еще не пришла в ясность, она живет своими средствами, специальными приемами и только ими может развиваться, иначе совсем запутается; где же ей выражаться общими приемами, всем неподготовленным понятными?

В ию(ньской) книжке «Современника» поместили по поводу статьи <Шилля> статью о государст(венном) банке. Прелесть! Хоть и видно, что кой-где цензура <меша>ла¹, но какое благородство тона, определенность и ясность изложения! Просто — я его помянул, как мать сына, с таким удовольствием и любовью.

Вопрос: я кончил разбор Полож(ений) — и думаю, что он весьма полезен. В нынешнем № местные пол(ожения): оно, может, и посуше, но бесполезно. В будущем и еще одном № — администрация. Это опять очень интересно. Не напечатать ли все отдельной брошюрой? Мне кажется, что это было бы полезно. Как вам? Дайте сейчас ответ, ибо пока станок не разобрал, перепечатание <не> будет стоить ничего.

Ну, засим прощайте. Устал, пожалуй, и вы устали читать. Лучше вдругорядя напишу. Отвечайте немедленно для успокоения моей души. «Кол(окол)» посылаю.

<Огарев> такую бездну написал, что я из любви к ближнему не буду писать много. Мы никогда бы не догадались, что Черныш(евский) à la baron Vidil, ехавши дружески возле, вытянул меня арапником. — Это я обязан «СПб. ведомостям», — они указали. Впрочем, <Огарев> слишком серьезно это принимает. Я тут, как в пресловутом письме Чич(ерина), — больше всего дивлюсь ненужной запальчивости выражений: ругаться — слишком простое средство и не есть патент на особую эстетичность.

Если вы увидите <...>¹, кланяйтесь ему от меня, — мне

¹ Слово выскоблено. — Ред.

очень досадно, что я его не мог навестить <в Париже?>, — хлопот было бездна.

Читал повесть Печерского (Мельни<кова>) «Гриша». Ну скажите, что же это за мерзость — ругать раскольников и делать уродливо-смешными? Экой такт! А ргорос, рекомендую вам небольшую статейку мою об открытии мощей Тихона.

Будьте здоровы и прощайте.

188. Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ и ДОЧЕРЯМ

6 августа (25 июля) 1861 г. Лондон.

6 августа. Orsett House.
Westbourne terrace).

Здравствуйте, большие и малые, совершеннолетние и дети! Хорошо, что вы нашли дом — но если он хорош, напрасно вы взяли на месяц, а не на два. Они поднимут цену, — *au reste*¹, вы о цене и не писали.

Два дня у меня собиралась головная боль — но не собралась. Погода удивительная, и мы не надивимся, что у вас дурно.

Теперь новости. У нас в руках печатный листок, разосланный в Петерб<урге> по городской почте, — № 1 «Великоросс». Говорят об открытии заговора. Разные генералы просили о высылке из Петерб<урга> обоих Сер<но>-Сол<овьевичей> (старший приехал в Ахен) — за то, что, будучи свидетелями драки офицера с мужиком, — они показали, что офицер был пьян.

В «Искре» напечатана моя статейка без малейшего изменения.

Вчера князь Гол<ицын> давал первый концерт — в Креморне, мы были — неудачно, музыканты интригуют. Но самое курьезное — это что его привезли в половину восьмого *из тюрмы*. Однако на сей раз туча прошла — и он опять свободен.

Жду известий о доме — есть ли у вас спокойный угол — не для сна, это мне все равно — а для занятий.

Саша в Исландии — может, если завтра пришлете письмо, не поздно будет послать. Огар<ев> так увлечен путешествием Саши, что собирается в Турquaу и даже сегодня идет в Кенсингтон Гарден.

Вот вам и Шлесинша.

Хорошая погода внутри и снаружи с вами!

От Сазонова жалости подобное письмо.

Оля,

спасибо за письмо — напиши строчку Саше. Сегодня Егоревна готовит нам обед. Кухмист ушел за город.

¹ впрочем (франц.). — *Ред.*

Саша теперь в Iceland'e — то-то, чай, мороженое какое славное.

Прощай. Скажи Лизе, во-первых, что я бучка, а не гучка — и что я строго запрещаю ей падать со стула. А в траве валять<ся> можно.

Тате скажи, что оно лучше водой рисовать — можно кисточку в воду помакивать.

Целую тебя.

Большое письмо, — скажет Лиза.

Надеюсь, что Тата сразу поймет, что предложение Саши ехать в Шотландию — неумно. Так я ему и писал.

189. М. К. РЕЙХЕЛЬ

13(1) августа 1861 г. Лондон.

13 августа. Orsett House.
Westbourne terrace.

Я очень чувствую, что виноват молчанием и хочу по мере сил испросить ваше архипастырское прощение. Из Парижа я приехал в сильной злобе на сей град — какая там тоска, нельзя себе представить. Приехав сюда, я дам и детей отправил в Torquay, в Девоншир, куда и сам, вероятно, в субботу поеду. Ольга была больна в Париже и что-то не совсем оправляется. Тата процветает, Саша — в Исландии, это и в программу не входило, путешествие не безопасное — я буду рад, когда оно окончится.

Путешествие Miss Руцин зато уже окончилось, и она поселилась у Гарисона, который давал мне уроки. Зачем же вы с супругом вашим прислали ее в Лондон учиться музыке — как будто Эмануил Гарциа верх верхов — в Париже, Милане, Брюсселе есть консерватории.

Главные события в Париже — зампрение с Львицким, вследствие чего превосходный портрет, которого экземпляра пришло вам.

Второе — Тат<ьяна> Петр<овна>. Что вам сказать о нашем свиданье, оно печально. Она несчастна и кругом виновата. Я сердился, кричал — она плакала, и все пойдет по-старому. Дети ее — пустейшие люди. (И вы-то мечтали о том, чтоб Тату выдать за одного из них!) Праздность, отсутствие интересов, тощенький развратец — покончили их слабые натуры. Старшего я и не видал, но вот вам для характеристики. У Т<атьяны> Пет<ровны> осталась святыня от Вадима — кольцо, которое он снял перед смертью и дал ей. Она разделила детям именье —

и оставила себе *кольцо*. Это кольцо — он подарил Мар(ье) Ал(ександровне). Тат(ьяна) Петр(овна) просила ее отдать — та отказала. *C'est crâne!*¹

Ипполита она ведет той же дорогой — слабость без меры — и туда же сделала аттентат посватать Владимира.

Из России вести есть — там настоящий хаос, — вы увидите, что этот незыблемый трон не простоят пяти лет, если наш благодушный дурачок — не переменится.

Имел весть из Сибири и поклон Рейхелю от Бакунина.

Что дети? И как вообще у вас?

Рейхеля обнимаю.

А. Г.

190. К.-Э. ХОЕЦКОМУ

15 (3) августа 1861 г. Лондон.

15 août 1861. Orsett House.
Westbourne terrace.

Cher Choïecky,

Voilà les maigres dates de ma chétive existence — il y manque le jour de mon décès et le discours prononcé à mon enterrement.

I am born at Moscow — 25 March 1812. Remarquez que, petit enfant, je restai à Moscou pendant l'incendie, sans gîte, dans les rues avec ma nourrice — honoraire — car elle n'avait eu de lait en conséquence de la frayeur, fatigue etc. Elevé à la maison à Moscou et allant à la campagne l'été. J'ai terminé mon cours des «mathématiques et Sciences naturalistes» à l'Université de Moscou (1829—33).

1834. — Emprisonné pour 9 mois — de procès politique — inculpation de Saint-Simonisme. *Intention* de former une société secrète.

1835. — Exilé à Perm, ensuite à Viatka — jusqu'à l'année 1838, gracié en 1839 et encore une fois exilé à Novgorod — de là je revins à Moscou en 1842 sous la surveillance de la police — et je reçus le passep(ort) pour l'étranger <en> 1847.

Mon bien a été séquestré en 1849.

J'ai commencé à publier des articles dans les journaux depuis 1840. J'ai écrit des commentaires philosophiques à propos de Hegel, — et ensuite mon petit roman *A qui les torts?* qui a fait beaucoup de sensation.

Vous savez le reste vous-même. Après avoir publié en allemand *Vom andern Ufer*, et *Briefe aus Italien und Frankreich* — j'ai organisé *l'imprimerie russe* à Londres en 1853. Nous avons

¹ Это дерзко! (франц.).— *Ред.*

publié des feuilles volantes et des brochures. Lorsqu'enfin le brave Nicolas — mourut par patriotisme pour délivrer la Russie d'un monstre — j'ai immédiatement commencé une revue *L'Etoile Polaire* (titre d'une revue de Ryléïeff).

Mais la véritable propagande sérieuse — c'est le journal *le Kolokol* — qui paraît depuis 1857.

Notre drapeau — guerre à la Centralisation — tedesco-tartare du gouvernement de Pétersbourg, guerre — à *l'oligarchie des Boyards*. Emancipation des paysans — avec la terre *et toute la terre cultivée maintenant par eux et pour eux*. Développement de l'autonomie communale. Décentralisation des provinces etc., etc. Indépendance absolue de la Pologne.

Ajoutez que nous avons obtenu de la part des Polonais les marques les plus fraternelles de leur sympathie. Ex<empli> gr<atia> j'ai maintenant 600 signatures — arrivées de tous les côtés.

N'oubliez pas de dire que toute la rédaction se fait — par moi et N. Ogareff.

Ensuite vous pouvez dire tout ce qui vous semblera bon. — N'oubliez pas d'ajouter que vous tenez les détails d'un Danois. (Te souviens-tu?)

Alexandre est en Iceland.

Pour les cartes je pourrais en vendre ici — par l'intermédiaire de Trubner — beaucoup. — Envoyez-moi une paire.

Le grand portrait est inférieur au portrait que Lévitisky a fait.

J'ai des nouvelles de Spechneff — il va très bien

Votre tout dév<oué>.

Перевод

15 августа 1861. Orsett House.
Westbourne terrace.

Дорогой Хоецкий,

вот скудные даты моего ничтожного существования — не хватает только дня моей кончины и речи, произнесенной на моих похоронах.

I am born at Moscow 25 March 1812 ¹. Заметьте, что малым ребенком я остался в Москве во время пожара, без убежища, на улице, с моей кормилицей — почетной кормилицей, потому что у нее пропало молоко вследствие испуга, утомления и пр. Воспитывался дома в Москве, а летом уезжал в деревню.

¹ Я родился в Москве 25 марта 1812 года (англ.).— *Ред.*

Окончил курс «математических и естественных наук» в Московском университете (1829—33).

1834. — Заключен в тюрьму на девять месяцев — по политическому делу — обвинение в сен-симонизме. *Намерение* организовать тайное общество.

1835. — Выслан в Пермь, потом в Вятку — до 1838 года, помилован в 1839 году и еще раз выслан в Новгород; оттуда вернулся в 1842 году в Москву под надзор полиции — а в 1847 получил заграничный паспорт.

Мое имение секвестровано в 1849 году.

Статьи в журналах я стал печатать с 1840 года. Писал философские комментарии, связанные с Гегелем, — и затем мой небольшой роман «Кто виноват?», вызвавший большую сенсацию.

Остальное вы сами знаете. Напечатав по-немецки «*Vom andern Ufer*» и «*Briefe aus Italien und Frankreich*», я в 1853 году основал *русскую типографию* в Лондоне. Мы печатали летучие листки и брошюры. Когда наш почтенный Николай, наконец, умер из патриотических побуждений, для того чтобы освободить Россию от чудовища, — я немедленно начал издавать альманах «Полярная звезда» (название журнала Рылеева).

Но настоящая серьезная пропаганда — это газета «Колокол», которая выходит с 1857 года.

Напе знамя — война против немецко-татарской централизации петербургского правительства, война против *боярской олигархии*. Освобождение крестьян — с землей, и *всей землей, обрабатываемой ныне ими и для них*. Развитие земского самоуправления. Децентрализация губерний и т. д. и т. д. Полная независимость Польши.

Добавьте к этому, что мы получили от поляков свидетельства самой братской симпатии. *Exempli gratia*: у меня теперь 600 подписей отовсюду.

Не забудьте указать, что все редактирование осуществляется мною и Н. Огаревым.

Засим вы можете сказать все, что вам покажется уместным. Не забудьте добавить, что вы получили все эти подробности от одного датчанина. — (Помнишь ли ты?)

Александр в Исландии.

Что касается карточек, то я при посредстве Трюбнера мог бы много их здесь продать. Пришлите мне парочку.

Большой портрет хуже того, который сделал Левицкий.

Получил известие о Спешневеве — он чувствует себя очень «рошо».

Весь ваш.

Милостивый государь,

вы слишком хвалите мой русский язык, чтоб я не в лучшем вооружении явился на ваш вызов.

Скажу сначала, что по странному стечению обстоятельств вы сделали выписки из статьи — к которой примечания были писаны *не мною* (что не мешает мне совершенно разделять мнение автора). Если б вы обратили на нас ту снисходительную осторожность, которую вы мне рекомендуете относительно держащих властей — вы, вероятно, написали бы «редакция» вместо моего имени. Представьте себе, что за все неподписанные статьи в «Revue des Deux Mondes» Bullox будет отвечать не как редактор, а как автор.

Далее — простите меня — я нахожу непоследовательным уснащение вашей речи (после того как вы меня именно караете за брань) словами *brutal*, *salomnie*¹ и пр., — как согласить их с той урбанностью, которую вы желали бы видеть в наших сочинениях. Я несколько раз плутни называл плутнями. Что хуже — слово ли *brutal* или слово плутня — это дело вкуса, — и как рассудить эти нюансы: принадлежат ли они *aux dames de la Halle*² или нашим дамам торговой бани?

О том, что кто-то, говоря с вами, сравнивал меня с Волтером, я ничего не могу сказать. Елагин меня чуть не сравнивает — с Картушем. Охота вам говорить с такими людьми.

О теориях — мы говорить не будем. Вы — более консерватор, чем Александр Николаевич. Я в ваших глазах, вероятно, краснее человека в скарлатине. Где же нам сойтись? — Только мне кажется, что вы «Колокол» мало читали. Я в «Колоколе» *никаких социальных теорий* не проповедовал. И упрек, что мы не занимались вопросом освобождения крестьян с землею, — несправедлив. Два проекта были напечатаны нами в двух отдельных брошюрах. Я. И. Ростовцев один из них (V и VIII книжки «Голосов») — он же сокращенный был в «Колок(оле)» — рекомендовал членам редакцион(ных) комиссий.

Но отчего мы не учим правительство? Это очень просто. Оно скверно учиться. Разве нет раздельного труда — мы делаем то, что нам по плечу. Вы делаете то, что сообразно вашему желанию.

¹ грубый, клевета (франц.); ² дамам парижского рынка (франц.). — Ред.

Вы меня предостерегаете, что социальные идеи, о которых я говорю, начнут осуществляться через 1000 лет. Вычисление ваше не имеет фактического основания, и вы его сделали шутя. Но я вас предостерегаю в вещи, которой проверка ближе к нам. Мне кажется, что вы принимаете петербургское правительство за чрезвычайно прочное — и строите на нем систему улучшений и прогрессов, — а оно не простоит десяти лет, если пойдет путем флигель-адъютантских митральес, польских учреждений на монгольский манер и пр. Когда можно было думать, что Александр II идет иным путем — мы, не боясь свиста и осуждения, сказали ему: «Ты победил, Галилеянин!» Мы не верим в него больше.

Вот все, что мне хотелось на первый случай сказать вам, я вас благодарю за ваше письмо. У меня нет авторского самолюбия — и я вполне отдаюсь на суд искренней критики¹.

Преданный вам

А. Герцен.

192. Н. П. ОГАРЕВУ

24 (12) августа 1861 г. Торки.

Суббота. 7 часов.

Ехать во вторых местах прохладнее — и полдороги человека два. В Ексетере — встречается Шлесингер, в Ньютоне сломалась машина и мы ждали час.

Engadina.

Все совершенно здоровы. Лиза обрадовалась мне очень, все водила за руку. Дом прекрасный, местоположение²

Все кланяются.

Шлесингер приехал цел и невредим.

1, Engadina.

Torquay.

193. Н. П. ОГАРЕВУ

29 (17) августа 1861 г. Торки.

29 августа.

Как все это бесконечно скучно. Отчего это люди не дают покоя — вязнут, липнут, тянутся? — «Seien Sie doch nicht so

¹ В черномом автографе письмо заканчивается следующим «Post scriptum» к нему: У вас крест(ьянское) слово приказчик — *garçon de boutique* — полно, так ли это?

Я Елагину отвеч(ал) — так, как Елагину подобает отвечать — в одном «Кол(околе)», — но фраза, выписанная вами с напечатанного гораздо прежде, относится к другой статье.

² В автографе фраза не закончена. — *Red.*

klebrig» ¹, — говорил Зонненб(ерг). — Только человек приехал — опять скажи. Но je me hate lentement ² — и буду ждать твоего письма, а ты пока обделаи следующее:

1-ое. Покажи Т(атьяне) П(етровне) хоть вчерашний «Теймс», там она увидит, что и центр(альные) бумаги в Америке пали на 74. Пусть же она поймет, что я мог дать на дорогу, — но сумма мне неоткуда брать на voyage de plaisir ³, да еще на два дома. Я больше посланных 3000 фр. не могу дать — а потому лучше, если об этом не продолжать.

2-ое. Если какая-нибудь жена консьержа прочтет записку к Рот(шильд)у и сходит с письмом — то, расписавшись, получит деньги, и тогда что она сделает?

Мне всего досаднее, что в послед(нем) письме Т(атьяна) П(етровна) пишет: «может быть, поеду в Лондон». — Это она писала за 12 часов до выезда из Парижа. Будто она не знала.

3. Не лучше ли ей одной сюда приехать на день или на два? Отправь ее в таком случае, — тебе я не советую слишком много терять времени для сына... да и для матери.

Затем буду ждать твоих начальнических распоряжений. Мне ехать не хочется.

Американцев опять ухлопали.

Письма Мейз(енбуг) я посылал нераспечатанными — и тебе советую тоже.

Лиза продолжает быть безмерно живой — ходит мне рвать цветы и в большой дружбе с Мейз(енбуг), которая меня удивляет своей искренней добротой. Вчера был длинный разговор с Natalie — еще не знаю результата. — Природа здесь хороша. Ложусь в 11 — т. е. в 12 засыпаю — и в 7 уж на ногах.

Прощай.

Отдай Пирогова портр(ет) Тхорж(евскому) в раму.

194. Н. П. ОГАРЕВУ

30 (18) августа 1861 г. Торки.

Пятница. Torquay. 1, Engadina.
30 августа.

Мне кажется, что все мы немного спятили с ума — вот как подействовал приезд Тат(ьяны) Пет(ровны), с которой, разумеется, когда ее видишь, миришься.

Теперь рассуди — почему и как ты участвовал в окончательном смешении. Я посылаю 3000 — Ротшилду, она их не дождалась. Ты пишешь: «Ротш(ильд) извещает о получении

¹ Не будьте так прилипчивы (нем.); ² я поспеваю медленно (франц.).
³ увеселительное путешествие (франц.). — *Ред.*

3000»... «Я Т<атьяне> П<етровне> о Ротш<ильда> деньгах ничего не говорил, а то она поднимет тревогу». — Добавляя, что я ниоткуда не жду 3000, — спрашивается, как было иначе понять? Не зная еще письма, я Т<атьяну> П<етровну> перепугал — она хотела телеграфировать. Но all is settled ¹.

Теперь скажи мне: 1-ое. Можно ли статью назвать «Зады»? вместо «*Repetitio est mater*». 2-ое. Я написал десять страниц о Мар<ье> Львовне (1840—41) — я глубоко уверен, что ты ими будешь очень и очень доволен.

Если ты поедешь в понедельник, то, наверное, не будет тесно. Тат<ьяна> Петр<овна> едет завтра.

195. Ф. ПУЛЬСКОМУ

31(19) августа 1861 г. Торки.

31 août. Torquay (Devonshire).
1, Engadina.

Cher monsieur Pulszky,

J'ai été enchanté de recevoir votre lettre — remarquez que les bords de la mer me sont très favorables. — Nous nous voyons le plus souvent — près de l'eau salée et même cette fois — je vous rencontre (dans l'absence présente de la lettre — comme pourrait dire un *gelehrter tedesco-Professor*) — à Devonshire.

Nous traînons notre petite barque — comme auparavant — et les mains nous tombent non de fatigue — mais d'étonnement. La nature a vraiment produit un chef d'œuvre en créant Alex<andre> II — c'est le type de l'incapacité; figurez-vous le statuaire Grass ou le philosophe Müller-Strübing promu au grade de l'empereur de toutes les Russies et de quelques autres provinces — vous aurez une idée de notre cher et orthodoxe Alexandre. Les affaires vont leur train, et nous ne sommes pas mécontents. Vous vous rappelez la vieille chanson de Béranger:

Les grands rois, les hommes de tête,
Font le malheur de leur pays.
Pour être heureux, faut être bête,
Vive notre roi — etc.

Chez nous — c'est à dire dans ma famille — tout va doucement. Mon fils est en Islande, il a été en Norvège avec Ch. Vogt — je l'habitue au Nord. Mes filles sont ici et saluent les vôtres. J'ai entendu que vous aviez un de plus, un Turinois, — je vous en félicite.

¹ все выяснилось (англ.). — *Ред.*

Pour cette année mes rêves ne vont pas jusqu'aux Apennins. J'ai été cet été à Paris! Ce n'est pas une bagatelle.

Je vous salue beaucoup de tout mon cœur et je cède la plume à mademoiselle Meysenbug — qui veut écrire à madame Pulszky — que je prie de ne pas m'oublier.

Tout à vous

Alex. Herzen.

Перевод

31 августа. Торки (Девоншир).
1, Engadina.

Дорогой господин Пульский,

меня чрезвычайно обрадовало ваше письмо—заметьте, что морское побережье мне сильно благоприятствует.—Мы чаще всего встречаемся у соленой воды, и даже на этот раз я вас встречаю (при наличествующем отсутствии письма — как мог бы сказать какой-нибудь gelehrter tedesco-Professor ¹⁾ в Девоншире.

Мы влачим свою небольшую барку, как прежде, и руки у нас опускаются не от усталости — а от удивления. Природа действительно произвела чудо совершенства, создав Александра II, — это образец бездарности; представьте себе скульптора Грасса или философа Мюллера-Стрюбинга, возведенного в сан императора всея Руси и еще некоторых иных областей, — и вы получите тогда представление о нашем дорогом и православном Александре. Дела идут своим чередом, и у нас нет причин быть недовольными. Вы помните старую песенку Беранже:

Великие государи, люди большого ума,

Приносят несчастье своей стране.

Чтобы быть счастливым, надобно быть глупым,

Да здравствует наш король — и т. д.

У нас—т. е. в нашей семье—все идет помаленьку. Мой сын в Исландии, он был в Норвегии с К. Фогтом — я приучаю его к Северу. Мои дочери здесь и шлют привет вашим. Я слышал, что у вас прибавился еще один, туринец, — поздравляю вас.

В этом году мои мечты не простираются до Апеннин. Нынешним летом я был в Париже! Это не безделица.

Горячо приветствую вас от всего сердца и передаю перо мадемуазель Мейзенбург — она хочет написать госпоже Пульской, которую прошу не забывать меня.

Всецело преданный вам

Алекс. Герцен.

¹ ученый немецкий профессор (нем. и итал.).—*Ред.*

1 сентября (20 августа) 1861 г. Торки.

1 сентября. 1, Engadina.
Turquay.

Вероятно, это письмо еще застанет тебя. А потому — bon voyage¹. Само собою разумеется, что только и можно ехать по железной дороге; à propos, что бы тебе принять долю малую той препарации арсениакальной, о которой говорил Фогт.

Горе тебе, маловерный. — Как же ты издала мог думать, что я казнил Мар<ью> Льв<овну> — разве ты не видал, что «Былое и думы» — вообще реабилитация — коли ничем другим, так артистическим силуэтом?

Эти страницы светлы и печальны — ты их прочтешь в корректуре.

Статьи Сер<но>-Сол<овьевича> я никак бы не напечатал. Напиши Чернец<кому>, чтоб он ее прислал. Смотри, у меня есть инстинкт, и до сих пор всякий раз я, уступая, делал беду.

Письмо твое долею пахнуло на меня печалью — не верю я в личные счастья... пользуйся настоящим и в даль не заглядывай. Я с тобой редко говорю об этих отношениях — но думаю очень часто.

У нас неясно на небе. Хоть и есть веллейтеты — но безмерный эгоизм и долею капризное непонимание все портит. Я иногда смотрю на Лизу — и задыхаюсь от горя. Даже досадно, что она так мила. Опять были уж сборы в Россию.

Поживи здесь — природа превосходная, и окрестности тоже. Статью в «Колокол» послал («Зады»).

А что Новга?

Прилагаемое письмо я отдал Тат<ьяне> Петр<овне>, она его забыла, — нельзя ли ей отослать?

Пусть Tassinari пришлет гуловой расход, не плати ему ничего. Сочтемся после — передержек не было.

Что Тхужеский (пора его писать правильно)?

О Вильне попробую завтра.

Воскресенье,
6 часов вечера.

197. В. Н. КАШПЕРОВУ

15 (3) сентября 1861 г. Лондон.

15 sept<embre>. Orsett House.
Westbourne terr<ace>.

Огарев à la fin des fins² решил уехать на две недели к морю, а именно в Devonsh<ire> в Torquay. Он прислал мне вашу записочку, в силу которой я тотчас написал письмо к Valerio.

¹ счастливого пути (франц.); ² в конце концов (франц.). — *Ред.*

В 1850 и 51 он был хороший, горячий человек — с тех пор прошло 10 лет! Вы знаете, что он говорил речь в Камере за меня, когда меня выслали из Пизмонта.

Когда будете писать, скажите, как на вас подействовала моя любимая статья о *Тихоне воронежском в «Кол^околе»*.

Теперь я издаю 2-ю часть «Былого и думы», с большими дополнениями.

Прощайте, будьте здоровы — да и как быть больным на берегах Комо и купаясь с сыном.

Весь ваш

А. Герцен.

198. В. И. КЕЛЬСИЕВУ

19 (7) сентября 1861 г. Торки.

Любезнейший Василий Иванович. Я вам пришлю целый ящик разных разностей: 1-е—Дело о переселенных татарах из Крыма и мн^огое другое.

Я получил прелюбопытные вещи по части раскольников, *entre autres*¹ печат^ные: 1) «Исследов^ание» о скопческой ереси» Надеждина, напечат^анное в числе 32 экзем^пляров и которое следует возвратить. 2) Все законы по части раскола. 3) «Обозрение Кормчей книги». 4) История об отцах соловецких — на славян^ском языке (это мне в подарок).

Наконец, донос на вас — от в бозе сукина сына Джунковского. — Посылаю письмо вам. Отвечайте ему — Джункувскому, — чтоб он вас не называл Келсуевым. Всего лучше отошлите ему буквы в Гомбург.

Прощайте. Здоровы ли ваши?

Загляните в «Дремучее дело».

Я получил от моего сына письмо: они чуть-чуть не погибли у какого-то необитаемого острова.

Я Джункувскому писать не буду. Мне Саша писал о свидании с ним — они его приняли за плута.

Мичель-то трусу празднует. Да разве он в первом письме говорил — о ненависти к тому Кочубею? Из его письма следует только, что тут еще есть какое-то семейное событие, — а впрочем, вы его приласкайте.

Et par diverses raisons

Gardons ces amis de la maison².

19 сентяб^лря.

1, Engadina. Torquay.

Devonsh^иre.

¹ между прочим (франц.); ² И по разным причинам сохраним этих друзей дома (франц.).— *Ред.*

199. П. В. ДОЛГОРУКОВУ

27(15) сентября 1861 г. Торки.

27 сентяб<ря>. 1, Engadina.
Turquay (Devonsh<ire>).

Почтеннейший князь Петр Владимирович,

на днях я получил из Остенде преглупое письмо, в котором какой-то витязь, забыв подписать свое имя, — ругал вас, Огарева и меня — я оставил это письмо без внимания. Но через три дня получил другое из Парижа — (от 22 сент<ября>) — также неподписанное, и на этот раз брань возведена в высшую степень, — мы обруганы поматерно. Я бы и это письмо также употребил с задней стороны, — но одно обстоятельство заставило меня сообщить об нем вам. Мерзавец, писавший письмо, грозит покушением на мою жизнь и обращает ту же угрозу к вам. Мне он пишет, что уже меры взяты — чтоб я протянул ноги, и говорит, что *если я осмелюсь намекнуть* об этом — то тут мне и конец.

Поэтому я счел долгом — во-первых, напечатать эту грозу и покойно жду, что сделает этот Су. Сын. Во-вторых — написать вам, чтоб через русских узнать, кто это отличается так. Я вам советую взять некоторые меры. Убить — прежде грозя — глупо. Но напасть на улице и сделать гнусную сцену — легко. А ргорос, афинский диакон бросил типографию и наделал здесь разных сплетней и гадостей. Не был ли он у вас? Берегитесь его. Еще говорят, Аскоченский — на водах. Не он ли это?

Письма моего целиком не печатайте. Но если сочтете нужным — поместите отрывок или статейку.

Усердно кланяюсь вам.

Ал. Герцен.

Я «Будущность» — не получал с отъезда из Парижа. Лондонский адрес остается

Orsett House.

Westbourne terr<ace>).

Здесь я останусь до 10 октяб<ря>. Адрес наверху.

200. Н. П. ОГАРЕВУ

1 октября (19 сентября) 1861 г. Торки.

1 октября. 1, Engadina.
Turquay.

Во-первых, Natalie едет в пятницу или в субботу — я провожу и потом возвращусь с Сашей в Devon<shire> и перевезу всех together¹. — Ну вот тебе и решено.

¹ вместе (англ.).— Ред.

Чем ближе решение, *тем больше мира и тишины*. В три или четыре месяца Ричмонда должно решиться — можно ли жить вместе или нет. Я сделал *все*, что мог, — теперь делай и ты. Ричмонд может выйти очень полезен — только будь немного осторожнее с хором, т. е. с публикой. Мне Мейз^(енбуг) и Тата говорили: «Как это странно, что О^(гарев) так скоро уехал». — Соображая, что ты De Morgan видел через неделю, я сам вижу, что это было и странно и ненужно. Ты делаешь много — делай же и небольшую закраину для хора.

Стало, сей вопрос решен и аминь сомнению. Хоть Turquay жаль, и очень.

Что за новое письмо Прудона в «Прессе» — попроси Тхужевского сыскать (и заметь ему, что я решительно пишу «Тху», а не «Торж»).

«Колокол» пошлите 2 экз^(емпляра) (и два стемпа) к Мар^(ье) Каспаровне: Dresden, Albrechtsgasse — № 8.

Саша, разумеется, пусть заедет в Лондон. Если Фогт с ним, я его повезу сюда — разумеется, заплатив за него.

Дай знать Чернец^(кому), что если придет к нему ящик с книгами, это для Кельсуева (так его называет Джунков^(ский)), — я адресую, чтоб он не платил, в типографию.

Адрес Делава не нужен, я послал ему.

Nat^(alie), несмотря на три соммации, не писала к Астр^(ако-вым).

Так как 1-е число, то посылаю чек в 10 *ф.*, из них, если прикажете, 5 впишу вам, а 5 на расходы.

5 часов вечера.

Жар тропический и дождь. Духота... Все благополучно, иду гулять.

201. К.-Э. ХОЕЦКОМУ

1 октября (19 сентября) 1861 г. Торки.

1 octobre 1861. Engadina.
Turquay (Devonsh^(ire)).

Немилосердный государь,

Comment — vous me comblez de biographie, vous m'illustrez, à coup de soleil et à coup de plume — et vous pensez que moi j'ai l'ingratitude autrichienne, la noire ingratitude de Schwarzenberg?..

Eh bien voilà la chose — en vrai Brite — j'ai l'habitude de me traîner l'automne au bord de la mer — cette fois en ligne droite de S. Malo. C'est dans cette Italie de Devonsh^(ire), dans cette petite Asie de la grande Bretagne — que votre lettre m'est par-

venue — *mais pas de cartes*. J'ai attendu — j'ai attendu et j'ai perdu le temps pour vous remercier et vous embrasser.

Recevez donc mes reproches sympathiques et envoyez-moi les cartes. (Adressez toujours London, Orsett House, Westb<ourne> terrace.)

T<ournez> si même cela ne v<ous> p<laît> p<as>.

J'attends Alexandre. Il est maintenant a Reykyavik — et je suis très heureux qu'ils sont là. Ils ont subi un orage terrible près d'une île qui n'existe pas du tout (je pense) et où vous avez failli être frappé à la glace.

La famille *Cloche* vous salue.

П е р е в о д

1 октября 1861. Engadina.

Торки (Девоншир).

Немилосердный государь,

как — вы меня одарили биографией, вы меня прославляете и при помощи солнечных лучей, и пером — и думаете, что я оплачу вам за это австрийской неблагодарностью, черной неблагодарностью Шварценберга?..

Так вот в чем дело — как истый бритт я имею привычку осенью тащиться к морю — на этот раз по прямой линии от С.-Мало. В этой девонширской Италии, в этой маленькой Азии великой Британии и дошло до меня ваше письмо, *но карточек не было*. Я ждал — ждал их и пропустил время вас поблагодарить и вас обнять.

Так примите же мои сочувственные упреки и пришлите мне карточки. (Адресуйте по-прежнему Лондон, Orsett House, Westb<ourne> terrace.)

Переверните страницу, если даже это вам не нравится.

Я жду Александра. Он сейчас в Рейкиявике — и я очень счастлив, что он там. Они выдержали страшную бурю у одного острова, который (я так думаю) вовсе и не существует, и где вы чуть не были заморожены.

Семья *Колокола* вам кланяется.

202. Н. П. ОГАРЕВУ

2 октября (20 сентября) 1861 г. Торки.

2 октяб<ря>. Engadina.

Turquay.

«Колокол» получил. Все ладно, но «Мингрельское дело», я именно писал Чернец<кому>, идет в «Колокол» и по содержанию, и потому что у нас матер<иал> ничт<ожный>. Что будет

в будущем №? — В «Смеси» есть такие знаки препинания что ничего понять нельзя, ex<empli> gr<atia> о Лихонине.

Что же ты мне прислал письмо какого-то дурака молдав<а>нина? Разве не легче было ему послать сказать (т. е. я ему это написал), что он скот и что мы денег за помещение статей не берем.

С<ерно>-Сол<овьевич> не спасется переменной заглавия. В таких случаях надобно или вперед обдумывать, или идти до конца. Я статейку писать не стану — все эти вещи делаются сгоряча. Мне подпись-то его всего дороже... И он воображает, что, разославши своим друзьям, III отделение не узнает. — Приглашай его сюда. Но par le temps qui court¹ следует сказать о деньгах. — По тепереш<ней> редак<ции> «Колок<ола>» и «Под суд!» выходит расхода 300 фунт., а продается до 450, в силу чего можно было бы уступить 100—125 ливр. за редакцию, т. е. до 2750 фр.

Мы едем в пятницу (если ничего не будет особенного) в 11 ч. 25 мин. Стало, в 6 с чем-нибудь будем в Padding<ton>.

Если б воля да больше характера и эгоизма — я потом уехал бы один сюда на месяц. В этой тревожной жизни я стареюсь — и теряю и свою светлость и даже талант. — Сегодня опять поднялись уж бури, хоть и небольшие, но вроде радуги обещающая их на веки веков... ну, да по счастью едем послезавтра. — Но что же в будущем-то? — Давай-ка сюда С<ерно>-Сол<овьевича>, чтоб можно было желающим двигаться. На повторение всего, что было, меня не станет.

A propos, у тебя есть одна препротивная для меня метода выражаться — и ты ее употребляешь часто. Если тебе все равно, измени ее. «Вы хотели писать к Аст<раковым>...» Когда же я хотел, или почему ты знаешь, что я хотел? «Вы репили...» и пр., тогда, когда я диаметрально противоположно решаю все или почти все.

Что ж в будущ<ий> «Колокол»? Я очень недоволен «Мингрел<ьским> делом». И почему Чернец<кий> меняет, я ему именно писал.

Вели Жюлю сходить к Тьеру на Reg<ent> Quadrant'e и сказать, чтоб он поскорее сшил пару *точно таких* ботинок мне, как прежние, а то мне придется босиком бегать.

¹ в нынешнее время (франц.). — Ред.

203. А. А. ГЕРЦЕНУ

3 октября (21 сентября) 1861 г. Торки.

3 окт<ября>. 1, Engadina.
Turquay, Devonsh<ire>.

Любезный Саша,

душевно рад — твой телеграмм снял камень с плеч... Не знаю, застанет ли письмо, но пишу на всякий случай. Все здоровы. Все в Turquay (1, Engadina). Я еду завтра с Natalie в Лондон и там с тобой увижусь. Тата просила остаться здесь, мы поедем на пять дней сюда и потом в Лондон.

Прощай.

Рукой Н. А. Тучковой-Огаревой:

Хотя мы знали уже опасность миновалась, но жутко было читать твое письмо — ну, теперь все кончено — надеюсь, что тебя не потянет скоро на море.

До скорого свиданья в Лондоне.

Твоя Н а т а л и.

Рукой Н. А. Герцен:

Как я рада, милый мой Сапонок, что ты наконец благополучно приехал.

Приезжай как можно скорей в Turquay, мне так хочется тебя обнять и расцеловать.

Ну, прощай, до свиданья, приезжай же скорей, нам здесь оставаться долго не придется.

Обнимаю тебя и крепко целую, Ольга тоже.

Твоя Т а т а Г.

Engadina, 1.
Turquay.
Devonshire.

204. Н. П. ОГАРЕВУ

3 октября (21 сентября) 1861 г. Торки.

3 октября. 1, Engadina.
Turquay.

Одним камнем меньше — от телеграмма из Глазгова. Хотя и из-за этого уже чуть не было беды.

Письмо твое, как ни больно было мне читать, — но я потому не сержусь за него, что чувствую себя невиноватым. Мы à force¹ пониманья друг друга дошли до совершенных непониманий — в частных случаях. Где ж дальнейший намек — на характер твоих отношений? Вольно выдумать чудовищность — и рассердиться за нее.

Ты, Огарев, можешь одно сказать, и на это возражения нет: в Turquay была душная скука. А что если б здесь была человеческая жизнь — то действительно я не понимаю, что человек не может отлучиться на какой-нибудь месяц, — да это хуже

¹ в силу (франц.).— *Ред.*

всяких матримониальных щей. Помилуй, где ж тень справедливости в твоих оскорбительных объяснениях? Тебе просто должно быть совестно. Я буду осторожнее — выражаться, но не могу отречься от того, что сказал. — Да, саго міо, я три раза Кел<сьеву> повторил, и он три раза меня не понял — что брак вообще самая легкая щей — именно потому, что она внешняя. Есть тысячи других *impass'ov*¹ — ненужно терзающих или ненужно связывающих. Фу... глуп человек, ваше превосходительство!

Что у нас за странная сцена сегодня была. Услышав, что Саша будет в субботу, Natalie сказала, что она хотела бы остаться. Я заметил, что ты ждешь и что мы там проведем с ним время до середины. — «Итак, ехать?» — «Да».

Тут началось на меня это злое гонение поляков — à la Nat<alie> Аполлоновна... 1-ое — чтоб я не ехал в Лондон. 2-е — есть ли квартира в Ричмонде? 3-е — ужас Фогта и посторонних. Я наконец взбесился, и этот день отравлен, — что за бездушие! или безумье!.. Слезы и объяснение потом, что это для того, что ей хотелось остаться до Саши.

— Ну, так останемся. Я сейчас напишу.

— Теперь ни под каким видом.

— И так да саро²... глуп человек! Одна мечта у меня личная — хоть полгода пожить одному. Тут поневоле наберешься желчи столько, что и ты не понимаешь моих слов.

Аминь.

Отдай мне Варавву на пропятие. — И не жалея. Подари мне его... кого?

Мельгунова.

Его письма делаются плантаторской клеветой русского народа. Можно быть дураком, кривым, блудить с Антониной Львовской — но мужика не тронь. Да еще говорит, что «в России так мало честь развита, — что никто долгов не платит»... Я его в гроб, е. м. Демосфена, заколочу.

3 часа. Четверг.

Завтра (если не будет телеграмма) мы едем. — Жаль Лизу отрывать, жаль, что все опять делается судорожно — жаль жизнь, время; ну и... ну и ничего...

Если не опоздает *train*³ или мы не остановимся, то в 6 — в Лондоне.

Устрой, чтоб в воскресенье не было всей толпы, по крайней мере до 8 вечера, также и в субботу. А то плохо будет.

¹ тупиков (франц.); ² сначала (итал.); ³ поезд (англ.). — *Ред.*

12 октября (30 сентября) 1861 г. Лондон.

12 окт<ября>. Orsett House.
Westbourne ter<race>.

Твое письмо поймало меня в минуту — entre Torquay et Londres¹. Я еду сегодня в Torquay. В пятницу буду совсем в Лондоне. Очень желаю тебя видеть, но не в Париже. Я получил после ругательных писем — два письма дружеские, в которых положительно меня просят: А) не выезжать из Лондона, В) что III отдел<ение> хочет меня уничтожить — и что это очень серьезно. Говори об этом всем. Я буду писать тебе подробно.

А Петербургский унив<ерситет> закрыт — Vive l'Université².

«Кол<окол>» с письмом к Бруннову — пришло 15 окт<ября>.

Обнимаю тебя, Огарев также обнимает и жаждет твоих новостей.

Саша (сын мой т. е., а не Адлерберг) воротился из Исландии.

Есть ли у тебя все «Колокола»? Есть ли «Былое и думы» — новое изд<ание>, «Поляр<ной> звезды» 1 ливрез<он> VII книги?

Некогда. Прощай.

Р. S. Пожалуйста, не верь, что тебе будет сплетничать лихая женщина.

206. Н. П. ОГАРЕВУ и Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

13 (1) октября 1861 г. Ньютон-Аббот — Торки.

Newton. 4^{1/2} часа.

Сижу на станции — о коляске и думать нечего до 7, а в 8 train из Эксетера. Ночь была удивительная, и опять пахнет морем. Путешествовать всегда следует ночью. Я спал, как дома, один в карете. Не надобно брать экспрессов — тут можно было и выходить, и не надобно бегать высунув язык. — Зато куска хлеба нельзя достать ночью, все заперто.

Дознайся прежде bon à tir<er> об унив<ерситете>. А я отсюда тебе сообщаю новость — говорят, что Бакунин пробрался в Америку, — это я нашел в послед<нем> письме.

В Турции все благополучно. — Ольга очень на мои глаза поздоровела, завтра ей жгут нос.

Все кланяются Nat<alie> и тебе — все расспрашивают о Лизе.

¹ между Торки и Лондоном (франц.); ² Да здравствует университет (франц.). — *Ред.*

Присылай газеты и письма. Завтра буду писать. Прощай! — и целуй Лизу.

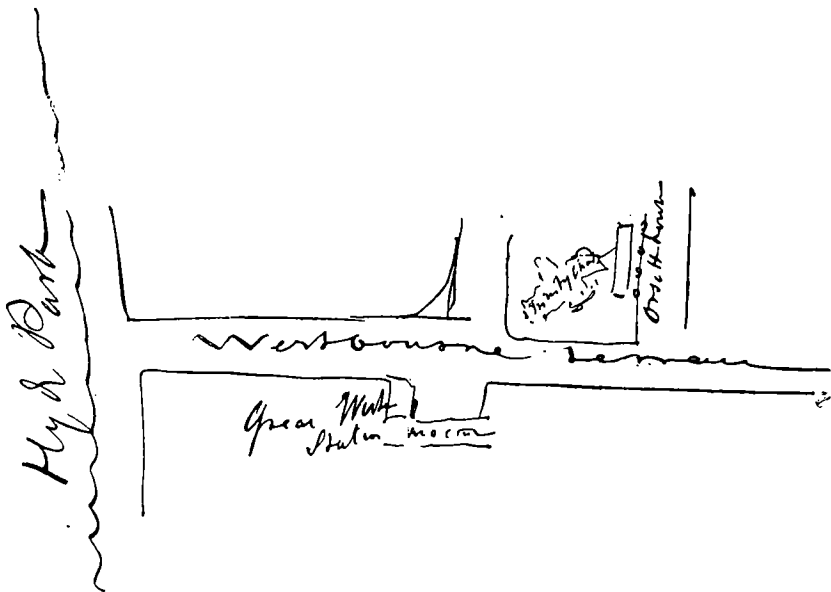
Начала ли, Natalie, ты перемещение? Если ты хочешь вниз, непременно надобно <1 нрзб.> в маленькую комнату.

207. И. С. ТУРГЕНЕВУ
15 (3) октября 1861 г. Торки.

15 октяб<ря>. Torquay.

Я к тебе так мало хочу писать, что беру огромный лист. Я уже отвечал тебе на твое письмо в прошлую субботу. На континент *теперь* я не поеду, после угроз и avviso¹ — пока не приведу это дело в ясность. Посылаю тебе «Кол<окол>» с письмом к Бруннову — покажи и расскажи всем.

Жду тебя с нетерпением и с дружбой. Я очень рад, что ты воротился в более теплом расположении, — чем поехал. Нам всем — последним могиканам — расходиться нельзя, итак, обвиняю тебя за желание приехать. Уведомь за день до приезда, а то я с Фогтом (Карлом), который здесь, т. е. в Лондоне, на 6 дней, буду бражничать. Дом наш на превосходном месте, но за церковью — а потому вот тебе план.

Я имею какие-то 100 фр. тебе отдать от Бени.

Жду письма и тебя.

Я решительно с субботы в Лондоне.

¹ предупреждение (итал.). — Ред.

15 (3) октября 1861 г. Торки.

15 oct<obre>. Torquay,
Devonshire.*Carolus Edmundus noster,*

Telemachus redivivus venit ad atra paterna... après avoir vu des cormorans, une île — Janmain et Vogt. Il apporte une barbe etc.

Moi j'insiste sur l'affaire des projets de la police russe pour la dévoiler. Vous lisez le russe — je vous envoie en conséquence le *Koloκ* où j'ai inséré une lettre à Brunoff. (Elle sera imprimée en français, mais en attendant elle peut vous servir de document.) La correspondance amicale — qui donne l'avis m'est venue par la maison d'un Anglais très riche, j'ai ouvert la lettre *en sa présence* et en présence de son secrétaire.

Vous pouvez dire — On nous écrit de Londres... — Ou: On nous écrit de Pétersbourg, que la police secrète s'occupe sérieusement d'un projet tel... Enfin — je vous autorise de dire: Un tel A. Herz<en> nous écrit. La lettre à Brunoff pourrait faire un succès chez vous.

Connaissez-vous M. Sigis<mond> Jordan, il m'a écrit au sujet d'un petit article de l'*Opinion*. Moi je lui ai aussi communiqué la nouvelle — s'il insère quelques points — tant mieux.

Je pars après-demain (vendredi) pour Londres. L'adresse reste Orsett House, Westbourne terrace.

Je suis très content d'Alexandre. Vogt est à Londres pour une semaine. Nous vous saluons.

Certainement je placerai les 50 cartes. Je vous envoie une copie exacte de la lettre.

L'Etat de Siège en Pologne! et les étudiants arrêtés.

P. S. Moi je suis tout à fait sûr à Londres et en Angleterre — так ли вы думаете о континенте — ехать в гости к вам на-пр<имер>?

Рукой А. А. Герцена:

Télémaque vous salue, oh, Mentor de ses premiers voyages!

Je viens d'arriver dans ce moment. «Jan Mayen» vous fait saluer, — le renard gris qui courait le long de la côte, ainsi que les goélands qui planèrent jadis autour de la *Reine Hortense* — tous se portent à merveille et vous prient de recevoir mes salutations amicales frappées à la glace polaire.

A. H.

Encore une petite prière: je fais une description détachée de notre séjour à Jan Mayen... Ne pourriez-vous pas la placer dans la *Revue des Deux Mondes* ou dans quelque revue de ce genre? Et à quelles conditions? Donnez-vous la peine de m'écrire deux mots à ce sujet.

15 октября. Торки,
Девоншир.

Carolus Edmundus noster,

Telemachus redivivus venit ad atra paterna...¹ после того, как он повидал корморанов, остров Жан Майен и Фогта. Он привез бороду и пр.

Я настаиваю на деле о планах российской полиции, чтобы разоблачить ее до конца. Вы читаете по-русски — я посылаю вам поэтому «Колокол», в котором я поместил письмо к Бруннову. (Оно будет напечатано по-французски, но пока оно может послужить вам документом.) Дружеское сообщение, предо-стерегавшее меня, я получил в доме одного очень богатого англичанина, я вскрыл письмо *в его присутствии* и в присутствии его секретаря.

Вы можете сообщить: «Нам пишут из Лондона...» — или: «Нам пишут из Петербурга, что полиция усердно разрабатывает такой-то проект...» Наконец — я уполномочиваю вас указать: «Такой-то А. Герцен нам пишет...» Письмо к Бруннову может иметь у вас успех.

Знакомы ли вы с г. Сигизмундом Йорданом, он писал мне как-то по поводу одной статейки «Opinion». Я ему также сообщил эту новость. Если он напечатает несколько выдержек — тем лучше.

Я уезжаю послезавтра (пятница) в Лондон. Мой адрес по-прежнему Orsett House, Westbourne terrace.

Я очень доволен Александром; Фогт в Лондоне, пробудет здесь неделю. Мы вам кланяемся.

Конечно же я размещу все 50 карточек. Посылаю вам точную копию письма.

Осадное положение в Польше! И арестованные студенты.

Р. S. В Лондоне и вообще в Англии я в полной безопасности — так ли вы думаете о континенте — ехать в гости к вам, нап<р>имер?»

Рукой А. А. Герцена:

Телемак вас приветствует, о Ментор его первых путешествий!

Я только сию минуту прибыл. Жан Майен приказал вам кланяться, — серая лисица, которая бегала вдоль берега, равно как и альбатросы, которые когда-то парили вокруг «Reine Hortense», — все чувствуют себя превосходно и просят вас принять мои дружеские приветствия, замороженные полярным льдом.

А. Г.

Еще маленькая просьба: я составляю отдельное описание нашей жизни на Жан Майене... Не могли ли бы вы поместить его в «Revue des Deux Mondes» или в каком-нибудь другом журнале этого рода? И на каких условиях? Не затруднит ли вас написать несколько слов по этому поводу.

¹ Наш Каролус Эдмундус, воскресший Телемак возвратился к отцовским очагам... (лат.).— *Ред.*

18 (6) октября 1861 г. Лондон.

Cher Charles Edmond,

Je vous envoie la lettre à Brunoff — traduite en français, une lettre à l'*Opinion* — et même une petite copie d'une lettre au *Nord*. — Remarquez le côté sentimental à la fin de la lettre de Brunoff, je parle — des sollicitudes *maternelles* de l'ambassade etc.

Avez-vous reçu la *Cloche*?

Je suis à Londres, je n'ai pas vu Vogt. On dit qu'il est *arrabbiato* comme *Jupiter Tonans*.

Adieu. Si quelque chose sera imprimé envoyez-moi.

Tout à vous

A. H e r z e n.

18 oct<obre>.

Orsett House, Westbourne terrace.

J. Tourguéneff qui est à Paris (210, Rue de Rivoli) a reçu le même avis — avec prière de me le communiquer.

П е р е в о д

Дорогой Шарль Эдмон,

посылаю вам письмо к Бруннову — переведенное на французский, письмо в «*Opinion*» — и даже краткую копию письма в «*Le Nord*». Обратите внимание на сентиментальную сторону в конце письма к Бруннову, я говорю там о *материнском* попечительстве посольства и т. д.

Получили ли вы «*Колокол*»?

Я в Лондоне, Фогта не видел. Говорят, что он *arrabbiato*¹, как *Jupiter Tonans*².

Прощайте. Если что-нибудь будет напечатано — пришлите мне.

Весь ваш

А. Г е р ц е н.

18 октября.

Orsett House, Westbourne terrace.

И. Тургенев, который находится в Париже (210, Rue de Rivoli), получил такое же предостережение с просьбой сообщить его мне.

¹ в бешенстве (итал.); ² Юпитер-громовержец (лат.).— *Ред.*

210. И. С. ТУРГЕНЕВУ

28 (16) октября 1861 г. Лондон.

28 ок<тября>. Orsett House.
Westbourne terra<ce>.

Когда б ты ни приехал, ты будешь мой и наш Бенвенуто, хотя и не Челлини.

Вчера посольство известило Огар<ева>, что он *лишен дворянства*. Что за скоты, сами накупаются. Журналы здесь, особенно «Morning Post» (в субботу, 26 ок<тября>, советую в «Галиньяни» проч<итать>)), презабавно трунят над гомисидством русского правительства — а они еще и еще...

Письма у нас — ужасы, страм и страм. Я начинаю верить, что Алекс<андр> II полетит к черту.

Ты приедешь если на два дня — то остановись поближе. Жду тебя. Прощай.

«Колок<ол>» пришлю тотчас 1 нояб<ря>.

Из петерб<ургской> духов<ной> академии исключены 25 студентов.

211. И. С. ТУРГЕНЕВУ

28 (16) октября 1861 г. Лондон.

28 окт<ября>. Orsett House.
Westbourne terr<ace>.

Любезный Тургенев!

Вот тебе Ник<олай> Плат<онович> Трубецкой — он едет в Италию. Он у меня работал около года очень хорошо, скажи ему адрес Боткина.

Прощай,
т. е. до свиданья.

212. П. А. МАРТЬЯНОВУ

29 (17) октября 1861 г. Лондон.

29 октяб<ря>. Orsett House.
Westbourne terrace.

Милостивый государь,

вы меня застанете дома завтра около 3-х часов (в среду) — или в воскресенье в 2 часа. В обоих случаях я буду очень рад вас видеть у себя.

С искренним почтением

А. Герцен.

213. К.-Э. ХОЕЦКОМУ

29 (17) октября 1861 г. Лондон.

29 oct<obre> 1861. Orsett House.
Westbourne terrace.

Cherissime Charles Edmond,

Enfin me voilà *in effigie* — je vendrai de suite les 50 et je vous enverrai l'argent avec le 1-er voyageur.

Le Nord — le Ceven — nie mes lettres — j'adresse donc au rédacteur del' *Opinion* un petit billet doux. Vous m'obligerez — cher Charles Edmond — en lisant la lettre et en y faisant les petites corrections de langue. Je deviens de plus en plus barbare — en Angleterre et je finirai par oublier même le russe sans apprendre l'albionais.

Je voudrais m'abonner à l' *Opinion Nat<ionale>* jusqu'au 1 janvier — pouvez-vous me faire ce service amical?

Alexandre vous serre la main¹.

Я сейчас увидел, что написал на письме редактора «Опи-нии», — но переписывать не буду. Простите.

214. З. ЙОРДАНУ

30 (18) октября 1861 г. Лондон.

30 oc<tobre>. Orsett House.
Westb<ourne> terrace.

Cher monsieur,

Je vous envoie sous bande par la même poste un article du *Kolok* — qui sera imprimé le 8 n<ovembre> (nous ferons maintenant 4 n<uméros>) — lisez-le. Si cet article vous paraîtra utile — je me permettrai de vous envoyer — 100 ou 200 ex<emplaïres> pour les envoyer de votre part en Pologne.

Si vous le désirez — donnez-moi une adresse à Londres d'un de vos amis, je lui ferai remettre.

¹ Дражайший Шарль Эдмон, наконец, вот и я *in effigie* <в портрете> — я продам сейчас же все 50 карточек и пошлю вам деньги с первой же оказией.

«Le Nord» — Север — отрицает мои письма — поэтому я отправляю редактору «Opinion» маленькую любовную записочку. Вы очень меня обяжете, дорогой Шарль Эдмон, если прочитаете это письмо и сделаете в нем кое-какие исправления языка. Я в Англии становлюсь все более варваром и кончу тем, что забуду даже русский язык, так и не научившись альбионскому.

Я хотел бы подписаться на «Opinion Nat<ionale>» до 1 января — не можете ли вы оказать мне эту дружескую услугу?

Александр жмет вам руку (франц.). — *Ред.*

Etes-vous content de ma lettre à Brunoff. Il y a dans le n° 4, qui s'imprime une lettre (oficialnoye) d'Ogareff au Consul.

Je vous présente mes hommages.

Al. Herzen.

Перевод

30 октября. Orsett House.
Westbourne terrace.

Милостивый государь,
посылаю вам с этой же почтой под бандеролью статью из «Колокола», которая будет напечатана 8 ноября (мы будем теперь выпускать 4 номера), — прочтите ее. Если эта статья покажется вам полезной, позволю себе послать вам 100 или 200 экземпляров для отправки их от вашего имени в Польшу.

Если угодно, дайте мне адрес кого-нибудь из ваших лондонских друзей, я распоряжусь передать их ему.

Довольны ли вы моим письмом к Бруннову? В номере, который печатается, помещено письмо (официальное) Огарева к консулу.

Примите уверение в моем совершенном почтении.

Ал. Герцен.

215. П. В. ДОЛГОРУКОВУ

1 ноября (20 октября) 1861 г. Лондон.

1 ноября. Orsett House.
Westbourne terrace.

Почтеннейший князь Петр Владимирович, пишу к вам *секретный вопрос* — не знаете ли вы, кто такое и что такое *Шедо-Ферроти*. Мне называли его Фирксом. Мы справлялись в адрес-календаре — но не знаем.

Я получил вчера от него другое письмо (прежнее было напечатано) — очень странное, он хочет сделать вместо Бруннова смешным меня и пр. Я не понимаю, почему он адресуется ко мне. Вы меня очень обяжете, написав строку-другую. Не мешает и в «Будущности» сказать — об этой системе III отделения делать интимидации, я совершенно уверен в источнике писем.

Засим усердно кланяюсь вам от Огарева и себя.

А. Герцен.

3 ноября (22 октября) 1861 г. Лондон.

3 ноября. Orsett House.
Westbourne terr(ace).

Виноват я перед вами и затем пишу: послал «Колокол», да еще 2, на старый адрес — получили ли? Да неужели у вас в вашей Корчеве почта не пересылает — уведомьте.

А пока забав-то, забав-то... III отдел(ение) расхорохорилось и не на шутку вздумало меня убить — Ротш(ильд), Тург(енев) и Тхоржевский получили aviso — вот причина моего письма к Бруннову... и журнального шума. (Если «Кол(о-кола)» нет, посылаю франц(узский) экземпляр.) В России делаются безобразия и от общества. В послед(нем) «Колок(оле)» поименованы — Корш (В.), Бабст, Чижев и à la fin Мельгунов. А ргорос, я вас спросил о долге потому, что полагал, что он вам должен. С америк(анскими) фондами делать нечего — ждать у моря погоды.

Мы все в Лондоне и разделились, т. е. дом, занимаемый нами, очень хорош, но мал, я нанял возле комнаты для Таты, Ольги и Мейзенбург — если б я это не сделал, то по поводу выставки мне пришлось бы на будущий год платить 600 фунт. в год. Саша с нами до января.

Ну и прощайте.

217. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

14 (2) ноября 1861 г. Лондон.

Geehrter Herr,

Sonntag um 2 Uhr bin ich ganz frei, wenn diese Zeit auch für Sie passend ist, so werde ich auf Sie warten — mit der größten Achtung

Al. H e r z e n.

14 Nov(ember) 1861.

Orsett House. Westbourne terrace.

П е р е в о д

Милостивый государь,

в воскресенье в 2 часа я совершенно свободен, если это время и вам подходит, то я буду вас ждать — с глубочайшим уважением

Ал. Г е р ц е н.

14 ноября 1861.

Orsett House. Westbourne terrace.

19 (7) ноября 1861 г. Лондон.

19 ноября 61.

Письмо ваше пришло, как вы знаете теперь, только вчера, с лишком через два месяца. Отвечать прежде, стало, я не мог, но обстоятельства были таковы, что вреда от этого нет. Предполагаемый вами адрес мог бы, при теперешней реакции, погубить вас и многих. Адрес умеренный, о котором вы пишете, может, и не дурен (хотя о главном вопросе — о выкупе крестьянских земель — там и не упомянуто) — но вы вряд успеете ли что-нибудь сделать. Вы сами в письме дотронулись до больного места. Такие предприятия удаются только коренным жителям; вы слишком чужды русской среде. Если мысль вашего адреса соответствует потребностям общества, она пойдет — для нее вам, стало, нечего делать. Недостаточно иметь верную мысль, надобно ясно знать средства под руками. Вы говорите о успехе распространения «Колокола» и о затруднениях адреса — ясно, что вы можете делать и чего вы не сделаете до тех пор, пока вы не приобретете действительного права гражданства между русскими — и действительного знания всех <...>¹ русской жизни. Говоря об адресе, вы давали чувствовать, что это согласно с нашим мнением. Вероятно, вы говорили с людьми, очень мало читающими «Колокол»: они вам прямо сказали бы, что мы не можем соглашаться, последовательно, на такой адрес — а можем только *не мешать* ему так, как не мешаем долгоруковской конституции. Насчет книг и «Колокола» мы говорили. Две такие вещи, как тайная пропаганда книг и явная или полуваяная агитация, — несовместны.

219. П.-Ж. ПРУДОНУ

21 (9) ноября 1861 г. Лондон.

21 novem<bre> 1861. Orsett House.
Westbourne terrace.

Mon cher monsieur Proudhon!

Cette fois je prends la plume pour vous communiquer une excellente nouvelle. Notre ami Mich<el> Bakounine s'est enfin sauvé de la Sibérie. Il a pris la route énorme de la Mandchourie, a traversé le Japon et m'a adressé une lettre de S<an> Francisco (le 15 oct<obre>), — il est sain et sauf et viendra à Londres pour le 1 janvier.

¹ Пропуск в копии. — Ред.

Je voulais me donner le plaisir de vous avertir immédiatement. Cela va bien en Russie, nous sommes pleins d'espérances.

Tout à vous

A. H e r z e n.

П е р е в о д

21 ноября 1861. Orsett House.

Westbourne terrace.

Мой дорогой господин Прудон!

На этот раз берусь за перо, чтобы сообщить вам превосходную новость. Наш друг Михаил Бакунин бежал, наконец, из Сибири. Он проделал огромный путь по Маньчжурии, пересек Японию и отправил мне письмо из Сан-Франциско (15 октября) — он жив и здоров и прибудет в Лондон к 1 января.

Я хотел доставить себе удовольствие известить вас об этом немедленно. В России дела идут хорошо, мы полны надежд.

Весь ваш

A. Г е р ц е н.

220. А. РЕЙХЕЛЮ

21 (9) ноября 1861 г. Лондон.

21 Nov<ember> 1861.

Nun, bester Reichel, da haben Sie einen Gruß und Kuß v<on> Bakounine — ich habe v<on> ihm einen Brief aus Kalifornien v<om> 15. Okt<ober>, d<en> 20. Nov<ember> war er in New York und zum neuen Jahr wird er nach London kommen.

Er grüßt Sie mit der größten Freundschaft.

П е р е в о д

21 ноября 1861.

Итак, милейший Рейхель, вот вам поклон и поцелуй от Бакунина — я получил от него письмо из Калифорнии от 15 октября, 20 ноября он еще был в Нью-Йорке и к Новому году придет в Лондон.

Он посылает вам самый дружеский привет.

221. К. ФОГТУ

21 (9) ноября 1861 г. Лондон.

Рукой А. А. Герцена:

Le 21 nov<embre> 61.
Londres.

Mon cher Vogt,

Je vous écris pour vous annoncer l'heureuse nouvelle de la fuite de Bakounine. Il a écrit à mon père hier de S<an> Francisco, où il est arrivé sain

et sauf par l'Amour et le Japon. Il vient bientôt en Angleterre, et prie de saluer tous ses amis.

Vous vous serez probablement persuadé vous-même, à l'heure qu'il est, que l'affaire des étudiants russes était un peu plus sérieuse que vous ne l'avez considérée ici. Cela dépasse un peu les limites d'une *Spielerei* lorsqu'il y a plusieurs tués, une trentaine de blessés et près de 400 (900 — avec les étudiants de Moscou)¹ dans les forteresses; en tout cas c'est un jeu un peu plus difficile que celui de faire des *Fackelzüge* au roi de Prusse.

Je vous expédie la carte de Murchison (que la poste nous a renvoyée), — ayant entendu par Trubner que vous en avez besoin.

Ayez la bonté de m'envoyer, quand vous aurez l'occasion d'écrire, l'adresse de Berna. Je lui ai écrit une fois *poste restante*; probablement il n'a pas reçu ma lettre, car il n'a pas répondu.

Mes amitiés à toute votre famille.

Tout à vous
A. Herzen.

Was sagen Sie dazu? Bakounine — bientôt à Londres. — *Wunderbar.* — *Kommt nach ihm auch die deutsche Revolution — er kam durch Japan* — c'est l'Amour qui l'a sauvé. Si les événements en Russie vous intéressent — je vous préviens que la meilleure correspondance est dans le *Times* et en partie dans l'*Indépendance*. Un de nos amis Mikhaïloff est condamné pour des imprimés clandestins à 12 ans de travaux forcés. Mme Européus qui a été chez nous au Devonsh^{ire} a été arrêtée à la frontière.

A Moscou — 6 étudiants ont été tués ou moururent des blessures. 30 sont à l'hôpital.

L'Université de Péters^{bourg} est dépeuplée. Ceux — des étudiants qui ne sont pas à Cronstad ont été renvoyés dans les gouvernements (quelle magnifique propagande).

Adieu.

Рукой А. А. Герцена:

Перевод

21 ноября 61.
Лондон.

Мой дорогой Форт,

пишу вам, чтобы сообщить радостную весть о побеге Бакунина. Он написал вчера моему отцу из Сан-Франциско, куда добрался цел и невредим через Амур и Японию. Он вскоре прибудет в Англию и просит поклониться всем своим друзьям.

Вы, вероятно, сами убедились теперь в том, что дело русских студентов было посерьезнее, чем вы его здесь себе представляли. Если есть убитые, человек тридцать раненых и около 400 (900 — вместе с московскими студентами)¹ в крепостях, то это уже выходит несколько за пределы «*Spielerei*»²; во всяком случае эта игра потруднее, чем игра в «*Fackelzüge*» в честь прусского короля.

¹ Вставка рукой А. И. Герцена. — *Ред.*

² «шалости» (нем.). — *Ред.*

Посылаю вам карту Мурчисона (которую почта нам вернула) — узнав от Трюбнера, что она вам нужна.

Будьте добры прислать мне, когда представится случай писать, адрес Берна. Я ему как-то писал до востребования; вероятно, он не получил моего письма, так как не ответил.

Кланяюсь всей вашей семье.

Весь ваш
А. Герцен.

Was sagen Sie dazu? ¹ Бакунин — скоро в Лондоне. — Wunderbar. — Kommt nach ihm auch die deutsche Revolution, — er kam durch Japan ² — это Амур его спас. Если события в России вас интересуют, предупреждаю вас, что лучшие корреспонденции — в «Times» и частично в «Indépendance». Один из наших друзей, Михайлов, осужден на 12 лет каторги за выпуск нелегальных прокламаций. Г-жа Европеус, которая была у нас в Девоншире, арестована на границе.

В Москве — 6 студентов убиты или умерли от ран. 30 в больнице.

Петербургский университет опустошен, те студенты, которые не оказались в Кронштадте, высланы в губернии (какая великолепная пропаганда).

Прощайте.

222. К.-Э. ХОЕЦКОМУ

21 (9) ноября 1861 г. Лондон.

21 nov<embre> 1861.

Orsett House. Westbourne terrace.

Cher Charles Edmond,

«Pas n'est besoin», comme le dit P. — de toujours donner de mauvaises nouvelles, — quelquefois on peut se permettre une bonne.

Or donc — Mi<chel> Bakounine est en Amérique, et m'écrit de là — il a pris la fuite de Sibérie — par la Mandchourie — après avoir atteint l'Amour, il est allé au Japon et de là à S<an> Francisco. — Comme c'est une chose qui fera plaisir à beaucoup — j'envoie la petite note suivante au réd<acteur> de l'*Opinion Nationale*.

Par l'Amour — vous voyez — on arrive non seulement dans un hôpital — mais dans une Californie.

Votre

А. Herzen.

Envoyez-moi le № sous bande si vous ajouterez une notice ou quelque chose.

¹ Что вы на это скажете (нем.); ² Удивительно. — Придет ли вслед за ним и немецкая революция — он явился через Японию (нем.). — *Ред.*

21 ноября 1861. Orsett House.
Westbourne terrace.

Дорогой Шарль Эдмон,

«нет нужды», как выражается П., всегда сообщать только плохие вести, иногда можно себе позволить сообщить и хорошую.

Так вот — Михаил Бакунин в Америке и пишет мне уже оттуда. Он бежал из Сибири — через Маньчжурию, — добравшись до Амура, направился в Японию, а оттуда в Сан-Франциско. — Так как это может обрадовать многих, я отправляю прилагаемую записочку редактору «Opinion Nationale».

При помощи Амура, как видите, можно попасть не только в больницу — но и в какую-нибудь Калифорнию.

Ваш

А. Герцен.

Пошлите мне номер бандеролью, если добавите какую-нибудь приписку или что-либо в этом роде.

223. Дж. КОУЭНУ

27 (15) ноября 1861 г. Лондон.

27 novemb^{re} 1861. Orsett House.
Westbourne terrace. W.

Cher monsieur,

C'est avec le plus grand empressement que je prends la plume pour vous remercier. Cette fois la commémoration du 29 novembre 1830 se fait sous de tout autres auspices que pour le passé. Ce ne sont plus des espérances vagues mais bien les approches de la réalisation. L'absolutisme chancelle même à Pétersbourg. Le parti d'action chez nous — soyez en profondément persuadé — désire ardemment l'indépendance la plus absolue de la Pologne.

Et n'est-ce pas étrange que l'homme qui a inauguré en 1847 l'Union des russes indépendants avec les patriotes polonais sur le terrain de l'Exil — cet homme condamné à l'échafaud par le roi de Saxe, livré par lui à l'Autriche, par l'Autriche à l'empereur Nicolas, enseveli depuis 1849 dans les casemates du Schlussembourg, dans les déserts de la Sibérie, cet homme héroïque — perdu, ignoré — mort — Michel Bakounine — apparaît libre, vivant, plein de forces de l'autre côté de l'Océan pacifique, saluant l'aurore de l'indépendance polonaise et de la liberté russe.

Je demande en faveur de notre ami, en faveur du martyr resuscité — la sympathie des citoyens rassemblés au nom de la Pologne — et je répète au nom du succès par le cri de

Vivat Polonia!

Votre tout dévoué

Alexandre H e r z e n,

éditeur du *Kolokol*.

Monsieur Jos. Cowen jun<ior>.

П е р е в о д

27 ноября 1861. Orsett House.

Westbourne terrace. W.

Милостивый государь,

берусь за перо, чтобы усерднейше поблагодарить вас. На этот раз памятная годовщина 29 ноября 1830 года отмечается при совершенно иных предзнаменованиях, нежели прежде. Теперь это уже не смутные надежды, а действительно близость осуществления. Абсолютизм колеблется даже в Петербурге. Партия действия у нас — будьте в этом твердо уверены — страстно желает полнейшей независимости Польши.

И не странно ли, что человек, положивший начало в 1847 году объединению независимых русских с польскими патриотами на земле изгнания, — этот человек, приговоренный к казни кс-ролем саксонским, выданный им Австрии и Австрией Николаю, погребенный с 1849 года в казематах Шлиссельбурга, в пустынях Сибири, этот героический, затерянный, безвестный, мертвый человек — Михаил Бакунин — является, свободный, живой, исполненный сил, с другого берега Тихого океана, приветствуя зарю польской независимости и русской свободы.

Прошу оказать нашему другу, воскресшему мученику, знаки сочувствия со стороны граждан, собравшихся во имя Польши, и повторяю во имя успеха возглас

Vivat Polonia!¹

Глубоко преданный вам

Александр Г е р ц е н,

издатель «Колокола».

Господину Дж. Коуэну-младшему.

224. Дж. КОУЭНУ

28 (16) ноября 1861 г. Лондон.

28 nov<embre>. Orsett House.

Westbourne terr<ace>.

Cher monsieur,

Il me semble que j'ai fait une petite erreur hier, dans les quelques lignes — que je vous ai écrites. Je vois aujourd'hui

¹ Да здравствует Польша! (лат.). — *Ред.*

sur un brouillon — les mots «Bakounine — comme l'aurore» — J'ai voulu dire «Bakounine *venant saluer l'aurore*». Dans le cas où on fera mention de ma lettre je vous prie de faire cette correction.

Savez-vous que Mazzini est gravement malade?

Je vous salue avec sympathie.

A. H e r z e n.

П е р е в о д

28 нояб^{ря}. Orsett House.
Westbourne terr^{ace}.

Милостивый государь,

мне кажется, что я допустил вчера маленькую ошибку в направленных вам нескольких строках. Сегодня вижу в черновике слова «Бакунин как заря». Я хотел сказать «Бакунин, приветствующий зарю». В случае, если мое письмо будет упомянуто, прошу вас внести это исправление.

Знаете ли вы, что Маццини серьезно болен?

Дружески кланяюсь вам.

A. Г е р ц е н.

225. И. С. ТУРГЕНЕВУ

2 декаб^{ря} (20 нояб^{ря}) 1861 г. Лондон.

2 декаб^{ря}. Orsett House.
Westbourne terr^{ace}.

Сейчас получил третье письмо от Бакунина, из Нью-Йорка уже — он туда приехал 16 нояб^{ря} — он ждет деньги из России. Я знаю, что его близкие друзья собрали (это секрет) довольно. Но где они? — Я послал 2000 фр., не могу более. Пусть Ботк^{ин} пришлет мне 500, а если хочет — 1000 — 500 я ему отдам, когда мне пришлют для Бак^{унина}. Похлопочи.

Поляк юный был, 4 ф. я ему отдал.

Сын мой больше и больше хочет ехать в Россию. Как бы узнать, что надобно делать и с кем посоветоваться. Само собою разумеется, что об уступках и речи нет.

Бури нисколько не объясняют твоего неприязда. Но я слышал, что всякий претекст должно принимать; еще менее бури не объясняют, что не сообщаемь новостей.

Видел в «Норде», как дочь Михайловского обругала за отца. А записки-то настоящие.

Прощайте.

Р. С. Кн. Труб<ецкой> молодой — попался в тюрьму в Турине. Был у тебя кн. Долгорукий, искавший его?

На обороте: *Paris. Monsieur J. Tourguéneff.*
210, Rue Rivoli.

226. М. К. РЕЙХЕЛЬ

4 декабря (22 ноября) 1861 г. Лондон.

4 нояб<ря>. Orsett House.
Westbourne terrace.

Писемцо ваше получил и пишу сейчас к вам запрос — и на сей запрос прошу также ответ.

Весть, вами полученная о *Бени*, откуда? Если из Германии — неважно, если из России — важно. Кто пишет именно? Откуда — из Москвы или Петерб<урга>?

Если нет подробностей, сейчас напишите, чтоб вас известили. — Это очень важно. Бени теперь уже опять в Петербурге и имеет много комиссий. Пожалуйста, не теряйте времени, а с прежней энергией тряхните.

Бакунин в New York'e. Я ему послал 2000 фр. Он, вероятно, к Кристинделю — будет.

Душевно желаю, чтоб вашему малютке было лучше. Прощайте — тороплюсь.

Когда будете писать в Россию, не худо напомнить Мельгунову (через кого хотите), который пишет глупые письма в «Петербургские» ведом<ости>, что пора начать выплачивать долги. Расходы на всякие дела у меня растут, и мне было бы приятно получить хоть частями.

Рейхеля обнимаю.

В Париже напечатали, что я схвачен и свезен в казематы. Львицкий телеграфирует ко мне же: «Правда ли?»

227. Н. М. ВЛАДИМИРОВУ

5 декабря (23 ноября) 1861 г. Лондон.

Вам самим.

5 декабря.

Пожалуйста, не забудьте:

1-е. Сказать, что все знающие меня, но которым я не даю писем рекомендательных к кому-нибудь из серьезных людей, — может, и прекрасные люди, но я за них не отвечаю. Пусть сами исследуют каждого.

2-е. Мне обещали адрес-календарь своего рода всех лиц, бывших в «Колоколе», — это очень хорошая вещь.

3-е. Нельзя ли узнать достоверно, отрывки из «Записок» Михайл(овского)-Данилевского, бывшие в «Историч(еском) сбор(нике)» (книж(ка) II), — настоящие или нет? Я уверен, что они настоящие, — но его дочь с преднамеренной грубостью отреклась в «Nord'e».

4-е. Дать знать как можно скорее Б(акуниним), чтоб послали деньги в Лондон или в Париж — напр(имер) на имя И. С. Тургенева (210, Rue de Rivoli). Он будет здесь к Новому году, может, прежде, — нельзя же его оставлять так. Мы свое сделали.

5. Сказать Бе(ни), что из присланных мне старых статей моих — есть статья из «Владим(ирских) ведом(остей)», которой, сколько я помню, я не писал. Я когда-то в Вятке написал прескверную речь об открытии библ(иотеки) в 1836 (году), — но этой статьи не помню. «Влад(имирские) вед(омости)» были под моим заведованием — но плодовитое и сильное перо их был несчастный Небаба, о котором я говорил в «Был(ое) и думы» ¹.

228. А. ЗАПАСНИКУ

5 декабря (23 ноября) 1861 г. Лондон.

Рукой Н. П. Огарева:

Вы точно без вести пропали, ни слуху ни духу.

Эту записку передаст вам Владимиров, очень хороший и способный юноша. Будьте ему полезны сколько возможно.

Крепко жму вам руку. Скажите когда-нибудь о себе живое слово.

Ваш О г а р е в.

И ваш А. Г. жмет вашу руку — и рекомендует Владимирова.

229. Н. М. ВЛАДИМИРОВУ

7 декабря (25 ноября) 1861 г. Лондон.

7 декаб(ря). Orsett House.
Westbourne terrace.

Сейчас получили мы много вестей из России. Между прочим, опять говорят о Бени и сильно подозревают его. Да когда же я его рекомендовал? Пора быть осторожным. Скажите пославшему портреты (военного и стат(ского)), что и портреты и письма — все пришло исправно. Спасибо им от всей души. Это тот самый г(осподи)н, к которому письмо.

Прощайте — да хранит вас судьба не от бурь, а от шуваловских бурьянов. Не забудьте сказать Н., что, кроме кониче-

¹ Есть ли там подпись или буква: Г., А. Г. или И-р?

ских сечений, никаких честно употреблять пр<и> вос<питании> нельзя. И если он ошибался до 50 лет — дозволяется, хоть из дружбы к нам, в 51 исправиться.

О Бени скажите, во-первых, Нич<ипоренко>.

Прощайте.

Р. S. Бога ради, достаньте и пришлите Чичерина лекцию против студентов; говорят, что она в «Моск<овских> вед<омостях>», — если же она будет напечатана в Петерб<урге>, то не стоит посылать — мы получим.

230. М. К. РЕЙХЕЛЬ

12 декабря (30 ноября) 1861 г. Лондон.

12 декаб<ря>. Orsett House.
Westb<ourne> terrace.

Письмо ваше меня истинно и глубоко потрясло. Благодарю вас, что середь горя вспомнили старого друга. Сила, твердость — и забота об оставшихся!

Обнимаю Рейхеля и детей.

Будьте здоровы и берегите себя.

Сегодня есть весть от Тат<ьяны> Алекс<еевны> — те же подробности московской бойни. Сер<гей> Ив<анович> опять должен идти в отставку. Тоже бедовик. Здесь все говорит о войне с Америкой, другие ждут весной войну на юге Европы, — и страшно — а кажется, все идет к развязке.

Прощайте.

231. А. А. ГЕРЦЕНУ

21 (9) декабря 1861 г. Лондон.

21 декабря. Orsett House.
Westb<ourne> terrace.

Любезный Саша,

твое письмо, само собою разумеется, меня и тронуло, и обрадовало. Вспомни наш последний разговор перед твоим отъездом. — Самое важное — это что ты теперь сам понимаешь вопрос, — и тогда беды нет, что ты *в этой стороне* отстал: ты молод, времени на работу много. Может, всего важнее то, что ты это чувствуешь, — это смирение искреннее и ведущее вдаль. И как отец, и как друг я желаю, чтоб ты этим путем шел, чтоб я мог всегда и твердо опереться на тебя и тебе завещать часть нашего дела.

На твой вопрос о празднике мне отвечать трудно, не зная, что будет. Одно я тебе советую: веди себя *как можно скромнее*.

Скажи, что ты одного ищешь и хочешь — сделаться русским и участвовать в предстоящем великом деле; благодари за меня, за Огарева — вот и всё.

Об объявлениях они все говорят вздор. Во-первых, объявлений не будут в «Колоколе», а при «Кол<околе>»; во-вторых, это удвоит его циркуляцию. Наконец, скажи им в утешение, что мы денег не берем себе, а отдали совершенно в распоряжение Тхор<жевского> и Чернецк<ого>, а и им помочь, если можно, — уж дело. Ни одного нет журнала во всей Европе без объявлений. А прогроз, к деньгам: до меня доходили слухи, что в Гейдел<ельберге> говорили о том, что я страшно богат, и о том, что трачу черт знает как. Из этого делали вроде упрека, что я не больше делаю для общего дела. Ты знаешь все мои дела и можешь говорить. Надобно же какое-нибудь разделение труда, — я вытяну свою лямку, но один за всех не могу. Знаешь ли, что Бакунину до сих пор только Ботк<ин> прислал 23 фу<нта>?

Скажи нашим гейделбергским друзьям, что я прошу обратить внимание на мою статью в «Колок<оле>» на 1 янв<аря> 1862. — Я еще раз решился протвердить зады и сказать дотла мнение об Европе. Заглавие «Mortuos plango».

Письмо Уриха я прочитал. — Тут я всего менее способен советовать. Мне кажется, тебе ехать в Тринидад не следует, но ты обещал. Неужели они не примут в расчет перемену занятий и обстоятельств? Впрочем, это еще не ответ на твое письмо. Советуйся с старушкой. Мне и теперь кажется, что ранний брак для тебя — большое несчастье, да, сверх того — хотя бы я видел со стороны Эммы сильную любовь. Впрочем, это можно только судить по письмам.

У нас все тихо. Только у Ольги голова болит почти всякий день. А у Таты нет. Маленькие дети процветают. Огар<ев> печатает брошюру.

Прощай. Приезжай скорее, если ты едешь в Тринидад — если же не поедешь (что я от души желал бы), располагай временем как хочешь.

Обнимаю тебя дружески.

Огарев (который уже встал, потому что 12 часов) и Natalie кланяются.

Здесь все покрыто черным и всё в трауре.

Рукой Н. П. Огарева:

Если я действительно и искренно бывал доволен каким-нибудь увлечением, то это теперь твоим. Сделай же из него не увлечение, а внутреннюю правду всей твоей жизни. Обнимаю тебя крепко, братски, отцовски — пожалуй матерински, если это слово сердечнее. В Гейд<ельберг> к ним около Нового года напишу. Скажи Сер<но-Соловьевичу>, что я решительно пришел к убеждению, что ненапечатание к духовенству в «Колоколе» была ошибка. Все им скоро вышлетя, я думаю, часть уже выслана в желаемом формате.

1862

232. Ю. Н. ГОЛИЦЫНУ

Около 3 января 1862 г. (22 декабря 1861 г.). Лондон.

«Накануне» вашего отъезда прошу вас зайти в мое «Затишье» и взять от меня как величайшего «Охотника до записок» — таковую вместо «Разговора на большой дороге» «Двух приятелей» из «Дворянского гнезда».

«Постоялый двор», где живет Иван Сергеевич Тургенев, находится

в Rue Rivoli — № 210.

233. И. С. ТУРГЕНЕВУ

3 января 1862 г. (22 декабря 1861 г.). Лондон.

3 января 1862.

Orsett House.

Любезный Тургенев,

чтоб доказать тебе, что я три раза в неделю пишу к тебе и четыре жду тебя, пишу сие *третье* (считая бакунинское вторым) — и, между прочим, вручаю его кн. Юрию Николаевичу Голицыну — желающему представиться вашему могуществу.

Лондонский — временнообязанный —

раб ваш

А. Г.

234. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Начало января (до 12) 1862 г. Лондон.

Прежде чем ты уехал в Лондон — спешу тебе дать поручение. Узнай — сам или через Трубецкого, или через кого хочешь (Труб<ецкому> можешь сказать, что я прошу его), — можно ли Головнину сделать вопрос: «На каком основании мой сын, Medicinæ Doctor и натуралист, может возвратиться

в Россию и снова получить там права гражданства». — Он очень хочет — я не прочь его отпустить.

Посторонним ни слова.

Завтра в 2 часа — у меня в Orsett House — Бакунин принимает депутацию английских работников, являющихся его поздравить с приездом, — можешь передать это для печати Деляве.

Имеешь даже право узнать о деле моего сына мнение князя Орлова, даже можно бы спросить Киселева.

О Долгоруком писать трудно, но, может, строчку черкну. Прощай.

Огарев кланяется,

а ты

Боткину.

Кстати. Кажется, Солдатенков будет в Париже — с него непременно возьми денег для Бакунина — наконец, стыд и срам, если вся партия не вышлет ему по 1500 руб. сер. в год. Нельзя же мне — на все разрываться одному.

235. Г.-А. МАНО

13 (1) января 1862 г. Лондон.

Monsieur,

Je vous remercie beaucoup pour l'ouvrage que vous avez eu l'extrême bonté de m'envoyer, je le lirai avec la plus grande attention et je me présenterai avec votre permission un de ces jours chez vous.

Recevez en attendant, monsieur, mes salutations empressées.

Al. H e r z e n.

13 janvier 1862.

Orsett House. Westbourne terrace.

Monsieur G. A. Mano.

Перевод

Милостивый государь,

приношу вам глубокую благодарность за труд, который вы были так добры мне прислать; я прочту его с величайшим вниманием и, с вашего разрешения, не премину посетить вас на этих днях.

Примите же пока, милостивый государь, мой усердный поклон.

Ал. Г е р ц е н.

13 января 1862.

Orsett House. Westbourne terrace.

Господину Г.-А. Мано.

1 февраля (20 января) 1862 г. Лондон.

1 février 1862.

Orsett House. Westbourne terrace.

Cher monsieur, le départ du frère de notre ami Bakounine — derechef libre et dans notre milieu, me donne l'idée de vous offrir le portrait de Bakounine — qui est excellent, et le mien aussi — en les acceptant, vous nous ferez un grand plaisir.

M. Delaveau imprime le III vol. de mes bavardages — je l'ai prié de vous envoyer immédiatement un exemplaire.

Notre propagande va parfaitement bien. Savez-vous que votre volume sur la Renaissance et le suivant sont publiés en Russie, à Pétersbourg?

Votre tout dévoué

Al. H e r z e n.

П е р е с о д

1 февраля 1862.

Orsett House. Westbourne terrace.

Милостивый государь, отъезд брата нашего друга Бакунина, который опять свободен и вновь среди нас, подал мне мысль преподнести вам портрет Бакунина (он превосходен), а также и мой; приняв их, вы доставите нам большое удовольствие.

Г-н Делаво печатает III том моей болтовни; я просил его сразу же выслать вам один экземпляр.

Наша пропаганда идет превосходно. Известно ли вам, что ваша книга о Ренессансе и следующая напечатаны в России, в Петербурге.

Совершенно преданный вам

Ал. Г е р ц е н.

237. И. С. ТУРГЕНЕВУ

*3 февраля (22 января) 1862 г. Лондон.*3 февраля. Orsett House
Westbourne terrace.

Во-первых, за все ваши справки приношу рабскую благодарность, во-вторых, за то, что у вас животики поправились, молю Иверскую божью мать. В силу начальнических распоря-

жений ваших — о князь Петре писал и за то от него получил такое

Bruder, treue Schwesterliebe
Widmet dir mein Herz,

что упадешь.

Он уж хочет «Будущность» издавать у Трюбнера — я написал эпиграф

Trübners Zukunft — ist so trübe.

Скажи, пожалуйста, видал ли ты в твою долгую жизнь охотника — зверя более скучного, как дромадер Бакуний jun(ior). Неужели мы с тобой говорили этим чугунным языком с свинцовой подливкой.

Я, кажется, потеряю часть состояния в Америке — это досадно.

Затем прощай.

P. S. Скажи, пожалуйста, как тебе по вкусу «Мясо освобождения» и «Юбилей», а также и Вас(илию) Пет(ровичу)?

Я теперь написал IV главы исторической болтовни — о временах Алекс(андра) I, полагаю, что тебе необходимо знать заглавие глав.

1 — «Дон-Карлос» — траг(едия) Шилл(ера).

2 — Маркиз Поза (Каразин).

3 — «Die Schuld» — траг(едия) Милнера.

4 — (не придумал).

238. И. С. ТУРГЕНЕВУ

9 февраля (28 января) 1862 г. Лондон.

Воскресенье, 9 фев(раля).

Orsett House.

Westb(ourne) ter(race).

Любезный Тургенев. Пишу к тебе по разным делам и прошу сейчас отвечать. 1-е. Правда ли, что «Колок(ол)» запрещен, по проискам Геролда, Франкова наместника, это я слышал здесь, и Долгорукий пишет. Что же — во всем этом Шувалов работает с пресловутым либералом Киселевым или один?

2-е. Скажи твое мнение (я, если велите — сохраню его втайне до второго пришествия) насчет «Будущности». Долгор(укий) предлагает ее издавать Трюбнеру. Да окупалась ли она? или служила больше для удовольствия и здоровья? Вообще, что ты об этом думаешь?

3. Не имеешь ли ты понятия, что за человек Садовский у вас в Париже? Не актер — того я и сам знаю. А этот г(осподи)н прислал мне процесс Воронцова — с письмом о его правоте.

Почему? Что ему за дело, или что задело его в моей отметке? Che cosa? Cosa che?¹ — как говорил мой бывший повар Франсуа.

In Rußland geht es bunt, я так и жду, что будет бунт. Дворяне хотят в мужики — а Николай Филиппыч говорит: «Атанде — я и князь Суворов не хотим», а Аксаков говорит: «Хотим, но позвольте поляка под микитки съездить», а Головин говорит: «Полно говорить». Его слушает один Краевский — тот ничего не говорит.

Зачем же ты поддерживаешь Вестминстерский вестник — в Леонтьевском переулке?

Еще каков, брат, вылупился барин из Чичерина — зато Громека и уважил его.

А ведь, небось, москвичи наши (я тебя в их число не включаю, с тех пор как ты Рю Риволян) — и с ним, и с Павловым друзя — Редерер пьют... и кричат против «Колокола».

Пожалуйста, отвечай, если можно, за день до получения письма.

А. Г.

P. S. Я сейчас писал к Долгор<укому> — и просил его достать мне книгу Корфа о *Сперанском*. (Выписывать — три месяца.) Не знаешь ли, где ее достать?

Пока еще денег Бак<унину> не нужно (я собрал фр. 1500 — но твои 500 записал. Имей их в виду).

А брат-то — брат-то? Бакунина?

Девиль — перевезен из сумасшедшего дома во Францию.

239. А. ТАЛАНДЬЕ

10 февраля (29 января) 1862 г. Лондон.

Venez dîner chez nous après demain (mercredi) à 5½. Si le jour ne vous convient pas — écrivez-moi un mot. Vous trouverez chez nous beaucoup de Bakounine et encore plus d'amitié.

Ogareff et Mme vous saluent. Mon fils de retour de son voyage de Norvège est ici.

Je vous salue de tout mon cœur.

A. H e r z e n.

Avez-vous lu par hasard l'article sur la Russie dans la *Revue des 2 M<ondes>* du 15 janvier?

¹ Какая причина? Причина какая? (искаж. итал.). — *Ред.*

Приходите к нам обедать послезавтра (в среду) в 5¹/₂. Если день вас не устраивает — черкните словечко. Вы найдете у нас большое количество Бакунина и еще больше дружбы.

Огарев с женой вам кланяются. Сын мой, вернувшийся из путешествия по Норвегии, здесь.

Кланяюсь вам от всего сердца.

А. Герцен.

Не читали ли вы случайно статью о России в «Revue des Deux Mondes» от 15 января?

240. И. С. ТУРГЕНЕВУ

12 февраля (31 января) 1862 г. Лондон.

12 February 1862. Orsett House.
Westbourne terrace.

Спасибо тебе — о исправнейший из путешественников и корреспондентов!

Отвечаю, если не с быстротой молнии — то со скоростью зарницы. Во-первых, насчет Бакунина — будь осторожен, это тоже неряшество, «Bettina will schlafen...», «Bettina kennt kein Geld zählen...» и пр. — в 50 лет! Поручи мне это дело — я считаю, что русские должны ему собирать на Auskommen¹, но не больше exempli gratia 3500 франков — ну и будем их собирать, твои 500 фр. за глаза довольны, но если ты хочешь за полстолетие вперед заплатить — то этого будет мало, — ни вперед, ни взад платить не надобно — а в настоящее. Пока я в Лондоне — я берусь ему выдавать по 10 liv. в месяц. Дромадер говорил, что ты берешься за какие-то долги (а братья его ни за что?).

Об «Русском вестнике» я дурачился — а все ж лучше помещать в «Отечественных» записках», даже в «Русском слове». Уж и Панаев Johann начинает тебя кусать за паюсные икры твои. Я все это читаю на сон грядущий.

Знаешь ли ты, что некто Блюммер — издает новый русский журнал в Берлине «Свободное слово»...

Теперь история с «Дневником Познанским». Либеральная Пруссия отдала под суд за Hochverrat² издателя — за то, что он осмелился перепечатать статью из «Колокола» о «Великорусе». Левалд-адвокат писал ко мне. Вот если его осудят на штраф — следовало бы русским взять на себя. Как вы думаете — тут я готов от себя дать и на коленках просить.

А об «Мясе освобождения» ты все-таки не писал.

Сегодня обедает у меня Луи Блан с Бакуниным.

¹ самое необходимое (нем.); ² государственную измену (нем.). — *Ред.*

А Сперанского книга

сперго.

Головнина я так с бархатцем, улыбаясь коснулся — будьте благонадежны. Неужели ты к объявлению Констипации — не поедешь? Я еду.

Tausend Jahre — und noch nichts für die Ewigkeit getan.

241. И. С. ТУРГЕНЕВУ

13 (1) февраля 1862 г. Лондон.

Четверг, 13 февраля.

Вот пошло на письма, так пошло. — Вчера по отправлении моего к вам доклада — явился Бакунин и рассказал мне, что он *накануне* (и ты писал *накануне*!) писал к тебе о том, чтоб не делать подписки для него. Он не знает что делает. Подписка необходима — но не в Париже, а в России — я полагаю, что ты своим авторитетом можешь сделать.

Он говорит, что ты сам предложил в виде займа его братьям 1000 руб. сер. Неужели это ты так опростоволосился? — А по всему сему — сделай одолжение, послушайся меня. Собирай ему на прожиток и пересылай мне — а сумм для братьев не доставай. Если обещал Лазарю — делать нечего. Но подписку делай очень секретно — а то и дадут мало, да еще накричат.

Далее, вот тебе новость, если ты ее не знаешь — так вспрыгнешь.

В моск^{овском} двор^{янском} соб^{рании} плантатор Безобразов осмелился предложить «просить государя — отказаться в пользу сына» — и предложение пошло на голоса — 183 против, 165 за.

Сперанского Долгорукий прислал.

Прощай.

242. М. К. РЕЙХЕЛЬ

19 (7) февраля 1862 г. Лондон.

Рукой Н. А. Герцен:

19 фев^{раля} 1862.
1, Delamere Street.
Apper Westbourne terrace.

Милая моя Маша,

давно уж я собиралась тебе писать, да ты сама знаешь, как это делается — с одного дня перекладывается на другой, особенно когда все время abgemessen¹. Что же тебе рассказать, жизнь наша продолжается очень мирно — все утро идет на живопись, Иоанну я каждым днем больше люблю и не могу надивиться всему тому, что она знает и читала, сама Meusenbug удивляется. Она такая милая, откровенная и ужасно энергическая натура. Я думаю, ты сама видишь, понимаешь, милая Маша, что

¹ связана (нем.). — *Ред.*

наша дружба с Душей была немножко слишком, как бы тебе сказать, — мы слишком скоро подружались, совсем не зная друг друга, мы обещали писать все откровенно друг другу, но это очень трудно, выдавшись всего-навсего неделю. Верно, сама Душа это тоже понимает, потому что письма ее только так — чтобы сказать мне, что иногда думает обо мне, — я тоже думаю об ней, об Мме Станкевич, Греков и пр. Но что же мне ей писать, — вряд ли будет это интересовать ее, общих знакомых нет. Если скоро будешь им писать, кланяйся и скажи, что совсем не забыла; когда успею, и Душе напишу.

Сонечка Руцен была у нас, в Orsett House, в прошлое воскресенье, она ничего, здорова, мила и застенчива, как и прежде. Натали в этот вечер нездоровилось, так мы сошли в столовую, к Натали, пригласили Бакунина и Сашу и составили свой особый маленький tea-party¹, — особый, понимаешь, потому, что по воскресениям к нам приходят множество господ, иногда осемнадцать, двадцать, ни одной дамы нет, так мы обедаем по воскресениям в Orsett House в 4, остаемся до 8 — тут собираются господа, тогда мы, Melle Me<ysenbug>, Ольга и я, уходим; но так как Сонечка пришла, я осталась. Бакунин с нежностью припоминает время, которое проводил с своим Адолфом, тем не менее ругает и бранит немцев ужасно, часто спорит по этому поводу с Melle Meys<enbug>. — Что, не знаешь ли ты, помнят дрезденские жители Бакунина или нет? Что они об нем говорят — думают, что шпион?

Натали медленно поправляется, ей велено ехать к морю, дети не по дням, а по часам растут. — Не знаю, что будет после — воротимся ли мы в Orsett House или нет.

Ты, верно, уже слышала, как Саша вдруг переменялся с поездки в Heidelberg — он сделался совсем политическим человеком, втрое больше интересуется русскими делами и вместе с этим ужасно работает, пишет зоологию и два раза в неделю дает нам уроки естественных наук; единственная его мечта теперь — как можно скорее возвратиться в Россию. Он надеется, что осенью возможно будет, но это мне кажется не очень вероятным.

Что, не приедут ли Станкевичи на выставку?

Папа просит письмо, я должна кончить.

В этот раз не заставляю тебя так долго ждать. Что делает мой Сашонок? Расцелуй детей, кланяйся Рейхелю и Юлье от меня.

Целую тебя.

Твоя Т а т а Г.

With Miss Meysenbug's kind regards².

Уж как я, нехристь, виноват-то, и сказать не могу, и вообразить не смею, и во сне увидеть боюсь. Туда, сюда, никуда — а время все

пе — тух

пе — тух

ти ри ри ри ри — бум!

Ну, да слава богу, все здоровы и вас помнят.

Голицыну разрешено ехать в Россию — в силу чего, кажется, он остается здесь.

Получили ли статью Бакунина?

Рейхеля обнимаю.

¹ кружок, приглашенный к чаю (англ.); ² А также искреннее почтение мисс Мейзенбург (англ.). — *Ред.*

243. И. С. ТУРГЕНЕВУ

20 (8) февраля 1862 г. Лондон.

20 фев<раля>.

Любезнейший Тургенев, податель сего — сам Трюбнер, прими его с изяществом, он особенно желает знать твое мнение — хотя вопроса о чем он и не составил. В самом деле, он деятельный и очень полезный книгопродавец.

Вот ты меня и славянофилом матюгнул — а сам каких Хорей с Калинычем вывел.

Читал ли статью Щапова в «Отечественных записках»?

До субботы 12 часов не ложусь спать и жду тебя.

Прощайте. T<ournez> s'<il> v<ous> p<laît>¹.

Читал ли ты новую брошюру Шедо-Ферроти — забавно, и очень, — правда ли, что он Фиркс, а Долг<орукий> пишет, что он по III отд<елению>.

Если можешь что-нибудь для Трюбнера по Парижу — то сделай.

Я жду тебя.

244. И. С. ТУРГЕНЕВУ

22 (10) февраля 1862 г. Лондон.

22. Orsett House.
Westb<ourne> terrace.

Я очень рад, что ты не приедешь. Ты разрушишь одну из самых интересных ореол — один из самых пахучих нимбов — восточные чары и пр. ... и пр.

1-е августа было 1 письмо в Торки.

1 фев<раля> — последнее с сроком. И ты еще объясняешь — злокачественнейший охотник.

Я пишу к тебе для того, чтоб узнать — как к вам попал Голов<ин>, что он делает и правда ли, что на днях будет.

Читал ли 2 брош<юру> Шедо-Ферроти против меня — дело становится яснее и яснее... они меня обходят и хотят поймать на дерзость какого-нибудь спадасина... это не весело, хотя и скучно.

Против Блюммера, кажется, врут, он мне прислал коррек<турный> лист своего журнала — ничего дурного нет.

Напиши строку.

Ласкал ли ты Трюбнера?

¹ Переверните, пожалуйста (франц.).— Ред.

16 (4) марта 1862 г. Лондон.

16 марта. Orsett House.
Westbourne terrace.

Нынешний «Колокол» сделает на вас, Марья Каспаровна, вероятно, очень грустное впечатление — вы поймете из начала статьи «Ученая Москва», что между нами с бывшими близкими людьми в Москве — все окончено, до их оправдания. Поведение Коршей, Кетчера, а потом Бабста и всей сволочи таково, что мы поставили над ними крест и считаем их вне существующих. Статью эту я написал со слезами, но — как 30 лет тому назад, как 20... как 10... — есть для меня святости — дороже лиц.

Аминь.

Здесь опять море гадостей. Немцы с одним английским маньяком — снова атаквали Бакунина как русского агента от правительства, пошла перебранка — кстати и нас припутали. Все это скучно. Погода к тому же мерзкая.

А в России что-то делается, оба брата Бакунина в крепости — через неделю вы прочтете адрес тверского дворянства — подписанный 112.

Затем все здоровы.

Рейхеля обнимаю и детей тоже.

О Гауге, о котором не было ни духу ни слуху — вдруг весть, он поднес от своей жены и других немок — шпагу Гарибальди и в речи сказал, что имя Гарибальди до того велико, что в Германии дети зовут отца и мать

Papa-baldi
Mama-baldi

У вас в Дрездене так же?

28 (16) марта 1862 г. Лондон.

28 марта. Orsett House.
Westbourne terrace.

Тургенев моего сердца, Бакунин тебя просит — и я приговариваю — отдать 950 фр. этому Лазарю. Ты, стало, по-моему, за этот год — безнедомочен.

А деньги уже выходят. Работает он мало. Ему со всех сторон предложения — а он ни тпру ни ну. Отяжелевши. А вот на днях мне 50 лет!

Здесь на место Алберта явился Албертини.

Уркуард — напечатал ругательную статью на Бакунина. Мы послали протест. Я жду ответа и написал «Ультиматум р. р. с.», который, вероятно, вам придет по вкусу, — а впрочем, как знать.

Видели ли вы, какую статью обо мне поместил «Секиль» (писал Henry Martin), кажется, 26 числа?

А статья «Revue d'es 2 M(ondes)» наделала в России шум большой. Они мне назло — дозволили в Петерб(урге) открытую продажу Шедо-Ферроти письма. Его раскупили в один день — весь запас.

Статейку моего сына в «Сев(ерной) пчеле» — «Сквозь туман» — о Норвегии — Усов представил в III отд(еление). Долгорукий — спросил государя. Государь — спросил статью, и Долгор(укий) прислал в редакцию — с надписью «Дозволить печатать — но *прошу* не выставлять заглавных букв — имени и фамилии».

А... делом-то занимаются.

Отчего ты всё пишешь томы — а мне не пишешь ничего. У вас, вероятно, новости всякий день.

Огарев кланяется. Бак(унин) тоже. Оба ждут еще тебя — романтики.

247. М. К. РЕЙХЕЛЬ

6 апреля (25 марта) 1862 г. Лондон.

25 марта 1862.
6 апре(ля)

С высоты 50 лет — пишу вам. Итак, старость — старость официальная, и скоро финал.

Полстолетия!

И четверть — как мы с вами познакомились.

Вчера вечером, т. е. сегодня я продолжаю — как раз кстати явился Куманин — от Егора Ив(ановича) — привез портреты Ив(ана) Алек(сеевича) и Луизы Ивановны — и от него письмо, в котором немало забавного, напр(имер), Егор Иван(ович) жалуется на *блудную* жизнь Зонненберга, которому стукнуло 85 л(ет). Пишет, что Вера Артам(оновна) слаба — ей 96. Но *la fine fleur*¹ — это что Тат(ьяна) Пет(ровна) ему сказала, что я очень хотел выдать Тату за ее сына — и жалею, что не удалось.

Каково на старости лет — вру врет — тетушка-племянница?

Бой-баба — излишняя материнская любовь — мне ненавистна была всегда.

¹ лучший номер (франц.).— Ред.

А десять лет тому назад — помните, как я проводил рождение — вас ждали в Ниццу.

Ну вот и все.

Прощайте.

Пошлите прилагаемую записочку Егору Ивановичу.

Знаете ли вы, что делается в Rußland'e?¹ Константин Никол(аевич) управляет всем — Алекс(андр II) кушает и ездит на охоту.

Я вас вот о чем прошу — пошлите Егор(у) Ив(ановичу) эту записку просто с своей припиской — я убедился, что это ничего. Да попросите, чтоб вас уведомили о получении.

Усердный богомолец.

248. И. С. ТУРГЕНЕВУ

11 апреля (30 марта) 1862 г. Лондон.

11 апреля 1862. Orsett House.
Westbourne terr(ace).

Отче Иоанъ (в звательном, чай,
ъ не надо?),

записку эту тебе доставит — благороднейший и добрейший доктор медиц(ины) и армянин — *Налбандов*, — прими его мило. Он вполне заслуживает — он недавно был в Калкуте и теперь едет в татаро-финский город Moscow.

Пишу я, между прочим, вот почему. Некий Куманин сказал мне, что Кавелин в Париже. Что же это значит, что он не пишет? Отдай ему прилагаемую записенку — пожалуй, пошли с Налбандовым.

На тебя мне был донос — что ты немцев хвалишь. Что с тобой? — ты пополощись боявленской водицей.

Из Москвы что ни весть — подарок... У Кетчера — был soignée², на котором кто-то осмелился что-то сказать против Чичер(ина). К(етче)р — изгнал его из храмины своей. Ев(гений) Корш — сделался Топильским при Чич(ерине)... и пр. и пр.

Кавелин должен знать, правда или нет.

А читал ли ты статью против Феро-Шедоти в «Свобод(ном) слове»?

День троицын проходит —
Малбрука нет как нет.

А Бакунин все верит еще.

¹ России (нем.); ² вечер (франц.).— *Ред.*

21 апреля. Orsett House.
Westbourne ter<race>.

Во-первых, ты на меня поклепал. Когда я отдал Налбандову письмо — твоей повести не было в Лондоне. Он прожил еще три дня — и она пришла, я ее прочитал за присест. Это вещь не так просто обсуживаемая — передам первые впечатления — *sauf erreur et omission*¹. Ты сильно сердился на Базарова — с сердцов карикировал его, заставлял говорить нелепости — хотел его покончить «свинцом» — покончил тифусом, — а он все-таки подавил собой — и пустейшего человека с душистыми усами, и размазню отца Арк<адия> и бланманже Аркадия. — За Базаровым — мастерски очерченные лица лекаря и его жены — совершенно живые и живущие не для того, чтоб поддерживать твою полемику — а потому что родились. Это люди в самом деле. — Мне кажется, что ты, как достолубезный бретер, остановился на дерзкой, сломанной, желчевой наружности — на плебейско-мещанском обороте — и, приняв это за оскорбление, пошел далее. Но где же объяснение, каким образом сделалась его молодая душа — черствой снаружи, угловатой, раздражительной... Что воротило в нем назад все нежное, экспансивное?.. Не книга же Бюхнера?

Вообще мне кажется, что ты несправедлив к серьезному, реалистическому, опытному воззрению и смешиваешь с каким-то грубым, хвастливым материализмом, — но ведь это вина не материализма — а тех Неуважай-Корыто, которые его скотски понимают. Идеализм в них — так же гадок.

Requiem на конце — с дальним апрошем к бессмертию души — хорош, но опасен, ты эдак не дай стрелка в мистицизм.

Вот на первый случай — на лету схваченное впечатление. Мне кажется, что великая сила твоего таланта — не в *Tendenzschrift*'ax². Если б, писавши, сверх того — ты забыл о всех Чернышевских в мире, было бы для Базарова лучше.

A propos — я в твоей записке вовсе не понимаю, что за *desperatio*³ от того, что в Москве Чичерин, в Петер<бурге> — Чернышев<ский>. Слава богу, у нас на Руси столько людей, которые не читают послед<него> и еще не слышали о существовании другого — что жизнь идет вне редакций двух журналов. Литература — важный орган, но орган. Я вовсе не намерен складывать рук, когда офицеры сотнями подписываются против телесных наказаний, и ряд глухих проектов распатает

¹ прошу прощения за ошибку или пропуск (франц.); ² тенденциозных сочинениях (нем.); ³ отчаяние (лат.). — *Ред.*

существующее — предоставляя место... вам, нам, всякому... у кого есть силы и охота.

Теперь твой черед — оттаскай меня за статью против Каткова (в «Колоколе», который завтра пошлю). — Семинарская дерзость свистунов мне все еще возможнее этому себяобожанию и барству — школярей.

Налбандов очень и очень честный и хороший человек. Не вели ему возить сюда жену Б<акунина>.

Затем прощай. В четверг я еду до понедельника в S. Leonard.

Прилагаемое письмо отдай Налб<андову>, если он не уехал. Если уехал, привези его с собой (хотя я и уверен, что ты не приедешь).

250. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

29 (17) апреля 1862 г. Лондон.

29 avril 1862. Orsett House.
Westbourne terrace.

Monsieur,

Je trouve de retour de Sevenoaks votre lettre du 24 avril et je m'empresse de vous répondre immédiatement. Demain, mercredi, tout le soir depuis 8 heures je serai à la maison et enchanté de vous voir.

Recevez mes salutations empressées.

A. H e r z e n.

П е р е в о д

29 апреля 1862. Orsett House.
Westbourne terrace.

Милостивый государь,

по возвращении из Sevenoaks я застал ваше письмо от 24 апреля и спешу вам тотчас же ответить. Завтра, в среду, я весь вечер, с 8 часов, дома и буду очень рад вас видеть.

Примите уверение в совершенном почтении.

A. Г е р ц е н.

251. Ф. ПУЛЬСКОМУ

29 (17) апреля 1862 г. Лондон.

29 avril 1862. Orsett House.
Westbourne terrace.

Cher monsieur Pulszky,

J'ai reçu votre lettre du 4 av<ril>, n'ayant pas le moindre moyen de m'informer ici, j'ai posé la question à quelques-uns

de nos amis hyperboréens. On me dit qu'on n'a jamais rien entendu. A mon avis ce n'est ni une preuve, ni une négation.

Au reste le but est très peu clair pour moi — *cui bono* tout cela?

Nous avons appris avec un regret sincère le malheur qui a frappé la pauvre Wilma. Sa mort a beaucoup chagriné Tata.

Peut-être nous nous verrons au mois d'octobre — je pense d'aller à Nice avec Alexandre.

Est-ce que les nouvelles de la Russie vous arrivent? Jamais nous n'avons imaginé la possibilité d'un écroulement si complet — de ce gouvernement fort. Nous attendons maintenant avec anxiété — le 26 août — jour désigné pour publier les diverses réformes.

Avec tout cela notre cloche d'alarme, sonnette et grelot — fait son petit chemin.

A la maison — tout le monde se porte bien. M^{selle} Meysenbug vous salue, mes enfants vous saluent — ainsi que madame Pulszky et les enfants — j'y ajoute mes amitiés et sympathies.

Je vous recommande fortement l'étude d'un livre sur la Russie par Ogareff (en français) — ce livre paraîtra vers le 10 mai — je vous l'enverrai par la poste.

Votre tout dévoué

A. H e r z e n.

П е р е в о д

29 апреля 1862. Orsett House.
Westbourne ter<race>.

Дорогой господин Пульский,

я получил ваше письмо от 4 апреля; не имея ни малейшей возможности навести справки здесь, обратился с запросом к некоторым из наших гиперборейских друзей. Мне отвечают, что ничего и никогда об этом не слыхали. На мой взгляд это не является ни доказательством, ни опровержением.

Впрочем, цель не очень-то ясна, как мне кажется — *cui bono*¹ все это?

Мы с искренним прискорбием узнали о несчастье с бедной Вильмой. Смерть ее глубоко опечалила Тату.

Быть может, мы увидимся в октябре — я думаю поехать в Ниццу с Александром.

Доходят ли до вас известия из России? Никогда не представляли мы себе возможности такого полного развала этого сильного правительства. Мы ждем теперь с тревогой 26 августа — дня, назначенного для обнародования различных реформ.

¹ к чему (лат.).— *Ред.*

Между тем наш набатный колокол, колокольчик и бубенчик продолжает свой скромный путь.

Дома у нас все здоровы. Мадемуазель Мейзенбург кланяется вам, мои дети кланяются вам, госпоже Пульской и детям, — присоединяю к этому выражение моей дружбы и симпатии.

Убедительно рекомендую вам проштудировать книгу Огарева о России (на французском языке). Книга эта выйдет из печати около 10 мая — я отправлю ее вам по почте.

Всецело преданный вам

А. Герцен.

252. Н. С. ТУРГЕНЕВУ

9 мая (27 апреля) 1862 г. Лондон.

9 мая. Orsett House.
Westbourne ter(race).

Досадно — но ни тени возможности. Я нанимал возле нас две большие комнаты, где жила моя дочь и Мейзенбуг. — Наталья Алексеевна едет на остров Wight завтра — а Мейзенбуг и моя дочь в ее комнату. А посему это невозможно, т. е. нет ни одного угла. Но комнату где-нибудь возле я берусь тебе сыскать, и не дорого — во-первых, в доме, где живет Бакунин (10, Paddington Green), во-вторых, спрошу возле нас у доктора Нефталя, — словом, найду — особенно если ты выедешь в вторник, а приедешь в среду (я еду, может, на день или на два тоже по квартирной части — в Wight).

Мой человек говорит, что фатеру найдет.

У меня дней десять стоит какой-то ящичек — для твоей гувернанты.

Не можешь ли ты меня одолжить — отославши прилагаемую книжку Огар(ева) (чрезвычайно замечательную) — Henri Martin (каковы его статьи-то?) — но пошли сейчас.

«Письмо помещ(ика)» писал юный малороссийский помещик — я не знаю, за что ты на него очень рассердился — в следующ(ем) листе есть дальнейшее развитие. Нельзя же не допускать всякого рода мысли, когда основа их не противуречит нам.

Здесь видимо-невидимо литературы — Потехин и множество. Если будет 3 статья Н. Martin, пришли, пожалуйста.

Да вот еще — отошли прилагаемую записку к Делавету.

Получил письмо от Мельгунова — он стал гораздо меньше забавен и гораздо больше глуп. О Москва!

253. И. С. ТУРГЕНЕВУ

19 (7) мая 1862 г. Лондон.

19 мая 1862. Orsett House.
Westbourne ter<race>.

Никак я не думал, что сегодня же придется к тебе писать. В 11 часов утра явился ко мне поляк Ladislas Maczusi — говоря, что ты мне поручил ему дать денег и за тем прийти ко мне. Я ему сказал, что ты мне никогда не поручал.

Если это Almosen¹ — то будьте же, наконец, справедливы, нельзя же мне одному справляться, — если это комиссия, я готов ему выдать — на твой счет что хочешь.

Всего лучше напиши ему прямо.

Ladislas Maczusi
1, Clipstone St., Great Portland, N.

Усердно кланяюсь.

Что книга Ог<арева>?

Напиши, пожалуйста, где найти мне Достоевского воспоминания о каторге.

254. В. С. ПЕЧЕРИНУ

21 (9) мая 1862 г. Лондон.

21 мая 62.
Орсетъевка.

Ваше письмо привело меня в большое затруднение. Я считаю необходимым откровенно объясниться, предоставляя вам с еще большей откровенностью сказать ваше мнение.

С 1853, когда я имел удовольствие беседовать с вами в St Mary's Chapel и написать вам два письма, я потерял вас из виду и узнал только мельком об вас из газет, когда вы жгли книги и писания в Ирландии.

С тех пор я напечатал ваши стихотворения, «Поликрат Самосский» и пр. Многие желали знать об вас, и я в той же «Пол<ярной> зв<езде>» напечатал отрывок из моих записок, в котором говорится о нашем свидании и к которому я приложил ваши два письма, в русском переводе. (Это было в начале 1861.) Оскорбительного для вас нет ни слова, но весь дух статьи так противоположен по духу, что я не знаю, не раскаетесь ли вы, что написали мне ваше письмо, <полное> лестных выражений для моей деятельности.

Разрешите мне этот вопрос письмом или молчанием — и я готов вам писать о громадных надеждах России, о том, куда

¹ милостыня (нем.). — Ред.

она идет, — о ее *светской* будущности. О *духовной* я не знаю ничего — и могу только молчать.

Если вы будете строго судить, что я в моих записках приложил ваши письма, я смиренно приму замечание ваше и скажу только, что я тоже в своих записках напечатал письма Гюго, Карлейля, Мишле. — Между людьми, открыто действующими на своих путях, не может быть чисто частных сношений.

Позвольте¹

Когда я подумаю, сколько мы, русские, двинулись с того времени, как мы говорили с вами в Клапаме, становится широко на сердце.

255. И. С. ТУРГЕНЕВУ

21 (9) мая 1862 г. Лондон.

21 мая. Orsett House.
Westb<ourne> terr<ace>.

Прощайте. Bon voyage², и пр.

Письмо получил — не забудь, пожалуйста, Рыбникова книгу. 2-е. Если ты действительно хочешь мне сделать пластырь на раны, нанесенные твоей диалектикой, то *пришли* «Записки из мертвого дома».

Записки ИЗ МЕРТВОГО дома
ЗАПИСКИ из мертвого ДОМА

(Это американская манера афишек).

Прошу усердно излишний экзем<пляр> книги Огар<ева> послать

Делаве.

Вчера получил длинное письмо от pater Печерина — уверяет о каком-то моем призвании на allerlei и manches.

Я собираюсь писать тебе *авангардное* письмо — о нашем споре.

Записки ИЗ МЕРТВОГО ДОМА
ЗАПИСКИ из мертвого дома

прислать очень легко, отдай на почту или с пассажиром — на Трюбнера

60, Paternoster row.

Генриху Мартыну послал ли?

Кавел<ина> брошюру не получал.

¹ Так в источнике текста. — *Ред.*

² Счастливого пути (франц.). — *Ред.*

27 mai.
Orsett House. Westbourne terrace.

Cher monsieur, je vous remercie pour votre lettre — comme toujours si bonne et si amicale pour moi. Il y a quatre mois de cela — que Bakounine et moi nous vous avons écrit — et j'ai pris la liberté d'ajouter dans une enveloppe — nos deux photographies. Tout cela a été remis à Bakounine — frère du célèbre Michel. Il nous a écrit de Florence qu'il ne pouvait trouver les lettres — mais que les portraits étaient chez lui. J'ai été sûr qu'il vous enverra les portraits — mais je vois qu'il n'a rien fait.

J'ai bien appris le malheur qui a frappé votre famille — je me suis abstenu de vous écrire pour ne pas réveiller un triste souvenir.

La brochure d'Ogareff (c'est mon ami et collaborateur qui demeure ensemble avec moi et s'occupe de la rédaction du *Kolo-kol* avec moi) est à mon avis la plus importante publication — qui ait été faite sur l'état actuel de la Russie. Il a cru vous faire hommage et un plaisir en envoyant son livre. —

Bakounine reste aussi à Londres — et travaille avec nous. Nous marchons toujours — et le trône soldatesque, tartare et allemand s'écroule à vue d'œil.

Je vous serre la main avec amitié et sympathie.

A. H e r z e n.

П е р е в о д

27 мая.
Orsett House. Westbourne terrace.

Милостивый государь, благодарю вас за ваше письмо, как всегда доброжелательное и дружественное по отношению ко мне. Вот уже четыре месяца как Бакунин и я написали вам и я позволил себе вложить в конверт две наши фотографические карточки. Все это было передано Бакунину, брату знаменитого Михаила. Он написал нам из Флоренции, что не мог отыскать писем, но что портреты у него. Я был уверен, что он перешлет вам портреты, но вижу, что он ничего не сделал.

Я знал о несчастии, постигшем вашу семью, но не хотел писать вам, чтобы не будить печальных воспоминаний.

Брошюра Огарева (это мой друг и сотрудник, который живет вместе со мной и вместе со мной редактирует «Колокол») является, на мой взгляд, наиболее значительным из всего

написанного о современном положении России. Посылая свою книгу, он хотел выразить вам свое уважение и доставить вам удовольствие.

Бакунин также остается в Лондоне и работает с нами. Мы все идем вперед, и солдатский, татарский и немецкий престол разваливается на глазах.

Жму вам руку с чувством симпатии и дружбы.

А. Герцен.

257. В. И. БАКСТУ

Май 1862 г. Лондон.

Рукой Н. П. Огарева:

Долго мы думали над вашим письмом, и вот я прямо приступаю к изложению обстоятельств и того результата, который из них выводится, по моему мнению, с неопровержимой ясностью.

Народ верит в царя, верит не только в Великороссии, но и в Малороссии, и в Литве; верит потому, что не верит панству и дворянству. Это факт, спорить против которого значило бы зажимывать глаза, чтобы не видеть правды. Стало, все мы, как люди фрачные, к несчастию, и потому в глазах народа принадлежащие к панству, не имеем в народе почвы. Прежде всякого протеста надо приобрести эту почву, надо приобрести право гражданства в народе. Иначе мы своими протестами успеем только разыграть роль людей, мешающих царю освободить народ, и резня обратится на нас во имя самодержавия. На это сведутся всякие попытки конституционных протестов. Если правительство даст боярскую конституцию — это другого рода дело: тогда оно бросится в объятия дворянства и поможет нам получить права гражданства в народе. Но протестами мы дальше не уйдем, как <до> возбуждения в народе недоверия к нам, а не к самодержавию. Первая попытка меньшинства, которая находит сочувствие в народе, у тех немногих из него, до которых о ней доходит слух (а слух о том распространен до чрезвычайности мало), — это движение тверского дворянства к бессословности. Это опять факт, в достоверности которого мы вам ручаемся. Мысль о Земской думе, требуемой тверским дворянством, от народа еще далека, она подлежит пропаганде, ставить ее в адреса теперь было бы еще без корня в народе. Чему именно сочувствует народ — это движение дворянства к бессословности. Следственно, сила обстоятельств показывает вам, что теперь программу тверского дворянства надо сузить на единый вопрос бессословности, т. е. для адреса, а остальные задачи пустить пока только в пропаганду. Следственно, адрес, требующий бессословности, имеет нужду в подписях дворянских и духовно-светских, т. е. чиновников из духовного звания. Тем легче — знаешь, где их собирать. Если найдутся тысячи дворянских подписей и факт подачи адреса распространится по народу, то это единственный путь, который дает целому меньшинству права гражданства в народе, а следовательно, почву для протестов, уже общих с народом. Потом он расчищает поле и вам самим поможет отделить овец от козлищ, искренних общников с народом от дворянчиков, ищущих немножко свободы с сохранением поземельных прав и дворянской власти. При таком адресе тотчас откажется от подписей все либерально-панское, дворянски-буржуазное, под какой бы формой оно ни скрывалось (конституционализма, введения суда присяжных и т. д. и т. д.), — словом, козлищ отойдут и могут производить свое движение, которому мы не мешаем, тем более что, не

[illegible][illegible][illegible]

Письмо к К. Д. Кавелину от 7 июня 1862 г. Черновой автограф
А. И. Герцена.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Москва.

*I agree with you on the one extreme but have been
naturally led to a ~~provisional~~ ^{more} ~~definite~~ ^{definite} ~~conclusion~~ ^{conclusion} ~~in the~~ ^{in the}
neighbourhood of the other extreme.*

[illegible][illegible][illegible]

All very interesting & important & I wish to see you
in person - I am going to "Friday night" in the Hall
near to town. Monday - or Tuesday! —

[illegible]

имея почвы, оно тщетно — мы ему сочувствовать не можем. Не пугайтесь, что нумерически людей поубавится, — зато останется искренняя когорта, которая заслужит права гражданства и точку опоры на народной почве. Адрес в нашем смысле формулировал я бы так: «Ваше-де величество! Мы, по чистой совести и здравому разуму дойдя до убеждения, что русская земля принадлежит народу, что она земля земская, а не помещичья, отказываемся от земли в пользу сел и деревень, в которых хотим сохранить только свой земельный пай наравне со всем крестьянством, и потому отказываемся от всех дворянских сословных прав, желая, чтобы все те личные права, кроме земельной собственности, от которой отрекаемся, были предоставлены всему крестьянству, с нами больше нераздельному. Вследствие этого просим повсеместного уничтожения телесных наказаний и учреждения общих бессословных выборов судебных и административных властей. За наш добровольный переход и уступку земель в единое земство мы хотим только денежного вознаграждения, которое было бы нам выдано билетами, уплачиваемыми в известное число лет готовыми взносами из общих государственных податей. Число лет платежа и размер вознаграждения мы предоставляем на суд всего земства и на решение по оному. В <аше> в <еличество>, мы вполне убеждены, что земство даст нам вознаграждение охотно, потому что хотя и нельзя юридически, по совести доказать необходимость оного, но польза очевидна, ибо даст нам способ и помимо земледелия вести вперед русскую фабричную, заводскую и торговую промышленность, русскую науку и грамотность. Засим и т. д.»

Я не форму набею вам даю, а только содержание. Тут *sta, viator*, больше ни единой просьбы не прибавлять. В год, в два все, сколько есть налицо согласных с этой программой, окажутся, и получающие права гражданства и почву в народе сочтут свои силы. До тех пор наши протесты будут бессильны, получают плевки сверху и толчки снизу, а при собрании такого адреса правительство или согласится с бессословностью или само...

В силу тех же соображений я думаю, что распространение кружков за границу, сверх количества людей, нужных для агентуры, для комиссионерства, для телеграфа, было бы вредным отвлечением местных сил, тем более вредным, что люди думали бы, что делают дело, а в сущности продолжали бы только несчастный разрыв с народом, уединенность образованного сословия, ту беспочвенность, которая даже самую петербурго-московскую литературную деятельность сводит вместо дела на какую-то более или менее кабацкую дрязгу. Страстно желаю, чтобы вы были с нами согласны, ибо глубоко убежден, что другого пути нет.

Конечно, тут сказано только общее, а детали ускользают. Прежде чем Огарев написал вам это письмо, мы долго говорили с ним и пришли к тому убеждению, которое он передал вам. Я, стало быть, совершенно с ним согласен.

258. Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

1 июня (20 мая) 1862 г. Лондон.

1 июня. Воскресенье.
Orsett House.

Пишу только для того, чтоб сказать, что, мне кажется, Тхоржевский нашел клад, а не дом — за Finchley Road, где мы жили. Дом с садом и пр. Он от него в восхищенье, и условия

хороши. Я, стало, не советую тебе искать квартиру, мы едем завтра утром к хозяину и смотреть.

Ты (как я думаю) можешь переехать туда — и там остаться одна с детьми до конца сентября. Потом переедет Огар<ев> — а я повезу детей в Италию и приеду зимой туда же.

Боюсь, чтоб опять не вышло не по-твоему (пиши сейчас, может, письмо застанет) — а решится, я полагаю, надобно. И этот страх парализирует меня. Мы в среду едем (если ничего не помешает), но, может, поздно, т. е. чтоб Ог<ареву> не ехать по жару, и, стало, в четверг приедем.

Приехал Ковалевский. С Бакуниным всё нелады, объясняется беспрестанно — опять-таки скучно. *III vol<ume>* «*Misérables*» очень хорош. Привезем.

Кавелин — совсем пошел в Чичерины.

Лиза, дядя тебя целует и малюток.

Часы куплены превосходные. Ночники завтра пошлют.

259. К. Д. КАВЕЛИНУ (черновое)

7 июня (26 мая) 1862 г. Вентнор.

Пока я долго и грустно думал, писать мне о [несчастной] печальной брошюре твоей или нет, ты мне прислал поклон [с Боткиным] — и прибавил, что «кажется, я сержусь на тебя». Это мне [сразу] напомнило — что, всегда чистый и откровенный перед близкими людьми, я молчать не должен. Слово «сердиться» не идет. Прочитав твою брошюру — у меня опустились руки. [Этого не доставало.] Грановский в гробу, Кетчер, Корш в Чичерине, [а мнение] Чичерин[а] в твоей брошюре... [Как я любил и ценил тебя, ты знаешь, как мы расстались, с какими надеждами, ты не забыл.] И это писал Кавелин, которого мы так любили и отпускали три года назад с такими надеждами. [В последние три года лучшее, что я написал — «Роберт Оуэн» — я посвятил его тебе.] Последний представитель московской эпохи, второй юности, которому я посвятил «Р<оберта> О<уэна>», — и [вдруг] этот тощий, [нелепый], стертый и вредный памфлет, писанный (и это твои защитники приводят в твою пользу) не для печати, для какого-то Николая Николаевича и, стало быть, для негласного руководства либералующему правительству. Это слишком.

Я схоронил женщину, которую любил и уважал бесконечно, я схоронил Грановского — материально, я схоронил К<ет-

че>ра, К<ор>ша — психически, [я гляжу на дряхлеющего Тургенева, на Московский университет, превращающийся в частный дом...] [И. Тургенев просится на кладбище] Тур<гениев> дышит на ладан, — и ко всему этому должен прихоронить тебя. Но этого я не сделаю молча.

[Ты, вероятно, понимаешь, Кавелин, что эта] Твоя брошюра кладет между нами предел, через который один мост и есть — твое отречение от нее [твое покаянье в ней] — как в ошибке, писанной под влиянием временного увлечения [или помешательства, — без этого что же у нас общего, в силу чего мы можем встретиться, — воспоминания анекдотов и каламбурь?]

Я думаю, что [тебе] это [отречение сделать легко, потому что я решительно] так и было, т. е. [Мне сдается] что ты не понимаешь *portée*¹ — твоего памфлета.

Создать из дворян класс привилегированных землевладельцев, потому что и в Ганновере и в Гессен-Касселе было высшее сословие — и это в то время, как дворянство летит под гору — и рассыпется в прах — без тормоза, доктринеров-бюрократов и бюрократов-кнутинеров — [первая] страшная нелепость.

Отрицая олигархию — мы ее вовсе не отрицаем в пользу канцелархии. Прусская [благодетельно-] цивилизующая [бюрократия] админист<рация> с проспектом лет через 500 дойти до английской болезни — и все это основывать на том, что народ русский — скот и выбрать людей для земства не умеет, а правительство — умница, все знает — и какую реформу куда поставить, и [в какое время] кого выбрать (*il a fait ses preuves*²).

[И к этому ты, Кавелин, прибавил какие-то политико-сентиментальные сентенции вроде «аристократ — происходит от аристос — добрый, лучший, веди же себя с благонравием, будешь и англичанин...»]

[И что за политико-сентиментальные морали... Я ни в чем не узнаю тебя.]

Не хочу говорить о форме, о [с] политически-сентиментальных сентенциях [...все это бесконечно плохо. Жан<лис>] и правоучениях М^{ме} Жанлис. Ошибка... и ошибка!

Буду ждать твоего ответа, или [в случае молчания] — не буду ждать и тебя. Против брошюры мы писать будем — но сохраним [твою] ее анонимность и, разумеется, не забудем ни то, как мы расстались в 1847 — ни то, как свиделись три года тому назад. [Дорога наша может тем и] [Мы может исключительны, но за то ни тем]

7 июня.

¹ значения (франц.); ² оно доказало свою состоятельность (франц.). — Ред.

10 июня (29 мая) 1862 г. Вентнор.

Вторник. Ventnor.

Татасашаоля

Malvidaque!¹

Нет, вы счастливее. Здесь стужа и вьюга продолжают, вчера (понедельник) было получше и мы ездили в Sandrock и Bl...blancmange gang Чайн (т. е. мы ходили пешком, а ménagerie², как говорит Ага, ездила). Там хорошо. Сегодня опять февраль.

Мне смертельно жаль Огарева: в кои веки выехал — и не удалось. Это действует на нервы. Впрочем, Огар(ев) говорит, что он себя свежее годы не чувствовал.

От Ротшилда письмо — я прав.

Мы, вероятно, до пятницы, а может, до понедел(ьника) останемся. Miss Barthélemy, которая была здесь, на железной дороге помялась и поиспортилась так, что лежит в починке. И все это всегда делается на Брейтонской дороге.

РАЗГОВОР

Действу(ющие) лица:

Arthur Briand,

Я,

Огар(ев) (молчит).

Я. Have you perchance Bordeaux?

А. Br. No, sir, such a vine — we dont keep them. No, sir... we have only Claret.

Я. But Claret — that is Borde(au)ux.

А. Br. Yes, sir — but we have no Bordu³ (это винопродавец).

Огар. (молчит).

Затем я ему сказал, что прежде тут в лавке сидела старуха...

А. Br. (смеется)... Yes, sir... My mother, sir... (смеется)... She is dead, sir... (смеется).

Я. Indeed? — very respectful lady⁴.

Оба смеемся.

Огарев молчит.

Р. S. Напиши Кельсиеву:

1-е. Что пусть он Блюммеру напишет — очень мило — и притом скажет, что мы удивляемся, почему же и те русские, которые

¹ и Мальвида (лат.); ² зверинец (франц.). — Ред.

³ Я. Быть может, у вас есть случайно бордо? А. Br. Такого вина нет, сэр — мы его не держим. Нет, сэр... у нас есть только кларет. Я. Но кларет — это и есть бордоское вино. А. Br. Да, сэр, — но бордо у нас нет (англ.); ⁴ А. Br. ... Да, сэр... Моя мать, сэр... Она умерла, сэр... Я. Вот как? — Очень достойная женщина (англ.). — Ред.

любят свободу печати, терпеть не могут свободу мнений. 2-е. Огар<ев> получил сегодня письмо от Салиас, она ничего не говорит о полученных деньгах—нельзя ли справиться или еще написать?

Ольге отдай особо прилагаемое письмо.

Олятаса, кланяюсь вам.

261 А. А. ГЕРЦЕНУ

11 июня (30 мая) 1862 г. Вентнор.

Среда, 11 июня.

Любезный Саша,

буря и стужа продолжают. Мы хотели отсрочить отъезд до субботы или понедельника, но, кажется, лучше не будет. Я в воображении не мог себе ничего подобного представить в половине июня. Впрочем, занятия у нас устроились, т. е. Огар<ев> и я по-прежнему полдня пишем. Даже Огар<ев> не может ходить по-своему часа четыре, до того дурно—все это почти больно.

Читал ли ты французское письмо, посланное ко мне тобою без пакета (если пакет цел, не худо сохранить)? Это шпион, предлагающий услуги, ему поручено узнать имена корреспондентов—и он хочет надуть и меня и правительство. Посторонним никому не говори до приезда, а если можно в глубочайшей тайне узнать через Тхоржевского (ему можешь сказать, но тоже пока по секрету), что за господин, француз наверное, живет: 4, Greville St. Holborn, у какого-то Emile Gruwe и называется (вероятно, псевдоним) Louis Erregg. Узнать, не поминая меня—ни одним словом, а письмо—ни одним звуком.

Если у тебя деньги вышли, ты можешь взять, и расписаться, у Трюбнера 5 фунтов.

Передал ли ты о квартире в S. John's Wood'e? Natalie хочет переехать к 1 июля, я уговаривать не могу после этого опыта. К тому же эта квартира—перед совершенно враждебным человеку элементом моря, шумного, безобразного и падоедающего до скуки степи (*sauf le respect que je dois à M^{selle} Malvida*¹).

Квартиру мы нашли очень хорошую, против Бонифас-Villas, одно имя чего стоит: Arratrum Villas; может, Natalie и переедет на две недели туда. Хорошо бы узнать от Тхоржев<ско-го>, легко ли найти. Может, Огар<ев> уедет в субботу, а я -- после переезда.

Во всяком случае посылай все сюда—до контр-ордра.

¹ при всем уважении, которое я питаю к мадемуазель Мальвиде (франц.). — *Ред.*

Тату благодарю за длинное письмо и жду рапорта о National Gallery, т. е. пусть она напишет, что ей больше нравится из картин.

Ольга пишет хорошо, но уж больно безграмотно.

Лиза очень мила, но шалит еще больше, чем прежде. Девочка становится пластически хороша. Такой пропорциональности я не видывал в 6 месяцев.

Скажи Мейзенб<ур>: Daß es mir doch gefällt so als Tiberius in Capri — von der Ferne nah zu bleiben. Ich liebe nicht mitten im Gedränge zu leben. Der erste Brief an Turgeneff — fertig, der 2. anfangen¹.

Ольга, тебе посылаю книжку с вентнорскими карикатура<ами>.

Ага, Natalie всем кланяются.

262. А. А., Н. А. и О. А. ГЕРЦЕНАМ

12 июня (31 мая) 1862 г. Вентнор.

Четверг.

Сатао-шаталя!

С первого часа ночи дождь льет как из ведра, стены дрожат, все закрыто — теперь время обеда, и буря еще во всей силе. На дворе сыкоть — выйти нельзя (вчера уж мы сидели); итак, вся поездка безвозвратно погублена — подлым климатом. В силу всего —

*Resolved*². — Переехать в Cowes, и Natalie с детьми там будет ждать фатеру в S. John's Wood.

Détails³: 1-е. Огарев едет завтра вечером в Cowes и занимает квартиру.

2-е. Занявши оную, следует по трахте в Зауфтонтон и Лондон — Orsettbedroom.

3-е. Я еду со всеми в понедельник в Cowes, если будет хорошо, останусь до середины; если дурная погода, приеду во вторник — но ты не говори этого ai seccatori, а скажи, что я приеду не раньше субботы, — в Коусе, мол, и Осборне.

Бумаги можешь оставить и показать Огар<еву> — посылать ли или нет, он скажет; полагаю, что это не нужно.

Ты и Тата хорошо бы сделали, познакомившись с О'Коннельшей, — сходите к ней.

Кто это Dr Маслов?

Книга Ольге с изображениями англо-глупыми seaside⁴ отправляется вместе с письмом.

¹ Что мне нравится, как Тиберию на Капри, быть близко и далеко. Я не люблю жить в толкотне. Первое письмо Тургеневу готово, второе — начато (нем.); ² Решено (англ.); ³ Подробности (франц.);

⁴ морского берега (англ.). — *Ред.*

А я к тебе, Ольга, не пишу особо, потому что пишу всем вместе, целой овчарне.

Деньги для студентов—получены или обещаны?

Я поеду один в Sevenoaks отдохнуть от Вентнора, моря и Лондона.

*Latest intelligence*¹.

Буря и дождь продолжаютя, а что Боткин Майкель?

Скажи Мальвиде: si c'est la mer—c'est la mère coupable de Beaumarchais—mais très chère.

Рукой Н. А. Тучковой-Огаревой:

Хотела писать к тебе, Тата моя, но Лиза решительно мешает, погода страшная, такого дня я еще и не видывала, волны разбиваются об стену и упадают как фонтан—море бог знает какого цвета.—Ну, прощай, поцелуй Ольгу, скажи, что за домино хотела идти сегодня, но так льет и так ветрено, что отложу до завтра.—Саше поклонись, Mysenbouг скажи, что море совсем не himmlisch², т. е. ты этого не говори.

Тата, если ты хочешь и Малвида сделает мне сию френдшип, то вы сделайте визит к Mme O'Connel:

6, Westbourne Park Villas.

Скажите ей, что мне очень жаль, что она не застала меня, что как я приеду, так буду у нее.

Тебе полезно знать артистку.

Если же у вас причины не идти, то прошу Сашу сходить сейчас к ней.

263. А. А. ГЕРЦЕНУ

12 июня (31 мая) 1862 г. Вентнор.

Саше.

Рукой Н. И. Огарева:

Четверг.

Посылая тебе этот зоологический этюд, друг Александр второй, я пользуюсь случаем поговорить о зоологии и многом другом.

Я часто подолгу наблюдаю за тобой исподтишка со всей любовью, которую имею к тебе лично, и со всею любовью традиционной к сыну моего единственного брата и моей единственной сестры. Смотрю на все возможности развития и на все недостатки и ругаю себя за дикую неспособность иметь непрерывное влияние на тебя, на ход твоих занятий и твоей жизни. Что меня оскорбляет в твоих занятиях—это отсутствие запроса в науке. Вытвердив классификацию по сравнительной анатомии, ты написал хорошую популярную книгу и как будто остановился на этом с самодовольствием. Я не видел, чтобы ты в Лондоне сделал шаг для дальнейшего запроса в науке, а между тем я убежден, что Лондон представляет средств для изучения не меньше, чем путешествие,—может, больше; я уверен, что все двери разного рода лабораторий и библиотек были бы для тебя открыты.

Окончив классификацию по сравнительной анатомии, т. е. имея обзор типов животного царства, неужто ты мог удовлетвориться настолько, что, живши в Лондоне, не перешел к двум задачам, которые естественно истекают из этой точки отправления,—одна задача, идущая внутрь,

¹ Самые последние сведения (англ.); ² восхитительно (нем.). — *Ред.*

в изыскание самого процесса жизни, другая — идущая вширь и отыскивающая условия различий, вариаций этого процесса на пространстве земного шара. Одна — идущая в химико-физические явления физиологии, другая — идущая в физико-метеорологические условия этих явлений. То есть — как ты можешь жить, — ты — зоолог — не работая ни йоты по этим двум задачам, и жить спокойно и самодовольно? Вот что меня удивляет и огорчает. Или ты думаешь, что ты уже все знаешь, или ты думаешь, что ты молод и столько времени впереди, что еще на се хватит. Нет — не хватит, Саша, я это слишком горько по себе чувствую.

А между тем тут такая бездна незатронутых вопросов, без разрешения которых жить спокойно нельзя. Примера для — возьму море.

а) По внутренней задаче жизненного процесса:

Какое влияние химические составные части моря имеют на образование морских животных?

Какое влияние имеют магнитно-электрические явления прилива и отлива на образование морских животных?

Тут необходимо идет ряд сравнительных наблюдений речной, озерной и морской эмбриологии, наблюдений химических, наблюдений физических, микроскопических; перечисливание электро-физиологических изысканий и т. д., и т. д.

Довольно этих двух вопросов, чтоб не дать отдыха человеку, который себя специально посвящает науке.

А возьми

б) вопросы по географической задаче животного царства, соединяя их с предыдущими:

Различия химического состава северных и южных морей и различие, вследствие того, морских животных?

Различия климатические морей, различия электромагнитные средиземных морей, не имеющих прилива и отлива, и влияние этих различий на образование животных?

Да не оберешься вопросов, Саша, а ты уже год сидишь и не задаешь себе ни единого! Неужто ты думаешь, что, работая пять часов в сутки, без пособий, без инструментов, ты уйдешь далеко? Это не труд, не искание ответа на запрос — а препровождение времени в приятных занятиях.

Теперь о России. Ты говоришь, чтоб тебе сказать, что читать. Это вопрос мудреный, когда человек ставит себе задачу неопределенную. Узнать народ наглядно — ты, может, и бывши в России, в два года не приучишь себя к способности наблюдать. Потом, с какой целью наблюдать: с артистической — как Горбунов? или с гражданской, т. е. со стороны общей задачи общественной реформы? Для последнего надо еще себя приготовить по всем вопросам государственной жизни. Надо вздуматься в разные условия народной жизни и учреждений, надо заглянуть, что сделала история de facto с народами и что выработала теоретическая наука из этих фактов (политическая) экономика, юриспруденция и пр. и пр.). Ты прочел Бокля. Это хорошо. Но первый раз ограничься и напиши для меня, напиши мне письмо о том, что ты извлек из Бокля, на какие вопросы он тебя натолкнул, к каким заключениям привел. Дай мне заглянуть в твой мозг, дай мне узнать, какое сомнение тебя тревожит, какая надежда тебя мучит, какая истина тебя влечет на работу, на дело. Открой мне свой внутренний умственный мир — и давай говорить дальше. Я думаю, что этот отчет о Бокле будет небесполезен, что, принимаясь писать, ты примешься думать и расшатать себя до инициативы. Попробуй, попробуй. В твои года легко работать от 8 до 10 час(ов) в сутки и найти время для преследования обеих задач — физико-зоологической и историко-экономической. Спешу, пока тебя, как меня, не прихлопнет немота, где после 7 часов работы начинаются в мозгу судороги.

Когда ты серьезно взволнуешь себя запросом, друг мой, тогда исчезнет с твоего лица это самодовольство, которое тебя ведет к какому-то грубому обращению и к дисграциозной паглости. Если ты, взволнованный запросом, заглянешь в самого себя, ты не обрадуешься, что личные ошибки прошли как с гуся вода и что ты становился то на краю бездны неаппетитности в жизни, то на краю дурного поступка — и даже не нашел в себе покаяния, а скорее обвинение других. Не бойся содрогнуться перед собственной жизнью; это чувство очищает. Я не требую, чтоб ты его высказывал, я требую, чтоб ты его прочувствовал. Если ты, взволнованный запросом, заглянешь в то, что ты сделал в науке, в понимании — ты содрогнешься перед тем, как все это мало и ничтожно и как ты до сих пор мало требовал от науки. И тогда ты поймешь, как много запроса, как много труда в знании и как много подвига даже в обыденной жизни — и ринешься безбоязненно на ежеминутный запрос, ежеминутный труд и ежеминутный подвиг.

Вот чего я хочу от тебя — моего Саши, его и ее сына.

Дай же мне обнять тебя. Гляжу на море, которое нелепо и свирепо бесится, и невольно приходят на память тени твоего брата и моей сестры.

Addio! До свиданья.

Еще одно — если б ты выработал себе зоологию во всю ширь запросов, чтоб быть преподавателем в России — я думаю, задача была бы и не мелка и небесполезна?

Прочти это письмо с тем религиозным чувством — с которым я его прочел, — прочти десять раз, пока всякое слово его будет ясно, а если что неясно — пиши или, проще, — спроси. Вспомни последние разговоры наши — это то же мнение, но шире высказанное и с грустной любовью — благодари судьбу, что такие близкие голоса раздаются тебе как Warnung¹.

Жду действия на тебя этого письма.

Прощай.

264. А. А., Н. А. ГЕРЦЕНАМ и М. МЕЙЗЕНБУГ

13 (1) июня 1862 г. Вентнор.

Vent du Nord — continue.

13 июня, пятница.

Огар<ев> сейчас поехал, может, он будет ночевать на дороге. Ты спрашиваешь, почему он не остался; как будто ты не знаешь, что Огар<ева> ни уговорить в этих вещах, ни остановить нельзя. К тому же у него сделался на щеке чирей.

Вы можете писать сюда один раз (т. е. завтра *утром*), в понедельник почта привезет утром, а если успеет — в воскресенье. В 11 часов мы едем (в понедельник) в Cowes. Если очень нужно, можешь писать туда—poste rest<ante>², но если не нужно, погоди до следующего письма. Хорошо, кабы Чернецк<ий> догадался мне прислать mise en page³.

Кавелина письмо я тебе дам. И жаль его очень, и надобно идти своей дорогой.

¹ предупреждение (нем.); ² до востребования (франц.); ³ верстку (франц.).— *Ред.*

За М^{ме} О'Коннель изъясляю мою высочайшую благодарность. — Да для кого же она хочет сделать мой портрет? Не стану же я ей платить за такую ненужную полезность?

Как же ты не прислал второе письмо шпиона?

Прощай.

Тата, мы едем в Коровы — вероятно, там будет отличное молоко. Я очень рад, что г-жа Одеколонь тебе понравилась, я сам иногда от головной боли примачиваю. Если б она тебе стала давать уроки, вместо мыши в лесу, может, было бы лучше. Долго ли она пробудет?

Malvida Meysenbug
gewidmet v<on> einem
Mann, der sich bereit,
Mann zu sein¹.
Покажи Огар<еву>.

So brummte der alte Brugham,
So männerlich wurden die Frauen,
Frauenhofer aus München
Zum Andenken an seinen Familiennamen,
Ehren—sage—femme—ernannt,
Das ist überall bekannt².

Latest intell<igence>. Europa wird von
jetzt an Weiberia genannt³.

Pas de Calais — L'appas de la Caille.

Отдай Огареву письмо Dieu donné⁴ — и карточку. За деньгами следует послать Тхоржевского ex<empli> gr<atia>.

«Смесь» Чернец<кому> послал, но мало очень. Что привез Маслов?

265. А. А. ГЕРЦЕНУ

14 (2) июня 1862 г. Вентнор.

Саше.

14 июня. Ventnor.

Я твоим письмом, как оно ни грустно, очень доволен. Ты, наконец, дошел до *недовольства собой*. — Это первый шаг для выхода из праздної неопределенности, у тебя начинается страх перед будущим и почти раскаяние в прошедшем. Если ты серьезно вызовешь силу воли, если ты имеешь то, что называется характер — *persévérance*⁵, ты начнешь совершеннолетнюю жизнь. — Ученым или артистом, политическим человеком или чем хочешь, но человеком, твердо идущим, на твердых нравственных основах — гласным, а не согласным.

¹ Посвящается Мальвиде Мейсенбург человеком, который раскаивается, что он мужчина (нем.); ² Так ворчал старый Брум, так женщины стали мужеподобны, а Фрауэнгофер из Мюнхена был, в честь своего имени, произведен в почетные повивальные бабки, это всем известно (нем.); ³ Самые последние сведения. Европа отныне называется Weiberia (англ., нем., франц.); ⁴ богом данное (франц.); ⁵ настойчивость (франц.). — *Ред.*

Теперь, только теперь, может быть, ты поймешь, что такое за благо, что ты можешь иметь такого друга по преданию, как Огарев,— вот тебе рядом со мной—маяк. Что его оскорбляет, против чего *он*, гуманнейший человек, восстает, того бойся, вспомни, что оскорбило его два года тому назад.—Твоя любовь, твоё сватовство — нелепое по летам? — Нет. Дерзость твоих писем. Что оскорбило его — полгода тому назад? — То, что ты разлюбил, то, что не женился? — Нет. Твое желание оправдаться, недостаток покаянья и смирения.

Большие пороки иногда останавливают порицание и требуют объяснения. Мелкие, эгоистические недостатки—просто сердят и, что всего хуже, запирают душу, любящую и желающую исправить. Тут хочется бранить, давать отпор, наказывать. Между тем без какого-нибудь идеала, религии, «казнобы», которая бы давала постоянное направление всему твоему бытию и, следовательно, сглаживала бы мелкую раздражительность... она-то и выставлялась—с строптивостью о вздоре, докторальностью в пустяках, невоздержностью в ответах. Все вместе делало твоё поведение неэстетическим. *Or donc*¹, раз навсегда пойми, что все то, что неэстетично, непременно граничит с дурными сторонами нашего существования.

Что общего в твоём существовании и положении Бельтова?—Бельтов оттого бросался из угла в угол, что его социальная деятельность, к которой он стремился, находила *внешнее* препятствие. Это пчела, которой не позволяют ни делать ячейки, ни отлагать мед — *c'est du miel rentré*² ...Тебя, напротив, все тянет на все деятельности, ни одной таможни, ни одной заставы.

Благослови ту минуту, в которую на тебя нашло раздумье. Моя рука, моё сердце тут—я готов и писать и говорить, потому что этот язык — мой язык.

Я приеду во вторник вечером или в среду. Мне Писем<ского> вообще не очень хочется видеть—он писал дурные вещи, в самом гадком смысле и направлении. Статья Каткова забавна—может, напишу несколько слов в ответ, но чему же удивляться, что обиженный *au vif*³—лягается.

Завтра воскресенье—в понедел<ьник> мы едем в Коус, в 11 часов.

Прочти это письмо с Огаревым на досуге и поговори. У меня не особенно светло на душе, но надежды не теряю — и вперед, вперед—да будет это и твой девиз.

Прощай. В деньгах, оставленных мною и взятых у Трюб<нера>, ты мне подай счет, — не на хозяйство же у вас вышло 15 фунт. в 10 дней.

¹ Итак (франц.); ² это не нашедший приложения мед (франц.);

³ задетый за живое (франц.).— *Ред*

Через два часа.

Помни еще одно — что тебе 22 года, — время уходит, но не ушло. Тебя, вероятно, обойдет та бурная эпоха страстей и потери времени и сил, которая встречала в России почти всех. Твое развитие позднее — беды в этом нет. Повторяю, я рад, что ты попал на этот порядок идей. Что дальше, как дальше — этот вопрос нельзя разрешить одним рецептом — он зависит от того, как ты переработашь свое раздумье и наши слова.

266. Н. П. ОГАРЕВУ

14 (2) июня 1862 г. Вентнор.

14 июня — Ventnor.

Письмо твое из Cowes получил. Квартира возьмется, как сказано. Едем в понеделѣ(ник) в 11 часов — может, я во вторник приеду. Посылаю тебе письмо ко мне Саши — теперь я истинно готов с коленопреклонением просить, чтоб ты на первом плане занялся им — не в *entremets*¹, а серьезно. Я ему писал первое письмо об этом и буду писать сто. Но именно пользуясь моим отсутствием — ты можешь поправить нашу общую вину...

Твое письмо дурно на меня подействовало — к тому же я сначала распечатал Каткова ответ и расположился скорее хохотать (он ругается и называет меня *выболтавшимся* *вон* остро-словом) — а тут письмо Саши, его жаль, больно, чувствуешь долю вины — и потом твое письмо. Смотрю и я вперед не весело — ты это знаешь — жду и я от близких (и это, Огарев, не новое чувство у меня, а наследство, доставшееся от 1852 года), но того, что ты сказал, я теми словами не сказал бы...

Ну, а затем, если Солдатенков дает денег — скажи Кельсиеву, чтоб он переименовал его в Прапорщенковы.

Князь иезуит Гагарин прислал письмо с большими симпатиями — и пишет, что отправил ко мне Чаадаева *избранные* сочинения. Это жихаревские бумаги, вероятно. Получил ли ты?

Есть ли что для будущего «Колокола» в московских бумагах?

Лиза вчера мне говорит — и я не изменяю ни йоты в этой чисто русской фразе:

«Уж как папа Ага меня любит, как шекоютом угощает — всегда угощает!»

Минутами тоска — а то и ничего, погода подлая, вчера (в пятницу) вечером было так холодно, что я хотел было пуншем утешиться — чего однако не сделал.

¹ между прочим (франц.).— *Ред.*

От Мейзенб<уг> письмо — она замечательно молода духом. Она не в девках осталась, а в девочках.

Неужели я так стар, что Кат<кова> ругательства производят во мне один смех — почти добродушный, или в самом деле я себя вообразил Цезарем?

267. К. Д. КАВЕЛИНУ

15 (3) июня 1862 г. Вентнор.

15 июня 1862. Ventnor.
Isle of Wight.

Получив твое письмо — я с полчаса не читал его, отдавая минуту искуса. Из этого ты можешь понять, что не с gaieté de cœur¹ я терзаю моих друзей.

Ты ошибаешься — но ошибаешься добросовестно, я никогда не предполагал никаких целей — видов, — но в ту эпоху, в которой мы живем, ошибка — преступление, ошибка Кавелина — двойное. В 93 году тебе за это отрубили бы голову, и ты и я — мы эти средства ненавидим, но во время разгрома — я не нашел бы это несправедливым. Если б ты видел первое впечатление твоей брошюры — то тогда ты понял бы, почему я бранил тебя даже при некоем Куманине (который, защищая тебя, сказал, что брошюра писана для Ник<олая> Ник<олаевича>).

Твое письмо меня потрясло, я как-то снова смотрю на тебя как на сбившегося друга — но близкого. Но мнения — не принимаю ни одного. В твоей защите действительно уже есть отстаивание своего произведения во что б ни стало. Отсюда прямо вопрос (и сегодня я хочу только на него отвечать), следует или не следует тебе приезжать, пока нас делит такая пропасть? Думаю, думаю — и честно, добросовестно, свято, искренно говорю: нет, не следует!

Объяснить нам, изменить наше воззрение ты не можешь; читая все, что мы пишем (хотя бы и послед<нюю> мою статью о Каразине), ты можешь измерить различие. Что же будет за смысл свидания? Можем ли мы встретиться, не говоря об этом?

Не лучше ли дать время — еще и еще обдуматься — может, повязка с твоих глаз падет...

Подумай об этом. Печально и дружески грустно жму твою руку.

268. Н. П. ОГАРЕВУ

15 (3) июня 1862 г. Вентнор.

15 июня. Воскресенье.

Завтра, если ничего не помешает, в 11 часов, едем в Cowes — письмо это брошу еще в Вентноре, а может, и там. Погода луч-

¹ без причины (франц.).— *Ред.*

ше, и гораздо — но не лето. Вот копия с моего письма Кавел<и-ну>. Я Маслову не верю (да какой это Маслов? Не тот ли, что служил при Скобелеве?). — А ты еще толкуешь не сердиться на Каткова... Эх вы!

Вчера я не мог все сообразить насчет письма Саши, — дело твое не должно исключительно состоять из научного влияния. По его письму ты видишь, что он сам сознается в отсутствии любви к науке и инициативы. Эдак можно человека лишить всякой надежды на что-нибудь иное. В артистическое призвание я тоже не верю. — Да есть еще ширшее назначение и категория, обнимающая всё, — это очеловеченье и нравственная *Gediegenheit*¹. Сатин — не музыкант, не химик — а человек, таков был бы и К<етче>р, и Касатк<ин>, и Фрикен, и не знаю кто — если б К<етче>р не ударился в безумные. Теоретическое, артистическое призвание — специальность, — сделай из меня математика, политического эконома, грамматика...

Ты это сам поймешь очень хорошо. Письмо твое из Лондона пришло сюда и принесено сегодня утром в 8 часов. — Стало, в Cowes писать было лишнее — ты ошибся 24 часами.

Я приеду в среду — в обед или, если успею их всех устроить, во вторник вечером. — Я думаю, что ты должен непременно написать записку к *Писемскому*, я получил от него еще письмо. Он просит, бог знает как, уведомить о твоём и о моем приезде. В среду, так в среду, но, полагаю, черкнуть подобает.

Второе письмо Тургеневу почти готово. Я доволен. Я на чистом воздухе могу лучше работать — и без посторонних.

Каткову ответ набросал — но еще не уверен.

Адрес Писемского: 25, Woburn Place

Russell Square — London.

Это, стало, у Шпая. Зачем же все Бакунины не предупредили.

«Колок<ол>» получил. Ошибки есть, и варварские, — Кельсиеву это скажи, если увидишь.

Рукой Н. А. Тучковой-Огаревой:

Спасибо за квартиру — все очень хорошо, не думай об этом...

Что, как вы все? Отдал ли Ольге камушки, *домино* и запонку, — скажи ей, что мне жаль, что не могу с ней учиться лазить, потому что это очень весело.

Прощай, Герцен мешает писать, говорит чуть не плача: «Она не дает нам поужинать». И заметь, что он не голоден.

Не забудь рассказать — да кому? ну хоть Саше, что девочка, когда вырастет, скажет брату: «Мы родились в один день, заплати за меня».

¹ крепость (нем.). — *Ред.*

У нас с тобой лафатеровская струна не совсем хороша. Наивная горничная — воровка, да так-таки просто вещи берет — будто русский вице-губернатор.

Чем больше думаю, тем больше убеждаюсь в необходимости, чтоб ты написал Писемскому.

269. А. А. ГЕРЦЕНУ

16 (4) июня 1862 г. Вентнор.

Саше.

16 июня. Ventnor.

Сегодня я встал в седьмом часу — первый хороший день. Что за безумие, что мы живем в Лондоне! В тишине можно бы больше работать. Через час или полтора мы едем в Cowes, завтра думаю вечером ехать, ночевать в Соутамптоне и явиться к вам в среду утром — если б воля да ум, остался бы в Seven-oaks на месяц. До какой степени мне досадно и жаль, что Огарев уехал, это нельзя сказать, — ну хоть бы один день. Кстати, что его нарыв на щеке?

Я думаю и думаю о твоём последнем письме — сегодня писать некогда — сборы — безвыходная история счетов и обманов — Вентнор не то, что был. А ведь я до сих пор не могу надивиться, как ты мог нанять эту скверную квартиру, хотя бы и на одну неделю.

Полагаю, что писать уж будет не о чем, и потому всех вас обнимаю.

Как идет дружба у Таты с М^{ше} Одеколонь?

Малвиде кланяюсь. Ольге привезу отрывок змеи.

Здесь в доме ограбили нас, как в лесу, — далеко превосходит многое из лондонских пен. — Хозяйка составила счет за *неделю* (без вина, содовой воды) в слишком *15 фунтов* и, разумеется, пригнала все это к тому, когда садиться в карету.

270. А. А. ГЕРЦЕНУ

16 и 17 (4 и 5) июня 1862 г. Коус.

Понедельник — 10 вечера.

Cowes. Gloucester Hôtel.

Не знаю, что Гарибалди, но такой прогулки не удастся часто видеть — здесь теплое лето, а мы-то корпим черт знает где. Вероятно, у нас будет вечный спор с Ог<аревым> — он будет иметь море и звезды внутри, а я снаружи. Он меня упрекать в эпикурействе abroad¹, я его в свинце в abdomen². В Соутамптоне мне сказали ехать на Cowes и надули, из Рейда ближе.

¹ во вне (англ.); ² внутри (англ.). — *Ред.*

Теперь я в пурпарле о цене, сдерут вдвое, — если же ждать железной дороги (каково развился Wight), то потеряешь часов шесть. Вероятно, оттуда я проеду в Рейд. Билет return¹ я не взял. А Чернецкому не забудь сказать, что express в Surbiton'е не останавливался — и я был бы flambe². Не понимаю, как Natalie не нравится здешний островок (Англии уголок), я нахожу, что это одно из лучших мест.

Ограбили, и я еду за 23 шилл.

7 часов утра.

Еду сейчас. Ночь спал скверно. Засим прощайте.

271. И. С. ГАГАРИНУ
19 (7) июня 1862 г. Лондон.

19 июня 1862. Orsett House.
Westbourne terrace.

Позвольте мне от души вас поблагодарить за присланную книгу П. Я. Чаадаева. Если я не сделал это прежде, то могу защититься английским alibi — я нашел книгу вчера, возвратившись с Isle of Wight.

У меня есть два экземпляра большого портрета — и потому позвольте мне отказаться от предлагаемого вами.

В русской журналистике переворот. Дозволено явно нападать на «Колокол», печатать статьи против нас. И это не все — полемика «Север<ной> пчелы» и «Совр<еменника>» по поводу университетского дела идет возрастая в смелости. — Пожары непонятны, — нам видно одно зарево издали.

Книги Чаадаева я не успел еще прочитать — еще раз благодарю за это истинное удовольствие, доставленное мне.

Душевно преданный вам

Ал. Герцен.

272. Е. В. САЛИАС де ТУРНЕМИР (приписка)
19 (7) июня 1862 г. Лондон.

Позвольте и мне поблагодарить вас за русские гостинцы.

273. Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧУ
20 (8) июня 1862 г. Лондон.

Милостивый государь,
Николай Александрович!

На письмо ваше, в котором вы спрашиваете мое согласие на из<да>ние моих сочинений, напечатанных в России, честь

¹ обратный (англ.); ² пропащим человеком (франц.). — Ред.

имею уведомить вас, что я совершенно согласен на ваше предложение. Следующие деньги, т. е. 10 процентов с получаемой от продажи суммы, предоставляю моим дочерям.

Уведомляя вас, милостивый государь, честь имею пребыть
вашим покорным слугою

Алекс. Герцен.

8/20 июня 1862.

Лондон.

Орсет Гаус. Вестборн Террас.

М. г. Николаю Александровичу
Серно-Соловьевичу
в С.-Петербург.

274. Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

21 (9) июня 1862 г. Лондон.

21 июня. Orsett House.

Что за кашель у Лизы? И получили ли пояс и лепешечки — вчера я послал. Послали мы также и ипекакуанный рецепт. — Пиши же тотчас о кашле.

Я сбит с ног. Портрет, Голынский (который дал 1000 фр. для Б(акунина)), Браницкий, Клячко, русских без числа¹ — письма, статьи... М^{ме} О'Коннель — замечательный талант, если б она могла Тате передать свою деятельность! — Она толстая, à la Tatiana Petr(owna), дама лет 40 — и жива и работает 10 часов в день. Вчера был первый сеанс — от 1/2 9 до 12, сегодня второй — и еще два. Когда я вчера взошел, она едва выслушала — два слова — и отвечала: «Je suis très heureuse de faire votre portrait — veuillez vous asseoir un peu à droite, — c'est cela — commençons»². С последним ударом кисти она говорит: «Vous êtes libre»³ — и идет. Рисует с смелостью страшной.

С Писемским и Коршем — были сильные и сильно неприятные объяснения. От Кавелина длинное письмо — добродушное, его жаль. Но остальные

«... с богом, в дальнюю дорогу».

M^{selle} Meys(enbug) печалится о том, что Мошелес и О'Коннель говорят решительно, что делать Тате нечего в Италии, а ехать или в Париж или в Антверпен, а О'Коннель — просто прибавляет, что и в Лондоне есть все средства.

Мне от этого не легче, потому что все так же впереди туман.

Трюбнерова квартера оказывается целым домом — с садом; на сей раз Тхорж(евский) ничего не отыскал. Погоди

¹ Даже Жемчужников и Рубинштейн.

² «Я очень счастлива писать ваш портрет — будьте любезны, сядьте немного правее, вот так — начнем» (франц.); ³ «Вы свободны» (франц.). — Ред.

еще немного в Cowes. Кельсиева поедет тоже в Cowes — ты могла бы выспросить о квартирке — она будет с нянькой, и им довольно двух комнат.

Погода здесь ужасная.

Пожары в России идут своим чередом. Ждем газеты всякий день с трепетом.

Прощай. Лизу крепко — так ей и скажи — очень крепко целую. А что девочка и недевочка?

Об мантилье Лизы — мы напишем, ты лучше не пиши, письмо ее хозяина ужасно грубо. (Что ты ей сказала такое?) А ведь если она не лжет — хороши и вы все, что не нашли мантильи.

Пишите о здоровье Лизы.

275. Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

26 (14) июня 1862 г. Лондон.

26 июня. Orsett House.

Сегодня на дворе посветлее и на душе попокойнее и как будто посветлее. Телеграмм пришел в самый обед. Посмотри же, Natalie, как легко тебе было на первый случай — все обделать с dur — на mol. Саша мне говорит, что очень хочется съездить в Cowes. И мы начинаем пособирываться.

Тата вчера и третьего дня лежала весь день и вечером только сошла, потому что Рубинштейн играл на клавикордах. Стало, платка не купила — а сегодня она купит, и я сегодня же пошлю его. «Грибуля» — если найду, а «Робинзона» куплю сегодня же.

Портрет остановили (она делает Брайта и Em. Girardin), он как картина — приводит всех в восторг (вид свирепый) — да, всех без исключения. Жемчужников говорит, что это chef-d'œuvre — оставлю его для детей, а, чай, меньше 1000 фр. она не возьмет — вот на старости лет и я дураком стал.

Мейзенб<уг> отдал 3 фунта — за дорогу немки.

Тата пошла за платком. «Грибуль» найден. Все будет отправлено — но придет ли завтра, не знаю.

Мнение Галле — в пользу Италии, но именно ехать в Рим.

Посылаю тебе стихи Ольги — уморительные. Между прочим, я должен сказать, что — несмотря на все шалости — она идет сильно вперед и натура богаче всех.

Огар<еву> хотелось бы в Sevenoaks — вот бы тебе переехать (наша квартира занята уже Биггсами). В S. John's Wood'e решительно нет домов. Тебе можно на один месяц (если находишь хорошим и удобным) остаться в Cowes (перестань толковать о расходе — 7 фунт. найдутся, и их довольно). Теперь я решительно могу сказать, что мне скоро можно будет приехать.

Я видел сегодня во сне Лизу и мальчика, и будто он ужасно ко мне ласкался. — Лиза остается для меня — отдых и пол всей поэзии.

Может, сегодня же напишу еще.

Флиг(ель)-адъют(ант) Ростовцев (сын Як(ова) И(вановича)) — арестован, и несколько офицеров.

276. Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧУ

6 июля (24 июня) 1862 г. Лондон.

Рукой Н. П. Огарева:

Давно не удавалось побеседовать с вами, дорогой друг. В минуту жизни трудную — мы как-то разобщены и коротенькие вести *недостаточно* дают пищи для людей, жаждущих подробностей. Но минута жизни трудная, покачавшись из стороны в сторону, пройдет к осени. Чуть ли даже не так досконально пройдет, что и вовсе заглохнет без следа. Что же останется? Останется общий фонд — не минуты, а години трудной. Мне кажется, что уяснить необходимость земского собора становится делом обязательным. Губернские земские думы, о которых пророчат к тысячелетию, успокоив умы на полгода, дадут новый элемент удобства в выборах и опять приведут к необходимости земского собора. Состоится ли он? будет ли он сам чем-то переходным или действительно организует — как знать! Но я думаю, что из всех последних событий вы убедились, что мое озлобление на литературную дрязгу не было слишком пусто; мое озлобление шло к тому, что я вообще в петербургской суете не вижу исхода. Тут нет живой жизни, нет построения будущего и нет места для коренного движения и преобразования. Опять прихожу к моей теме, шепчу и кричу ее вам в уши, чтоб она неотступно вас преследовала: живая жизнь в провинциях; если у вас нет корня в провинциях — ваша работа не пойдет в рост. Я даже рад, что Петербург не в силах ничего сделать, потому что все, что он ни сделает, будет иметь результат только тот же — отмену провинций. Уясняйте д(ель) — провинциям, ищите друзей в провинциях. Вы только в провинциях встретите народ, а не мешан-извозчиков, для которых всего менее понятна коренная цель — земской земли.

Мне жаль молодежь, которой я не обвиняю, потому что за молодость обвинять нельзя; это физиолого-патологическое явление, которое быстро проходит. Мне жаль и ваших мешан-извозчиков — они не виноваты. Рознь верхушек и <народа> слишком велика, чтобы понять друг друга, и сближение их всего меньше возможно на невской набережной и Марсовом поле; оно возможно только при реках черноморско-каспийских.

Оставьте мертвым погребать мертвых. Работайте в провинциях.

Крепко обнимаю вас обоих. Вестей побольше — ради бога. — Н. золотая душа, преданная бескорыстно, преданная наивно до святости.

Кажется, речь о нашем здешнем восточном приятеле. Поклонитесь ему — это преблагороднейший человек — скажите ему, что мы помним и любим его.

Прилагаю офиц(иальное) письмо, — если оно не так написано — я готов написать и другое, 10% я поставил зря — уменьшайте и увеличивайте — делайте как знаете.

Чтоб не забыть — прибавлю еще маленькую просьбу. Если вам нельзя — любезный друг — самим приезжать с письмами, то пишите их так, чтоб можно было хоть половину разобрать. Мы мучимся день целый, и то не всегда удается. Вместо воскресных школ я становлюсь воскресной школой. Да вы не сердитесь.

А какова «Современная летопись»? Вот я вам вылупил из хризалиды Каткова и Леонтьева.

Если скоро будет оказия, напишите. Знаете ли вы Г. Перетца — он, кажется, очень хороший и образованный человек.

Дайте вашу руку. У меня сегодня очень болит голова — и потому написал один вздор. — Прощайте.

Мы готовы издавать «Современник» здесь с Чернышевским или в Женеве — печатаем предложение об этом.

Как вы думаете?

На конверте: Николаю Александровичу.

277. Е. В. САЛИАС де ТУРНЕМИР

8 июля (26 июня) 1862 г. Лондон.

Рукой Н. П. Огарева:

8 июля.

Много прошло времени, с тех пор как я получил ваше письмо из Спа. Я успел побывать и на Isle of Wight у семьи, успел воротиться в Лондон и работал во все лопатки. «Колокол» я вам послал. Скоро пошлю другой, где вы найдете статью Герцена, лучшую его статью, которая может послужить вам ответом на ваше письмо к нему. Слабые вы люди, старый друг мой, фантазирующие человечество по своей фантазии, называющие «неблагодарною землею», — землею, столько зол взрастившую, столько беззаконий терпевшую, столько крови пролившую» (это из вашего письма ко мне): как будто есть где-нибудь земля, в которой бы история шла иначе, не путем безумий и кровопролитий, а каким-то углаженным шоссе, — не результатом борьбы и столкновений элементов и сил, а какой-то наперед рассчитанной канителью! Вам горько, что стадный и плотоядный зверь кровожаден, да и мне горько, только что это факт, против которого мы бессильны; все что мы можем делать — это настолько разьяснять вопросы, чтоб взгляд на вещи становился яснее и борьба достигала бы цели определеннее, следственно легче, следственно мягче. Но удастся ли когда-нибудь изменить физиологические построения породы так, чтоб понимание было развито у всех настолько, чтоб можно было *столковаться* о лучшем общественном устройстве, прийти к всеобщему сознательному *contrat social*¹, — этого я не знаю, да и никто не знает. Стало, ожидать, чтоб ход развития человеческого вообще, и русского в особенности, катился по маслу — было бы несбыточной утопией. Личной задачей остается — не терять сочувствия к страданию и не пугаться перед совершающимися событиями. Что вы будете дальше делать, когда обстоятельства станут все резче и резче ставиться острыми краями друг к другу — а предотвратить этого нельзя, даже ударившись в чичеринскую централизацию, — что вы станете дальше делать, когда вы пугаетесь пустой прокламации и обычного огня и готовы перейти к обвинительным актам

¹ общественному договору (франц.). — *Ред.*

Катковых, которые лезут присоединяться к обвинительным актам 3-го отделения? Стыдитесь, старый друг мой! Имейте храбрость смотреть действительности в глаза, не создавая себе утопии истории в виде подушки, набитой клыками плотоядного зверя, но мягкой как пуховая.

Не видел я эффекта, произведенного троицей на Лизу. Посылаю вам письмо Натали об этом, которое получил вчера. Надо вам сказать, что я троицу достал только в конце прошлой недели, показал Ольге; Тата подклеила головки и отправили мы троицу в Sowes. Вы говорите о маленьких детях как о кусках мяса. Позвольте: другая дочь — Елена — имеет такой умный вид, что я не надивлюсь на нее, точно большой человек в маленьком размере. Мальчик поплосше, но добродушен и влюблен в сестру; а та — как следует большому человеку — сама по себе и не замечает.

Вот и ваша Оля идет замуж. Скажите ей, что я искренно желаю ей счастья. Какой же это Жуков? Знаете ли вы его? Есть ли вероятности жизни сердечно спокойной?..

Кстати, к Жуковым, друг мой. О своих деньгах вы не хлопчите, если через три месяца около — отдадите, то мне будет ко времени. Но не удался ли вам стянуть с Жуковых 2500 руб. ассигн<ациями>, которые они мне должны? Не говорю о процентах; но за капитал ручался ваш отец, я ради него и дал займы, и ради него никогда не протестовал. 10-летняя давность по закону прошла, а по правде тут давность ничего не значит. Если можно — стяните, это мне бы очень кстати пришло.

Ну, прощайте — на скверном месте письма зовут завтракать. Не хотел бы я останавливаться на денежных отношениях — но голод и время заставляют кончать. Жму вам руку.

Ваш О г а р е в.

Есть ли у вас последний выпуск «Полярной звезды»? Если нет, то я пришлю.

Благодарю вас за ваше письмо, странное дело, что я его получил именно в то время — как писал для «Колокола» на него ответ, — исправнее нельзя и быть, как писать длинный ответ за день до получения. Вы увидите в нем (стат<ья> под заглав<ием> «Молодая Россия и старая Россия» — в след<ующем> листе) наше глубокое мнение и откровенное — и о юношеской запальчивости и о эпидемическом страхе.

Мне Клячко говорил о подобном переводе Пиотровского и друг<их> — о том же переводе вы пишете или нет? Трюбнер не хочет издавать — издавать на свой счет мы не можем. Но сделаем все возможное для облегчения или сбыта. — Бакунин далеко не так Гракх Бабёф, как вы думаете, — да если б и так было, на меня ни он, ни кто другой не может иметь влияния — в направлении. Ведь мне 50 лет.

Потрудитесь справиться на почте о «Колок<оле>» от 1 июля — там статья «Юнцы и начала» по поводу «Отцы и дети» и Тург<енева>.

278. В. В. СТАСОВУ

10 июля (28 июня) 1862 г. Лондон.

Я был у вас, чтоб сказать, что я еще здесь и еду, вероятно, в воскрес<енье> утром — на неделю.

11 июля (29 июня) 1862 г. Лондон.

Любезный Сатин, отъезд твоего племянника дает мне случай пожать твою руку — и не сердись — и спросить тебя: ты сломал или нет жезл над нами, грешными, за нечестивые слова наши? Если нет — как я думаю — беги Москвы, тебе там тяжело будет. — Помнишь ли ты, как года три тому назад мы с тобой шли по Regentstr<ee> и ты удивился моему злобному тону о бывших друзьях? Теперь и его нет. Для меня Кетчер, Корш — это догнивающие трупы чего-то близкого; клеветы Чичерина, приятели Павлова — абсолютисты, они заставляют меня краснеть за бывшее. — Беги Москвы, если не имеешь твердой воли — разорваться с ними или дозволить при себе обругивание нас... Пусть благодарное сердце твое спасет тебя от этих крикунов риториков, довольствующихся шутом в кофейной и попойками à propos de bottes ¹. А тут еще всякая гнида à la Stankevitch jun<ior> ² и от природы глупорожденный кривец Мельгунов. — Что за скотный двор — в котором Катков боровом, а Леонтьев — филологом.

Мы идем нашей дорогой — с О<гаревым>, не сбиваясь с нее, идем так же, как шли в 33 году, 43 ... 53 и как пойдем в 63; люди становятся меньше нужны — с Грановским умерла Москва, а может, это счастье для Грановского, что он умер.

Вот это-то было у меня на душе — тебе сказать.

Вер<оятно>, тебе О<гарев> или N<atalie> писали, чтоб ты немедленно отдал 16 фунт. ст. Mme Clermont, — мы их получили от Краффорда.

Я делал для Б<акунина> подписку — отовсюду прислали, кроме Москвы, иной раз не мешало бы напомнить Мел<ьгунову>, что он упорно мне ничего не платит.

Что твои дети? — Им пошли недавно книжки и мелочи от N<atalie>. Дошли ли?

Прощай.

Рукой Н. П. Огарева:

Ну, едва ли придется сказать что-либо путное; по обычной привычке берешься за перо в ту минуту, как посылать письмо. Стану валять через пень-колоду что в голову придет; все это время был завален работой, это только отчасти и извиняет меня, что раньше не написал. Натали с детьми на острове Уайт; Саша с Татой там же. Я поеду послезавтра. Дети необычайно милы. Лиза остается моим фаворитом, но Лёля до такой степени имеет гармонично умную физиономию, как большой человек. Мальчик растет, но развивается ту же, должно быть, лет до семи будет

¹ ни к селу, ни к городу (франц.); ² на манер Станкевича-младшего (франц.). — *Ред.*

глупей других. Все здоровы. Здесь только не совсем здоровы — у Оли с вчерашнего дня ветряная оспа, от этого мы и не все вместе можем ехать на остров. В городе душно, теперь толпа еще больше и отвратительнее. Французы черт знает что такое — какая-то печать проклятия на лицах. Хочется домой. Но когда...

С письмом моего associé¹ совершенно согласен. Такие теоретические размовки — уже не размовки, а разрыв, где внутренне глубоко уносишь чувство печали и презрения, а наружу можно выступить только с словом ненависти и проклятия. Тяжело должно быть тебе, друг! Тут уж дело пойдет о личностях, где оба могут быть правы или один только, но где примирение возможно; тут приходится отстаивать правду или идти в измену. Я слишком уверен в тебе, что ты не пойдешь в измену, как бы ни сильна была и сентиментальность сожалений и действительная привязанность к лицам. Я знаю, как у тебя и то и другое сильно, а потому мне вдвое больнее за тебя, потому что тебе вдвое тяжело.

Но оставим похороны. — Отчего ты так редко даешь о себе вести? Отчего никогда ничего не скажешь о родной местности? Напрасно стараюсь воссоздать в воображении далекие события, ваше положение, вашу деятельность — ничего не могу сообразить. Одно бы живое слово, т. е. хотя писанное, но живое, и я бы знал и вздохнул бы свободнее...

Целую детей и стариков, целую вас средних. Помните нас... Жаль, что Натали не успела написать при сем. Впрочем, она может скоро вознаградить другим случаем.

Ну — прощайте! Руки ваши...

280. Н. П. ОГАРЕВУ

17 (5) июля 1862 г. Лондон.

17 июля. Orsett House.

Мне ужасно досадно, что от вашей фермы переписка затруднена. Картинка была послана в субботу утром (вероятно, в Rosemunds). В понедельник утром письмо из России, из Гейделберга и «Nord», вечером поздно — пакет от Чернецк<ого>. Вчера письмо и «Nord» — и фунт табаку. Вероятно, есть контора Parcel Del<ivery>², — справьтесь.

Ольга почти совсем стала на ноги, т. е. сегодня первый раз выходила в сад — бледна, как воск.

Вчера был Достоевский — он наивный, не совсем ясный, но очень милый человек. Верит с энтузиазмом в русский народ.

Теперь сплетни. Мартыянов, избранный судьей по делу новой статьи Бакунина, сказал мне, что статья очень хороша, что ее напечатать следует — во-первых, чтоб защитить Бак<у>нина от нареканий, во-вторых — что он, наконец, имеет право высказаться как он хочет, без постороннего влияния. Предв<а>рительно Бакунин меня известил о сем триумфе, и, между прочим, запиской, написанной в очень странном тоне. Говоря о каком-то поляке из Парижа, он добавляет «высокомерие»,

¹ товарища (франц.); ² выдачи посылок (англ.). — *Ред*

с которым я принимаю, и «презрение» его рекомендац(ий), лень и пр. Я действительно не подал ему повода на такой тон — и потому отвечал ему просто, что я думаю — тут ошибка, что мы вовсе не так близки и что я никому и не навязываюсь. Все это было вчера — и он не был.

Пришел последний «Современ(ник)» — ничего нет, и «От(ечественные) зап(иски)» — их не смотрел.

В газетах ничего. Только французс(кие) газеты говорят — Константинополь освободит Варшаву. — *Ceci tuera cela...*

Мак-Клееллан разбит. — Теперь известны все подробности. Может, придется мне съездить самому за Море-Киан.

Нефталъ сегодня не был. Я посылая за рецептом, его дома не было. Как получу, пришлю.

281. Н. П. ОГАРЕВУ

17 (5) июля 1862 г. Лондон.

17 июля.

Разумеется, ты прав — но все, что ты написал, как оно ни грустно — а не ново. А разве я тебе не писал из Ventnor, что мы С(ашу) научными требованиями мучим. Насчет Т(аты) ты меньше прав — она не сложилась и имеет много элементов для того, чтоб было во что сложиться. Для этого нужна *женщина* — где она? Тут ни Natalie, ни Мейз(енбург) ничего не сделают. Natalie — потому что она вся обращена на личное. Мейз(енбург) поражает меня благородной смутностью и бестолковостью... она идет до того, что С(аша) и Т(ата) видят это. Больно, досадно, но *pas de remède*¹, — вынесет натура — хорошо... способствовать надобно.

Твое влияние сильно и кротно. Застенчивость, робость (в этом отношении) — попущение, *laisser aller*². Я действительно не думал, чтоб ты был в состоянии давать уроки — захотел и даешь. Какой-нибудь час или два серьезного разговора в *неделю* — очень важно. Инициативы ты не разовьешь — но известный диапазон благородства возможен... известная серьезность. Жизнь наша дурно устроена — она вся рассчитана для нас и устроена так, чтоб молодому поколению доставалось — *пищеварение, усталъ, вечером не расположен etc.*...

Да может иначе и нельзя — может, но тогда надобно аксептировать и все последствия. В частной жизни я печально смотрю вперед — никого нет виноватого, никого нет правого... Мы наиболее ответственные, дадим друг другу руку — на помощь всем. Вот и всё.

¹ нет лекарства (франц.); ² небрежность (франц.). — *Ред.*

А тут, когда ты вообразишь разорение (Mac-Clellan разбит совершенно), то и не один холод пройдет по жилам. Ты не знаешь, что такое разорение — не для одного человека, который фанатизмом и энергией себя поддерживает, а для нескольких разнохарактерных элементов. — И прощай.

Думать нечего, чтоб я остановился на ферме — я остан^юлюсь просто в Cowes.

На обороте: Николаю Платоновичу.

282. Н. П. ОГАРЕВУ

19 (7) июля 1862 г. Лондон.

19 июля.

Пишу несколько строк. В понедельник еду. Скажи Лизе, что я ей везу такой гостинец, такой гостинец, сверх стола и стульев, что она так и ахнет.

Ну отгадайте...

— Ну Тата...
Ну Ага...

Кто отгадал?

Посылаю «Теймс» — finis M. Clellan'a. Посылаю в «Теймсе» «Вече» с заметками Мартьянова — и письмо и ответ Кельсиева. Ссора кипит — Михалархангел потеет, Албертини — сконфужен...

В «С.-Петер^ббургских» вед^омостях» говорят обо мне и о Кельсиеве. У меня был вор, обокравший казначейство — как товарищ по службе. Я его принял, как Панин — Тома Пуса.

Ольга вчера весь день пролежала с сильнейшей головной болью.

283. Н. П. ОГАРЕВУ и А. А. ГЕРЦЕНУ

30 (18) июля 1862 г. Коус.

30 июля. Furzehurst.
Cowes.

Огарев! Прошу тебя тотчас после получения письма (хотя бы в рабочее время) поговорить с М. Meysenb^ug. Она мне написала глупое, грубое и ничем не вызванное с моей стороны письмо. Она рассердилась за то, что я не тотчас посылаю Тату к Галле. Скажи же ей, что *ведь он вовсе еще не согласен* давать уроки. С чего она выдумала, что я к нему писал... (ей-богу, все это идет от утеруса — да и я утрюсь — черт с ним). Она грозит, что уедет в пятницу и никогда не воротится в дом (я этого здесь не говорил), требует, чтоб я приехал в четверг, говорит,

что я ее компрометировал перед Галле. Ты ей скажи умно, что это глупо. — Я упрямиться не стану.

Что за бессмысленные письма вы прислали Ануфриева — для этого надобно плетть.

В другом письме, при котором 20 ливр., написано: «Передайте письмо (оно у ме<ня>) Кельсиеву — да посоветуйте ему быть меньше болтливым».

Прощай.

Голицына концерт в Париже возведен в «С.-Пб. ведомостях».

Саша, я не пишу тебе особо. Учитесь у Мошелеса — учитесь у него три раза. Я действительно взбешен письмом Мейз<ен-буг> и всем остальным. В пятницу буду.

Прощай.

284. В. В. СТАСОВУ

4 августа (23 июля) 1862 г. Лондон.

4 авгу<ста>. Orsett House.
Westbourne terr<ace>.

Ваше письмо пришло ко мне как манна божья — я жажду вас видеть, говорил об этом в субботу нашему обезвласенному Станиславу — и сегодня получено письмо, наполненное петербургскими труфлями. И я кое-что вам скажу: все, разумеется, гадко, — каков наш Митрофанушка-Нерон с своими потапленниками?

Я здесь с пятницы (меня в Лондоне задержала болезнь моей дочери — дни четыре тогда).

Будьте вполне благодетель — приезжайте завтра — в вторник — обедать в 7 часов; если нельзя, черкните строчку — и назначим другой день. Кроме Огар<ева> — никого не будет.

Весь ваш

А. Герцен.

285. В. В. СТАСОВУ

9 августа (28 июля) 1862 г. Лондон.

9 авр<уста>. Orsett House.
Westb<ourne> terr<ace>.

Наши польские корреспонденты прислали нам лист имен, означенных на границе, которых при возвращении будут задерживать. Лист начинается *вашим именем* — и кого, кого там нет: Рубинштейн и Жемчужников. Лист этот поляки уже послали в «Czas» — я его напечатаю в «Колок<оле>», в «Opinion Nationale» и в «Daily News».

Воскресенья и среды надобно приостановить — приезжайте сегодня или во вторник вечером — но не завтра. Шпионство усилилось — до наглости.

Весь ваш
Ал. Герцен.

286. Е. В. САЛИАС де ТУРНЕМИР

21 (9) августа 1862 г. Лондон.

21 августа 1862. Orsett House.
Westbourne terrace.

Оба письма ваши мне доставлены — но ни предисловия, ни перевода еще нет. Гораздо дешевле будет печатать в другой типографии (т. е. не в Лондоне). Если вы желаете, я могу узнать. Тот ли это перевод, о котором мне говорил Клячко, или нет? С предисловием все будет сделано — и я уверен, что тут нет причины беспокоиться. — В России террор — но ведь его надобно было ждать. Страшно больно, что С^{ерно}-С^{оловьевича}, Чер^{нышевского} и других взяли — это у нас незакрывающаяся рана на сердце, — но дело не останавливалось, но вопрос ставится — и если он поставится, то именно на той почве, на которую ставит Огар^{ев}, — либеральная партия, которая не сумеет на нее стать, будет раздавлена между двумя колесами.

Брань Каткова я знаю по статейке Бени в мою защиту — «Рус^{ский}» вест^{ник}» еще не пришел сюда. Это меня не заставляет худеть — а Каткова я обличил для пользы отечества. — Он получил, говорят, перстень.

Видели ли вы каннибальскую статью в «От^{ечественных}» зап^{исках}» (июнь, «Все и ничего») и ирокезскую в «Пет^{ербургских}» вед^{омостях}» — Ильи Арсеньева? Что же делать правительству — когда есть такая литература. Я правительство считаю за злое бессмыслие — без направления наедет, задавит — а эти?

Что же против них не восстает общественное мнение, Краев^{ский} не бог знает какой барин.

Много и много благодарю вас за копию с портрета.

Рукой Н. П. Огарева:

Благодарю вас, старый друг, за письмо и за *письмы*. Получили ли вы мое письмо, посланное в один день с «Колок^{олом}»? — Тысячу раз благодарю за письма; довершите благодеяние — пришлите стихи из писан^{ных} к Д. — В год случается месяц досуга, где я вспоминаю прошедшее и пишу... ей-богу. — Прощайте.

287. И. С. ТУРГЕНЕВУ

22 (10) августа 1862 г. Лондон.

22 августа 1862. Orsett House.
Westbourne terrace.

Я твоему письму был очень рад и хотя ни минуты не сомневался, что ты не можешь апробовать говнословие Каткова — но все же весело было прочесть. Я еще не удостоился прочтения «Рус<ского> вест<ника>», но статью Бени в «С<еверной> пч<е>ле» видел. Если б твое письмо пришло днем позже — то в «Колоколе» была бы статья (уже набранная и поправленная). Caro mio, не бойся в сущности за наши акции (вот за мои Disunited States 6% бойся) — мы идем тем же путем, — и две статьи мои о «Молод<ой> России» имели большой успех.

Читал ли ты ряд моих посланий к тебе («Концы и начала») — доволен ли ими, али прогневался, — прошу сказать.

Посылаю прошлый лист и тотчас пришлю завтрашний — да и подожду ответа.

Все — даже Петр Влад<имирович> Дол<горуков> — здоровы.

288. В. В. СТАКОВУ

5 сентября (24 августа) 1862 г. Лондон.

5 сент<ября>. Orsett House.
Westb<ourne> terrace.

Очень благодарен за ваше письмо — тем больше что наконец я убедился, что перец чист. — Странное дело для перца, что не он щипал наш язык — а наш язык пощипал его. В Петербурге вы его непременно оправдайте. — Думаю, что вы совершенно правы в мнении о Брюллове, — а может и об Иванове. Но мне кажется, что вы не совсем поняли, что я писал (в «Колок<оле>») и Огар<ев> (в «Поляр<ной> звезде») — об Ив<анове>. Мы говорили о его высоко честном стремлении, а не о совершенном им. Вы тоже в письме говорите о будущем искусстве (и у Вагнера музыка в будущем или будущего) и об условиях его. Я согласен с вами — но уверен, что есть другие социальные, бытовые условия в западной жизни, которые не допустят развиваться искусству — или сами распадутся — и тогда изменится весь быт. В этом-то вся антиномия, вся скорбь современная. Мало ли на что есть элементы.

На этом месте — случилось престранное происшествие. Вчера по поводу письма вашего зашел с Огаревым разговор —

и он вам написал диссертацию. От нее я отодрал или отрезал четвертушку, резавши другую бумагу. Отрезанная $\frac{1}{4}$ лежала тут же, а теперь не могу ее найти. Ну там было о том, что великие произведения искусства совпадают с великими общественными движениями, с великой верой в религию или верой в скептицизм (Гомер, Дант, Шекспир) — нынче нет ни великой веры, ни великого отрицания.

Затем — прощайте. А пророс вам как неумытно-свирепому критику я делаю вопрос: неужели вы скажете, что не ясно, не полно силы и энергии письмо об общинном владении и 1-я статья 2 листа «Веча»? Или я совершенно исказил свой вкус...

Я послал, разумеется, в «Hôtel de Louvre» последний лист «Колокола».

С первым, кто поедет, я пришлю рукописи — сколько найду.

Гаевскому поклон. Узнайте, т. е. не забудьте узнать, о добром подслушивателе в Лондоне.

Прощайте. Давайте нам ответ на художественные вопросы, затронутые письмами.

Весь ваш
А. Герцен.

289. А. А. ГЕРЦЕНУ и М. МЕЙЗЕНБУГ

16 (4) сентября 1862 г. Лондон.

16 sep<tembre>.
Orsett House. W<estbourne> terrace.

Несмотря на то что ты послал письмо в $7\frac{1}{2}$ в понед<ельник>, оно все-таки пришло во вт<орник> в 9. Бумагу послали, не верю я, чтоб бумаги и физики не было в Рейде. Не знаю, успею ли до 6 купить — жду двух русских.

Табак пришлю — ты знаешь ли, что Галле madame ненавидит табачный дым?

Да это истинное счастье для вас — и за это вы должны благодар<ить> Мальvidу (кланяйся — ну и ты... татата — пониже, еще). Неужели ist es möglich, daß Sie — sollte es nötig sein — nicht für 2 M<onate> nach Bruxelles gehen werden? I cannot believe!

Siegel — geschlagen.

Pulszky — frei.

Gabo, Drasch, Krimp, Fretch — sehr zufrieden.

Was soll ich für eine Niederträchtigkeit machen, um von meiner Seite eine schöne und dankbare Seele dH<errn> Cal-lait zu zeigen?

Ich will in der *Glocke* ihn als Kandidaten zum Marechal v(on) Kostroma proponieren¹.

Адье-с. Прощайте.

Рукой Лизы Герцен:

Olga тебе

Рукой А. И. Герцена:

кланяется. Это Лиза.

290. И. С. ТУРГЕНЕВУ

22 (10) сентября 1862 г. Лондон.

22 сент(ября). Orsett Ho(use)-
Westb(ourne) terrace.

Отчего же ты не пишешь? А я-то тебе
письмо третье
письмо четвертое
Post scriptum
Poste restante
Беликий пост.

Ответы жду — но как же скрыть, кто писал «из унги Леона».
Рекомендую тебе превосходного человека — Лугинина, очень
дельный и энергический человек, поговори с ним насчет адреса.
Мы согласны.

Прощай.

А. Герцен.

291. Н. А. ГЕРЦЕН

15 (3) октября 1862 г. Лондон.

Рукой Н. П. Огарева:

Вторник.

Милая моя Тата, насилу-то добрался до спокойной минуты, чтоб написать тебе несколько строк. Ты знаешь, что моя полуздоровая жизнь проходит довольно однообразно в работе, которая поглощает большую часть моего времени, все мысли, всю внутреннюю жизнь, так что я в сущности был для тебя плохой собеседник, и встречались мы на недолгие часы дня, а тут уже я бывал усталый и редко веселый товарищ; а между тем с тех пор как ты уехала — для меня как-то опустело в доме, недостает

¹ возможно, что вы — если будет нужно — не сможете приехать на 2 месяца в Брюссель? Я не могу поверить! Зигель — побит. Пульский — свободен. Габо, Драш, Кримп, Фреч — очень довольны. Какую бы мне сделать подлость, чтобы со своей стороны показать господину Галле прекрасную и благородную душу? Я в «Колоколе» предложу его кандидатом на пост костромского маршала (нем., англ.).— *Ред.*

в нем настоящей молодой, изящной жизни. И невольно начинаю думать о тебе, как-то ты устроишь свою молодую жизнь. Думаю о том, чем я могу быть тебе полезен, что я бы мог для тебя устроить, — и досадно на себя становится, что кроме внутренней, неизменной дружбы к тебе — я так мало мог и могу послужить для твоего развития, для твоего счастья, для мира и света твоей жизни. Одно знай — что ты всегда имеешь право требовать от меня совета и помощи и всего сердечного участия, которое может иметь отец, потому что ты для меня настолько же мое дитя, как и для Герцена, и он для меня настолько же я, как и я сам.

Я ужасно рад, что тебе там хорошо и весело, и тем больше рад, что ты там много работаешь. — Вдумывайся в искусство, люби свою работу, люби с той же преданностью, как христианин любит свою веру. Когда тебе Johanna предлагала быть живописцем! vom Fach¹ — мне было смешно, а тебе в этой мысли показалось что-то нескладное. Дело в том, что vom Fach можно быть всем на свете, не имея ни малейшей преданности к своему делу, а только наполняя им время, которое надо же чем-нибудь наполнить, или работая ради насущного хлеба. Я бы сказал — будь живописцем не vom Fach, а von Religion², найди в искусстве свою святыню — и тогда твоя жизнь будет невольно наполнена и горячим чувством, и живой мыслью, тогда твоя жизнь может быть изящным развитием служения твоему идеалу. А ведь без этого скучно в жизни, моя Тата, все покажется игрушками, которые надо менять, чтоб заглушить чем-нибудь невольное и тяжелое чувство страшной пустоты.

Но боюсь надоесть тебе моими старыми рассуждениями, да и пора возвратиться к моему делу, к моему служению моему идеалу.

Прощай, моя Тата, крепко жму тебе руку и целую тебя в лоб. Пиши, когда вздумается.

Твой А г а.

Середа.

Письмо твое, милая Тата, я получил и посылаю, во 1-х, *половинку* банкового билета в 10 фунт. (№ 23868 — 9 июля 1862), — когда ты ее получишь и напишешь мне, я тебе пришлю *другую половинку* — вместе они стоят 250 фр.; все, что ты истратишь еще — я с благодарностью отдам Mme Gallait, и беспокоиться об этом нечего.

Жаль мне, если твое пребывание в Брюсселе слишком скоро должно прекратиться. Лучшего руководства ты не можешь иметь. Пользуйся, друг мой, и работай до усталости — это тебе даст ту основу, на которой легко усовершенствовать, — сосредоточь все силы свои теперь на одном. После ты можешь продолжать везде, где есть галерея.

Посылаю тебе новый «Колокол».

Ольга ведет себя очень хорошо.

Отчего прежде ты писала № 72, а теперь 70?

Обнимаю тебя.

¹ по профессии (нем.); ² по духу (нем.). — Ред.

22 (10) октября 1862 г. Лондон.

22 окт<ября>. Вторник.
Orsett House.

Милая Тата, я чрезвычайно доволен твоим письмом к Огареву — доволен всем в нем — и теплотой чувства и пониманием. Доволен я и тем, что ты, наконец, поняла (и не много надобно было тебе времени на это), что всё же эти хорошие люди — люди *чужие*. Я знаю, что наша полумонастырская, полуклубная жизнь не может удовлетворить всем молодым потребностям — но поживши в ней, ты будешь чувствовать *тесноту* всякой другой жизни. Саша и даже Мейз<енбург> увлекаются наружным порядком. И я бы его любил — если б легко он доставался. Но он покупается очень дорого. Итак, друг мой, оставайся в душе русской девушкой и храни в себе это чувство — родства и сочувствия к нашей форме.

Второй пункт твоей религии да будет — искусство. Помни, что дни твоей жизни в Брюсселе сочтены. Лови каждую минуту и помни: этот случай не представится больше.

Кстати — приехать (если ничего не будет особенного) я готов. Напиши мне очень обстоятельно, когда, ты думаешь, мне надобно приехать. Конечно, если б можно было еще месяца два остаться (живши особо) — я привез бы Ольгу и Мейз<енбург> — напиши обо всем очень обстоятельно.

Отдай 2-ую половину, которую посылаю, М^{ме} Gallait с благодарностью — что еще я должен за тебя, приплю или отдам лично.

Ольга обижается, что ты ей не напишешь особого письма.

У нас все хорошо. Бакунин и беби — шалят. Лиза — очень умна. Обнимаю тебя — кланяйся Галле — я буду к нему писать.

Прощай.

Папа — не римский.

Рукой А. А. Герцена:

Милая Тата,
долго не получали известий от тебя; наконец вчера вечером пришло твое милое письмо к Огареву.

Папа в самом деле очень желает съездить за тобой сам; Dellepierre сказал ему, что пачпорта не нужно; я рад за него, потому что это будет ему развлечение на несколько дней, а при его постоянной работе это не лишнее. Поэтому я ему буду советовать ехать — как бы мне самому ни хотелось *проветриться*. Да, по правде сказать, я и не заслужил, не *заработал* этого.

Напиши письмо к Ольге. Она очень огорчается, что ты не писала к ней особо.

Обнимаю тебя. Кланяйся всем.

Твой Саша.

Le 22 octobre 1862.
10, Paddington Green. W.

Votre dernière lettre nous a vivement impressionnés. Ainsi, l'affaire est décidée et cette décision pourra amener un péril général. Que pouvons-nous faire? Jugez vous-même.

Faut-il que je vous dise que vous rendiez 25 000 hommes victimes de nos entreprises, c'est-à-dire qu'ils deviennent tous recrues militaires? Je ne puis en parler, tellement cela me paraît rebutant.

Et, en même temps, la nécessité de cette entreprise est si claire qu'avec une amère hardiesse je vous dirai encore pour la dernière fois ce qui me paraît très évident: faites des recrues; mais ne faites aucune démonstration pour laquelle il n'y a pas la moindre chance de succès. Les recrues dans deux ou trois ans s'émanciperont; partout où ils se trouveront ils tâcheront de s'attacher à l'affaire générale. En agissant maintenant d'une autre façon, vous tueriez ces pauvres gens comme des bestiaux et vous arrêteriez le mouvement russe encore pour un demi-siècle. Quant à la Pologne, elle périrait en ce cas irrévocablement.

Voyez ce qui suit: à Varsovie on a amené trois régiments de la garde Impériale. La Prusse, après avoir renversé la constitution, se jettera sur Varsovie au premier appel. Quant à la France, alors elle triomphe partout. De la part de l'autre partie de l'Europe, vous n'avez pas la moindre chance. Ainsi, que pourrions-nous faire? Nous vous disons que nous représentons la force de la propagande littéraire; que jusqu'ici nous n'avons aucune force pratique; que notre organisation est loin d'être prête; par conséquent — nous nous bornons, comme action, à des relations avec le Comité russe à Varsovie. — Nous lui dirons: «Soulevez-vous en même temps que les révoltés polonais à Varsovie». Mais, se soulèveront-ils? C'est encore une question. Vous-même vous dites que la Pologne agricole, ainsi que les paysans en Lithuanie, dispensés du service militaire, ne seront en état de rien faire. Avec qui donc pourra sympathiser le soldat russe, paysan avant tout lui-même, et qui aurait marché d'accord avec les intérêts des paysans et pas avec les intérêts des citadins? Ce n'est pas tout encore. Supposons que les troupes qui résident en ville se révoltent. Elles se convaincront instinctivement que l'affaire ne se terminera pas avec le renvoi du Gouv(ernemen)t Russe de Varsovie et qu'il faudra lutter contre les autres troupes. Par conséquent, il est plus qu'indispensable d'avoir chez vous un chef militaire. Y a-t-il un homme que le Comité de Varsovie puisse montrer aux troupes et qui, en leur disant: *Marchez!* obtiendrait

leur obéissance? Un tel homme nous manque. Par conséquent, de la part des troupes les chances sont plus que douteuses. Ainsi, vous n'agirez pas avec la Pologne agricole, mais seulement avec 25 000 hommes appelés au service militaire. Si ces 25 000 hommes étaient réunis en un seul corps de volontaires, cela produirait encore quelque chose. Mais, réfléchissez que ces 25 000 hommes sont épars dans les villes <de la> Pologne. Contre chaque groupe de ces individus il y aura de l'artillerie et une division. Supposons que dans une seule ville les soldats se rallient à nous et que dans une autre ville un autre groupe tire sur le peuple; il n'y a pas la moindre chance de rattacher tous ces hommes au peuple. Etes-vous encore sûr du chiffre de 25 000 hommes? Comment pourra-t-on les obtenir en ne prenant que 5 hommes sur 1000? Dans l'ignorance où nous sommes de toute force qui puisse vous seconder, nous agirions d'une façon ignoble en disant à vos officiers que nous ne pouvons soutenir: *Agissez, vous serez soutenus*. Si vous avez la moindre sympathie pour la liberté russe et si votre amour pour la liberté polonaise l'emporte sur votre douleur; si vous craignez de faire des victimes inutiles; alors je vous supplie de ne faire aucun mouvement, car il n'aurait aucun succès et mettrait les deux libertés en péril en préparant un nouveau triomphe au Cab<ine>t Tzarien. Savez-vous pourquoi la réaction triomphe toujours? Parce qu'elle joue en toute sûreté dans toutes les circonstances, tandis que nous, nous jouons au hasard. Avant que Mr Ogareff vous écrivît une lettre, nous causâmes longtemps ensemble; ainsi, je vous expose ses propres sentiments là-dessus. Croyez à la sincérité de nos sympathies. Mais, songez-y, que pouvons-nous faire si nous ne vous voyons pas en état de remporter une victoire contre votre plus grand ennemi? Remarquez qu'en Russie la consternation règne de nouveau dans les esprits, consternation produite par le faux mirage des réformes et des changements. Enfin, cela m'étouffe!.. Notre réponse, à ce qu'il paraît, imprimée dans le «Колокол» — ne vous a pas convenu... Tendez-moi votre main.

A. H e r z e n.

П е р е в о д

22 октября 1862.
10, Paddington Green. W.

Ваше последнее письмо произвело на нас глубокое впечатление. Итак, дело решено, и это решение может привести к всеобщей гибели. Что можем мы сделать? Посудите сами.

Сказать вам, чтобы вы 25 000 человек сделали жертвой наших начинаний, т. е. чтобы они все стали военными рекрутами?

Я не могу об этом говорить, настолько мне это кажется отвратительным.

И в то же время необходимость этого предприятия настолько ясна, что с горькой смелостью скажу вам еще в последний раз то, что мне кажется несомненным: вербуйте рекрутов; но не делайте демонстрации, которая не имеет ни малейшего шанса на успех. Рекруты через два — три года проникнутся духом свободы; повсюду, где они окажутся, они будут стараться войти в общее дело. Поступая же теперь иным образом, вы повели бы этих бедняг на убой как скот и остановили бы русское движение еще на полвека. Что касается Польши, то в этом случае она бы безвозвратно погибла.

Посмотрите, что получается: в Варшаву введены три гвардейских полка. Пруссия готова, нарушив конституцию, по первому призыву наброситься на Варшаву. Франция ж будет повсюду торжествовать. Со стороны остальной части Европы вам не на что рассчитывать. Итак, что мы можем сделать? Мы говорим вам, что представляем силу литературной пропаганды, что по сей день у нас нет никакой практической силы, что наша организация далека от завершения; следовательно, в смысле действия мы ограничиваемся сношениями с Русским комитетом в Варшаве. — Мы скажем ему: «Поднимайтесь одновременно с польскими повстанцами в Варшаве». Но поднимутся ли те? Это еще вопрос. Вы сами говорите, что крестьянская Польша, равно как и крестьяне Литвы, освобожденные от военной службы, ничего не в состоянии будут сделать. Кому же станет сочувствовать русский солдат, сам прежде всего крестьянин, который мог бы действовать в согласии с интересами крестьян, а не городских жителей? Это еще не все. Допустим, что войска, расположенные в городе, взбунтуются. Они поймут инстинктивно, что дело не ограничится изгнанием русского наместничества в Варшаве — надо будет сражаться и против других войск. Следовательно, вам более чем необходимо иметь военачальника. Имеется ли такой человек, которого бы Варшавский комитет мог указать войскам и который, отдав команду: «*Вперед!*», добился бы их повиновения? Такого человека нам недостает. Следовательно, расчет на войско весьма и весьма сомнителен. Итак, вы будете действовать не с крестьянской Польшей, а всего лишь с 25 000 военных призывников. Если б эти 25 000 человек были объединены в одном корпусе добровольцев, то это еще кое-что бы значило. Но подумайте, эти 25 000 человек разбросаны по городам Польши. Против каждого отряда этих людей окажется артиллерия с целым дивизионом. Допустим, что в каком-то одном городе солдаты присоединятся к нам, а в другом — другой отряд будет стрелять в народ; нет ни малейшей надежды привлечь всех этих людей на сторону народа.

Уверены ли вы к тому же в самой цифре — 25 000 человек? Как получить их, исходя из 5 человек на 1000? Находясь в полном неведении о той силе, которая бы вас поддержала, мы поступили бы подло, сказав вашим офицерам, которых не можем поддержать: *«Действуйте, вас поддержат»*. Если вы хоть сколько-нибудь сочувствуете русской свободе, если ваша любовь к польской свободе берет верх над вашей скорбью, если вы боитесь бесплодных жертв, тогда умоляю вас, не делайте выступления, ибо у него нет никакого шанса на успех и оно приведет к гибели обе свободы, подготовив новый триумф царскому правительству. Знаете ли вы, почему реакция всегда торжествует? Потому что во всех обстоятельствах она действует наверняка, в то время как мы действуем наудачу. До того, как г-н Огарев написал вам письмо, мы с ним долго беседовали; таким образом, я передаю вам и его чувства по этому поводу. Верьте в наше искреннее сочувствие. Но подумайте, что мы можем сделать, если мы не видим возможности одержать победу над вашим сильнейшим врагом? Заметьте, в России уныние вновь овладело умами, — уныние, вызванное миражем реформ и преобразований. Словом, это меня душит!.. По-видимому, наш ответ в «Колоколе» вас не убедил... Дайте вашу руку.

А. Герцен.

294. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

24 (12) октября 1862 г. Лондон.

Чернецкий мне говорил, что вы желаете еще раз посетить меня. Очень рад вас видеть и попросить еще раз передать поклон Егору Ивановичу. Во вторник вы меня застанете вечером — не забудьте, что за вами 2 фунта по подписке, известной вам, — я желал бы их получить.

Преданный вам

А. Герцен.

24 окт<ября>.

Orsett House. Westbourne terr<ace>.

295. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

Сентябрь — октябрь 1862 г. Лондон.

Какой-то Боркгейм спрашивал меня рекомендацию Жуковского — я велел написать Саше. Сегодня получил от него дерзкую записку — зачем писал не я. Так как дело шло о Жуковском, я написал еще раз, но если вы знакомы с этим боровом, то скажите ему, что в мою жизнь еще ни разу я не испытывал,

чтоб вовсе незнакомый человек грубил без причины. Мой сын писал ему: «По поручению моего отца» — он же пишет все английские письма.

296. В. Т. КЕЛЬСНЕВОЙ

Сентябрь — октябрь 1862 г. Лондон.

Письмо ваше, почтеннейшая Варвара Тимофеевна, я тогда же отослал. — В том доме, где живет Бакунни (10, Paddington Green), есть одна комната — в 7 шилл. и возле в 10 шилл., — там, я полагаю, вы можете провести несколько дней.

Мы можем на первый случай вам обеспечить — еще месяца на два — по 1½ фунта в неделю. — На сию минуту уроки Ольге дает Ковалевский — он через месяц едет.

Посылаю вам ½ 5-фунтовой бумажки; отвечайте тотчас о квартире — я тотчас по получении пришлю 2-ю половину (это будет всего 15 фунт., т. е. два месяца с половиной).

Усердно кланяюсь вам.

А. Герцен.

297. В. Т. КЕЛЬСНЕВОЙ

Сентябрь — октябрь 1862 г. Лондон.

Orsett House.

Westbourne terrace.

Посылаю вам вторую половину статьи, коей вес целых *пять фунтов*, — надеюсь, что новые зубы Малуши не против меня.

Четверг.

Кровать вам была отправлена третьего дня, книгу для перевода ищу.

298. И. С. ТУРГЕНЕВУ

1 ноября (20 октября) 1862 г. Лондон.

1 ноябрь. Orsett House.

Westbourne terrace.

Итак, ты вообразил, что я рассердился за адрес. Во-первых — единственное дело адреса, которое может меня поссорить с тобой, — это если ты мне не дашь адреса твоего дома.

Политическим человеком я тебя никогда не считал — и теперь не считаю. Несмотря на то, что ты с Робинзоном Крузе — на острове Вайте говорил об азбуке.

Напротив, то, что ты четыре раза писал объяснения, смягчения, кавзы атенуантные и консидераны (не Викторы) — меня

помирило бы с тобой и в самом деле, если б я в гневобесие возшел.

Позвольте спросить — как нравится продолжение писем «Концы...»?

Если кто вздумает в фонд или Б<акунину> денег — бери. А пророс, я твоему полячку дал еще 10 шилл.

Если Ботк<ин> в Париже — то скажи ему, что я в Лондоне.

Если Ханыков в Париже — то скажи ему, что если он впредь придет ко мне, то что я умоляю его оставить адрес свой — не в Испании и не в Хоросане, а в том городе, где я живу.

Я его искал... искал — но Лондон велик, — одна весь господня больше — да зато ее нет.

299. К. ФОГТУ

4 ноября (23 октября) 1862 г. Лондон.

4 novembre 1862. Orsett House.
Westbourne terrace. W.

Cher Vogt,

Après un très long silence, et une année très agitée, très occupée je vous demande la permission de vous recommander un de nos amis — Jean — Prince Royal de la Géorgie — Altesse serein et serenissime etc. Homme très dévoué et chevaleresque. Mais tout cela ne me donne aucun droit d'interrompre vos occupations. Le Prince de Géorgie veut acheter une petite propriété, villa ou q<uel> q<ue> <chose> dans ce genre près de Genève ou du lac. Je lui ai recommandé la villa Jérebzoff. — Si vous pouvez lui donner un conseil ou lui dire à qui il doit s'adresser — vous m'obligerez infiniment.

Vous êtes probablement au courant des grands et des petits événements chez nous. Je vois avec plaisir — que nous autres barbares — nous rencontrerons sans peine — sinon toute l'Allemagne au moins la Prusse — elle rétrograde si bien qu'elle sera dans les <temps de> Nicolas avant un an.

Connaît-on chez vous — l'édition française du *Kolokol* qui paraît à Bruxelles? Je vous enverrai un spécimen.

Adieu — j'espère que votre famille va bien — chez nous tout est tranquille.

Envoyez le Prince chez le Dictateur — les ducs etc. en qualité d'Ex-rois se donneront la main en bons citoyens.

Tout à vous

A. H e r z e n.

4 ноября 1862. Orsett House.
Westbourne terrace. W.

Дорогой Форт,

после долгого молчания и года, полного волнений и забот, прошу вашего разрешения рекомендовать вам одного из своих друзей — Иоанна, наследного грузинского князя, его светлость, светлейшее высочество и т. д. Человек весьма преданный и благородный. Но все это не дает мне никакого права прерывать наши занятия. Князь Грузинский хочет купить небольшую виллу с усадьбой или что-либо в этом роде недалеко от Женевы или близ озера. Я ему рекомендовал виллу Жеребцова. — Если вы сможете подать ему совет или указать, к кому обратиться, вы меня крайне обяжете.

Вы, вероятно, в курсе наших больших и малых дел. Я с радостью вижу, что мы, варвары, без труда встретимся если не со всей Германией, то по крайней мере с Пруссией. Она столь успешно регрессирует, что раньше чем через год окажется во временах Николая.

Знакомы ли у вас с французским изданием «Колокола», которое выходит в Брюсселе? Я вышлю вам образец.

Прощайте — надеюсь, что ваша семья в добром здравии, у нас все спокойно.

Направьте князя к диктатору — герцоги и прочие в качестве экс-королей подадут друг другу руки, как добрые граждане.

Весь ваш
А. Герцен.

300. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

5 ноября (24 октября) 1862 г. Лондон.

Cher Tkhorzhevsky,

Il m'est presque impossible de venir chez vous — à 5 h(eures). Mais j'ai déjà fait savoir à Trubner de l'intention de M. Seydewitz par rapport au livre sur l'Espagne. Il veut voir le livre et la traduction. A ce qu'il paraît — l'affaire est faisable. Priez donc M. Seydewitz de s'aboucher avec Trubner le plus tôt possible.

Votre tout dévoué
A. Herzen.

5 nov<embre> 1862.
Orsett House. Westb<ourne> terr<ace>.

Дорогой Тхоржевский,

мне почти невозможно прийти к вам в 5 часов. Но я уже дал знать Трюбнеру о намерении г. Зейдевица в отношении книги об Испании. Он хочет видеть книгу и перевод. По-видимому, дело осуществимое. Так попросите же г. Зейдевица переговорить с Трюбнером как можно быстрее.

Преданный вам

А. Г е р ц е н.

5 ноября 1862.

Orsett House. Westb⟨ourne⟩ terr⟨ace⟩.

301. И. С. ТУРГЕНЕВУ

22 (10) ноября 1862 г. Лондон.

22 нояб⟨ря⟩. Orsett House.

Westb⟨ourne⟩ terrace.

Я как-то с месяц тому написал тебе довольно злое письмо — и оставил его у себя в столе. Потом пришло твое — с критикой против послед⟨него⟩ письма «Концы и начала». Ты ошибаешься в твоей оценке — но писать об этом скучно. Замечаешь ли ты, что ты с своим Шопенгауэром (о Шопен⟨гауэре⟩ я и Ангельс⟨он⟩ писали в 1-й «Пол⟨ярной⟩ звезде», т. е. в 1855) становишься нигилистом... Меня не это фруасировало в твоих письмах — а замечательная метода на мне казнить других. Во-первых, откуда эта нетерпимость к Огар⟨еву⟩ — ведь эдакие слабости допускают одним беременным женщинам. Ты же вообще так гуманен, т. е. так мало разборчив, что мог быть другом и на «ты» с воришкой Некрасовым, вероятно, и теперь еще знаком и с Чичер⟨иным⟩ и с Катк⟨овым⟩ — но до этого до всего мне дела нет. Напротив, я люблю гуманность, идущую до необходимости исключения знакомых самобытных — для приглашения нравственных нищих и чужездных нахлебников à la Strübing. Но 1-е. Почему ты с твоей тонкой наблюдательностью, зная, что я с Огар⟨евым⟩ в хороших, тесных, близких сношениях, считаешь умным ругать его статьи именно в письмах ко мне? 2-е. Полагаю же я, что всякий честный деятель, работающий на общей арене, заслуживает, по крайней мере, чтоб к порицаниям — прибавляли больше резонов, чем брюхатая женщина в своих антипатиях. О какой теории социализма Огар⟨ева⟩ ты говоришь? Каким мнением, каким выводом ты недоволен, в чем не согласен? Почему его добросовестный труд ты ставишь на одну доску с fatras¹ бакунинской демагогии?

¹ пустословием (франц.).— *Ред.*

«Колокол» основал Огарев.

«Вече» — основал Огарев, да оно в ваших паражах не нравится... а нам оно принесло переписку с раскольниками.

Было время, когда Боткин мне говорил, что мы много пишем об освобождении крестьян... нельзя же было заменить для этого диссертациями о эрекциях... Боткин консерватор всякий раз после того, как поговорит с Милютиным. — Ты имеешь зуб на *молодое поколение* и грызешь им старое — благо оно ближе.

Засим желаю, чтоб ты строки эти прочел не как Фетьмаршал литературы всех Росий — а как человек, которого я люблю и негодуя.

Addio.

А. Герцен.

302. И. С. ТУРГЕНЕВУ

29—30 (17—18) ноября 1862 г. Лондон.

29 нояб(ря) 1862. Orsett House.

Westb(ourne) terrace.

Хотя Россия и бранная царица, но бранную переписку русским вести утомительно.

Письмо твое получил — и пишу, чтоб защититься; ты меня упрекаешь, что я не отвечал на твою критику послед(ней) статьи «Концы и нач(ала)», и, может, жалеешь, что зашиб меня до безмолвия. Но я утешу тебя — я буду отвечать в следующей серии писем в «Кол(околе)» 1863 (разумеется, не говоря о письме). В письменном tête-à-tête это скучно. Далее — ты с негодованием цитируешь, что кто-то (вероятно, Катк(ов), Чичер(ин), Шедо-Ферротти, Павлов и Тимашев) говорит, что все, что я пишу, я пишу из тщеславия; за что же за это сердиться — да черт меня возьми из чего б я ни писал — из денег, от скуки, дело в том — was geleastet ist ¹ — хорошо или скверно. Мне кажется, что писать из самоотвержения, как Раф(аил) Зотов, хуже, чем писать по 200 руб. стих — как делал Пушкин.

Было время, когда сам Боткин, читая «С того берега», и сам Кавелин, читая на том берегу, отдавали справедливость, что верная логическая мысль проведена до страшных консеквенций и что общий взгляд верен. Как удивятся они (а может, и ты), взявши *те* статьи и *новые*, — увидев, что тщеславие и *тогда и теперь* возбуждало один и тот же порядок мыслей. Стало, внешний мотив ничего не значит.

¹ чего я достиг (нем.). — Ред.

Что нигилизм тебе пал на голову — это, во-первых, бывает со всеми силачами, бросающими ядра вверх... что они на их же голову и падают. Но я повторяю, что твое предпоследнее письмо представляет полнейший нигилизм *устали, отчаяния* в противоположность нигилизму *задора и раздражительности* у Чернышевского, Добролюбова и пр.

Доказательство тебе в том, что ты выехал на авторитете идеального нигилиста, буддиста и мертвиста — Шопенгауэра (а впрочем, я тебе благодарен, что ты мне его напомнил).

Мне очень жаль, что ты не хочешь мне открыть тайну преследования теорий Огарева. — Я не могу сердиться ни за какую критику, а желал бы видеть ex^{empli} gr^{atia}, с которым пунктом разбора *юридических проектов* ты не согласен, — до тех пор бросанье камнями в людей работающих я буду считать если не капризом беременной женщины, то шалостью беременного мужчины. — Ты меня одолжишь разбором и, может, принесешь пользу.

Засим я — с твоего благословения — полемику прекращаю.

Мои дочери и Miss Meysenb^{ug} будут к 15 декабря в Париже проездом в Флоренцию — прошу aide et assistance¹.

Затем жму руку.

А. Герцен.

30.

Опоздал послать. Еду сейчас на похороны Симона Бернара, процесс которого ты недавно читал в «Полярной звезде». Он умер в доме умалишенных.

303. А. Ф. ФРИКЕНУ

3 декабря (21 ноября) 1862 г. Лондон.

3 декабря 1862. Orsett House.
Westbourne terrace.

Письмо ваше я получил и очень, очень благодарен вам. Так как вы уже решились меня одолжить, то я беру вас за слово и буду прямо и просто просить вас о следующем. Семейство мое едет 15 декабря чрез Париж, Ниццу etc. Они остановятся в Hôtel du Nord. Если вы будете иметь на примете очень небольшую квартиру: две спальни, одну для горничной, залу и столовую, то это за глаза довольно. Денег у меня на этот год мало. Америка сильно пришибает — и я не знаю, как выпутаться, а поэтому они должны жить скромно, и не только поэтому — и тут-то я прошу наибольшую услугу вашу.

¹ помощи и содействия (франц.). — Ред.

Я отпускаю мою дочь в Италию — единственно потому, что в последнее время, особенно под руководством такого великого художника, как Gallait, она показала большую способность к живописи — она едет для серьезных студий, только потому я решился ее отпустить. Поэтому — сделайте мне дружескую услугу и отстраните — во-первых, всю русскую колонию, а во-вторых, колонии всех наций от них. Нет в мире ничего инкомпетибельнее, как занятия, сопряженные с рассеянностью пустых знакомств. Я вас знаю за очень серьезного человека и потому <верю>, что вы захотите мне помочь в этом. Мое искреннее желание, чтобы они жили совершенно по-монастырски. *Кашперов* рекомендует певца *Кондратьева*. Что он? Можно ли дешево иметь уроки — французского языка и музыки?

Прощайте. Простите — и впредь не предлагайте злодеям наших услуг.

Пьянчани — это такая гиль... я ему пришлю француз<ский> «La Cloche». — Адресы?

А. Герцен.

304. Н. А. и О. А. ГЕРЦЕН

5—10 декабря (23—28 ноября) 1862 г. Лондон.

5 декаб<ря>
23 нояб<ря> 1862 г.

Милая моя Тата,

десять лет тому назад я провожал тебя и Ольгу на Варский мост — вы ехали с Мар<ьей> Касп<аровной> из Ниццы в Париж после похорон... Тебе было восемь лет; прощаясь, ты стала плакать, я дал тебе два франка, и ты утешилась тем, что купишь много апельсинов на них.

Вы поехали — мы пошли назад через мост, сели в коляску — и «поехали туда, где я жил» — так сказано в записной книге моей. «Дома у меня больше не было, с вашего отъезда все приняло холостой вид. Половина комнат была заперта. Один Саша напоминал возрастом и чертами, что тут была другая жизнь, напоминал кого-то отсутствующего».

И она, та, которая отсутствовала, говорила мне за сутки до своей кончины: «Береги Тату, с ней надобно быть осторожным, это натура глубокая и несообщительная».

Судьба тебя сберегла больше, чем я. Бедна любовь отца в сравнении с материнской болью о ребенке. Так ли, иначе ли, но хорошо, что ты с здоровой душой выходишь из ребячества.

И вот через 10 лет я опять провожаю тебя вдаль — тебя и Ольгу. Тебе 18 л<ет>. — В Америке девушки твоих лет действуют самобытно — занимаются делами, путешествуют совершенно

одни и не теряются так жалко и беспомощно, при всякой случайности, как наши барышни.

Твое сиротство, Тата, рано приучило тебя становиться на свои ноги. За тобой не следил с любовью и страхом взгляд матери, радуясь тебе и боясь ошибки, ободряя, предупреждая, вступаясь за тебя. Жаль тебя, но, друг мой, в наше время, в нашей среде, крепость и сила — великое дело, великое освобождение.

Я не отпустил бы тебя в Италию, если б не верил в твой характер и такт. Поговорим же о твоём путешествии, из моих слов ты увидишь, чего я жду от тебя.

Ты едешь для живописи. Талант у тебя есть, но для развития таланта необходим упорный, выдержанный труд. Ни таланта, ни любви к искусству недостаточно, чтоб сделаться художником, один труд в соединении с ними может что-нибудь сделать. Без работы можно быть дилетантом, аматёром — художником никогда. Итак, работа должна господствовать над всем в твоей жизни во Флоренции. Привычка к работе — дело нравственной гигиены. Для работы надо жертвовать многим, без сомнения. Но ведь истинной любви вообще нет без жертвы, и там, где любовь к чему б то ни было истинна, там жертва легка. К тому же искусство не так как боги, которым тоже люди не умеют поклоняться иначе как жертвоприношениями, — оно требует мало, а даёт очень много.

Оно требует сосредоточенности и исключения пустой суеты и тревоги праздной жизни. Для этого необходимо как можно меньше иметь сношений с людьми, ничем не занимающимися, с людьми, пропадающими от скуки, т. е. пустейшими из пустейших.

В эстетическом отдыхе от работы недостатка тебе не будет; во Флоренции, может, встретятся два, три знакомых, дельных и занимающихся. Само собой разумеется, что от них не надо бежать, но, скажу откровенно, лучше и их не искать. От первых дней вашего приезда будет зависеть все остальное время. Если в самом начале ты не сумеешь поставить свою работу независимо от внешних помех, ты не сладишь впоследствии.

Люди, повсе не думая, по лени и небрежности, накладывают на себя совершенно непужные вериги внешних обязанностей и с ропотом таскают их потом, не имея силы порвать их; это смешно и слабо. «*Les exigences du monde*»¹ в самом деле не требуют столько; свет очень принимает всякую самобытную волю, когда она является павно и просто, не как упрек и не как порицание. И потому не ссылайся на *внешние невозможности*; устроишься так или иначе зависит от тебя.

¹ «Светские требования» (франц.). — *Ред.*

Теперь перехожу к другому предмету, близкому мне. На тебе лежит святая обязанность относительно Ольги. Вы будете долго с ней почти одни; воспользуйся этим временем, чтоб теплее сблизиться. Ольга очень жива и вследствие этого резва через край. Ты еще настолько молода, что не имеешь терпимости совершеннолетия. Я не виню тебя за это, но думаю, что тебе на это надобно обратить внимание. Шалости ее с годами пройдут; но если вы успеете горячо сблизиться, сближение это не пройдет. — Для Ольги ты представляешь семью, ее предания, даже родину; умей, друг мой, становиться выше детской шалости. Учи ее непременно по-русски — этого я требую. Об Ольге и о твоей работе пиши мне всякий раз и довольно подробно; время на это найдется.

Я хотел, чтоб вы ехали через Ниццу. Я хотел, чтобы, вступая в Италию, в новый отдел жизни, ты посетила нашу могилу, чтоб ты привела туда Ольгу — и вместе, с благоговением поклонилась земле, под которой схоронена ваша мать, цветам, — растущим на ней.

Ольга не знала ее почти совсем. И ты не много знала. — «Мне ужасно, — писала она в одном из предсмертных писем, — думать, что дети не будут знать меня». — «Они будут тебя знать», — отвечал я много раз. И вы узнаете ее. Пока верьте мне — это была великая женщина, и по мысли, и по сердцу, и по бесконечной поэзии всего бытия ее.

Прощайте, Тата и Ольга, именем своим и именем покойной матери благословляю вас на ваш путь... Буду с трепетным сердцем ждать вестей, буду думать об вас, и да будет жизнь ваша в Италии полна кротости, мира и гармонии и проникнута серьезной любовью к искусству.

Обнимаю вас дружески и горячо. Берегите себя — не только для себя, но и для меня.

В а ш о т е ц.

10 дек<абря 18>62.
Лондон.

305. В. Н. КАШПЕРОВУ

12 декабря (30 ноября) 1862 г. Лондон.

12 декаб<ря>. Orsett House.
Westb<ourne> terracc.

По вашему дружескому совету, почтеннейший и любезнейший Кашперов, я написал к Валерио — и посылаю письмо к вам, потому что не знаю его адреса. Получил ли он «La Cloche» на франц<узском> языке? Я очень рад, что он хранит хорошую память обо мне.

Дочери мои едут 14-го декаб(ря) через Париж и, вероятно, 20—22 будут в Флоренции. Благодарю вас за все и скажу вам просто: я больше нежели верю вам, я считал на вас в случае нужды. — С вашими знакомыми Тата познакомится (с ней очень добрая и умная немецкая дама v(on) Meysenbug) — но вы им черкните слово, что они будут вести почти затворническую жизнь. — Тата едет на работу, а потому да минует ее русская колония праздных соотечественников, скучающих, разочарованных, очарованных, недовольных миром и освобождением крестьян.

Я на этом очень настаиваю. — Прощайте. Пришлю вам на днях «Записки» Якушкина — это chef d'œuvre.

Дружески кланяюсь вам.

А. Герцен.

306. И. С. ТУРГЕНЕВУ

12 декабря (30 ноября) 1862 г. Лондон.

Пятница.

Orsett House. 12 дека(бря).

Письмо это посылаю с Татой — для того, чтоб она познакомилась с твоей дочерью, что гораздо лучше переписки отца твоей дочери с отцом моей дочери. Ты меня не убедил — не потому что я рефюжье, а потому, что я только сдаюсь на доводы. — Статьи читаю сам и сужу об них не по докладу Бакста. После того как я писал, «Общее вече» имело эклатантный успех. — «Рус(ский) вест(ник)» поместил чисто шпионскую статью «Новые проделки наших лондонских агитаторов». «Nord» — ударил в набат. Раскольникам дали льготы. Одни неподкупные друзья — нами недовольны. Famos!¹ (т. е. это по-немецки).

А ргорос к друзьям. — Рядом с шпионской статьей статья П. Анненкова в том же «Рус(ском) вест(нике)» — а что, ведь надобно сознаться, какие сукины дети наши друзья! Ха, ха, ха!

Есть и посучее.

Кетчер, Е. Корш и Бабст уговорили кретина Солдатенкова издать сборник чичер(инских) статей, поставив во главе письма его ко мне. — Не напечатать ли мне протест Кавел(ина) и вас всех?

Ну что же перед друзьями Тимашев, Липранди? Экая шваль, экий навоз золотушного гиппопотама, страдающего холерой.

«Концы и нач(ала)» в будущ(ем) «Кол(околе)» 1 янв(аря) еще не ответ, это так, веселенькая — историческая — плясовая.

Засим кланяюсь.

А. Герцен.

¹ Чудесно! (нем). — Ред.

Ils sont passés ces jours de Фет.

Этот с чего ругает народ — аристо... фет, аристо-фон — «мы де в нашей деревне...» Я случайно набрел на его статью в «Вест-〈нике〉» (каж^ется), майская книжка)... Что у вас это так〈ая〉 партия — der Volksmüden¹?..

Что за соотношение между смертью Делава — переводчиком статей — и Сазоновым, переводчиком денег. Боткин, чай, дрожит?

307. В. И. БАКСТУ

15 (3) декабря 1862 г. Лондон.

Рукой Н. П. Огарева:

15-го декабря 1862 г.

Виноват и я, любезный Бакст, что так долго не отвечал вам. Эти дни было совершенно не до писем, провожали Нат〈алью〉 Александровну и Ольгу во Флоренцию, где они пробудут месяцев пять. Тата сделала в последнее время 2 копии Рембрандта (selfportrait), Галилея неизвестно чьей работы, но отличный портрет, и ее копии уже выходят из ряда ученических, стало, я провожал ее во Флоренцию с надеждой на большой успех — и было не до писем.

Что же сказать вам в ответ? Да, надо за дело приняться с энергией, поэтому мы и надеемся, что в продолжение месяца пути совершенно найдутся, ибо оди молодой человек уже поехал оных ради. Так как вам теперь нездоровье мешает, то дайте это устроить, а через некоторое время съездите в другую местность и устройте еще пути. Мы пришли к заключению, что вся задача в путях, ибо когда можно будет сбывать через границу с 50% уступки (как Трюбнеру) и с назначением цены по расчету, как я предполагал, то и лондонск〈ие〉 цены понизятся почти наполовину и продажа будет производиться дешево, независимо от того, где печатается, здесь или в Германии. Блюммерово «Свободное слово» стоит 5 фр., а наши «Зап〈иски〉 декабр〈истов〉», объемом не меньше, а больше, стоят даже теперь 2 фр. 70 сант. Если путей не будет, где ни печатайте, книги будут равно дороги. Я прихожу к тому убеждению, что компании и типографии, если будут пути, лучше, безопаснее соединить в Лондоне, чем на материке, а в ценах разницы не будет. Впрочем, это еще после переговоров, когда пути будут. Но упускать из виду нельзя, что большое предприятие вне Англии, где бы то ни было, при предстоящей истории, легко подвести под секвестр и разом лишиться и фонда и типографии на континенте, а между тем лондонская типография окажется уменьшенной, так что вместо добра выйдет худо. Здесь же компания и типография совершенно безопаснее почти на десять процентов. — Зовут обедать. Прощайте пока. Крепко жму вам руку.

О г а р е в.

Я думаю, вы на поездку 160 р. кладете много, а на прожиток 2 недели — слишком мало.

Я начинаю верить, что дело сношений устроится очень хорошо. Теперь мы делаем опыты посылок новыми дорогами.

¹ усталых от народа (нем.). — Ред.

Принялись ли вы за Пиотровского и что напечатали? Вы больше пишете об общих вещах — а нам нужны детали.

Если Касаткину будете писать, попросите его подробнее написать, как умер Сазонов и что его дети. Большой был талант — распущенный à la Cléopatra в бордельном урыльнике, полном водки.

Прощайте.

А. Герцен.

308. Н. А. ГЕРЦЕН

20 (8) декабря 1862 г. Лондон.

20 декаб⟨ря⟩. Orsett House,
Westbourne terrace.

Милая Тата,

вот уже прошла и неделя с тех пор, как ты и вы уехали. Что вы теперь — в Ницце или уж во Флоренции?

Письмо от Мальвиды из Марселя пришло, и твое от Левицк⟨ого⟩. Жаль, что ты хворала на дороге, и жаль, что вы не остались еще день в Париже. Жду теперь первых впечатлений — Италии, т. е. больше всего самой Флоренции. — Как вы там устроитесь и как ты примешься за работу.

У нас штиль — погода как всегда мерзкая, но было тепло, сегодня холодно, ветрено, а у вас, небось, соловьи цветут и розы поют...

От Ольги жду особого письма с импрессионами дю войаж — причем, она обязана рассказать и то, как Егоровна приняла Италию. А Туту все еще в Orsett House'e. Птица жива.

Ага, Nat⟨alie⟩, дети кланяются — пишите на всех.

Рукой А. А. Герцена:

Ровно неделя, как мы вас проводили! Фу, как скоро прошла, а кажется, будто вы уже давным-давно уехали, и до отъезда не жили здесь, а только приезжали на 2—3 дни! — У нас очень тихо, а еще более эрмитажно без вас — несмотря на то, что папа вчера вечером ездил к Шлезингеру и видел Жюльету Пастрану. А proros — т. е., разумеется, вовсе не кстати, — Ковалевский мне дал книгу прочесть, которая мне очень нравится; жаль, что я ее узнал после вашего отъезда, если есть во Flor⟨enz⟩ английская библиотека, достаньте и прочтите вместе: «Trelarony's Recollections of Byron and Shelley».

Жду твоего описания Ниццы, Тата. Обнимаю вас, жму руки Мальвиде, кланяюсь Егоровне.

Саша.

Я всегда буду писать №.
№ 3.

Милая Тата,

я душевно рад, что вы видели Ниццу — и могилу в блеске солнца, моря и пр. Твое письмо оттуда меня глубоко тронуло — будьте же вы счастливы в этой богатой природе. У нас есть и невеселые новости — из польских знакомых, которые бывали с Мих<аилом> Ал<ександровичем>, несколько арестованы в Париже — и в том числе тот с длинной бородой черной, который был при кн. Грузинском. Да и в Варшаве — взято много.

Завтра твоё рождение — 18 лет. Это второй раз, что ты его проведёшь без меня. (Первый было 25 дек<абря> 1852.) Поздравляю... прибавить мне нечего — разве, как Иоанн Евангелист, повторить:

Любите друг друга.

Посоветуйся с скульптором насчет деревьев на могиле. Конечно, их следует оставить. — Ну, прощай на этот раз. Надеюсь, что твой *клу*, как ты называешь, совсем прошел.

Целую тебя много.

Дополнение для Ольги.

Latest Intelligence¹.

Сегодня на Christmas² получают:

Жюль — 5 ф.

1 — от меня

Жак — шинель от Ог<арева>

Девис — платье

и 10 ш. от Ог<арева>

Германка — *idem*

Сарра — брошка

и

10 шилл.

Ольгу всех больше помнит Лиза — она ужасно скучает по ней. Напиши ей.

О получении письма тотчас известите.

Рукой А. А. Герцена:

The enclosed letter for Mali has not been read by anybody — only its great coat has been taken off *for economic sake!*

Non<ora>ry Sec<reta>ry A. Herzen³.

¹ Последняя повесть (англ.); ² рождество (англ.). — *Ред.*

³ Запечатанное письмо для Мали еще никто не читал — только его большой конверт был сорван *для более экономной упаковки*. Почетный секретарь А. Герцен (англ.). — *Ред.*

27 (15) декабря 1862 г. Лондон.

27 декаб<ря>. Orsett House.
West<bourne> terrace.

Милая Тата, пишу тебе только несколько слов — очень, очень благодарю за телеграмм из Флоренции и жду обещанного письма. Напишите ваш адрес — обстоятельно — и какие письма получены. Бывает очень скучно здесь — обстоятельства дурны — но я откровенно счастлив за то, что вы под голубым небом и под гением Бонарротти.

Целую вас обеих и поздравляю с Новым годом.

Ja — Malvida Филипповна — die Sachen gehen nicht auf Rosen — die Nacht wird finsterer, die russische Regier<ung> herrscht wieder auf dem Kontinent.

Sie haben sehr gut gemacht, indem Sie telegraphierten aus Florenz.

Um Gottes willen weniger Bekanntschaft. Der Pulski schreibt mir von einer Dame in Florenz — ich schreibe so gern den Namen nicht. Land, Statuen, Bilder, Aleatico, Himmel — alles ist gut — zum Teufel die Leute¹.

Получен ли вами «Пунш»?

Пиши сейчас к Мар<ье> Касп<аровне> — если не писала.

Рукой А. А. Герцена:

Обнимаю вас и целую, милая, 18-летняя Тата, и 12-летняя Ольга, и Х... летней Мальвиде руку жму. Не знал я, что вам сегодня пишут, поздно сказали, уже время нет, да и голова трещит как... сам не знаю что. Завтра напишу вам особое письмо.

С а ш а.

311. Н. А. и О. А. ГЕРЦЕН

30 (18) декабря 1862 г. — 5 января 1863 г. (24 декабря 1862 г.). Лондон.

№ 4.

30 декабря 1862. Orsett House.
Westbourne terrace.

Милая Тата,

что же значит, что от вас нет письма? Телеграмм из Флоренции получен 25 дек<абря>, а письма еще нет. Я писал к тебе на имя Мейз<енбуг> — а через день тебе писала Nat<alie> на твое имя, — если ты не получала, спроси на почте.

¹ Да, Мальвида Филипповна, дела не розовые — ночь становится все темнее, русское правительство снова господствует на континенте. Вы очень хорошо сделали, что телеграфировали из Флоренции. Ради бога, как можно меньше знакомых. Пульский пишет мне об одной даме во Флоренции — мне не хочется писать имени. Страна, статуи, картины, алеатико, небо — все хорошо — к черту людей (нем.).— Ред.

А вот и письмо. Мы все его читали со смехом и большой радостью. В особенности хорошо ты поступила, что не познакомилась с русской. Надеюсь, что вы получили все письма. Вашешло *четыре дня*. Надобно непременно послать что-нибудь Рокке. Ты ничего мне не написала о стороже.

Наши знакомые поляки все еще сидят. Завтра пошлю тебе новый «Колок<ол>» — а был ли у тебя последний (15 дек<абря>)?

Сегодня в качестве последнего дня перед нувеланом — хлопотно, и я рассеян. Тут же наша кампания на собак — а потому я обнимаю вас и оканчиваю.

Очень и еще раз очень рад, что вы насладитесь Италией — и именно в первую молодость.

Ольга,

Саша, кажется, тебе живописал бой с псами. А от тебя ждем твои записки «Denkwürdigkeiten meiner italienischen Reise — und Auf<ent>halt in der früheren Hauptstadt des Cosimo Medici»¹.

Целую тебя.

Надеюсь, ты Тате не мешаешь? А что же, есть ли у нее отдельное studio?

Твоя бумага, я думаю, слишком толста для почты.

12 часов.

Вот, Тата, и Новый год, скромнее его встречать нельзя — я и Саша готовимся ложиться спать. А тебе много и много и лет, и веселья, и Италии желаем. — И Ольгу и Мальвиду — поздравляем!

Рукой А. А. Герцена:

Обнимаю вас, милые мои, будьте счастливы в 63 году и во всех будущих годах. — Целую вас крепко, крепко. Пью за ваше здоровье абсинтом с содовой водой.

Саша.

Рукой Н. П. Огарева:

И я, моя милая Тата и Оля, еще раз вас обнимаю на Новый год, и Мальвиду. Дети с матерью спят. Ну — прощайте пока. Будьте счастливы.

¹ «Достопримечательности моего путешествия по Италии и пребывания в бывшей столице Козимо Медичи» (нем.). — *Ред.*

2-е января 1863, вечером.

Милая Тата! Сто и сто раз целую тебя и благодарю за письмо не ко мне, а к Саше, которое он мне дал. Оно мне очень живо напомнило нашу жизнь в Ницце за десять лет.

Мы Новый год встретили скверно. Утром Лиза была здорова, в 11 часов она стала жаловаться на тяжесть в голове, к вечеру жар — а на другой день, т. е. сегодня, 2 янв<аря>, у нее открылась скарлатина. Лечит ее Гено де Мюсси... вероятно очень, что и у маленьких бибушек, и даже у Малуши будет скарлатина. Это не шутка. Особенно *vi*¹ характер Н<атали> и дом довольно холодный. — Получила ты ли письмо от Natalie и второе от меня (№ 4)? Я тебя буду постоянно уведомлять о Лизе. — Фрикену кланяйся. Бакунин дромадер здесь — он очень глуп.

Рукой А. А. Герцена:

3 янв<аря> 63.

Милый мой Тёнок, мерси за твои подробности; нет, они вовсе не слишком длинны. О, Niçois, qui mal y pense! — Qui Mali panse? — Les St Clouds de Tata! — Да, да, я это все знаю, все сам испытал; я только удивляюсь тому, что ты ко всему припомнила гораздо больше подробностей, чем я. «Записки» я непременно пошлю Рокке и напишу ему. Слава богу, что ваши чемоданы наконец дошли до Флоренции, а то мы уже побаивались, чтоб они не остались где-нибудь *en route*².

У нас стало еще печальнее в последние дни; Лиза заболела скарлатиной; болезнь довольно опасная, но ее случай необыкновенно легок; маленькие покамест здоровы.

Новый год мы так и не праздновали, зато будем праздновать тысячелетие почище российского: десятилетие типографии в феврале.

Так как папа тебя благодарил за письмо *ко мне* — то я поблагодарю Ольгу за письмо *к нему*, поцелуй ее за меня и скажи, что в следующем письме напишу ей обою. На этот раз передай ей, что ее любимый Туту очень счастлив, его адрес Stanhope Str<eet>, Hampstead, some unknown number³. А несчастный Шарик вчера упал в дыру перед окном и свихнул себе обе передние ноги; держится, впрочем, очень умно, спокойно и храбро; кошка сидит возле него и лижет ему лапы.

Мальвице жму крепко руку. Вас обнимаю.

С а ш а.

4 января.

Вчера вечером болезнь у Лизы очень увеличилась — сегодня, кажется, полегче, — увидим, что к ночи.

Вчера пришли ваши портреты — а что же нет Ольги?

5-е. Понедел<ьник>.

Бюльтедь о Лизе: пока что, кажется, хорошо, а у девочки начинается.

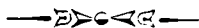
¹ принимая во внимание (франц.); ² в пути (франц.); ³ номер дома неизвестен (англ.). — *Ред.*

31 декабря 1862 г.

М<илостивый> г<осударь>, письмо ваше огорчило меня по многим причинам. Предпринимая с религиозным уважением издание «Записок декабристов», я объявил об этом месяцев шесть тому назад и сказал о назначении денег, вырученных за их продажу.

Я не имел ни малейшего понятия о том, что «Записки» кн. Трубецкого были присланы человеком, не имеющим права, и напечатал их. «Записки» И. Д. Якушкина продались и доставили 1000 фр. в пользу сосланных. Не имея в виду вашего письма, я на тех же основаниях уступил г. Трюбнеру «Записки» кн. Трубецкого. Вы меня очень одолжили бы, написав, как мне следует поступить. Если остановить издание (что без объявления в «Колоколе» сделать нельзя), то, сверх издержек за печать, вы лишаете 1000 фр. несчастных людей и не захотите, чтоб я принял на себя расход.

Я полагаю, что лучше всего «Записки» издать и на них напечатать, что ваш протест опоздал. Ответа вашего я буду ждать месяц, после которого «Записки» выйдут.

1863

313. В. Т. КЕЛЬСИЕВОЙ

2 января 1863 г. (21 декабря 1862 г.). Лондон.

Деньги вам пришлю с Жюлем — часа через два, — ходить сюда нельзя: у Лизы скарлатина.

Ответы потом пришлю,

Прощайте — очень рад, что Малуше лучше.

314. В. Т. КЕЛЬСИЕВОЙ

3 января 1863 г. (22 декабря 1862 г.). Лондон.

Вчера я совсем забыл с хлопотами послать вам деньги. Что Малуша? У Лизы сильная скарлатина — вероятно, будет и у других. — Это большое несчастье.

315. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

3 января 1863 г. (22 декабря 1862 г.). Лондон.

3 janvier 1863. Orsett House.
Westbourne terrace.

Citoyen,

En vous remerciant pour l'invitation du 31 déc<embre> — que je viens de recevoir, vous me permettrez de décliner l'honneur d'assister à votre réunion.

Ne pouvant être autrement utile au journal projeté — qu'en faisant parvenir à la rédaction des articles sur la Russie (ce que je ferai avec plaisir après avoir lu la première feuille) — je pense que vos amis auront l'indulgence de m'excuser.

Recevez, Citoyen, mes désirs les plus sincères — pour le succès de votre entreprise et

mes salutations fraternelles.

A. H e r z e n,

3 января 1863. Orsett House.
Westbourne terrace.

Гражданин,

принося вам благодарность за приглашение от 31 декабря, только что мной полученное, надеюсь, что вы позволите мне однако отклонить честь присутствовать на вашем собрании.

Не имея возможности быть полезным проектируемой газете иначе, как доставляя редакции статьи о России (что я и сделаю с удовольствием, ознакомившись с первым номером), я думаю, что ваши друзья будут снисходительны и извинят меня.

Примите, гражданин, самые искренние пожелания успеха вашему начинанию и

мой братский поклон.

А. Герцен.

316. Н. А. ГЕРЦЕН

7 января 1863 г. (26 декабря 1862 г.). Лондон.

7 января 1863. Orsett House.
Westbourne terrace.

Милая Тата,

начинаю так скоро новое письмо, чтоб тебе сообщить о Лизе — первый период болезни прошел превосходно. Ага ходил наблюдать от вечера до трех часов, я — от четырех до утра. Лечил ее Гено де Мюсси, но как-то, перепугавшись, посылали за Ньютелем, а он заразы боится больше всякой женщины — за ребенка. Девочка и мальчик — здоровы, вот и верь медикам. До сего утра было тепло — погода меняется. Ты знаешь, что в scarlatine очень опасно выздоровление и продолжается дней 12 — итак, до 15—16 числа еще будет довольно муки.

Начала ли ты, моя Тата, журнал, — выпиши из него главное, в нем с одной стороны должны быть занятия, а с другой — записывай все, что тебе особенно понравится из картин, статуй, зданий. — В заключение (и это уж в облегчение) — визиты. Наконец, надобно особую рубрику — Colonne Olga¹ — и там о ее ученье и пр.

Рукой Н. П. Огарева:

Здравствуйте, мои милые! Лиза выздоравливает, маленькие еще не занемогли, кроме насморка, ничем. Больше писать некогда, всех вас целую. Жду писем.

¹ рубрику Ольга (франц.). — Ред.

Рукой А. А. Герцена:

Милая Ольга, хотел тебе писать сегодня, но вот папа идет и хочет письмо взять с собой; напишу и отправлю завтра — *sans faute*¹. Шарикку лучше, начинает кое-как ходить.

Поцелуй Тату и самое себя, только непременно в лоб.

С и н к.

317. С. Л. ЛЕВИЦКОМУ

9 января 1863 г. (28 декабря 1862 г.). Лондон.

9 января 1863 г.

Orsett House. Westbourne terrace.

Любезнейший Сергей Львович, я до упаду хохотал над твоим письмом — и над английским почтамтом. Дело очень просто: я послал тебе и П(етру) Ал(ександровичу) записки Якушкина, но человек мой недостаточно франкировал и в силу этого английский формализм вскрыл переписку. Душевно благодарю за портреты и etc. Я хотел тебе писать с одним отъезжающим в Париж — но он еще здесь.

Были ли у тебя кн. Грузинский (ломающий шиллинги рукой) и Тепляков?

Благодарю тебя и всех твоих за добрый прием Таты и Оли. Кланяйтесь Петру Александровичу.

Книги я пришлю, за ними буду в Сити.

Твой А. Герцен.

318. Н. А. ГЕРЦЕН

10 января 1863 г. (29 декабря 1862 г.). Лондон.

10 января 1863.

Orsett House. Westb(ourne) terrace.

Поправление и выздоровление Лизы идет медленно — гнусная болезнь эта скарлатина. Дни три тому назад она было совсем поправилась — но вчера развился страшный кашель. И представь себе, что маленькие до сих пор совершенно здоровы. Зима здесь странная — совершенно тепло и именно от этого бездна болезней.

Как же, Тата, тебе не стыдно так по-детски писать о знакомствах? Когда я был против дельных знакомств? Я писал и говорил — о пустых знакомствах, о потере времени, о русских — праздношатающихся, о политиках без дела — а не об твоём Пусси, не об Dell-Ongaro. Ателье незнакомого Ге, разумеется, не надобно принимать, — *gai ou triste — mais il faut le connaître*.

¹ непременно (франц.). — *Ред.*

Последнее твое письмо вообще несколько больше рассеянно, чем прежнее, и оттого и русских ошибок больше. Да почему вы все пишете разные адреса? — Это очень неприятно.

319. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

10 января 1863 г. (29 декабря 1862 г.). Лондон.

10 января.

Orsett House. Westb<ourne> ter<race>.

Любезный Тхоржевский,

дела у нас все-таки не очень хорошо идут — и выздоровление только мнимое. Скажите Милорадовичу и Владимирову, что если они не зайдут от 4 до 5 к нам, то я приду между 8 и 9 в American Store ¹.

Прощайте.

Из Флоренции письма: Тату и Ольгу там на руках носят — итальянцы в десять лет не забыли меня, видно, что не французы.

320. В. Т. КЕЛЬСИЕВОЙ

Около 10 января 1863 г. (29 декабря 1862 г.). Лондон.

Без малейшего сомнения возьмите на две недели лучшую квартиру — а потом увидите, что делать. Выздоровление Лизы у нас идет медленно и то лучше, то хуже, страшно кашляет. Итак, мой совет положительно — пока Малуша больна, квартиру брать.

321. Н. И. ТУРГЕНЕВУ

19 (7) января 1863 г. Лондон.

19 янв<аря> 1863. Orsett House.

Westbourne terrace.

Почтеннейший Николай Иванович,

письмо ваше я получил и немедленно послал в типографию, оно, во-первых, будет напечатано в «Колоколе» 1 февр<аля>, потом особо. Я пришлю к вам сто экземпляров.

Теперь позвольте мне сказать в защиту издателей «Записок» то, что, предприняв это издание как святое дело, — мы должны были печатать текст — без малейших изменений. Тут все принадлежит истории, и между фактами и их обнародованием

¹ американскую лавку (англ.). — *Ред.*

легли сорок тяжелых годов. «Записки» Якушкина бросают большой свет на тогдашнее время — рядом с ними печатаются «Записки» кн. Трубецкого, в которых те же факты являются отраженными под иным углом. Мне кажется, что только этим образом и можно будет реставрировать события и личности — ваших товарищей и друзей и наших отцов в духе. Внешние противуречия и личные ошибки пропадают в целом.

Примите, почтеннейший Николай Иванович, мое искреннее уверение — в глубоком уважении нашем и моем.

Преданный вам

Алекс. Герцен.

322. Н. А. и О. А. ГЕРЦЕН

20 (8) января 1863 г. Лондон.

20 января. Orsett House.

Милая Тата и Ольга, все ваши писемцы и записочки дошли. Болезнь Лизы окончилась, и сильный кашель с лихорадкой прошел — остались только распухнувшие железы. Сегодня ее одели, и она играет, сидя у стола. В болезнь она не ела и пила одну воду. Natalie ее уговаривала — но она сказала: «Теперь хочу воду и буду только воду пить — а когда выздоровлю, буду пить одно шампанское». Толкуют о заразительности — а девочка похворала (просто колд) и прездоровая до сих пор.

Железная дорога под землей готова, и Чернецкий к нам иначе не ездит — нырнет в дыру на Paddington Station и вынырнет у King's Cross'a. Вагоны освещены подвижным газом.

Ольга, твое письмо Ага читал вечером в воскресенье всей публике — Тхорж^{<евский>} клянется честью и усами, что Туту живет в роскоши и неге.

У тебя, Тата, слишком много недоверия к силам. Заносчивость нехороша — но веру к себе надобно иметь. Иначе не пойдет и труд. Достигнуть материально того совершенства (Festigkeit¹), которое одно дает оружие свободному творчеству, может достигнуться одним упорным трудом, т. е. покорением себе средств. Овладевши ими, надобно искать свой род. В этом ошибаются очень многие и сначала берут то и другое. Меня, например, если б я был живописец, всего больше тянул бы род Розы Бонёр.

В твоём письме к Аге ты что-то толкуешь о недосуге — was

¹ твердости (нем.). — Ред.

ist das für ein Kerl der *Nedosug*?¹ В нашем языке слово *недосуг* должно быть исключено — на всё есть *досуг*, где есть воля. А сколько изволите спать? В Италии 6 часов совершенно довольно.

Затем обнимаю тебя от всей души.

323. В. Т. КЕЛЬСИЕВОЙ

24 (12) января 1863 г. Лондон.

Рукой Н. П. Огарева:

С тех пор не было писем от В<асилия> И<вановича>. Я к нему буду писать в понедельник по новому адресу. Если хотите (а вы верно хотите) писать к нему, то напишите одну первую страницу обычного почтового листа и пришлите мне. Я остальные три страницы упишу. Мне бы не хотелось, чтоб было больше одного почтового листа (in 8° разумеется). Можете быть уверены, что я читать не стану, что вы к нему напишете, так что можете без опасения писать что угодно. Только завтра к вечеру пришлите непременно.

Спасибо вам за Лизу. Она выздоравливает, сидит на креслах и рисует, ходить едва может, слаба. Но кажется, все сошло с рук благополучно. — Поцелуйте Малушу, она молодецки выздоровела.

Ваш О г а р е в.

Посылаю вам пять фунтов и дружески кланяюсь и вам и Малуше.

324. Н. А. ГЕРЦЕН

24 и 26 (12 и 14) января 1863 г. Лондон.

Янв<арь>. Orsett House.
Westb<ourne> ter<race>.

Милая Тата, помни мою комиссию тебе о памятнике. Видая столько артистов и одного скульптора, ты можешь, не заказывая даже чертежа и ничего не решая, спросить мнение, в каком роде можно сделать памятник, употребляя как базу те деревья, которые остались. Займись этим тотчас.

Далее меня очень интересует, пришел ли «Кол<окол>», я нарочно послал на имя Фрик<ена> и на твое, подписавши *Via Belgium*². Неужели во Франции перехватывают? Поляки, о которых я вам писал, выпущены и приехали сюда, за исключением одного, который сидит. Мы новости ждем из Польши всякий день — и кругом все печально.

Одно хорошо, что Лиза совсем выздоровела. Сегодня или завтра ее сажают первый раз в ванну. Тепло и туманно — тяже-

¹ что это за субъект Недосуг (нем.); ² Через Бельгию (лат.). — *Ред.*

лая погода продолжается. Ага теперь пьет кофей с открытым окном — вот тебе наши latest intellig^{ence}¹.

— «Ah, ma... ma... Kopf... head... Platzen Sie, Garibaldi... ta...ta... ta... ra... ta... ra... ta». — Schwabe. — «Und auch Sie müssen écrire, daß Melle Meysenbug — est si infidèle, elle vergift her amis»². Сейчас сидела у меня утром — и всё рассказала, даже как русский доктор Pigoroff (т. е. Пирогов) был — и что Секки etc., etc.

Понедельник.

26.

Саша у Гилдичей. Ну, вероятно, вы знаете по газетам, что Польша загорелась со всех сторон. — У нас теперь все пре-оккупации затмились этими новостями. — Получила ли ты, наконец, «Колокол»?

325. Н. А. ГЕРЦЕН

30 и 31 (18 и 19) января 1863 г. Лондон.

30 января. Orsett House.
Westb^{ourne} terrace.

Милая Тата,

нельзя сказать, чтоб ты слишком много писала — умей же находить время на отдых и на письмо. У нас так тревожно теперь — так тревожно, что Ага, без того усталый от болезни Лизы, едет дней на десять за город. — Ты, вероятно, знаешь из газет, что делается в Польше — множество знакомых в средоточии опасности, многие вновь поехали, все ведут себя геройски, но от этого до победы далеко. Получен ли, наконец, «Кол^{окол}»? — я завтра пошлю другой.

31 янв^{аря}. Суббота.

Вчера пришло ваше письмо — благодарю и целую. Очень рад всему, что пишете о занятиях. — Отчего же не попробовать и русские чтения? Напиши Саффи — сверх поклона, что я ужасно жалею, что по ошибке Тхоржевского с него за журналы, тогда посланные, взяли большие деньги. Если б я знал, я ему послал бы по крайней мере «La Cloche».

Natalie тебе много кланяется.

¹ последние новости (англ.); ² «Ох, моя... моя... голова... голова... Лопните, Гарибальди... та... та... та... ра... та... ра... та». — Швабе. — «А еще вы должны написать, что мадемуазель Мейзенбург так неверна, она забывает друзей» (нем., франц., англ.). — *Ред.*

Рукой А. А. Герцена:

Милая Тата,

кажется, вам хорошо во Флоренции, и это меня радует за вас. Я себе на днях устроил маленькую диверсию от Лондона и ездил с субботы до понедельника в Ричмонд к Гильдичам. Погода была отличная; вообще, у нас редкая зима. У Гильдичей разные перемены: старики отрастили усы, о молодых и говорить нечего; дамы после обеда не выходят, даже позволяют при себе курить — *now, what are all those trifles of daily life.... look to the holy Sabbath: Emmy H. and Milly Souloby seated at the pianos and <were> playing first sacred music — but then — oh — almighty! The Trovatore!!! Brrrrrrrr... Das ist der Zorndonner in der Unterwelt¹*. Только они играли ужасно тихо; я осмелился сказать, что следовало бы поскорее <...>²

326. Н. П. ОГАРЕВУ

31 (19) января 1863 г. Лондон.

31 янв<аля>. Orsett House.
Westb<ourne> terrace.

Вчера пришло письмо от Fontain'a, который говорит, что huissier³ принес ему требование от Мерославского напечатать ответ Бакунину в «Uyllenspiegel». (Республиканец-то — через фартального.) Ответ дерзок — но, впрочем, ничего.

Тебе послал сегодня корректурный лист — отошли его, пожалуйста, поскорее в Bruxelles — Mr Fontaine, 12, Passage de la Monnaie. — Тебе послано Sydenham — post off<ice>⁴, но их там три.

Советую тебе собрать всю силу твердого ума для того, чтоб — написать к N<atalie>. Она вчера была в страшном excitement'e⁵ — и свято верит в полную правоту свою. Хотела писать тебе — потом сказала, что ты ей не веришь. Я остановил все и сказал, что на нас лежит обязанность — относительно детей. Ты очень обидел — последними словами. Дай же все привести в порядок.

Новостей важных нет, но инсurreкция держится. «Nord» говорит о *пушках*, взятых у инсургентов.

В Петерб<урге> Государственный совет отверг закон о свободе книгопечатания.

Еду обедать к Псевичу, который и тебя приглашает. Они с секретным поляком — все в Argyll руме.

Все здоровы. — Прощай.

¹ нет, ты только взгляни на такие повседневные мелочи: в святое воскресенье Эмми Х. и Милли Соулоби сели за фортепьяно и играли сначала духовную музыку, но затем, — о всемогущий! — «Trovatore»!!! Brrrrrrrrrr... Das ist der Zorndonner in der Unterwelt<Это яростный раскат грома в аду> (англ., нем.). — *Ред.*

² Конец письма не сохранился. — *Ред.*

³ судебный пристав (франц.); ⁴ Сайденхем — почтовое отделение (англ.); ⁵ возбуждении (англ.). — *Ред.*

3 февраля (22 января) 1863 г. Лондон.

№ 3.

3 февраля. Orsett House.
Westb⟨ourne⟩ terrace.

Письмо твое 2-е получил в два часа — а не вечером, да и как же ты мог предположить, что почта из Сиденг⟨ема⟩ в Паддингтон ходит часов 12. Сейчас получил и 3-е — с планом. Я помню статую дьявола на выставке — превосходнейшую — не знаю, та ли.

О твоём письме мертвое молчание — ни йоты. Письмо это я пошлю теперь, т. е. в 10 утра; если что будет, напишу еще.

Лиза, разумеется, была в страшном восторге — и не могла до $\frac{1}{2}$ 10 уснуть. Я ей советовал послать часть игрушек Малуше — а она говорит: «Нет, ты ей лучше купи, а то с игрушками может болезнь пристать». Это хоть бы Дрюин Де Люс.

Сегодня, 3 ф⟨евраля⟩, «Теймс» помянул меня и Бакун⟨ина⟩. Новости сбивчивы. Бак⟨унин⟩ решительно хочет послать Жук⟨овского⟩. — Что тут делать? А Ж⟨уковский⟩ — хитрый человек, он хочет ехать и потому отказывается. Впрочем, здесь его тоже не нужно.

Посылаю 2 «Сев⟨ерные⟩ пчелы» и «Колокол».

Вчера я ездил к Ротш⟨ильду⟩ получать деньги Мил. — по подземному каналу, — Мартынов напорол дичь, это и просто и комфортабельно. Ротш⟨ильд⟩ расспрашивал меня о польских делах — как они поразительно мало знают и много получают.

Хотелось бы «Кол⟨окол⟩» издать к 10-му. Я напишу Чернецк⟨ому⟩, чтоб он тебе прямо послал корр⟨ектуру⟩, а ты, не задерживая, пришли мне. Обойдется и без «Веча».

Ну, а потом — следует от тебя статья.

Бьет 10. Addio.

Моя статья о Европе — скорее сблизит с potentатами, чем разрознит, а Польше не народы помогут — об этом после.

4 февраля (23 января) 1863 г. Лондон.

4 февр⟨аля⟩. Orsett House.
Westb⟨ourne⟩ terrace.

Мое письмо опоздает сегодня, потому что я ждал от тебя и до сих пор нет. Писать ли к солдатам — мудреный вопрос, — коли такой стих найдет — можно, род этот опасен и должен быть страшно силен и поэтичен — чтоб пройти.

Инсurreкция держится славно, уж в Литве и Волыни — есть банды. Молодцы поляки — Фонтень пишет, что из Брюс-

селя уехали все молодые поляки. «Constitutionnel» нас (русских революционеров и польск<их>) обругал, «Siècle» — защищает. Я не читал ни того, ни другого, пойду к Жюзо: он один держит «Const<itutionnel>».

Дома совершеннейший штиль — но из этого не следует, чтоб на волос было что-нибудь gagné ¹. Не забывай посмотреть дом или два, три разных величин um sich zu orientieren ².

Да только у тебя ничего не поймешь в расстояниях. Ex<empli> gr<atia>, ты пишешь, что твой дом от железной дороги на 5 или 10 мин<ут>. Но ведь 10 минут — ровно вдвое, можно сказать час или час с четв<ертью>, но нельзя час или два.

Я полагаю, что следует нанять квартиру фунта в три в Лондоне — да фунта в 2¹/₂ на даче.

Вперед я дальше лета не смотрю и считаю, что это умнее всех планов — которые никогда не удаются. Если инсurreкция будет подавлена — без малейшего участия в России, и вся литература будет ругать Польшу à la Martianoff и Аксаков — да и крестьяне пропустят желанный день, — то не пора ли и нам в отставку? Летом, если не будет больших препятствий, поеду в Италию. Две квартиры в Англии всего удобнее.

Не пиши на адресе Paddington — это лишнее, потому что Westb<ourne> terr<ace> одна. А proros, на днях пробовали перебрасывать пневматической машиной письма из угла в угол через весь город. Опыт удался — кажется, из Сити до последней станции 5 секунд. Что скажете?

Сегодня придет Давыд<ов> и сын его Савич.

3 часа.

Лиза велела сказать, что целует тебя, у ней насморк — может, от перемены комнаты. Внизу что-то с одним камином свежо.

Natalie все меня и тебя винит за дело Сары, говоря, что оно не от углей вышло — а от неимоверной дерзости, о которой никто не хотел спросить — ее уж нет. О письме, кажется, минует говорить.

329. Н. П. ОГАРЕВУ

5 февраля (24 января) 1863 г. Лондон.

5 февраля. Orsett House.
West<bourne> terrace.

Твое вчерашнее письмо действительно имело действие пи-
стоletного выстрела. Я в ту же минуту послал Сашу к Кинке-
лю — вчера Иоганну хоронили, Адла точно так же в свире-
пейшей scarlatine. — Давно я не был ничем так зарезан,

¹ выиграно (франц.); ² чтобы ориентироваться (нем.). — Ред.

потрясен и испуган. Я решительно всю ночь не спал — тут же у Лизы насморк; минутами засыпая, я просыпался — с холодным потом на лбу. Несмотря на все на это, я к Кинкелю не пойду, считая эту демонстрацию даже не деликатной и совершенно немецкой. Я ему напишу несколько слов. Саша говорит, что он сбит с ног — какие же тут рукожатыя.

О Жизнь! Жизнь!

Я никогда не говорил, что «Кол(окол)» выдавать с 20. Стало, торопиться некуда с статьей. — Насилу отыскал «Колок(ол)» и твою книгу — пиши лучше поэму. Я чую время, в которое тебе, да и мне, следует перестать писать — мне смесь, а тебе груз «Колокола». Право, лучше звонить к проклятию и похоронам.

От Милов(ича) письмо — до сих пор, пишет он, ни одного русского солдата не перешло, ни один офицер не отказался от команды против поляк(ов). Меня обдаёт ужасом — это хуже расстреливания. Ты помнишь, что я был дурным пророком в деле адресов. Хм(елинский), прощаясь, мне сказал: «Пот(ебня)... да, Пот(ебня) превосходнейший человек — да кроме-то его кто?»

Маццини пишет, что приедет завтра в 5 часов — потолковать о пол(ьских) делах. Тряхни-ка стариной.

Если все у нас будет благополучно, в субботу приеду — или в воскресенье. Псевич собирался к тебе, я остановил.

12 часов.

Отправляю письмо. Лиза, кажется, ничего, однако и не по обыкновению весела. Погода давит — теплой вьюгой. На душе так скверно, что посылаю второе письмо семинариста о мужеложстве.

О твоём письме — молчание.

В самом деле, не приедешь ли на Маццини?

Бак(унин) собирается. Но тихо этого не сделает. Au reste ¹, он печальнее обыкновенного.

Прощай.

От париж(ского) Ротшилда пришел счет — американские фонды почти spolna заплачены.

Почты заграничной нет — видно, буря задержала.

Жуков(ского), Кельсиева и какого-то Мат... Мат. лызывают в «Теймсе».

В «Север(ной) пчеле» статья о книге Чичерина.

Солдатенковы будто хотят погодить.

¹ Впрочем (франц.).— *Ред.*

7 февраля (26 января) 1863 г. Лондон.

7 февраля. Orsett House.
Westb(ourne) terrace.

Милая Тата,

письмо ваше я получил. Начинаю с того, что вторая Кинкель лучше — и у нас, кажется, все хорошо. Сегодня обедал (т. е. вчера) Осип Иванов(ич). Поляков у нас теперь видимо-невидимо, — одни приезжают из Франции — вся молодежь едет в Польшу, и действительно русским у них надобно поучиться. Помнишь ли ты того поляка с белокурыми усами — который был в тот вечер, когда была Теплякова? — Это он-то и есть тот Лангевич, который начальником отряда два раза побил русских. Двое других, которых, кажется, ты видела, также действуют славно и, может, славно погибнут. Много подробностей я не пишу — прочтете их в газетах. Поляк, оставшийся в Париже, выпущен. Попробую посылать вам «Теймс», в котором найду что-нибудь, — говорят, что это всего стоит 2 пенса.

Сказать, могу ли я приехать и когда, теперь мудренее, чем прежде. В Париже — большая дружба с русскими, об этом напишу другой раз. Если очень хочется, поезжайте в Рим — но, по правде, тут нет ни rhyme, ни raison — времена мрачные, работать и работать надобно — думать и читать.

Зачем Фрикен живет в Италии — спроси его от меня, в России страшно нужны люди.

Ну и прощай. Целую тебя крепко и крепко.

Рукой А. А. Герцена:

Милая Тата, Адели лучше; до следующего письма схожу еще раз узнать, но вы, верно, до тех пор получите известие от самого Кинкеля. — Кажется, ваш stay¹ в Италии немного продолжится; так вы хотите в Рим абштехер сделать? Но это летом или поздней весной нехорошо, потому что тогда там бывают лихорадки, которым подвержены особенно новопреезжие. Целую вас.

331. А. А. ЧЕРКЕСОВУ

8 февраля (27 января) 1863 г. Лондон.

8 фев(аля) 1863.
Orsett House. Westb(ourne) terrace.

Любезнейший Черкесов. Письмо ваше я получил, — вы в нем пишете обо всем, кроме одного, и С(ерно-Соловьевич) пишет обо всем, кроме одного. Да получили ли вы деньги, высланные на неапольского Ротшильда, 600 фр., или нет? С(ерно-

¹ пребывание (англ.). — *Ред.*

Соловьевич> пишет только, что получил мой телеграмм, — мне нужно знать для счетов с здешним Ротшильдом. Деньги можете отдать моей дочери, когда будет там, — это как хотите — разумеется, если вы их получили. Прибавьте 13 фр. за телеграмм (11 шилл. 8 п.).

Итак, вы в Гейдельберге, — здесь слухи о дуэли Блюммера с Новицким; досадно, время ли теперь заниматься этими феодальными расправами. Если вы знакомы с Владимировым (если нет — то познакомьтесь), поблагодарите его за письмо и скажите, что пока книг из Гейдельберга не нужно нам. Правда ли, что Милорадовича потребовали?

Кстати, мы получили вчера длинное письмо из Петербурга — напрасно всех в Гейдельберге потревожили черным взглядом графини. Совсем напротив, дела идут хорошо; правительство глупо, оторопело — и срезалось перед Европой польским набором. Кстати, еще несколько отдельных случаев жестокостей со стороны поляков правительство раздуло в намерение вырезать всех русских и в анекдоты о разрезанных... солдатах. Солдаты сначала во многих полках молчали, не дрались, давали себя брать врасплох. Но грубая штука удалась, и они говорят офицерам: «Что же нам их щадить»; это верно. Кланяйтесь Лугинину — зачем он предается нигилизму?

Прощайте; дружески жму вам руку.

А. Герцен.

Рукой Н. П. Огарева(?):

Здесь приехала бездна поляков — молодцы. Крепко жму вам руку. Да! О фонде похлопочите; он теперь больше нужен, чем когда-либо.

Рукой М. А. Бакунина:

Здравствуйте. — Время настало бурное. Не знаем только, буря это или только предбурье. А вы как живете, вы и ваш друг, которому усердно кланяюсь.

М. Б.

На конверте: Germany

A. Tcherkessoff

Mr Vigelius Anlage Pension Freund, 10.

Heidelberg.

332. Н. П. ОГАРЕВУ

15 (3) февраля 1863 г. Лондон.

15 февр<аля>. Orsett House.

Воскресенье.

Наш юнец, несмотря ни на что, хочет ехать, и именно во вторник, — может, это необходимо для очистки, для уяснения и для завоевания денег. Но от этого я и не знаю, могу завтра приехать или нет и могу ли один. Вечером напишу.

Статья твоя хороша — но мне не по сердцу слишком частое поминанье немцев. С<лепцов> ждет вторую статью — он тоже хочет ехать послезавтра, а затем и П<отебня> — хотя этого я всего меньше понимаю.

Польское дело, вопреки всему, держится и скорее идет в гору — его надобно проповедовать, и я совершенно был против твоего мнения, что о глупой и отвратительной кондуите их следовало печатать. Пусть П<отебня> приготовит для будущего промеморию. В твоём адресе к солдатам следует прибавить вариант для находящихся в Польше.

С твоими рассуждениями я тоже не согласен. Во-первых, volo videre quomodo aedificatis ¹ — пусть же они докажут, что они сила. Что мы с ними и с всеми, кто идет тем же путем — это они знают. Но, стоя на нами построенном фундаменте — одиноко — пока не убедимся, что их прочнее, мы не будем увлечены в fiasco или нелепость. Служить им я буду, но, прежде чем брать солидарную ответственность, хочу видеть их журнал, их profession de foi — ведь «Земля и воля» не всё, и в «Молодой России» — то же было. Кстати, Салиас в письме еще и еще повторяет, какой вред они наделали.

«Вдруг в 1863 г<оду> оно составилось». — А разве в 1848 году Сазонов не основал международный клуб, разве не были правильные заседания и пр.

А поэтому я не знаю, чего именно ты хочешь от меня. Смешать 0 — нашего фонда с 0 — их. Можно. — С<лепцов> говорит, что мы можем распоряжаться — а С' — придет да задаст не такую гонку. Это даже Бак<унин> не принимает.

Писать они не умеют — я пишу и буду писать, ты тоже.
Was willst du denn mehr?

Мерославский в пятницу поехал.

333. М. МЕЙЗЕНБУГ и Н. А. ГЕРЦЕН

17 (5) февраля 1863 г. Лондон.

17 fév<rier> 1863. Orsett House.
West<bourne> terrace.

Es ist unendlich Schade, daß mein Brief vom 4. oder 5. verloren gegangen ist. Fragen Sie auf der Post, schreiben Sie an Ihren Post-Office. — Der Brief war an Sie adressiert, Malv<ida> v<on> Meys<enbug>. — Dieser Tod hat <auf> uns einen schrecklichen

¹ хочу видеть, как вы строите (лат.). — Ред.

Eindruck gemacht. Dazu stellen Sie sich vor, daß Johanna starb — als Lisa eine *Rechute* hatte.

Die Adla geht gut.

Nun aber — sagen Sie, wie kommt es — daß Ihr ganzes Comité nicht so viel *догадка* hat — um zu verstehen, wenn etwas Absurdes kommt — daß da ein *Brief verloren* gegangen ist? Wie konnten Sie, wie konnte Tata denken, daß wir nicht geschrieben haben? Où est donc le prix de l'expérience avec la célèbre lettre Gallait que je n'ai jamais écrite.

Enfin tâchez d'avoir ma lettre — réclamez, faites agir Fricken etc.¹

Новостей много — но писать много не хочется. В Петербурге была в театре демонстрация в пользу Польши. В Англии — сильно озлоблены против подлейшей Пруссии (посылаю «Теймс»).

Кн. Долгоруков бежал из Бельгии в Голландию — и едет сюда, в силу чего я ищу квартиру вне Лондона.

Сапа ушел за разными покупками с приезжим русским.

Пишу вам только чтоб сказать — что я о Иоганне писал.

Прощай.

Ольгу целую — Лиза ее сильно помнит и ждет.

Addio.

334. И. С. ТУРГЕНЕВУ

20 и 24 (8 и 12) февраля 1863 г. Лондон.

20 фев<раля>.

Письмо твое от милого Японца получил. Мне сказывали две недели прежде, что тебя будут требовать — я сам полагаю, что Гейделберг и разговоры его навлекли это. Может, было бы лучше ехать. Преследование тебя нанесло бы страшный удар правительству дураков, трусов и, в силу этого, злодеев. Бумаги, о которой ты пишешь, ни у меня, ни у О<гарева> нет. Помнится, она была у нас в копии.

¹ Бесконечно жаль, что мое письмо от 4 или 5 пропало. Спросите на почте, напишите в свой Post-Office <почтовое отделение>. — Письмо было адресовано вам, Мальв<иде> ф<он> Мейз<енбург>. — Эта смерть произвела на нас ужасное впечатление. К тому же, представьте себе, что Иоганна умерла, когда у Лизы была *rechute* <рецидив>.

Адла чувствует себя хорошо.

Однако скажите, как могло случиться, что у всего вашего комитета не хватило догадки, чтобы понять: если приходит нечто абсурдное — значит, одно *письмо пропало*. Как могли вы, как могла Тата подумать, что мы не писали? Куда девался опыт со знаменитым письмом Галле, которого я никогда не писал?

Наконец, постарайтесь достать мое письмо, требуйте, заставьте хлопотать Фрикена и т. д. (нем., франц.). — *Ред.*

Спроси у Л^ьугинина — он очень скромен — адрес в Гейделберге: *Anlage Pension Freund*.

По твоему глаголу я молчал до тех пор, пока расхохотался, прочитав эту тайну в «*Nord'e*».

А твоим седидам наука — не пиши повестей в журналах, которых питают сосцы III отделения. — Бог увидел и наказал.

Что ты скажешь об учтивости Долгорукого, который от тебя бежал и лежит в Бреду (это не болезнь, а город в Голландии).

У ваших ног.

А. Герцен.

24 февраля.

Твой Японец не идет, решаюсь послать письмо в Париж. Что, каково он, обовшивевший пруссаками, раздражил Европу.

Читал в объявлениях, что ты будешь печатать во «Времени» (всегда вовремя всё, что печатаешь, и недостаточно в пространстве), а не в шпионском рассаднике Катькова (этот прибавляет кн. Долгору^кий)). Поздравляю с поздним, но все же похвальным возбуждением чувствований кивических добродетелей.

335. Н. А. ГЕРЦЕН и М. МЕЙЗЕНБУГ

24 (12) февраля 1863 г. Лондон.

24 fév^{rier} 1863. Orsett House.
Westbourne terrace.

Милая Тата,

поняли вы, наконец, что мое письмо пропало, и спрашивали ли на почте? Мне жаль, что именно это письмо пропало.

Около нас хотя и тихо, но видно зарево — что-то будет — может, и настоящая война. Теперь я убедился, что Пруссия в десять раз гнуснее Австрии. А наши-то негодяи? Получаете ли вы «Колокол»? Дядя Мишель уехал в Брюссель — и, пожалуй, доедет до Флоренции — что скажете тогда?

Unsere Aktien sind wieder besser, Malvida Филипповна, — *ich war schon der Meinung, daß man über Frank^{reich} nicht mehr gehen konnte — aber sehe doch, daß all right ist.* — Naturalisieren Sie sich doch in Florenz — denn es ist unmöglich *Tedesca* zu bleiben. Wenn man diese Helden-Jünglinge in Polen sieht — und die kleine *Bavardage* - Opposition in Berlin — so fühlt man — daß es besser ist unterzugehen wie Polen — als ein Exerzierhaus der Philosophie wie Preussen zu blühen ¹.

¹ Наши акции снова повысились — Мальвида Филипповна, — у меня уже сложилось мнение, что через Францию нельзя ехать — но теперь

Рукой А. А. Герцена:

Милая Тата, как же это ты, в самом деле, не догадалась сейчас, что одно письмо от нас пропало? Странно и больно, что это именно то, в которых папа и я писали Мали и тебе о смерти Johann'ы. Жаль только, что это вам причинило еще больше беспокойствия, чем ежели б вы просто получили наше письмо. — Адела, кажется, совсем поправилась.

Наш кружок уничтожен теперь — все разъехалось, даже 48-летний *Vaschus-enfant*¹ (помнишь?) и он уехал покамест в Брюссель — может, будет в Италии, но едва ли во Флоренции — только об этом не много говорите. Через неделю мы остаемся одни с Торж^евским, Черн^епким, Жук^овским и — и, вместо *всех* остальных, с одним кн. Долгоруковым, celui de la salade et de la «Boudouchtchnost»!² Не знаю, что хуже.

Что Ольга — получила мое письмо, специальное? *Требу*ю ответа. Обнимаю вас.

С а ш а.

336. Н. А., О. А. ГЕРЦЕН и М. МЕЙЗЕНБУГ

26 и 28 (14 и 16) февраля 1863 г. Лондон.

26 фев^ераля. Orsett House.
Westb^ourne terrace.

Ну, вот я и опять пишу к вам — Тата, Оля и Малвида Филипповна. Вчера был Кинк^ель и в воскр^есенье опять придет — каковы чудеса. А вы там что бунтуете, по митингам ездите — да «либерту» кричите?

Я получил через Фрикена письмо от Долфи и к^омпа^нии, они хотят мне прислать что-нибудь или через меня вступить в сношение с пол^яками. Я тотчас отвечал — именно вчера, а ты спроси Ф^рикена, получил ли он письмо (по его адресу и *Via Belgium*³).

Первый результат дел такой, что я полагаю полезным отсрочить вам еще вашу флорентийскую жизнь. Мы говорили — от 15 дек^абря circa⁴ до 1 мая — кажется, можно вам прибавить еще месяца два.

Забелле ничего не заказывай, а мне пришли эскиз.

Жаль очень, что письмо мое пропало,

Рукой А. А. Герцена:

Милая Тата, отдай сейчас же это письмо Фрикену, попроси его перевести на итальянский язык и послать от нас лучшей газете у вас во Флоренц^и и еще какой-нибудь в Италии.

Обнимаю вас всех от души.

С и н к.

вижу, что все all right. — Натурализуйтесь во Флоренции — немисливо оставаться tedesca <немкой>. Когда видишь этих героических юношей в Польше и маленькую bavardage-опозицию в Берлине, то чувствуешь, что лучше погибнуть, как Польша, чем процветать в качестве философской казармы, как Пруссия (нем.). — *Ред.*

¹ дитя Вакх (франц.); ² тем, что с салатом и «Будущностью» (франц.); ³ Через Бельгию (лат.); ⁴ приблизительно (лат.). — *Ред.*

28 февраля.

Милая Ольга, вчера мы получили твое письмо и были им очень довольны, особенно тем, что ты премудро рассуждаешь о митинге — и о saltarell'e¹. Пиши всегда такие длинные письма. Т<хоржевский> спрашивает, не взять ли Туту на войну, если он пойдет. Я советую ей купить небольшую бутылку — и чако или кепи — и послать *comme une vivandière*².

У нас все так же тепло, как было летом. Доктор посылает Natalie с детьми на десять дней в St. Leonard. Здесь очень много больных — особенно в горячке. Вчера на нашей новой железной дороге (вы ее не знаете — это подземная) было несчастье, — так как всё туннели — то, должно быть, это очень неприятно.

Рукой Н. П. Огарева:

Здравствуйте, милые мои. Ну ж спасибо Ольге за письмо к патеру, я вижу, что она становится человеком хорошим, и непременно ей что-нибудь напишу. Ну а ты, Тата, чем занята? Напиши мне подробнее. Всех вас целую.

337. Н. А., О. А. ГЕРЦЕН и М. МЕЙЗЕНБУГ

5 марта (21 февраля) 1863 г. Лондон.

5 марта.

Рукой А. А. Герцена:

4 марта. Orsett House.
Westbourne terrace.

Милая Тата,

еду сегодня вечером в Париж по просьбе нескольких знакомых, чтобы помочь им в устройстве разных дел; останусь там 2—3 дни и, может, оттуда напишу. Жаль, что забыл адрес Галле, — я бы на всякий случай заглянул; ежели они в Париже, пришли мне сейчас адрес на мое имя, Hôtel d'Espagne et de Hongrie, rue Taitbout. Получила ли ты книжку «Десятилетие»? На днях я познакомился с очень умной и красивой польской барышней, Melle Koparska, дочь старого генерала.

Исход польского восстания предвидеть невозможно; кажется, Европа уже отступает от деятельной помощи, везде выражают симпатию — нигде ничего не делают. Русские в Польше свирепствуют страшно; говорят, что и пруссаки в Познани делают такие же ужасы, хотя там восстания не было. Поляки дерутся геройски, и во всяком случае даже если их оставят совсем одних, восстание продержится еще долго.

Теперь читай «Колокол» с особенным вниманием.

Кто это у вас во Флоренции речь говорил на митинге, — русский?³

Ну, прощай; буду скоро поближе к вам, но все-таки не довольно близко, чтоб вас расцеловать.

С а ш а.

¹ прыгунке (итал.); ² маркитанткой (франц.). — *Ред.*

³ Всё это и здесь знают — Мечников. Саша поехал на 3 дня — письмо это придет через 3 дня — суди об основательной просьбе писать. — *Примечание А. И. Герцена.*

Милая Тата:

Саша советует читать «Кол<окол>» — можно, или, как говаривал кн. Сергей Мих<айлович> Голицын, *можно*. А что, как здешним понравились «Expiatio», «Resurrexit» и еще в послед<нем> «Преступления»? В новом будет ужасная статья («Плач»). Ты совсем не пишешь.

Natalie с детьми поехала на 10 дней в Eastbourne — там хорошо на короткое время. Лиза здорова и очень умна, т. е. не в смысле, что не шалит, а в том, что ужасно много понимает и очень самобытно. Здесь так тепло, что я сижу с открытым окном. Теперь Лондон сошел с ума с приемом датской принцессы.

От London Bridge до Paddington Station — всё места, на Еджвероде арка, на Oxford terrace другая. Украшения лондонского моста стоят около полумиллиона франк<ов>. — Вот, Ольга, ты говорила о муке, которую бросают, — а тут деньги столько бросают, что их было бы довольно прокормить Ланкашир. Места — по гинее, и самые дешевые по $1\frac{1}{2}$ гин<ей>.

Письмо твое, Ольга, отошло — а ты франкируй, потому что за нефранкированные берут вдвое.

Il y a — chère Malvida — une nouvelle brochure de Proudhon — même sujet — j'ai commencé, c'est bon. En Russie — *die Kluft* — entre le gouver<nement> et les gouvernés va de plus en plus ¹.

338. М. И. ЖИХАРЕВУ

8 марта (24 февраля) 1863 г. Лондон.

8 марта 1863. Orsett House.
Westbourne terrace.

Благодарю вас от всей души за присылку рисунка. Кн<язь> и отец Гагарин книгу мне прислал. В «Русском вестнике» была (кажется, в декаб<рьской> книжке) статья о П. Я. Чаадаеве Лонгинова — так себе, статья пошленькая, но хорошо, что позволяют говорить.

Какие события! — Раскачивается трон, и тает ледяной дом на Неве.

Получается ли в Риме «Колокол» — и не прислать ли вам? Усердно кланяюсь вам.

А. Герцен.

Огарев благодарит за память.

¹ Появилась, дорогая Мальвида, новая брошюра Прудона — тема та же — я начал, хорошо. В России пропасть между правительством и управляемыми все растет (франц. и нем.).— *Ред.*

12 марта (28 февраля) 1863 г. Лондон.

12 марта. Orsett House.
Westbourne terrace.

Любезная Тата, письмо твое пришло. Саша третьёгодни воротился, исполнив все поручения и съездив еще в Гейделберг. Теперь о твоих письмах вообще и о последнем. Я, друг мой, скажу тебе просто, что я недоволен ими. Ты пишешь всякий раз как спросонья, рассеянно и, за исключением первых писем, довольно пусто. Эта рассеянность вредна. Чтоб тебе было недосуг в неделю раз написать письмо, я этому не верю — да ты же пишешь гораздо реже.

В последнем письме — ни слова ни об Ольге, ни о делах, ни вопроса к нам всем. — Ты занята исключительно собой и желанием ехать в Рим — смотри, этим путем как бы не развить в себе равнодушный эгоизм — который и в старости не хорош. Где все проекты журнала, отчета в занятиях? — Вместо всего наскоро написанные записочки. — Советую тебе попризадуматься об этом.

В Рим, пожалуй, поезжайте.

Обнимаю тебя.

Когда ты пишешь — пожалуйста, *отвечай на все* вопросы, которые в моем письме.

Ольга, salut et fraternité ¹.

Лондон сошел с ума: весь покрыт был красным сукном, фес-тончиками, знаменами, и на иллюминации раздавили несколько детей, женщин. Мы с Тхоржевским дошли до Temple bar — и вот еще теперь болят плечи. Если ты в Риме будешь писать к папе, то письмо ко мне не дойдет — там другой папа.

Между 13 и 15 (1 и 3) марта 1863 г. Лондон.

Милая Тата!

Твоим вторым письмом я больше доволен. Да отчего же послали вы 5 марта, а пришло 12? «Колок(ол)» будем посылать в двух экземплярах — и теперь посылаю. Аутограф пришлю — но Ос(ипа) Ив(ановича) *по почте* не пошлю. Так, как я писал, в Рим ехать можете — когда я приеду (и приеду ли), гораздо больше зависит от Лангевича и Кастестин Николаевича, чем от меня. Ну да ведь во всех случаях я вам отсрочил на два месяца.

Was willst du denn mehr?

¹ привет и братство (франц.). — *Ред.*

Кинкель продолжает культивировать знакомство. Прошлого воскр(есенье) Адла первый раз сошла в гостиную. Она совсем здорова. Лиза тоже — все доктора и даже Нефталъ говорят, что это чудо из чудес, что у маленьких не было скарлатины.

Ольга,

сегодня Жак приносит мне картину, на которой представлена река Гарно, как он сказал, и ваш дом. Отчего же из вас всех никто не сделал того, что сделала Егоровна для своей тетки?

Вчера Девис упустила из клетки твою птицу. Жак бегал в саду ее ловить — но так как она сидела на крыше, а он бегал по дорожке — то и не поймал.

В понедельник Лиза с Лелями выезжает в здешнюю столицу. Кланяйся в Риме папеньке.

341. Г. ФОРТУ

19 (7) марта 1863 г. Лондон.

Les rédacteurs du *Kolokol* ont l'honneur d'informer Monsieur Gustave Vogt — que pour le moment Monsieur Michel Bakounine n'est pas à Londres. Mais en même temps ils se chargent avec empressement de toute commission, comme de tout envoi adressé au représentant du gouvernement national Polonais à Londres. Chaque envoi sera immédiatement publié — dans le *Kolokol* — et ensuite dans la *Cloche* de Bruxelles. Si le comité suisse préfère d'entrer en rapport direct — avec le délégué Polonais, le comité ou Monsieur Vogt n'ont qu'à les avertir — et ils enverront son adresse et une lettre de lui.

Alexandre H e r z e n.
N. O g a r e f f.

19 mars 1863.

Orsett House. Westbourne terrace.

П е р е в о д

Редакторы «Колокола» имеют честь сообщить господину Густаву Форту — что в настоящее время господина Михаила Бакунина нет в Лондоне. Однако в то же время они с готовностью берут на себя передачу любого поручения, равно как и любую пересылку на имя представителя Польского национального правительства в Лондоне. О каждом отправлении будет немедленно сообщено в «Колоколе» и затем в брюссельской «La Cloche». Если швейцарский комитет предпочитает войти в непосредственные сношения с польским делегатом, комитету или

господину Фогту следует лишь нас об этом уведомить — и мы вышлем его адрес и письмо от него.

Александр Герцен.
Н. Огарев.

19 марта 1863.
Orsett House. Westbourne terrace.

342. Н. А., О. А. ГЕРЦЕН и М. МЕЙЗЕНБУГ

24 (12) марта 1863 г. Лондон.

24 марта 1863. Orsett House.
Westbourne terrace.

Милая Тата,

пишу несколько строк в Рим, чтоб сказать, что мы здоровы и целы, — и сказать это на всякий случай, потому что я не знаю, дойдет ли письмо или нет.

Вчера отправ(ил) во Флоренцию к Фенси 1500 фр. — из них ты можешь взять на свои депансы 200 фр., что вместе со 100 фр. от Фрике(на) (которые я здесь отдал) составит 300 фр. тебе особо. Мне хотелось бы знать, что стоят extra¹ по части учения, модели, уроки etc. — особо от хозяйства. — Думаю, что, кроме особых каких-нибудь вещей, вам не следует тратить больше 700—750 фр. в месяц. Так и рассчитывайте.

Проект Заб(елло) совершенно мне не нравится, — зачем же он делал модель — я говорил о рисунке карандашом. Это проект казенно-обыкновенный.

В субботу отплыл пароход с целым легионом поляков — отсюда. Под начальством полковника Лапинского, который уж воевал на Кавказе. Старики и мальчики — Сиротский из типогр(афии) и старик, который носил корректуру (верно, помнишь) — всё поехало. Несколько французов — одного поместил Боке — несколько итальянцев. Всё это в полном вооружении, с пушками, штуцерами и револьверами. Мы провожали их. Минута отъезда по железной дороге была торжественна. Они поехали в особом train².

А Лангевич побит, — но это далеко не значит, что Польша побита.

Ольга, жду от тебя описания Рима und des Herrn Papa³. Шарик умирает. Когда приедете во Флоренцию — я напишу о конской езде.

Что ты не пишешь никогда к Nat(alie)?

Прощай.

¹ дополнительные расходы (франц.); ² поезде (англ.); ³ и господина папы (нем. и итал.). — *Ред.*

Sehen Sie die *aeterna Roma* — und lesen Sie jetzt keine Briefe. — Tata wird Ihnen und Olga doch vorlesen — über d(en) *Départ*.

Geld habe ich geschickt 1500. Die 100 Fr. von Fricken sind schon abgegeben.

Your obedient.

P. S. Bitte, mir zu schreiben, ob dieser Brief angekommen ist ¹.

Рукой А. А. Герцена:

А я ездил провожать поляков до парохода; их отъезд был действительно торжественен и трогателен. Лапинский взял с собою, в свой штаб — русского офицера, стоявшего прежде в Варшаве, одного из товарищей того, который при тебе раз приезжал и который сам при Лангевиче. Что теперь с ним?.. Вы, верно, знаете из газет, что при Лангевиче была адъютантка — русская — Пустовойдова, а при Чеховском другая — Сухотина. Кроме этого, в польских рядах еще 4 польки. Одна в одном сражении несла знамя и пала с 19 ранами.

Коли у вас климат хоть издали похож на наш, то вы должны необыкновенно ежоуировать путешествие.

Обнимаю вас.

С и н к.

На конверте: Italy

Mademoiselle Malvida von Meysenbug. Pos<te> rest<ante>.

R o m e.

343. В. И. КАСАТКИНУ

27 (15) марта 1863 г. Лондон.

Лондон — 27 марта.

Orsett House. West<bourne> terrace.

На днях едет в Женеву и Берн К. Он вам вручит инструкции и 50 фунтов на расходы. — Я думаю, пока будет довольно. — Печатайте без счету, а коммуникации будут вскоре восстановлены. Революция не только не погасла, но увеличилась, вести из России благоприятны, и наши труды не пропадут даром. Литовская партия ожидает весны, а в Австрии организуются новые отряды, ведь границу не обнесут частоколом, перевоз оружия, а главное — пропаганды будет продолжаться. Пишите

¹ Осмотрите *aeterna Roma* <вечный Рим> — и не читайте теперь писем. Ведь Tata прочтет вам и Ольге о *départ*.

Деньги послал, 1500. 100 фр. Фрикена уже отданы.

Your obedient <Ваш покорный>.

P. S. Прошу написать мне о получении этого письма (нем.). — *Ред.*

тотчас к Р. в Краков, чтобы не отправлялся в лагерь, пока не получит инструкций. Мы приобрели союзников, и между ними есть лицо очень значительное, которое обещало содействовать. — Отпечатайте 300 бланков для окружных (птином) по известной форме и тотчас отправьте в Краков, это крайне нужно — в М. Х. и К. вышлем из Лондона чрез купеческую контору, а равно и проекты при первом открытии навигации. Да напишите Фохту, чтобы собранные суммы не отправлял в парижский комитет — но занялся бы отправкой волонтеров или переслал бы Кр. Островскому. — Здесь кипит работа и дело идет исполинскими шагами, но торопиться нечего — переступив рубеж, нет возврата. Из Варшавы еще нет известий, верно, Д. сидит в Кракове. Тхоржевский отправил вам 250 №№ «Колокола» и 70 экземпляр^{ов} книг и пр. чрез контору Patek и К^о или чрез доверенного в Краков. Старайтесь пользоваться и поддерживать польскую револ^{юцию}, чтобы в свою очередь они нас поддержали. — С весною это примет настоящие размеры.

Жму вам руку.

А. Герцен.

Виктору Касаткину
в Женеву.

344. В. И. КАСАТКИНУ

4 апреля (23 марта) 1863 г. Лондон.

Лондон. 4 апреля.
Westb^ourne terrace.

Спасибо за усердие — слава богу, что посылка достигла цели, — по вашей милости 700 №№ теперь в России, а 400 в дороге — я думаю, к пасхе получат. Не уставайте и развивайте наши мысли. — Из Кракова просят напечатать воззвание к университетам и расколам. Мы неоднократно уже печатали, и, кажется, это принесло пользу. Партия наша сильна, но еще не время раскрывать силы, пусть провезут по чугунке царские рати, а тогда увидим, против глупой силы не стоит ставить дорогие жертвы. Передайте О., если еще в Женеве, чтобы торопился в Россию, и сообщите, что всех и каждого не стоит принимать в округи, только детей боярских и сановников. Оленин нам писал, что в их участке много таковых, — это первые аманаты против своеволия венчаных придвор^{ных} лакеев. Что скажут эти интриганты бездушные, увидев собственные чада в противном лагере? А поляки — молодцы, решились во что бы ни стало продолжать революцию, которая будет зарею нашей свободы.

Здесь формируется отряд отчаянных — и партизаны из всех наций бегут в Польшу. Если наши удачно устроят, то правительство исчезнет как призрак — верю в успех.

Что Домбровский — уехал? С его способностями стыдно сидеть сложа руки, когда кровь родная льется. Если у него денег нет, то дайте 20 фунтов на дорогу из нашего фонда. Да торопитесь печатать — первые оттиски в Лондон.

Фохту передайте поклон и скажите, что ждем ответа из их комитета. Огарев кланяется — простудился.

Ваш

А. Герцен.

V. Kassatkin
à Genève — poste restante.

Нас извещают из Варшавы, что вместо Муханова назначен Левшин, первый был вежлив, а Левшин — скот, ненавидимый всеми. Не хотят ли немцы уничтожить Константина и, взволновав, ограбить Варшаву. — От петербургской дворни другого не дожدهмся — впрочем, и его надолго не станет, Цен<тральный> комитет пустит по Висле.

345. А. СОХНОВСКОМУ

4 апреля (23 марта) 1863 г. Лондон.

Лондон. 4 апреля.

Orsett House. Westb<ourne> terrace.

Дела идут недурно, и новости из России удовлетворительны. Н. и Д. проехали границу благополучно и теперь, надо полагать, уже в Москве. Убийства в Польше, грабеж и насилие произвели перелом, и все партии дружно сливаются для низвержения ненавистного правительства.

Расколы должны занять первый план драмы, а после и крестьянское дело не замедлит.

Скажите нашим, чтобы не торопились отъездом, время еще не пришло, надо подготовиться.

В Казани комитет отлично устроен — это образец ума и логики, черт знает откуда они извлекли устав Вейсгаупта. Прокламации печатаются бессчетно, и молодой народ с увлечением читает. «Земля и воля» удачно составлена. Мы послали им свои заметки, как действовать — увидим!!

Вы поедете в Россию — это лучше Кракова, и от вас будет зависеть удачное исполнение плана. 10-го апреля будет Александр в Париже и сообщит, что нужно. Англичане потеряли равнодушие, и польский вопрос им важнее американского, кажется, будку российского посольства они разнесут.

Собанский был у нас и говорил, что в Брюсселе комитет отлично устроен и сбор денег значительный. Старайтесь собрать сведения о русских, пребывающих в Париже, и нет ли голубых? Мы устали от работы. Цверцякевич просто гений, и, кажется, победа за нами.

Что с Ледоховским? и где он? Да скажите поклон Яновскому — его желание исполнено.

Жму вам руку.

А. Герцен.

A Mr Alexandre
Carrefour de l'Odéon, 9. Paris.

346. Н. А. и О. А. ГЕРЦЕН

6 апреля (25 марта) 1863 г. Лондон.

6 апреля 1863. Orsett House.
Westb⟨ourne⟩ terrace.

Мы все без исключения забыли, что сегодня мое рождение, и ваше письмо напомнило — спасибо и за то. Я очень рад, что вам в Риме так хорошо, смотрите — учитесь — читайте по камням и картинам. Мы много промучились эти две недели — корабль, о котором я писал, на котором было столько друзей и столько средств, был по измене капитана взят другим правительством — и теперь все в Швеции. По счастью, все sain¹ и sauf² — а дело манкировано.

Мме Ва⟨kounine⟩ поехала к мужу в Стокгольм — может, туда же поедет и Саша. А Варв⟨ара⟩ Тим⟨офеевна⟩ собирается в Константинополь. Нефталъ в Германии.

Напиши, получено ли мое письмо, надписанное в Рим, и «Кол⟨окол⟩». — Вот что ты можешь сделать: отошли «Кол⟨окол⟩» 64, Via della Vita, у Sig-ra Diotalevi живет племянник Чаадаева Жихарев — он просил меня прислать, но Тхорж⟨евский⟩ говорит, что не доходят. Пиши к Nat⟨alie⟩ — ее огорчает, что нет писем.

Рукой А. А. Герцена:

Я вам писал длинное письмо после моего возвращения из Парижа. Получили ли вы его? Оно адресовано posta ferma³ на имя Мальвиды.

Твое письмо, моя милейшая Ольгушка, сделало нам опять не только удовольствие — но и смех. Пиши чаще так и радуйся Риму. Но отчего же тебе Рим показался раем, вот это ты объясни. — Это уж ты, кажется, у Малвиды украла.

¹ целы (франц.); ² невредимы (франц.); ³ до востребования (итал.). — Ред.

Здесь Малуша (она делается большуша), которая имеет ко мне ничем не заслуженную слабость. Пиши Лизе, которая пребывает вернейшим другом твоим. Она очень гордится тем, что Чилак и другая девочка к ней ходят — «как к Ольге».

Целую тебя.

Ты очень хорошо делаешь, что читаешь «Письма из Италии» на месте — это наше свиданье в Риме.

347. М. К. РЕЙХЕЛЬ

6 апреля (25 марта) 1863 г. Лондон.

6 апреля
25 марта 1863.

Звать только близких знакомых и никого больше, ну как же не звать вас в том числе, Марья Каспаровна, ведь часто ли пишешь, редко ли, не можете же вы отказаться от меня, старика в 51 год, как отказываются московские *друзья*. Вы еще не сделались *Polenfresserschei*¹ — признавайтесь. Много хотелось бы вам сообщить даже о близких знакомых — но, знаете, времена такие, что писать опасно.

Получаете ли вы все «Колокола»?

Что бы еще вам прислать?

Трюбнер выбил медаль. Медаль превосходная — не знаю, как вам ее переслать.

Прощайте. — Вы знаете, что Бакунина жена была в Лондоне и уехала в Швецию — может, и я тряхну 51 годом в Стокгольме. (Это между нами.)

Ну, целуйте детей и Рейхеля.

Orsett House.

Westbourne terrace).

Тата и Ольга в Риме — глядят папу римского, но не заывают и лондонского.

348. В. О. КОВАЛЕВСКОМУ

7 апреля (26 марта) 1863 г. Лондон.

Рукой А. А. Герцена:

Лондон. Orsett House. Westbourne terrace.
апреля.

Любезный Ковалевский! Не думайте, чтобы я забыл свое обещание написать вам некоторые подробности о проекте вашего приятеля. Мое письмо опоздало, потому что моя поездка продолжалась несколько дней более, чем я ожидал, а, во-вторых, в последние дни новости были таковы, что поневоле заставляли приостановиться и призадуматься. Это вы, верно, оба сами почувствовали. Теперь дела идут опять лучше, силы оживают

¹ пожирательницей поляков (нем.). — *Ред.*

Медаль в память десятилетия Вольной русской типографии в Лондоне, выполненная К. Винером. Март 1863 г.

снова, и однако, несмотря на это, я не решился бы именно в такую минуту на благородное, но фанатическое предприятие вашего приятеля. Но тут советовать очень трудно: это дело должен каждый порешить окончательно в своей совести. У нас тоже в Лондоне нечто подобное готовится. Но вот вопрос: куда теперь обратиться? Лангевича нет. Неужели к Мерославскому в Краков или Чарторижскому в Штокгольм? Я вам скажу, что я сделал бы: я подождал бы 2, 3, 4 недели, чтобы дать время польскому национальному движению принять окончательное положительно политическое направление, установиться и прийти в равновесие среди разных партий, враждебных между собою. А кто может предвидеть, которая из этих партий возьмет верх и увлечет за собой все восстание? Ежели ваш приятель, несмотря на эти печальные мысли, решится, то с богом! Попросите его только тогда заехать прежде сюда на два, три дня. Это очень важно, и мы ему все облегчим насколько возможно. Вас удивит, что я пишу не совсем тем тоном, которым писал в последний раз, но тогда я еще не знал всего, что знаю теперь, и был убежден в удаче того, что, кажется, не удалось, т. е. в экспедиции в Ямудь. Возможность еще есть, чтобы дело приняло там другой, *наш* характер, этого и надо выждать. Прощайте.

А. А. Герцен (junior).

Я тоже думаю так; вопрос очень важный. Будет ли в Литве народное восстание? Оно могло быть, но многое изменилось. Не поберечь ли свои силы на свое дело? В Польше *правое* дело, необходимость заявления со стороны русских была очевидна. Может, составление русского легиона сделало бы чрезвычайную пользу для России, но возможно ли это? Офицеров много, готовых для этого предприятия: из 3-го округа нас извещают, что, кроме Рыковых, много других уже ушло в польские <отря>ды. Во всяком случае *мы* <согла>сны помогать. Будьте здоровы.

Преданный вам А. Герцен (senior).

*На концерте: Germany, Herrn I. Kowalewski.
Glockstraße, 32, in Heidelberg.*

349. Н. А. и О. А. ГЕРЦЕН

11 апреля (30 марта) 1863 г. Лондон.

Рукой Н. П. Огарева:

<...>¹ в Альбано. Посмотри на озеро, аллеи и Castel Gandolfo; посмотри на удивительный народ, на красные куртки женщин; как все стройно, красиво. Лучше Альбано и его озера ты ничего не найдешь в Римской Кампанье. Нарисуй мне что-нибудь оттуда, Тата. Мне нигде не было так одиноко-хорошо, как там. Пожалуйста, нарисуй, Тата. Дай вспомнить то время из моей жизни, когда у меня в самом деле на сердце было молодое.

Но вот уже первый час, а я ничего не приготовил из необходимой работы. Прощай, моя милая, крепко жму тебе руку и рад, что тебе хорошо. Съезди в Альбано.

Твой А г а.

¹ Начало письма утрачено.— *Ред.*

Милая Оля, ты что подделываешь? Что тебе нравится в Риме, что ты там больше всего любишь? Ты мне об этом напиши. Лиза о тебе часто говорит и о Тате тоже. Она скучает без тебя. Она очень мила и очень умна, хотя со скуки и капризничает. Она даже очень ласкова, даром что резва. Девочка смешная, маленькая, бегают проворно и издали готовится целоваться. Мальчик тоже славный, только начинает ходить. Я для тебя пишу кое-что; но все некогда кончить. Прощай, моя Оля, целую тебя. От души жму руку Мальвине и чувствую, как она должна быть счастлива.

№ 3.

Вот, милая Тата, какой тебе *lettre-guide* ¹ настроил Ага. — Как он вас всех безмерно любит — это ты знаешь и, думаю, не сомневаешься.

Я писать сегодня не собирался — у меня несколько дней кряду болела голова — погода теплая и душная. Вчера мы ходили на охоту — Ага, кн. Долгоруки<й>, Саша, Тхорж<евский> и Жуковский — и затравили действит<ельного> стат<ского> советника, старика-литератора и профессора, который познакомился с нами и оказался пионом. Я ему прочел письмо, Ага нраву — а Долгорукий выгнал его вон — и он пошел, — что дальше, не знаем. Но травля была занимательная, и Саша его покусал.

Прочти Мальвине об этом детском празднике. Саша собирается в Швецию. Я требую, чтоб ты мне написала, получены ли письма № 1, 2, 3.

Прощай. Целую вас. Natalie больна, — пишите к ней, Лиза цветет. Еще прощайте.

350. И. С. ТУРГЕНЕВУ

11 апреля (30 марта) 1863 г. Лондон.

11 апреля. Orsett House.
Westb<ourne> terrace.

Несмотря на усобицу и цивильную войну, я пишу к тебе, чтоб узнать, жив ли ты, как жив? — В здешних климатах какая-то дама, которая, *entre nous soit dit* ², тебя ругала наповал (Смирнова), повествует о якобы вторичном тебя приглашении — в Россию (у России *обратная* ностальгия к тебе) и о твоём якобы решении туда ехать. Туда ехать — теперь небезопасно: *Berg*... генерал — *auf*. Прочтешь об этом.

Событий было здесь слишком много — для письма.

Мне еще крайне нужно знать, ругаешь ли ты меня за статью «Плач».

¹ письмо-путеводитель (франц.); ² между нами будь сказано (франц.). — *Ред.*

Знаешь ли ты, что, вопреки твоему злословию или самиясовской медизанции, Антония Ксаверьевна Бакунина одним добрым утром взяла да и приехала сюда — а Мих(айл) Ал(ександрович) в Стёхельне — я не знал, куда ее деть. Наконец пристроил, а Мих(айл) Ал(ександрович) в телеграф ударил. «Жена-то, говорит, моя...» Ну, я ее в шлюпку и тоже в Стёхельной.

Еще была хорошо охота — это по твоей части. Охотники — кн. П. В. Долгор(укый), ненавидимый тобою От(арев), щадимый тобой Герц(ен), не Вас(илий) Андреевич Жуковский — и затравили мы Действит(ельного) Статского Советн(ика) и Кавалера, Литератора и чтеца публишных лекций, втершегося сюда из III отдел(ения). — Мы зверя загнали в грязь, где он и обмарался. — Это рассеяло нашу монотонную жизнь.

Ты, верно, хочешь знать фамилию генерала от уха — а я хочу ее тебе сказать — но не скажу — того для, чтоб ты прежде написал ответ.

Ты не кручинься, что тебя государь огорчает, — без этого нельзя.

Боткину, если он отошел от восторга, в который его привел Диккенс своим чтением, и не пишет в «Моск(овские) вед(омости)» статьи вместе с Пановским, скажи, что я его помню и люблю... А помнит ли он, что обещал в фонд Баку(нину) по 500 фр. в год — и любит ли прислать? Я люблю получить.

Мой сын был у тебя два раза на днях.

Здесь выдал Трюбнер мою медаль — русские взбешены в Германии — я не виноват ни в чем.

351. Р. ПИОТРОВСКОМУ и С. Л. ЛЕВИЦКОМУ

12 апреля (31 марта) 1863 г. Лондон.

Лондон. 12 апреля.
Westb(ourne) terrace.

Дорогой сотрудник, поторопитесь собрать сведения об состоянии революции в Литве и кто там более надежный, равно в каких местах главные отряды. Все это подробно и с приложением маршрута перешлите в Лондон. У меня двое союзников, Кастор и Поллюкс, оба русские, знающие военную жизнь и очень способные люди, они желают принять участие, под особыми именами, и ручаюсь вам, что по своим связям найдут вам много союзников в противном лагере. Проезд и путевые издержки берут на свой счет; паспорта исправны и вне опасности. Спросите Каменского как члена обо всем, что касается движений революции. Да присылайте новостей. — Англия ершится, и весь народ за вас, политике Пальмерстона несдобровать.

Кажется, лопнет скоро децемвират, несмотря на протекцию прусского короля. Саша кланяется.

Жму вам руку.

А. Герцен.

Передайте Пиотровскому записку и попросите скорого ответа. — Кашперов писал об устройстве комиссии, можете к нему адресоваться. Прощайте — времени нет.

А. Г.

На конверте: A Mr Levitzki — Photographe.
Rue Choiseul, 22. Paris.

352. Вл. МИЦКЕВИЧУ
14 (2) апреля 1863 г. Лондон.

Londres. 14 avril 1863.

Monsieur!

Un des membres du gouvernement provisoire polonais nous a communiqué de Cracovie une nouvelle qui nous a remplis de douleur. Notre intime ami André Potebnia, un des principaux fondateurs du Comité des officiers russes en Pologne, un des premiers signataires de l'adresse des officiers russes au grand duc Constantin, a été tué à la bataille de Piaskowa Skala, dans les rangs des Polonais.

La Russie ne pouvait immoler une victime d'expiation plus pure, plus désintéressée, plus dévouée.

Insérez ces lignes, m^{onsieu}r, afin que la mémoire de cet homme ne soit point perdue.

Alexandre H e r z e n.

A Mr Ladislas Mickiewicz à Bureau l'*Opinion Nationale*,
rue Coq-Héron — 5 — Paris.

Перевод

Лондон. 14 апреля 1863.

Милостивый государь!

Один из членов временного польского правительства сообщил нам из Кракова весть, исполнившую нас горести. Наш близкий друг Андрей Потебня, один из главных учредителей русского офицерского комитета в Польше, одним из первых поставивший свою подпись на адресе русских офицеров великому князю Константину, убит в сражении у Песковой Скалы, в рядах поляков.

Чище, самоотверженнее, преданнее жертвы очищения Россия не могла принести.

Напечатайте эти строки, милостивый государь, чтобы память об этом человеке не была утрачена.

Александр Герцен.

Г-ну Владиславу Мицкевичу в контору «Opinion Nationale»,
rue Coq-Héron — 5 — Париж.

353. Ю. КЛЯЧКО

16 (4) апреля 1863 г. Лондон.

16 avr<il>. Orsett House.
West<bourne> terrace.

Cher monsieur,

Les mémoires de Piotroffski sont complètement terminés. В<a>x<t> <m'> en a honorés, il viendra dans 5 jours chez vous. Si vous voulez avoir immédiatement les copies, écrivez-moi. Tout cela est en Suisse.

А. Герцен.

M. J. Klaczko.
Quai d'Orléans, 6.

Перевод

16 апреля. Orsett House.
West<bourne> terrace.

Милостивый государь,

«Записки» Пиотровского полностью закончены. Бакст мне их преподнес, он будет у вас через 5 дней. Если вы хотите немедленно получить оригиналы, напишите мне. Все находится в Швейцарии.

А. Герцен.

Г-ну Ю. Клячко.
Quai d'Orléans, 6.

354. А. СОХНОВСКОМУ

17 (5) апреля 1863 г. Лондон.

17 апреля 1863. Orsett House.
Westb<ourne> terrace. W.

Письмо ваше и статью я получил. Во вторник едет один из наших знакомых в Париж — вы с ним получите 400 фр. из фонда.

Скажу вам откровенно, что в «Колокол» ваша статья не идет, а печатать особо стоит деньги — и печатать всего дороже в Лондоне. В Лейпциге можно напечатать за бесценок.

Ежели вы желаете, я спрошу князя Долгорукова.
Усердно кланяюсь вам.

А. Герцен.

На обороте: Monsieur Sachnovsky.

355. Н. А. и О. А. ГЕРЦЕН
20 (8) апреля 1863 г. Лондон.

20 апреля. Orsett House.
Westbourne terrace.

Милая Тата,

это четвертое письмо в Рим — из вашего письма я вижу ясно, что опять одно письмо, мною писанное, пропало. Ты пишешь к Natalie об одном письме от меня от 20 марта и потом о письме Саши от 12-го, между было мое. Это очень досадно — и убивает охоту писать.

Сегодня приходила сюда Адла за вашим адресом, — я ее еще не видал после болезни — она выросла и стала красавицей. — Я был в французской галерее — там много маленьких, миленьких картин, особенно мне понравилась «Роща», т. е. лес, Руссо — ужасно живо. А что, когда ты попробуешь свои силы в пейзаже и зверях? — Это моя *марта*.

Если вам больно хорошо в Риме — так и не торопитесь, а у нас проекты разные — но которые изберем, зависит от того, будет война или нет. Если будет — нам нечего делать, тогда иные силы, чужие, возьмутся за дело, тогда я могу ехать к вам на отдых и подольше. Если ж не будет — это задержит надолго. — Мне очень хотелось бы с вами где-нибудь хоть в Сомо — погулять месяц-другой. Мы так устали от здешних хлопот, интриг и неприятностей. А тут и кончина Потебни оскорбила и ударила в самое сердце.

Саша, может, на будущей неделе поедет в Stockholm.

Разве вам нельзя полезнее провести время во Флоренции — или на даче возле — чем в far niente ¹ — далеко от музеев?

Буду писать еще на этой неделе с Ог<аревым> и Сашей. Он ушел с Бакстом.

Мартьянов уехал в Россию.

Получили ли «Кол<окол>»?

Ольга, я твоим письмом очень доволен, буду писать особо.

¹ безделье (итал.). — Ред.

21 (9) апреля 1863 г. Лондон.

21 апреля 1863. Orsett House.
West(bourne) terrace.

Ты дурно делаешь, набирая от 9 до 11 листов письма, и вместо трех, четырех посылок — посылаешь их брошюрами или летописями. Если б твое письмо, писанное 31 марта, было отпр(авлено) 1 апр(еля), а не 15 — я во многом мог бы тебя защитить. Твоя вина собственно в том, что ты посторонним сообщил об экспедиции — без особого права на то — и с посторонними приехал. Остальное ясно сделано по вине Цвер(цякевича). Я вообще полагаю, что ты хорошо бы сделал, если б в *самом деле* не мешался в внутренние дела поляков — мы союзники en gros¹. Зачем нам мирить их партии, зачем советовать делегату центр(ального) ком(итета) и полковнику их экспед(иции) сходиться к Чарториж(скому). Сами возраст имеют.

Зачем ты телеграфировал о быстром приезде меня или Саши, я не понял тогда же — но понял по письму, что вся эта торопливость вовсе была не нужна. Ему надобно было съездить в Па(риж) к Брауну — все это кажется напрасный гешметépage².

Я был готов схать — на твое место. Но ты остаешься — разве ты не можешь сделать все то, что следует по части финской и типографской. И потому надобно ждать, будет ли война и будет ли экспедиция. В войну сношения будут невозможны через чухонскую границу — и уж эта война не польский, внутренний наш семейный вопрос, а чисто внешний. Что же ты воображаешь, что мы можем идти с Напол(еоном) и двадцати языками — не сделавшись действительными неприятелями.

Если не будет войны — вероятно, не будет и вашей экспедиции, — тогда ты останешься в Швеции. Как я ни прикидываю, не понимаю — крайность телеграмма и молчания о ней в письме.

Типографию небольшую завести можно, вроде Б(акста) — да он и ее переведет. Но что печатать? Б(акст) в Лондоне. Он и Ж(уковский) едут по делам — а Март(ьянов) плывет по патриотизму в Петербург.

Буду писать на днях еще письмо. Мы здесь затравили шпиона — действ(ительного) стат(ского) сов(етника) и кавалер(а) М. Хотинского. Кн. Долгорук(ий) в сем деле заслужил на брюшник с надписью «За отличие в деле против шпиона».

Цет. сердит, мрачен — и особенно сердит на тебя.

О страшной вести о Потемне ты, верно, прочел в «Колоколе» —

¹ в главных чертах (франц.); ² суматоха, передрыга (франц.). — *Ред.*

это нам ножом провело по сердцу. Дружески обнимаю Демонтовича.

Затем прощай.

Здесь идет спор — о том, говорил ты в Малмё речь или нет — речь была в «Morning Post» явно от имени поляка, — и Ц^{верцякевич} думает, что журнал прав, говорящий, что это ты?

Антонине Ксаверьевне земно кланяюсь.

Рукой Н. П. Огарева:

Primo¹ — радуюсь, что твоя жена доехала в целости; я было начинал пугаться — не случилось ли чего. Жму ей руку. — Я пишу наскоро, чтоб сегодня же послать, и тебя прошу: лучше пиши наскоро *часто*, чем изредка много, потому что оставаться без свежих вестей от вас, от которых даже из газет ничего не узнаешь, — нельзя. Пожалуйста, не отправляй финна в Питер прежде моего следующего письма, или присылки Саши, или чего-либо такого очень определенного. Серьезно требую этого, ибо считаю нужным до поездки финна некоторые нужные вещи сообщить. От сего числа через неделю буду в состоянии сказать, что и как. Посуди сам — теперь идет речь об ответе п^{етербургско}го п^{равительст}ва на европейскую ноту. Война или не война? Если война, то нам ничего не остается, как переждать ее, ибо вмешаться с этой стороны и самому противно и совершенно кредитоподружительно. — Если не война, то немедленно надо приниматься за сношения. А вопрос решится на днях. Ждут даже завтра решения (т. е. ответа п^{етербургского} пр^{авительства}); но, вероятно, пройдет времени и побольше. — Не война даст совершенно особое основание и для устройства типографии, и для сношений и пр. и пр. — Ergo², подожди отправкой финна до следующего нашего письма, а покамест обними Демон^{товича} и пожелай ему скорей выздороветь настолько, чтоб не свалиться с ног, прежде чем что-нибудь полезное сделает. — К Нордштр^{ему} я намереваюсь вскоре писать особо, ибо из твоих писем получил к нему большое уважение.

Рукой Н. А. Тучковой-Огаревой:

И я вам обоим кланяюсь; мы очень обрадовались, узнавши, что вы счастливо доехали. — Когда же вы к нам обратно? Дайте ваши руки, все ваша Н. О г а р е в а.

357. Н. Д.

23 (11) апреля 1863 г. Лондон.

Лондон. 23 апреля.

Ors^{ett} Н^{ouse}. Westb^{ourne} terrace.

На два письма ваши едва теперь собрался с ответом, — то, что вы предлагаете, давно сделано мною, но не знаю, какой результат вышел. — Как у вас, так и у нас недостаток дельных

¹ Во-первых (лат.); ² Следовательно (лат.). — *Ред.*

людей ощутителен. Да и сношения с Россией у нас еще правильно не устроены, а посылать чрез Австрию не приходится. — Кр. Остр<овский> писал ко мне о том же деле, и я ему ответил, что сделано и что готовится. — Дружкой, кажется, во Флоренции, я от него давно не получал известий, а Фрикен в Риме. — Впрочем, я имею в виду, кроме Тургенева, очень дельного человека, который имеет связи с петербургской шляхтой. Он едет скоро в Россию и, наверно, доставит нам подробные известия о положении дел — тогда увидим, как действовать. Что же касается Пашкова и Кривошапкина, то на них вполне полагаться нельзя. — Об образовании женского общества — это недурно, дипломаты в юбках полезны, не знаю только, как приступить. Правда ли, что Наполеон готовится на защиту Польши, и есть ли надежда на серьезную бурю? Что касается русского движения, то оно еще не готово, а вызывать преждевременно значит убить все начала, могущие иметь хороший исход. Альбертини выпущен из крепости, живет в Петербурге на слово. О других не имеем точных сведений.

Мужайтесь — ваше дело правое, и победа за вами. Прошу вас выслать новые издания по польскому делу и передать г-ну Ходзке мой сердечный привет.

Преданный вам

А. Герцен.

На первом конверте: А М^г Е. Januschkiewitz.

3, rue Saussayes — Paris.

На втором конверте: Н. Д.

358. Н. А., О. А. ГЕРЦЕН и М. МЕЙЗЕНБУГ

27 (15) апреля 1863 г. Лондон.

Понед<ельник> в два часа.

Мне, Тата, ужасно жаль, что ты не получаешь «Колокола». Как же это Малвида пишет, что у вас такая либерте, что чудо. Я пошлю сегодня один лист франц<узский> и один русский. Русск<ий> нарочно не буду франкировать. А ты тотчас напиши. «Кол<окол>» для тебя необходим, как наше общее письмо. Твое последнее письмо к Саше ока<н>чивается — «на что Григ<оровиус> отвечал...» — ну что же он отвечал — уж сделайте одолжение, напишите.

Как только будет весть о мире и войне, я напишу, когда приеду и где встретимся.

Вот и еще от вас письма. Я очень, очень доволен твоим письмом к Огар<еву>, Ольга, — мы и похохотали и поприласкали.

тебя за него. Ага едет сегодня в Bromley — погулять и квартиру поискать. 1 июня мы отдадим Orsett House.

Alles, alles ist wahr, was Sie schreiben — und wie alles Wahre — dennoch hat Ihre tragisch-christlich-Schopenhauer-apokalyptische Auffassung — viel Einseitiges. Rom — bleibt doch ein Sarkophag und ein Kloster. D^{as} moderne Shakespeare-tragische ist in London, bemerken Sie, nicht in Paris, nicht in Berlin — in London ¹.

359. Н. П. ОГАРЕВУ

28 (16) апреля 1863 г. Лондон.

Только что ты уехал, как всегда, пошло обилие новостей. 1-ое. От Бакун^ина толстое письмо, состоящее из 3-х частей.

Pars ² I. Письмо к нам с подробным объяснением, что он прав — а Сверцек^{евич} виноват.

Pars II. Письмо французское с ругательствами Сверцек^{евичу} — которое я могу ему показать.

Pars III. Свидетельство, подписанное Демонт^{овичем} и Лапинским в пользу Бакуни^{на}.

Appendix ³. Перевод и копия с письма Цвер^{ця}к^{евича}.

Первую часть я охотно бы прислал — но боюсь насчет почты, т. е. остался ли ты на квартире? Мне было приятно-досадно видеть, что ты нанял скверную квартиру. Приятно — потому что это в характере твоём. — Досадно — потому, что это все «поронье горячки». Я, разумеется, Сверц^{екевичу} письма не покажу — а от Лапин^{ского} и Дем^{онтовича} покажу. — Свер^{цекевич} — скот. Бакунин — Schwächling ⁴ — он сам уж Калинку ругает.

Саша уехал смотреть дома.

Я иду сейчас в Kew.

Смотри и ты.

До завтра.

¹ Все, все правда, что вы пишете — но все-таки, как и любая истина, ваше трагико-христианско-шопенгауэро-апокалиптическое воззрение страдает большой односторонностью. Рим все-таки остается саркофагом и монастырем. Современное шекспиро-трагическое находится в Лондоне, заметьте, не в Париже, не в Берлине — а в Лондоне (нем.);

² Часть (лат.); ³ Приложение (лат.); ⁴ слабый человек (нем.). — Ред.

Рукой Н. А. Тучковой-Огаревой:

Лиза шалит, дети спят, нянюшки у Mme Tissau, а мы вместе завтракали; кажется, Г<ерцен> мне слишком много портвейну налил.

Гер<цен> встретил Жемчужникова.

До свиданья.

360. М. А. БАКУНИНУ

29 (17) апреля 1863 г. Лондон.

29 апреля. Orsett House.
Westbourne terrace.

Письмо твое, почтенный Михаил, хотя и не архангел, получил. Посылаю в замену его пакет из Торжка. Печать не надломана — чудеса.

После послед<него> волюма твоего писания Цверц<якевич> умолк, и я вновь обвинений не слыхал, я говорю о прошлом письме. А потому — я покамест рецепт Домонтович — Лапински оставил у себя. А твое французское письмо ему еще менее покажу. Его тон слишком hargneux¹, и орфограф<ические> ошибки поминать не надобно было.

Рейнг<ардта>, разумеется, оставь, у Дом<онтовича> была ведь типография с собой. Да я думаю, что par le temps qui court² и тебе следует сидеть в Шведах.

Чего ты ждешь Саши так скоро, я не понимаю. Ведь ты можешь все то же делать — а наши ему поручения совершенно будут иные — если будет война, иные — если не будет войны. Вот причина, почему я оттягивал его отъезд.

Впрочем, Саша, как только будет ответ, поедет, чемодан у него готов, дорожная фуражка куплена.

За что же, шер ами, ты о нас, бедных, судишь по себе и думаешь, что мы, видевши раз пять часов по пяти Лапинского, не оценили его вполне? Даже его адъютанта мы прекрасно поняли — и твои похвалы ему приняли более за игру воображения. Ведь не мы говорили в двух посланиях о добродетелях, тугендах и вертях Калининки, для того чтоб в третьей эпистоле сказать о том, что у него ни тугендей, ни вертей нет.

О юность, юность удалая!

Мне, брат, стукнул 51 год.

Когда мне еще было только 50 лет, помнишь ли, что я тебе говорил о Цекверк. Ты этому не завидуешь. Это мое несчастье — что патологический взгляд у меня хорош.

Осип Иван<ович> уехал.

Ник<олай> Пл<атонович> в Bromley — ищет нам фатеру. На днях буду еще писать.

¹ сварливый (франц.): ² в настоящее время (франц.). — Ред.

От книгопродавца ответа нет. Я ему послал на 1000 фр.— условие, и ты можешь сделать, за нын(ешний) год «Колок(ол)» по 50 %, с буд(ущего) 45 %, книги 45 и пот(ом) 40 %, книги Трюб(нера) 33 %, доставка его.

361. Н. П. ОГАРЕВУ

29 (17) апреля 1863 г. Лондон.

29 апреля. Orsett House.
Westbourne ter(race).

Грустное письмо твое я получил и в первой части его, т. е. в домашней, совершенно согласен, и в теории и в частном приложении. Тут именно *рок*, т. е. рабство перед силами, которые мы не признаем справедливыми, но которые гнут нас в бараний рог. Ты говоришь — люди не имеют «религии откровенности» или искренности. Не могут иметь. Тот только будет вполне искренен, кто скажет: «Может, оттого, что я скажу правду, умрут старики, умрут дети, — но я ее скажу». That is the question — или препятствие бега. На этом-то мы и побиты. Поэтому-то, может, в нас — *tout bien pris* ¹ — доброты больше эгоизма.

Я нашел один очень хороший дом между Chiswick'ом и Кью, от Kew Station одну милю по большой дороге, на год 300 гин(ей). А сегодня поеду в Twickenham — из этих двух надобно решиться. Для детей места не будет. Дом с ними меньше 400 или 450 нельзя найти — ergo ² потеря будет eventuality ³ до 100 фун(тов) в год. Куда ни шло. Finis ⁴.

Теперь к общему. Больно мне, но скажу, что ты не прав относительно меня — и именно это мне и мудрено. Мы представляем — и в этом я глубоко убежден — деятельный фермент русского движения — и во всех внутренних вопросах нами сообщаемое движение одинаково. Где же различие? Веря в нашу силу, я не верю, что можно произвести роды в шесть месяцев беременности, а мне кажется, что Россия в этом шестом месяце. — Я увлекаюсь скорее тебя и трезвею скорее. Дай мне не готовую силу, а дай ощупать *живой зародыш*, — конечно, живой зародыш носится в общем состоянии: носится в гении народа, в направлении литературы, в реформах и пр. — но где он до той степени сложился и обособился, как ex(empti) gr(atia), ты находишь в «З(емле) и в(оле)»? Я этого не вижу. Ты фанатически сосредоточил все твои силы в один фокус; любовь к делу, мысль, что мало остается жить, даже одиночество мысли (тем более полное, что ты почти не рассеива-

¹ рассудив хорошенько (франц.); ² следовательно (лат.); ³ возможно (англ.); ⁴ Конец (лат.). — *Ред.*

ешься и чтением чего-нибудь другого) — всё это вместе развило в тебе религиозную страсть вроде Маццини. Ты страстно хочешь — и не спрашиваешь, достаточно ли для творчества и создания тех элементов, которые vorhanden¹. Возбудить ты, я их можем — но уже самая организация из Лондона — вещь мудреная. Не думал ли ты о том, что после всего, что было с Крымской войны, в самом деле России всего нужнее опомниться и для этого ей нужна покойная, глубокая, истинная проповедь — ты на нее способен. Проповедь может сделать агитацию, но не есть агитация — вот почему я иногда возражал на твои агитационные статьи. Вот пример: в твоей последней статье в «Общ^ем в^ече» ты говоришь: «Если б царь был земский, крестьянский, русский». В памфлете это ничего, в проповеди глубоко искреннее чувство тебе не позволило бы это сказать. Отрезать от народа всю часть некрестьянскую — демагогия. Признать несколько человек очень мало даровитых (представитель которых отрекся от них) — за зародыш я не могу, — вспомни, Огарев, что с начала до конца я вас предостерегал от шума об офиц^ерах и солдатах, идущих на помощь Польше. — Ты мне всегда говорил, что берешь это на себя. Как будто у нас речь могла быть об ответственности. Ты ли отвечаешь или любезнейший неспособник Бак^унин — а дело это нам повредило, лишило нас силы — а сила наша только и зиждется на таланте да на доверии.

То же, что было с «Землей» и в^олей» и с офицерами, ты испытал с Печериным. — Я не виню тебя, что ты ему писал как бы ко мне из Кунцева и попа-иезуита 55 лет принял за юношу, — а спрашиваю: ну если б он тебе написал: «Я уложил мое распятие — куда надобно идти?» — что же бы ты сделал?

Я чувствую еще всю свою силу на проповедь, на суд и осуждение, на анафему, я чувствую силу mit der Gemeinde² носиться по морю — взад и вперед — продолжая свою речь. Я готов «Колоколу» дать этот характер. Такая проповедь не пропадет, ведь в свое время она много сделала. Будем звать юношей... в этом я пойду с тобой, как шел всю жизнь, пойду я и во всем остальном, но веры, чтоб зародыш был готов, что мы можем «сделать восстание», у меня еще нет. А когда я смотрю на d^as wüste Treiben³ таких сильных движений, как польское, мною овладевает ужас перед этими путями бесплодного кровоистечения.

Ты говоришь, я будто говорю: «Я дал деньги на дорогу, чего же больше?» Нет, я дал всю жизнь — я дал весь труд одному делу. Не касаемся ли мы здесь разделения труда при единстве цели, о котором ты говоришь в стат^ье о Потебне.

¹ налицо (нем.); ² с братией (нем.); ³ ужасное безобразие (нем.). — Ред.

На первый случай довольно, завтра, может, еще напишу. Советую прочесть в «Теймсе» от втор⟨ника⟩ речь Ferrand о Ланкашире — как-то Лугинин переварит.

«Nord» пишет, что раскольники из Москвы тоже подали адрес госуд⟨арю⟩ об усердии. Plon-Pl⟨on⟩ уехал. Берг определил снова Абрамовича.

Насчет финского письма скажу, во-1-х, что оно длинно, — я отметил две alinéa¹, во-2-х, следовало бы прежде знать, какого мнения V. Quante⟨n?⟩. Я бы долею содержание написал для Саши, а квинтэсс⟨енцию⟩ Квинтену. Ехать Саша, пожалуй, может ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩ в понедел⟨ьник⟩ или вторник, но опять же исповедую, что потери нет — и Бак⟨унин⟩ очень достаточен для дел en gros². Что же за помойная яма интриг у них — это рассуди сам по его письму. Я Сверц⟨екевичу⟩ ничего не сообщал. Завтра пришлю письмо.

Жене Бакун⟨ина⟩ пришел огромный пакет писем на адрес Трюбнера — из Торжка, и печать цела. Я ему его сегодня отсылаю и приписал, что Саша готов, но что я думаю — падобно ждать ответа из России, потому что инструкции военные и статские совсем иные.

Прощай. Посылаю на первый случай только письмо Баку⟨нина⟩ versus Сверцекев⟨ича⟩ и еду в Ричмонд. Жду ответ — чтоб послать остальные.

Р. С. Погода холодная, и Лиза капризничает, я эту коннекденцию замечал много раз. Дома тихо. Сегодня вечером я хочу сделать опыт и сказать слов несколько из твоего письма. Только это будет поздно, ибо раньше 9 не воротимся.

362. Н. П. ОГАРЕВУ

1 мая (19 апреля) 1863 г. Лондон.

1 мая 1863. Orsett House.
Westb⟨ourne⟩ terrace.

Сегодня солнце и здоровый воздух. Вчера я тебе писал о Лизе и влиянии на нее дурной погоды — сегодня прибавлю к ней всех нас. Дурная погода страшно сильно действует. И доля чего-то акримониозного в письмах относится сюда.

В одном ты совершенно прав и, конечно, это распушенность и большая невоздержанность — вслух замечать вздорные вещи, и к этому действительно ведет житье в одном доме и всеобщечеловеческая страсть к сплетням. Я говорю серьезно и чувствую, что это противно. А иной раз не удержишься — так,

¹ абзаца (франц.); ² вообще (франц.). — *Ред.*

как не удержишься от замечаний о том, как Бак<унин> ест и пьет.

Какое продолжение ты хочешь о 1 пол<овине> письма? В первой половине ты говоришь о доме — т. е. о бездомье. Оно невозможно, не подвергнув детей и больших беде. Снесем же и этот крест. Но если есть возможность, чтоб узлы не так туго были связаны, это следует сделать. И отчего же вместо найма дома на лето (в Кew дом возможный, особенно на время моей поездки в Италию) не сделать того, что я предлагал десять раз, т. е. отчего не нанять у моря дачу, ex<empli> gr<atia> на 4 месяца, и маленькую квар<тиру> в Лондоне. Тут всего больше связывает твое отвращ<ение> от поездок. Ты понимаешь, что тебе не приехать раза два пожить было бы странно. К зиме можно найти квартиру — хоть опять Orsett House или в S. John's Wood'e, как хочет N<atalie>. Я, с своей стороны, согласен на все и требую отпуска от 2 до 3 месяцев. Привезу ли детей — это вопрос.

Насчет Саши — я думаю, если ты решил, то и положить ехать после твоего приезда (парох<од> в субботу). Вчера совершенно случайно я нашел имя шпиона, который донес на Солдатенкова, — Dr Tugendhold. В письме было сказано: «У него меньшой брат в Париже, собирается в Лондон и занимается тем же». От donс, адъютант и виолончелист называется Tugendbold? Ну, как это то же лицо?

Ответ ждут 3 мая в Париже непременно. Посыл<аю> «Се<верную> пчелу», говорящую о нашей пропаганде в Швеции, и «Моск<овские> вед<омости>», говор<ящие> о твоём расколе. От него пришла статья.

О главном предмете я скажу одно. Что всеми силами пойду той же дорогой — но ты хочешь больше, ты хочешь внутри моего убеждения чтоб не было разномыслия. Думаю и думаю честно, добросовестно и не вижу, чтоб мы или «Кол<окол>» становились сильнее. Если был какой-нибудь новый успех (т. е. со времени освоб<ождения> крестьян), то это «Общее вече». — Перемени мое убеждение, докажи противное — разве я хочу отстаивать мнение? Действительно — Броун нас хотел как знамя, а не как деятелей. Это доказано тем, что Бутовс<кий> и Лугин<ин> читали и знают, что ты и я проповедовали, а те не знали. Мы должны были отдаться Смоленской божией матери — я готов жертвовать всем, даже честным именем — но этой абсорбции не понимаю. Холить зародыш (как ты говоришь) хорошо, когда он есть и притом в матке, а вообразить себе его вне матки — значит отнять истинное холенье у истинного зародыша в пользу какого-нибудь lithopädion'a. Миф «З<емли> и в<оли>» должно продолжать потому уж, что они сами поверят в себя. Но что теперь «З<емли> и в<оли>» нет еще — это

ясно. Тебя сильно озадачил Броун своей исповедью Саше. За что же нападки на меня? — Ты не оценил мой скептицизм, предсказавший тебе и Бак<унину>, что *da ist kein Stoff* ¹.

В чем польза оф<ицерского> адреса, *перевешивающая* беды и нарекания? Верь же ради бога, что одна ревниво удерживаемая, свирепая истина — страшная сила. Ею — заметь, только ею — я заставил Европу призадуматься о своем вопросе и о русском. Я часто увлекался *über die Grenzen* ² — но оставался в безумном убеждении, что я в истине, — это действует рикошетом. Все сношения с центр<альным> ком<итетом> и пр. не имели для меня этого характера — я в них тотчас ослаб. — Бак<унин> для меня *Inbegriff* всего, что я бичевал в революционностях, — мне досадно, что я с ним не вполне откровенен. Смерть Потемки хороша в очистку русского имени — а сближения нет через нее, да и через Бак<унина> нет. Вникни в его послед<нее> письмо и даже в франц<узское> — ты убедишься в этом.

Мои статьи о Польше, даже «Плач», который в Италии и Швец<ии> произвел фурор, совершенно ставят польский вопрос *чужим* (как и ты его пост<авил> в статье о Потембе).

363. Н. А. ГЕРЦЕН

2 мая (20 апреля) 1863 г. Лондон.

2 мая 1863. Orsett House.
Westbourne terr<ace>.

Сегодня, Тата, одиннадцать лет после 2 мая 1852 года. День ясный, я сижу один дома — и вся печальная история проходит перед моими глазами... Где все участники тогдашних мрачных дней — Энгел<ьсон>, Орс<ини>?.. да и остальные далеко — в пространстве и в душе.

Памятник мне тот решительно не нравится. Ну, посоветуйся же ты с артистами — не лучше ли вместо фигуры большую плиту, с барельефом — спроси мнение Григоровиуса.

Я пишу Малвиде запрос и хочу знать ваше мнение, я не говорю, чтоб я его принял безусловно, но *je le prendrai en considération* ³. Главный вопрос — в том, что полезнее: *exatъ в Лондон со мной* или остаться еще? — Но, говоря «еще», подразумевается, во всяком случае, не дольше начала весны будущего года (*fixons* ⁴ 1 апреля). — Мне кажется, что, возвращаясь сюда, ты можешь не только продолжать штудиум, но привести в полный отчет всё виденное. Мне уж потому очень бы хотелось знать, что скоро приходится или оставить Orsett Hou-

¹ тут нет материала (нем.); ² сверх меры (нем.); ³ я приму его во внимание (франц.); ⁴ назначим (франц.). — *Ред.*

se — или найти другой. Где? — Всем ли вместе или в двух домах? Я бы очень желал, чтоб был небольшой дом в Лондоне — и небольшой на даче, так бы и чередоваться.

Через 10 дней я жду ответа совершенно обстоятельного.

Саша едет не сражаться, а по делам книжным и дипломатическим, — он, видишь, будет у нас Меттернихом-финляндским (т. е. чухонским посланником).

Пиши, получен ли «Колок<ол>» — франц<узский> и рус<кий>? Два листа я нарочно не франкировал. В послед<нем> «Кол<околе>» превосходная статья Ага о смерти нашего Потебни — вы, верно, его помните?

Прощай. Благословляю тебя и Ольгу — во имя тени той великой и изящной женщины, которая была вашей матерью. Ты ее хоть немного знала, Ольга совсем нет — рассказывай ей что помнишь.

364. О. А. ГЕРЦЕН

2 мая (20 апреля) 1863 г. Лондон.

Рукой А. А. Герцена:

2-го мая 1863.

Милая Тата,

я еду в субботу, т. е. через неделю, в Швецию, останусь там недолго и дальше не уеду, не бойся. Я вам оттуда напишу. Вчера я получил книгу Фогта об нашей экспедиции в Исландию. Все в ней рассказано подробно, даже слишком длинно, некоторые вещи смешно, другие совсем без *savoir*¹. Бездна картинок; 3 раза наши портреты, которые из рук вон скверно вышли; вообще все превосходные виды Гассельгорста совершенно испорчены дурной гравировкой.

Сегодня вечером еду слушать «Guglielmo Tell» — т. е. Тамберлика. Помнишь, год тому назад мы вместе были.

Дом все еще ищем, но круг обыскиваемой почвы сужается мало-помалу и, кажется, теперь сведен на Bromley, по дороге в Sevenoaks и на Chiswick по дороге и возле Kew.

Обнимаю вас.

С а ш а.

Когда получу карточку с моего портрета, пришлю вам.

Ольга.

Если я поеду в Сомо, то это будет по пословице *первый блин, да Комом*.

Если жарко на поли — то поедem к Наполи-ону — в Пир-aînés, а ты *best-cadette*.

¹ вкуса, смака (франц.).— *Ред.*

8 мая (26 апреля) 1863 г. Лондон.

Рукой Н. П. Огарева:

мая.

Эх, какое у этих господ изобилие сплетни, любезный архангел! А это не к добру. А Европа, кажется, намерена разыграть с Польшей искариотское *tempo di marcia*. Все это свелось (как говорилось во время оно) на то, что долею дикий национализм откликнулся и в России и что теперь он в большинстве. Наше дело — выдержать твердо зная до лучшего времени. Если будет война (что становится с каждым днем невероятнее), наше дело — не ронять пропаганды и разъяснять вопросы внутреннего преобразования, так чтоб к концу войны они могли иметь влияние своей ясностью и снова поставить на ноги дело организации. Если не будет войны — то нам предстоит то же. Польша при этом погибнет на время, и терпеливая разработка вопросов и организация сил подымет его иным способом через несколько лет. Во всяком случае драться с воздухом нелепо и начинать *coup de main*, чтоб показать бессилие рук, глупо и преступно. Не отступая ни шагу — выдержать брожение национализмов и извлечь элементы из самого этого брожения (потому что брожение всегда дает элементы на все), извлечь элементы для организации сил — вот дело огромного терпения, труда и твердости и единственный путь к цели — коренной реорганизации России и прилежащих племен на новых экономических, а следовательно, юридических и административных основаниях.

Так как ты уже отправил финна и большей частью дело началось, то — по разным иным соображениям — юниор отправится к вам в 20-х числах сего месяца (20—25). С ним напишу к Нордстрему и к тебе. Но удали его, т. е. удали от него польские сплетни и исключительно займитесь чухонским делом. — О смерти Пот(ебни) ты, верно, уже знаешь и из «Колокола». Какой она положила на меня глубокий траур — об этом говорить нечего. Из статьи по этому поводу ты узнаешь, что я думаю. — Если я еще на кого смотрю как на мученика действительного — это на Демонтовича; мне кажется, что он между ними только один, поэтому и мученик. Обними его крепко. — Русские газеты из рук вон подлы. Катыков унизились ниже подлости. Общественное мнение выражает преданность и готовность отстаивать интегритет империи, на которую никто не нападает. Тут важна привычка к демонстрациям. Вообще Ал(ександр) Никол(аевич) вызывает *die Geister, a Bösen in die Erde* не спровадит. Но что труд организации делается не в один день — это ясно как день — не аксаковский, а сегодняшний. — Засим жму руку твоей жене и твою огромную руку и еду в Кью искать квартиру.

Здравствуйте, г. regiment-полковник Михаил Александрович. — Наконец всё фешioneбельное общество из Малмё перенеслось сюда — Мазуркевич и Бобчинский. Жаль, что Добчинский остался в «Ревизоре», он тоже бы приехал.

Я не понимаю, чего же ты хочешь по части книгопро(да)вческой и чего ты не можешь решить и устроить. Я Bonin книг послал и писал, что сначала 50 % с «Колок(ола)» и 40 с книг — потом, вероятно, падо будет набавить, т. е. 45 % с «Кол(окола)», а книги от 40 до 35. Ну, о чем же хлопоты и затруднения? За этим С(ашу) по-настоящему посылать не стоит, разве особенные дела по Финляндии.

Цв<ерцякевича> вижу редко — но все ж он очень скучный человек. О Тугендгольде я тебе писал.

И. С. Тургенев, говорят, совсем испортился.

Если что нужно, пиши сейчас.

Посылаю опять письмо к Ан<тонии> Ксав<ерьевне>, оно распечатано, потому что на пакете не было ничего, кроме адреса Тхорж<евского>.

Ну, а вы, кажется, что-то нахвастали с вашим вторым Карлом XII.

Жук<овский> уезжает с поручениями. Бакст уехал.

А Мартъ<янов> *возвратился*.

Прощай. Кланяйся жене.

366. А. А. СЛЕПЦОВУ

9 мая (27 апреля) 1863 г. Лондон.

Рукой Н. П. Огарева:

8 м.я.

Грустью на меня повеяло ваше письмо, милый А<лександр> А<лександрович>, но фонд его так человечен, что я, вдумываясь в него, прихожу к убеждению, что очень скоро опять воскреснете для деятельности. Я вам отвечаю коротко, но подробно; начну с меньшего и пойду crescendo.

Во-первых, упорство, которое вы сохранили в нечитании наших изданий, мало того что оскорбляет нас, но оно нехорошо относительно дела. Если бы вы читали их, вы бы знали, что г. Кона уже нет в живых. Я требую, чтобы вы (у Амио, что ли) взяли «К<олокол>а» и «В<еч>е» и прочли бы в особенности 162 и 161 номера. Сами увидите, что пренебрежение в этом случае — дурной поступок.

Во-вторых, вы формальную честность относительно друзей приняли за искренность, и это ошибка. Вы могли, вы должны были, сдавши поручения, стать искренно. Но теперь о настоящем деле. Вглядываясь в историю, вы находите, что кровавые перевороты были бесплодны, если мысль не созрела, а если мысль созрела, то не нужно было кровавых переворотов. Вглядитесь еще побольше в смысл этих слов и вы увидите, что и это абстрактный силлогизм, о котором история не спрашивает, и что вы в истории его оправдания тоже не найдете. Вы найдете, что англ<ийская> рев<олюция>, кровавая, увенчалась успехом, французская, *idem*¹, привела к централизации. Гораздо труднее уже отыскать реформу мирную с созревшей мыслью. Где? Когда? И как? Дело сводится на механику; нестерпиме пришлось с одной стороны, упорство с другой — вот и столкновение, не обращающее внимания на зрелость или незрелость мысли. Теперь — что зрелость мысли, т. е. ее нумерическая сила, необходима для победы — это без сомнения; что нумерическая сила может быть так велика, что упорство врага исчезнет в мгновение ока, без потери крови — это возможно; это desideratum², к этому надо стремиться? Без сомнения, путем пропаганды — раз и организации — сверх того. Без организации пропаганда бессильна. Поэтому поймите же всю важность организации, которой исход зависит от случайностей, но которой цель — собрание, создание силы. Вы встретили в своем хозяйстве неудачу; ассосье расхотились во взгляде на средства и ошибались, потому что они не довольно серьезны. А может, долею они, долею вы сами ошибались, и диагональ-

¹ такая же (лат.); ² желаемое (лат.).— Ред.

то, выходит, организация хозяйства. Потому, что они ошибались, неужели же бежать или подчинять здравый смысл несерьезности нетерпеливых брожений? Нет, нет и тысячи раз нет. Выждать надо; насиловать они ничего не могут. А выждать — это значит привлечь людей более серьезных и более сильных, которые естественно, невольно составят преобладающую дирекцию в хозяйстве. Даже если бы нашли одного управляющего, и это было бы хорошо, если это поведет к организации хозяйства, без которой мысль не дозреет вовсе, а упорство разных элементов все же приведет к тому разорению, которого вы боитесь. Отсюда вывожу мой окончательный вывод: из любви к вам, несмотря на то что вы многим меня, или, лучше, нас, оскорбляете, из любви к ним, несмотря на то что они ошибаются, из любви к делу, которое выше всего, умоляю вас: не уходите прочь, выждите терпеливо и внесите другие элементы, элементы просто-напросто организации. Вдумайтесь в эту тему, друг мой, и вы увидите, что я прав.

Если болезнь мешает, дело другого рода. Но об этом рассудимте *de facto*¹. Ваша болезнь — или просто нервное расстройство от чересчурных раздражений, или органическая болезнь сердца. Я думаю, нам следует болезни смотреть прямо в глаза. Если это органическая болезнь сердца, то вы поневоле устранились от дела надолго, обратив усиленное внимание на излечение или поправку настолько, чтоб через месяц или два приняться за работу и окончательное уничтожение ортодоксии Кона... и другой личности, при нем состоящей. Если это только нервное раздражение, то еще два месяца здравого обсуждения дела и отдыха поставят вас на ноги. Зачем же вам тогда спешить домой? Подождите! Оправьтесь. Отчего вы не ездили к Fleury? Отчего вам теперь к нему не ехать? Что вам торопиться на возвращение, без осуществления данного вами обещания? Если личные, семейные интересы — я молчу, но думаю, что надо выздороветь уже для того, чтобы их выносить. Займитесь вашим планом и, кстати, лечением и отдыхом до осени. Этот путь для меня ясен, как 2 × 2. Затем, вы спрашиваете, в каких мы отношениях после нашей переписки. Подумайте и спросите свои чувства; я уверен, что они вам скажут то, что я говорю: мы теперь в лучших отношениях, чем когда-либо было, мы на пути к тем отношениям, где люди становятся неразрывны. От этого я уверен, что мы о ваших предположениях и планах не только перепишемся, но поговорим и что вы приедете отдохнуть не на ложе легитимизма (это я сказал в шутку), а в ту среду, где горячее рукопожатие разом выражает и общую мысль, и личную дружбу. — Вот мое заключение.

Теперь, о каких вы рекомендациях пишете? Это дело на сию минуту скучно; люди в разброде, а в сущности их нет. Но на это вам Г<ерцен> ответит.

P. S. В июне приедет Д. А выходит, что я ответил больше подробно, чем коротко, и все еще не настолько ясно, насколько бы хотелось. Но до другого раза.

О г а р е в.

9-го мая.

О каких французских адресах или рекомендациях вы говорите? Я, право, забыл. Мишле или кому — черкните слово. Что я и О<гарев> совершенно согласны, и писать нечего. Будьте здоровы.

А. Г е р ц е н.

¹ как о факте (лат.). — Ред.

Рукой А. А. Герцена:

От всей души руку жму и желаю увидиться. Нельзя ли заехать?

А. А. Г.

На конверте: Monsieur A. Sleptzoff.

Hôtel Byron, rue Laffitte, à Paris.

367. Н. А. ГЕРЦЕН

11 мая (29 апреля) 1863 г. Лондон.

Рукой Н. А. Тучковой-Огаревой:

11 мая.
Orsett House.

Милая Тата моя,

во-первых, вот тебе портреты детей, ты увидишь мою готовность и плохую удачу — что делать. Чтоб тебе отвечать, мне хотелось подождать, чтоб наняли дом, этот министерский вопрос все еще не разрешен, — подумав, я решилась писать, не дождавшись окончания этого дела — и, в самом деле, не все ли равно, где мы будем? Твое письмо меня расшевелило на мгновение, захотелось ехать к вам, жить где-нибудь близ Флоренции или у Комо — но скоро я поняла, что это несбыточные мечты, я очень понимаю, и понимала до твоего письма, как трудно жить в Лондоне после Италии, я об этом много говорила с Г(ерценом) и О(гаревым), — они только отчасти понимают, как трудно устроить человеческую жизнь в Англии — она возможна только страшным богачам и очень подвижным, свободным людям — и все-таки они поминутно летают на континент.

Ах, как бы я дорого дала, чтоб побывать с тобой хоть один день в Риме — нет места в мире, которое бы так много хорошего мне напоминало, как Рим; если те же еще нумера, то, проходя по Корсо, взгляни на 18 №, там вы жили, там я с твоей мамашей до поздней ночи беседовала, а вечером Константин провожал нас в Бабуку. Когда ты писала о процессиях, я вспомнила, как нас с Мар(ьей) Кас(паровной) итальянские либералы уговаривали стать на колени в церкви, вспомнила, как нам прикалывали кокарды, как знали нас потому, что на всех демонстрациях мы были первые, помню, как мне дали знамя нести, с каким трепетом я взяла его, и вдруг молодая девушка с жаром заговорила: «Вы из Пиэмон-та, а я здешняя, я родилась в Риме, я имею больше прав нести знамя...», — я чувствовала, что она больше имеет на это право и, пожав крепко ее руку, молча передала ей знамя, — помню, как по целым дням мы не знали, что такое правильная жизнь с обедами и ужинами — мы были с утра до ночи на улице, почти не чувствовали утомления, иногда вечером отворялась дверь, и Г(ерцен) говорил: «Пойдемте отдохнуть в театр, может там будет что-нибудь», — и вот мы опять на ногах, идем по темным улицам, не по тротуару и поем громко «Allons enfants de la Patrie!» — Ах, многое, многое ты мне напомнила, Таточка моя, может, не зная того: участие к тому, что делалось на свете, переплетенное чистейшими, святейшими чувствами любви к О(гареву) и дружбы к N(atalie)! Во всех моих хороших воспоминаниях я вижу ее в ее длинной мантилии, в белой шляпе с белым вуалем — такого лица, такого выражения не было и не будет, — боже, если б она была жива! Все было бы хорошо, и я была бы не я.

Ну, прощай, душа моя, благодарю за строки об 2 мае, я положу это письмо с ее письмами.

Крепко тебя и Ольгу целую — поклонись дружески Мейзенбуг.

Рукой Н. П. Огарева:

Милая моя Тата и милая моя Оля, письма ваши с цветочками получены и читаны мною раз двадцать; а дела столько, что писать еще не собрался. На днях выйдет роздых, и тогда напишу вволю. Целую вас и жму руку Мальвиде.

Жду вашего ответа, Тата, или *консультации* — для моих соображений, воображений и распоряжений. Все, что сообразно с возможным, я охотно сделаю. Пока решим, живите в Риме. Одна из важных тайн жизни — умение терпеливо ждать. Обстоятельства идут страшно тихо и запутанно — наша жизнь, напр<имер>, до того вовлечена в современный вопрос, что мы не можем ею располагать с легостью Mme Schwabe или Mr Olinsky. Как я оставлю Лондон на полгода? Если же Лондон остается *point fixe* ¹, то поневоле все мы будем съезжаться в его туманах. Твоя жизнь теперь в Италии тебе дала материал на годы. Ты теперь без большой оглядки наедаешься — время отчета, пищеварения идет за ним. В Лондоне или Нью-Йорке — это второстепенно.

Перечитывала ли ты в «Был<ом> и ду<мах>» в главе о Васильевском описание поездки в Frascati? Тогдашняя жизнь у меня осталась в памяти как величественный вечер, за которым не покой, а ночь работы. Прощай. Сегодня писать некогда. Олю много и много целую. От Малв<иды> жду ответа.

Еще раз спрашиваю, каких нум<еров> «Колокола» у вас недостает? Необходимо все знать.

368. О. А. и Н. А. ГЕРЦЕН

18 (6) мая 1863 г. Лондон.

Ольга — Римская.

Итальянское письмо получил. Adesso ² — ты можешь дома говорить по-итальянски, adesso — на месте Jacopo Bonnet — к нам определяется Nicolò Pinelli (Fiorentino) ³. — Adesso — ты все фразы начинаешь так, и я тебе подражаю.

Саша уехал в субботу в Стокгольм. Мы его провожали в Catherine Dock — с Тхоржевс<ким>, но Туту дог не был — он куда-то пропал.

Нефталъ всем рекомендует здесь прививать оспу — здесь зараза — и себе привил. Сегодня я пишу к вам немного — Ага хочет посылать — а мне некогда.

¹ постоянным пунктом (франц.); ² Теперь (итал.); ³ Николо Пинелли — флорентинец (итал.).— *Ред.*

¿Сегодня я послал франц<узский> «Closche», русский «Кол<о-
кол>» и вложил картинку из «Пунша» — получили ли? Вот
вам всем

Шансон:

Ария

Мы из луга в луг — рыщем, рыщем
Новый дом — ищем, ищем.
La Diligence
Couleur Garance
Parcourt Broadstairs¹,
Margete, Ransgate
Et Wimbledon Park!²
Здесь нету квартиры —
Там мебели нет,
Тхоржевский направо,
Налево — я сам.
— «6 фунтов в неделю». —
Клапам и Hampstead,
Blackheath — Putney Heath.

Und sogar in einer heiligen Johannis Wut — suche ich *ap-
partements* in St. John's Wood.

18 Mai 1863.

За Orsett House
Westb<ourne> terra<ce>.

Твою записку, милая Тата, к Саше — я отдал ему самому
и просил его, как приедет в Штокгольм, прочесть.

Писать буду в пятницу или субботу. — Дела опять идут в
Польше лучше.

369. А. А. ГЕРЦЕНУ

20 (8) мая 1863 г. Лондон.

20 мая 1863. Orsett House.
Westb<ourne> terrace.

Ну, как-то ты доплыл до твоих Швеций? А здесь два дня
страшнейшая буря—рвет шляпы, выворачивает зонтики. Ос-
тальное—тихо. Сегодня посылаем, впрочем, за Гено де Мюси —

¹ Надобно *е тует* прибавить, с ё.

² Дилижанс
Маренового цвета
Проезжает Broadstairs,
Margete, Ransgate
и Wimbledon Park (франц.).— *Ред.*

девочка ужасно кричала, и явно ее схватывала какая-то спазма — раз пять с вечера. Все оканчивается ничем.

Вопрос об войне и вопрос о нашей квартире не подвинулся ни на шаг. Только тон Палмерстона (ответ на представление рабочничьего митинга) до того груб, что беда. — Edwards, желая тебя победить, написал мне, что дом отдает *за 250 фунт.* (даже не гин.) и за 6 ф. на лето. Я выигрываю время. В Putney Heath дом хорош (хотя и 22 мин. ходьбы); еще наворачтываются два или три. В Фуламе я нашел поразительный дом, но сыро.

Из Рима было письмо от Ольги по-итальянски. Тата познакомилась с сестрою Grant Duff. Все здоровы. Мейз(енбург) очень скучает, что русские надоедают.

Я получил письмо из Гейдел(ьберга) от Ст(уарта), он недавно был в Питере и решительно подтвердил то, что мы предполагали: Ар(тур) Б(ени) прямо говорил, что он все предпринимает с моим согласиём. Он действительно сумасшедший — для чего он все это делает? Подозрений дурных я не имею, но *il se remue beaucoup trop*¹.

Поздравь Бакунина — государь сел задом в муравейник, все Муравьевы около него: М. Н., Н. Н. и Помд'амурский — *démocrate Irkutsk*.

Что у вас думают и говорят, пиши скорее. «Кол(окол)» я послал на прежний адрес (94, Dr. G.).

Последний «Соврем(енник)» (апрель) очень хорош. Нет ли у вас?

Обнимаю тебя — и, если можешь, обними четвертую часть окружности Бак(унина). Скажи, что Червеневиц окончил свою портфель дипломата. Бак(унин) вперед приготовил за себя месть — приставивши к нему Булев(ского). Он и подсел его.

А что вышло из дела Тугенд(гольда)? Тот это или нет?

«Indép(endance) Bel(ge)» (от 18 мая) говорит с похвалой о выставленном в Париже портрете *O'Коннель*.

Прощай.

370. А. А. ГЕРЦЕНУ

21 (9) мая 1863 г. Лондон.

Письмо первое.

Рукой П. П. Огарева:

21 мая.

От тебя еще нет известий, милый Саша, а буря дует такая, что мне стало страшно и ночью просыпаюсь и думаю об тебе. Но это старческая боязнь, на которую ты не обращай внимания. — В понедельник был у Ш(арлотты). — Здорова, была мне, кажется, искренно рада, говорила об тебе. Все как следует. В следующий понедельник обещался зайти и зайду.

¹ он слишком уж хлопочет (франц.). — *Ред.*

Теперь несколько нужных вещей: 1) Ящик А. Н. посылается сегодня к Боннье; ты его предупреди. 2) Финляндия начинает ставиться на военное положение; многие думают, что intercourse¹ будет невозможен; я думаю, что надо больше осторожной ловкости, и только. Но это обстоятельство обязывает адреса не записывать, а заучивать.

3) «Лейпцигская газета» говорит, что Бак<унин> хочет издавать в Стокгольме журнал. Я этого не думаю. Я также не могу ему советовать издавать газету, как он не должен мне советовать держать спичи. Он сам совладеет написать две статьи в год; для этого особой газеты не надо. «Колокол» и «Свобода» исполнят эту обязанность; для последней надо устроить станок, вот и все. Кланяйся Б<акунину> хорошенько, напиши, что он делает и будет ли пить карльсбадские воды, и добавь, что если хочет, то Неф<таль> привет ему оспу, ибо он уже себе привил. А я на той неделе начну пить воды (Марьенбад).

Но вот я и заврался. Дел много, и потому спешу тебя обнять и кончить письмо. Пожалуйста, поскорей напиши.

Я советовал кн. Долгору<кову> привить — Неф<таль> ходит с своей рукой и раздает прыщи соотчикам. Видя это, Тхорж<евский> начал чесаться и чувствует воспу—я ему советую пить «*рябиновку*».

Это объяснит Бакун<ин>.

371. Ж. МИШЛЕ

21 (9) мая 1863 г. Лондон.

Monsieur J. Michelet, à Paris.

Monsieur!

Un de mes amis, un des russes — qui heureusement ne ressemble pas à ces terribles Moscovites que vous nous donnez dans vos «Légendes» — Monsieur Alexandre Sleptzoff, me prie de lui donner un mot d'introduction pour vous. Je le fais de tout mon cœur. Vous verrez par le jeune représentant d'une nouvelle génération — que ce n'est pas Bakounine, Ogareff et moi qui font une exception (je prends cela dans la préface) — mais qu'il y a une grande force de démocratie sociale — et qu'elle va crescendo.

Bakounine est à Stockholm, nous travaillons comme toujours. Ecoutez un peu — dans le silence et dans les ténèbres — ce monde en anarchie despotique, de votre oreille de grand historien. Vous verrez — que non seulement il y a là — massacre et extermination — mais enfantement et germination.

Je vous recommande encore une fois notre ami et je serre avec estime votre main.

Al. H e r z e n.

21 mai 1863.

Orsett House. Westbourne terrace. W.

На конверте: Monsieur A. Sleptzoff.

9, rue de Grammont.

¹ сношение (англ.). — Ред.

Господину Ж. Мишле, в Париже.

Милостивый государь!

Один из моих друзей, один из тех русских, которые, к счастью, не походят на ужасных москвитов, выведенных в ваших «Легендах», г. Александр Слепцов, просит рекомендовать его вам. Делаю это от всей души. Вы увидите, судя по молодому представителю нового поколения, что не Бакунин, Огарев и я составляем исключение (это у меня лишь предисловие), но что существует большая сила социальной демократии, — сила, которая идет crescendo.

Бакунин в Стокгольме, мы работаем как всегда. Прислушайтесь немного — в тиши и во мраке — к этому миру деспотической анархии. Ваше ухо великого историка уловит, что там не только резня и истребление, но и зарождение и процветание.

Рекомендую вам еще раз нашего друга и с уважением жму вашу руку.

Ал. Герцен.

21 мая 1863.

Orsett House. Westbourne terrace. W.

На конверте: Господину А. Слепцову.
9, rue de Grammont.

372. А. А. СЛЕПЦОВУ

21 (9) мая 1863 г. Лондон.

Ручкой Н. П. Огарева:

21 мая.

Любезный Александр Александрович, я думал, что вы уже уехали, и теперь рад, узнавши, что вы остались. Я думаю, теперь, летом, полезнее остаться и лечиться. Герцен посылает вам письмо к Мишле (кажется, что можно найти литературную работу в парижских журналах, где, по известной азбуке, можно провести многое). Пишите, что и как, и поедете ли вы к Fleury. До другого раза — сегодня некогда.

Огарев.

Насчет занятий, которые бы давали, сверх рассеяния, выгоду, во Франции, в стране скупости и эксплуатации талантов, я не могу ничего придумать. Н. Delaveau и теперь переводит «La Cloche».

Посылаю вам письмо к Мишле, от вас будет зависеть сблизиться — он добр и мил, но француз. Я очень сердит на него за последнюю брошюру. Если вы желаете, я пришлю письмо к Charles Edmond, т. е. Хоецкому. Он вас сведет с Прудоном: несмотря на то что Прудон мне короче знаком, но я с ним en

cérémonie, как говорит Наполеон III, когда он в ссоре. Посылаю вам карточку к Хоецкому — он в сенате, хоть и не на Галерной: 18, Rue de l'Odéon.

Если вы желаете устроить дела с Ник^олаем¹ Ив^ановичем² Тургеневым или с Трубецким (в Фонтенебло), я вышлю эпистолы.

Александр уехал, до 15 будет там. — Я получил от ваших петерб^бургских^х родных письмо.

А. Герцен.

А Мг Слепцов.

373. Н. А., О. А. ГЕРЦЕН и М. МЕЙЗЕНБУГ

23 (11) мая 1863 г. Лондон.

23 мая. Orsett House.

Тата и Ольга!

Я было принялся весело за перо — но меня сильно огорчила весть о том, что 19 мая расстреляли русские *Падлевского*. Ты его, кажется, раз видела — молодой, прекрасный собой офицер. Какая страшная трагедия война — и нельзя надивиться величию польской отваги. Читали ли вы, как гимназисты 14—12 лет отправились из Галиции — tambour battant¹ — за русскую границу и из их толпы припли несколько человек — остальные попались в плен или остались на поле? Восстание вовсе не прекратилось — оно теперь в Литве и Волыни — правительство поднимает мужиков против помещиков, мужики начали жечь и резать, им дают военных начальников и оружия. Мужиков випить печего — но что польется крови...

Niemand und Keiner wohnten in einem Haus,
Niemand ging aus, Keiner ging aus,
Wer blieb zu Haus?

Vous devinez, chère conservatrice Malvida — Wer blieb zu Haus? — Der Czar ging aus — der polnische Edelmaⁿⁿ ging aus — der Bauer blieb zu Haus mit seinem Lande.

Tout chemin mène à la ville! Et ces messieurs les massacreurs tzariques — font notre besogne mieux que nous — en prenant sur eux tout l'opprobre... «fatal» wird Jul^{ius} Alth^{aus} sagen. Was in Rußland jetzt vorgeht — das kann man kaum fassen. Die Dissolution, die Putréfaction — die allergalopanteste...

Écrivez-moi — quels sont les №№ du «Kol^okol» qui vous manquent².

¹ с барабанным боем ¹(франц.). — *Ред.*

² Никто и никакой жили в одном доме,
Никто вышел, никакой вышел,
Кто остался дома?

От Саши письмо из Копенгагена — 21 он должен был приехать в Стокгольм — там пробудет две недели, да неделю назад — так что между 12 и 15 июнем будет дома.

Ольга, вот тебе статья о тебе, писанная фырстом Долгоруким в «Листке».

Помнишь Падлевского у меня в альбоме?

А *propos*, к альб(ому). «Indépendance» расхвалила и меня, и мой контрофей, сделанный Одеколонью, и самое Одеколонь — он на выставке в Париже.

Дома all right¹.

Программа остается старая — вы будете оставаться в Риме — до решения.

374. А. А. ГЕРЦЕНУ

25 (13) мая 1863 г. Лондон.

25 мая. Orsett House.

Westbourne terr(ace).

Любезный Саша, чтоб не оставить тебя без вестей, — пишу к тебе, не дождавшись твоего письма из Стокгольма.

Б(акунину) буду писать завтра или послезавтра. Мне жаль, что он сердится, и жаль, что я его рассердил. Мне жаль, что он думает, что я делаю все из себяобожания, в то время как все, что я писал, имело другой источник. Пока скажу только две вещи. — В документе Лапинс(кого) и Домонт(овича) сказано, что «он посылается мне с тем, чтоб я его употребил в *крайнем* случае». Как же я мог знать, что мне следовало его сообщить Орд(енге), Бр(аницкому) и пр.? Француз(ское) письмо — я Цвер(цякевичу) не сообщил, потому что оно менее ассомантно, чем шпыняво, а это следует передавать не через 3-е лицо. Что же касается до докум(ента) Л(апинского) и Дом(онтовича) — ты сам ему его пошли. Finis².

Chez nous — у нас — как говорит Чер(нецкий), все идет хорошо. В неделю два раза все бежит искать фатеру с садом — не находит и остается по-старому. А 15 июня близко.

Вы догадываетесь, дорогая консерваторша Мальвида, кто остался дома? — Царь вышел — польский дворянин вышел — *крестьянин* со своей землей остался дома.

Все дороги ведут в город! А эти господа царские убийцы — делают наше дело лучше нас самих, — взяв на себя весь позор... «фатально», как скажет Юлиус Альтгауз. Что происходит сейчас в России — едва ли поймешь. Разложение, гниение — пагалопирующее...

Напишите мне — каких №№ «Колокола» вам недостает (нем., франц.). — *Ред.*

¹ все благополучно (англ.); ² Конец (лат.). — *Ред.*

В Риме—также все благополучно. Тата познакомилась с Леманом, Левалдом, а Грегоровиус у них свой человек—ergo¹, за артистическим обществом дело не станет, за ученым также.

Мартьянова—арестовали на границе, он в крепости и отдан под суд сената—за написание письма госуд<арю> и напечатание его в «Колоколе». Судьбу Падлевского, вероятно, вы знаете — 15 мая его расстреляли в Плоцке. Жертва за жертвой... а между тем правительство вооружает крестьян, и судьбы совершаются сами собой.

Ар<тур> Бе<ни> опять наделал дурачеств и написал мне длинное письмо, и притом грубое—несмотря на то что мне до всего нет никакого дела.—Положение его ужасное. Польское народ<ное> правительство объявило его человеком *подозрительным*—он хочет суда, и суда наших друзей (отчего он не едет в Варшаву оправдываться?).—Если тебе придется случай о нем говорить, ты можешь сказать, что я в его бытность в Лондоне—ничего подозрительного за ним не замечал и думаю, что все делается из опрометчивости и желания играть роль. Уверял же он M^{selle} Meys<enbug>, что он — Дантон.

Письмо твое из Копенгагена пришло. Addio. Обнимаю тебя.

Рукой Н. П. Огарева:

Сегодня понедельник, ergo я поеду в Kingsland. В следующем письме напишу тебе что и как. Бак<унину> готовлю длинное письмо и пошлю, когда от тебя будут вести, чтоб на все отвечать зараз. Прощай, покамест обнимаю тебя. О Финляндии помещу в сем «Кол<околе>» извлечение из письма, присланного Бак<униным>. На этот раз довольно — ибо некогда.

В «Indép<endance> Bel<ge>» расхвалили портрет мой — О'Коннель — он в Париже на выставке.

Скажи М<ихаилу> Ал<ександровичу>, что ко мне два раза приходил Кук или не знаю какой Англик — что, ему следует деньги отдать или что?

Цв<ерцякевич> уезжает, кажется, в конце недели.

1375. А. А. ГЕРЦЕНУ

30 (18) мая 1863 г. Лондон.

Рукой Н. П. Огарева:

30 мая.

Печально я прочел твое письмо, милый Саша. Итак, кажется, с этой стороны дело подрежется. Что же значили все письма Б<акунина> и вызовы кого-нибудь приехать?.. Но я все же подожду писать ему до следующего твоего письма. А покамест несколько слов: 1) Печатей отнюдь там не оставляй и не пересылай, а привези назад; это мое просто-напросто приказание, на которое возражений не принимается. 2) В моем письме к Нордштр<ему> он по имени не назван, следст<венно>, надрисавши мой пакет, можно отдать его кому угодно; но замечу: или он со мной согласен, или характеристика его в 1-м письме Б<акунина> чистейший вздор; это

¹ следовательно (лат.).— *Ред.*

что-то очень хитросплетенно. 3) Если они так туги на провозы, то не навивайся им, ибо может выйти нехорошо. 4) Если они на это так туги, то посланные листы и буквы (которые отправлены в 1-ю среду после твоего отъезда) надо послать обратно дешевым путем. — Обо всем этом рассуди, как скоро приведешь все отношения в положительную ясность, руководствуясь правилом, что чуть сомнительна откровенность и готовность содействия, то от всяких пересылок и сношений — *abstiens toi* ¹. — В прошлый понедельник Ш^{арлотта} была совершенно здорова. Целую тебя крепко.

Девочка от груди отнята. Лиза моя милая. — Дом еще не нанят, сегодня решается.

Вчера я ездил по домам и сегодня, — ничего еще нет, любезный Саша, а тебе все же есть выговор. Дом, который так понравился в Ричмонде Огар^{еву} и мне, — отдан на год за 250 фунт. или гиней. Это была бы огромная экономия, и если б ты, ездивши в Ричмонд, заказал Гилдичам — дом бы был наш...

Отдельвайся поскорее да и домой пора. С нами хлопотать. Твоим письмом я очень доволен — оно обстоятельно и умно. Вот лучший ответ тебе на его письмо ко мне... Пишу очень мало, потому что еду сейчас.

Все здоровы —

все кланяются.

Из Рима несколько дней не было — но и там все хорошо.

376. Н. А., О. А. ГЕРЦЕН и М. МЕЙЗЕНБУГ

31 мая и 1 июня (19 и 20 мая) 1863 г. Лондон.

31 мая 1863. Orsett House.
Westb^{ourne} terra^{ce}.

Я, точно мореплаватель или воин, возвращающийся из дальней экспедиции, загорелый и усталый, начинаю отдыхать на лаврах. В последнее время был самый острый припадок искания квартиры. Наконец, я уехал на два дни в Ричмонд — и наконец нашел две — которую возьмем, узнаю на днях. Одна за Twickenham'ом. Другая в Kew — возле сада. Очень хочется на воздух — и на покой. Я действительно, может, пропущу главные жары — и поеду к вам, каж^{ется}, в конце августа.

От Саши два письма из Стокгольма — там холод и ему не нравится — к 15 июню он будет непременно в Лондоне.

Гуляя один вечером по набережной Ричмонда, ведущей в Кью, живо вспомнилось мне наше житье в 1854, — скоро десять лет — и всё тогдашнее и все тогдашние прошли передо мной как в процессии — от Франсуа и Доманже до Энгелсона и Саффи.

¹ воздержись (франц.). — *Ред.*

Yes, dear Malvida, I am rather overwhelmed by recollection about the Domengé times and the Darash visits — light and shadow —

St. Helena's terrace,
Miss Helena qui terrasse
Saffi —
Saffi sans Sappho.
Und die *Barthélemy's* Nacht!
Und der *Ingilsono furioso*.
Cholmondeley lodge — wo
die Rosen nur aus Dornen bestehen,
Bridgefield Villas — wo
Mme Twist musiziert.

Alles kommt — geht — geht vorbei — dann — Putney — und mein Zimmer wo Catalani geschlafen, wo Marius (Mario) gewohnt, nehmen Sie sich in Acht — es folgt nichts¹.

Ольга, помнишь ли ты что-нибудь об тех временах, когда красненькая Марихен Фомм учила не китайцев, а тебя, когда ты была маленькая, как Лиза — и шалила, как две. Обнимаю тебя и целую.

Pardon pour les bêtises — un homme qui écrit ses mémoires — plus longs que les pharmaciens écrivent les leurs — s'abandonne quelquefois à une revue rétrospective.

Je vous ai expédié — chez Torlonia 60 *pounds* — que vous n'avez qu'à prendre.

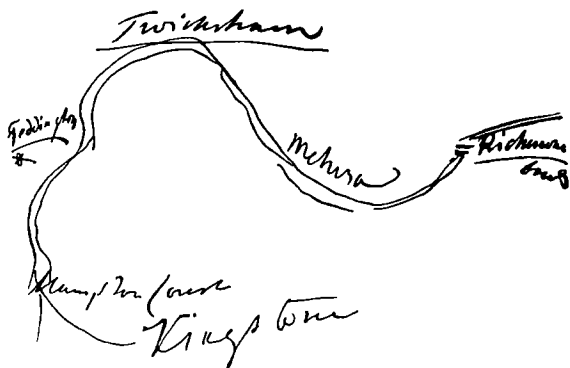
Pour ne pas oublier — voilà une commission. Dites à Fricken que j'ai reçu sa lettre — mais que je n'ai pas reçu de *seconde lettre* de Florence concernant l'argent polonais. J'ai répondu à la première et je l'ai envoyée au délégué. Depuis pas un mot ne

¹ Да, милая Мальвида, я охвачен воспоминаниями о временах Доманже и посещениях Дараша — свет и тень —

St. Helena's terrace,
Мисс Елена, которая сокрушает
Саффи —
Саффи без Сафо.
А ночь Бартеlemi!
А неистовый Энгельсон!
Cholmondeley lodge — где
розы состоят из одних шипов,
Bridgefield Villas — где
музицирует м-м Твист.

Все приходит — идет — проходит — потом Путней — и моя комната, где ночевала Каталани, где жил Мариус (Марио), заметьте — продолжения не будет (англ., франц., нем., итал.). — *Ред.*

m'est parvenu. Ils m'écrivent maintenant aussi — mais ils disent qu'ils ont adressé la lettre à M. Cw<ierciakiewicz>. Tout ce que je puis faire je le demanderai. Entre autres il a reçu sa démission — et je pense que cela sera peut-être mieux d'envoyer l'argent à Paris. Saluez bien Fricken de ma part et dites que je persiste à croire qu'il devrait aller en Russie¹.

Вот вам и план дороги нового дома в Теддингтоне.

А при всем том странный ты человек, Тата, — как же ты можешь смотреть, как другие пишут письма сюда, и не приписываешь ни строки? — Ведь написать одну строку не больше надобно времени, как поймать блоху. — А прогос, пиши немного покрупнее, а то мы принуждены твои письма читать под Сашиним микроскопом. Письмо с портретами я сам франкировал и заплатил 1 шилл. 10 пенсов. Это просто крадут. Попробую вам послать иначе «Кол<окол>» № 164. Пожалуй-ста, тотчас напиши — придет ли («Le Nord»). Если придет, то каких №№ недостает.

Дом отдают, и дело, кажется, кончено.

Прощайте.

1 июня.

¹ Прошу прощения за дурачества — человек, пишущий свои записки — более длинные, чем записки аптекарей, — позволяет себе иногда оглянуться назад.

Я вам отправил к Торлонии 60 фунтов — вам остается только взять их. Чтобы не забыть — вот поручение. Скажите Фрикену, что я получил его письмо, но что я не получил *второго письма* из Флоренции касательно польских денег. Я ответил на первое и переслал его делегату. С тех пор не получал ни слова. Теперь они мне также пишут, но говорят, что адресовали письмо г. Цв<ерцякевичу>. Все, что я могу сделать, — это спросить его. Между прочим, он получил отставку — и я думаю, что, быть может, лучше будет выслать деньги в Париж. Кланяйтесь от меня Фрикену; скажите ему, что я продолжаю думать, что ему следовало бы ехать в Россию (франц., англ.).— *Ред.*

P. S. Madame Thal hat mir einen langen Brief geschrieben—in welchem Sie mir über Mme Huth und über Unterredungen mit Westmacott schreibt — ich werde freilich nichts tun und die Photographien abwarten¹.

Во Флоренцию к Долфи я сейчас писал. — Прибавь это Фрикену. Письмо их я получил 30 мая, а послано было 17 апреля.

377. Н. А., О. А. ГЕРЦЕН и М. МЕЙЗЕНБУГ

6 июня (25 мая) 1863 г. Лондон.

6 июня 1863. Orsett House.
Westbourne terrace.

Жду твою картину и Фрикена — с нетерпением. После 15-го мы переезжаем, дом недурен, шагов в сто от Буши-парка, в июле там будет железная дорога. Лето очень хорошо. Поживем там — отдохнем, попишем, а потом — собираться к вам. Сашу жду к будущей субботе. Бакунину жители Стокгольма 150 человек давали обед — вероятно, Саша на нем был.

В понедельник театр для польск<ого> фонда — Милнер-Гибсон сама играет и все.

На днях уехал один господин, который тебе доставит — три медали (Малвиде, тебе и Ольге). Насчет газет я придумать не могу, как сделать, и буду, может, посылать целой пачкой через Турин. Очень дурно, что у вас нет «Колок<ола>». Это отчуждает вас от нашей деятельности больше чем все остальное. Es ist doch wunderbar, *cara amica* — daß Sie ein solches Leben für ziemlich frei halten. Da ist ja unsere alte Frage über Paris!²

Все дела идут страшно медленно, и мы вряд больше ли знаем теперь, чем пять месяцев тому назад. Отчаянного в положении ничего нет — русское правительство видит, как оно рушится, — хватается за всё, вооружает крестьян на западе, льстит раскольникам — поляков одолеть не может и дойдет до того, что сзовет Земский собор. — Тогда тебя надобно послать с Сашей посмотреть.

А Ольга — ты что — тоже поедешь или нет? — Впрочем, дорожного платья не покупай еще, а то будет коротко — успеешь вырасти. В предпрошлом письме я послал тебе что о те-

¹ P. S. Мадам Таль ограничилась одним длинным письмом ко мне, в котором пишет о м-м Хат и о переговорах с Вестмакоттом — разумеется, я ничего не стану делать, а подожду фотографий (нем.). — *Ред.*

² Все-таки удивительно, *cara amica*, что вы считаете такую жизнь вполне свободной. Ведь это наш старый вопрос о Париже! (нем.). — *Ред.*

бе в Петербурге напечатали. — В новом доме у нас сад есть не очень большой — но гулять детям и большим можно. Пора мало-помалу всем нам опять съезжаться. А Туту твой пропал, и Тхоржевский не знал, что делать, — потерял последние волосы. Ты знаешь или нет, что до отъезда из Orsett House Тхоржевский будет жить у Жеоржины в комнате?

Лиза тебе кланяется — она иногда очень шалит, но зато очень умна, и Леля, если еще не умна, то забавна.

Ну, прощай — и ты, Тата, и ты, Ольга — обеих вас целую — много.

Private¹.

Р. S. Если умно и подробно напишете, что привезти — число, меру, цвет, запах, вкус, вес, употребление и цену — то могу привезти с собою.

Все кланяются, и Варвара Тимофеевна — которая живет возле — в большой мизере.

378. А. А. ГЕРЦЕНУ

8 июня (27 мая) 1863 г. Лондон.

8 июня 1863. Orsett House
Westbourne terrace.

Твоим отчетом я и этот раз очень доволен. Разумеется, надобно остаться несколько дней — если это нужно для дел. Я, напр<имер>, считаю так — письмо это ты получишь 13 или 14; если ты поедешь 16 или 17, ты приедешь сюда к 24 или 25 — ровно так, чтоб помочь нам в переезде и сдаче дома. Дом я нанял в Teddington'e, т. е. возле Буши-парка и близь Твикнема — в июле туда будет ходить желез<ная> дорога. Дом назыв<ается> Elmfield House.

Постарайся взять у Bonnier книги и «Колокола» (оставив у него то число, которое покрывает пересылку). Вновь посылать до твоего приезда нечего, разве один «Колокол». Почему Bonnier выписывает «La Cloche» из Лондона — разумеется, надобно выписывать из Брюсселя. На сей раз я напишу к Fontain'y.

У нас новостей мало, да и, сверх того, не все пишу, боясь, что письмо тебя не застанет. Хотинский, повредив значительно Мартыанову, возвратился сюда — я его отдал под надзор Тассинари и смотрю, что он выдумает еще. С ним другой алгвазил... и я сам видел, как от него выходил классический шпион Михаловский. Он писал ко мне письмо — а я объявил в «Daily News» и др. газетах Take care.

¹ Частно, конфиденциально (англ.). Часть листа с текстом, предназначавшимся, видимо, для М. Мейзенбург, отрезана. — *Ред.*

Скажи Б<акунину>, что Аксаков нас обругал в «Дне», — меня еще с милосердием, а его беспощадно. Я пишу два ответа — хочу, чтоб один был напечатан в «Дне», а другой у нас.

Насчет вопроса Кал<инки> всего лучше решит Бакунин.

Тата, по обыкновению, пишет очень мало, но все у них идет хорошо. На днях придет сюда Фрикен. А ргoгoс; Касаткин здесь, и с ним Д.

Речь твоя нам обоим понравилась; может, немного длинновата, но это любят. Отчего же ты не написал никаких подробностей о самом празднике?

Несколько строк я напишу о праздн<ике>. «Кол<окол>» выйдет завтра (extra №).

Прощай. Обнимаю тебя — если можешь, приезжай к 25.

У Vonnier или книги отбери или деньги. Что ты ничего не пишешь о Тугендгольде?

Бак<унину> — усердие и фратерните.

Рукой Н. П. Огарева:

Сквозь твою милую речь и суету праздника я напряженно стараюсь угадать, что было возможно и что сделано, — и с нетерпением жду твоего возвращения. Много надежд возбуждает твое письмо, но пока я не пойму ясно результата из твоих уст, я ничего не могу ясно думать о предмете. Все, что могу тебе сказать, — это заслуженную похвалу за весь способ действий. Другие — кажется — сплouxют. Тут много прискорбного, о чем переговорим при свидании. — Нового особенно ничего нет. Положение остается то же; патриотизм петербургский ходит на ходулях, но все же факт, все же он ходит, и остается пережидать, когда или ходули треснут, или люди устанут от неестественного способа прогулки. — Tang<ens> и cotang<ens> ни к чему не служат, и теперь в Стокгольме никто не поедет. Да я думаю — и лучше; а если кому случится после приехать, то ты приготовь ему надлежащий прием, да и приезжай к нам, как скоро почувствуешь, что почва достаточно подготовлена. — О личных вещах скажу, что там все слава богу, только я давно уже не был, а писал и получил ответ, что все благополучно; а не был я потому, что дела много и, как нарочно, у меня вдруг какая-то струна ослабла и поездка по железной дороге снова сделалась для меня одной из тех невыносимых агоний, которую на сию минуту не преодолешь, и надо немного подождать, когда почувствую хребет пободрее и голову поменьше склонную к обмороку, тогда поездка опять станет легче. Но я не сегодня — завтра попытаюсь добираться разными иными путями до цели, т. е. бусом, кабом и пехтурой. — Получен ли ящик, и что ты теперь с ним сделаешь — так как теперь имеет большую разницу от твоего первого письма? — Бакун<ина> обнимаю, но все еще длинного письма ему не пишу, и напишу только после твоего возвращения, тем паче что эти дни недели будут для меня опять трудны по смеси работы и перемене квартиры. — Прощай же, дитя мое, приезжай поскорей. — Зенк<овича> благодарю сердечно и за перевод и за теплые строки. А Дом<онтовича> благодарю за портрет, который очень хорош.

4 часа.

В заключение еще раз обнимаю тебя. — делай дело и не теряй времени.

Lat<est> intell<igence> ¹. Чернецкий хочет тоже переехать в Teddington. А Тхорж<евский> делается с каждым днем тупее — я думаю (без шуток), что у него ramollissement ² мозгов.

Д. в Швецию не собирается.

Зенк<овичу> и Домон<товичу> от меня много и много — поклонов и симпатий.

379. Ю. КЛЯЧКО

9 июня (28 мая) 1863 г. Лондон.

9 juin 1863. Orsett House.
Westbourne terrace, W.

Cher monsieur Klaczko! Je viens encore une fois vous prier de me faire un service — et encore une fois sans perdre le temps. J'ai reçu une lettre très étrange — postée à Paris, datée le 1 mai à Varsovie, portant le cachet du Comité Central et le № 14. On me prie de ne plus m'occuper des affaires de la Pologne — tout cela exprimé d'une manière étrange. Avant de publier ce *factum*, il faut constater l'authenticité de la lettre. Si c'est le Comité de Paris qui l'a envoyée, il m'obligera en vous disant que c'est ainsi, — je n'aurai plus besoin de chercher des voies pour arriver à une réponse du Comité de Varsovie.

Si vous ne pouvez pas me donner une réponse positive, — dites-moi un mot, et je vous prierai de n'en rien dire à personne. Dans ce cas à qui m'adresser? A Ord<enga>? Il m'est impossible de laisser cette affaire sans la recherche de la paternité. L'exemple des sources du Nil m'encourage, et votre amitié fera le reste.

Tout à vous
A. H e r z e n.

De grâce, la réponse pour le 13 ou 14 (le 15 paraît la *Cloche*). Est-ce que Mr Sleptzoff est encore à Paris?

На конверте: Paris. J. Klaczko, Esq.
Quai d'Orléans, № 6.

П е р е в о д

9 июня 1863. Orsett House.
Westbourne terrace, W.

Дорогой господин Клячко! Еще раз обращаюсь к вам с просьбой оказать мне услугу и еще раз не теряя времени. Я получил очень странное письмо, отправленное из Парижа, датиро-

¹ Последние новости (англ.); ² размягчение (франц.). — Ред.

важное 1 мая в Варшаве, с печатью Центрального Комитета и № 14. Меня просят не вмешиваться более в дела Польши — выражено все это странным образом. Прежде чем опубликовать этот *пасквиль*, надо установить подлинность письма. Если мне послал его парижский Комитет, то он меня обяжет, сказав вам, что это так, — мне не надо будет больше искать путей для того, чтобы получить ответ варшавского Комитета.

Если вы не можете мне дать положительного ответа, уведомьте меня, и я прошу вас никому об этом ничего не говорить. — К кому в таком случае мне обратиться? К Орденге? Я не могу оставить это дело, не установив его происхождения.

Пример истоков Нила меня воодушевляет, а ваша дружба сделает остальное.

Весь ваш
А. Герцен.

Ради бога, ответ к 13 или 14-му (15-го выходит «Колокол».)
В Париже ли еще г. Слепцов?

На конверте: Париж. Ю. Клячко, эск.
Quai d'Orléans, № 6.

380. А. А. ГЕРЦЕНУ

11 июня (30 мая) 1863 г. Лондон.

Рукой Н. П. Огарева:

11 июня.

Письмо твое от шестого мая, *sage mto*, получено. Я читал его внимательно. Но впредь — и это не я один, а многие другие просят — этим способом не писать, потому он хуже всякого другого. Разумеется, из Стокгольма в Лондон всякий способ хорош, а преимущественно самый простой; что же касается до других стран, то опыт доказывает, что твой способ хуже всякого другого. На тангенс и котангенс не рассчитывай, а лучше поскорей приезжай, ибо скоро кто-нибудь настоящий придет и гораздо лучше знать от тебя что и как и все устроить *viva voce*¹. На Броун(а) также не рассчитывай, он болен. — На обороте найдешь мою записку к Феликсу. — «*Opinion Nat(ionale)*» напечатала твою речь; бакуп(ин)скую, говорит, напечатает в следующий раз, называя ее субстанциональной. Но ты ему от меня скажи (а длинное письмо ему напишу, когда ты воротиться), что его речь меня глубоко огорчила. Кто дал ему право говорить о местопребывании Зои Владимировны и хвастать ее связями с важными людьми? Это Зое Владимировне будет чрезвычайно неприятно, тем более что она имеет характер серьезный, сдержанный, расчетливый, выжидательный, а не фейерверкный. О финнах писать будем, но для этого надо, чтоб они доставляли материалы. — Что же еще сказать тебе? Судя по твоим письмам, я тобой очень доволен и крепко обнимаю тебя. — На *poste restante* спроси письма; к тебе из Кингсланда писано 4. Я нашел там все благополучно. — Ну, приезжай же скорее, для домашнего дела твое присутствие понадобится также очень необходимо.

¹ на словах, очно (итал.). — *Ред.*

Я почти уверен, что это письмо тебя не застанет, любезный Саша, и пишу только потому, что Ага пишет. Обратили ли у вас внимание на городскую стражу в Москве и Петерб^урге¹ и на то, что студенты моск^овские¹ просят составить легион, — все это делается с целью показать усердие, — но однажды рама если дана, — картина может перемениться. *Somme toute*¹, дело распатывания гнилого зуба идет как по маслу. У Катк^ова¹ грозили поджечь типографию — и подожгли, но успели потушить.

Вот пока и все. Хорошо, кабы ты поспел к сдаче дома — Тейлор опять оказывается плутом, а у нас, кроме Пени, никого. Пан Тх^оржевский¹ тоже неспособен.

Кланяйся Баку^нину¹.

381. Ф. ЗЕНКОВИЧУ

11 июня (30 мая) 1863 г. Лондон.

Рукой Н. П. Огарева:

От души благодарю вас, любезный Феликс, за ваши теплые строки и за ваш перевод. Из юношей вашего народа вы были одним из тех, которые при первой встрече возбудили во мне самое живое сочувствие. Я надеюсь, что наша взаимная симпатия сохранится, пока я жив, и останется в вашей памяти, когда меня не будет. Крепко жму вам руку.

Ваш Н. О г а р е в.

И я прибавлю строку и тоже благодарность за то, что вы упомянули Потебню и его товарищей. Жму вам руку и прошу дружески поклониться Дем^онтови^чу¹.

Прощайте — будьте здоровы.

Ал. Герцен.

382. Н. А., О. А. ГЕРЦЕН и М. МЕЙЗЕНБУГ

13 (1) июня 1863 г. Лондон.

13 июня 1863. Orsett House.

Милая Тата, твой рисунок и все ваши посылки пришли. Мы внимательно смотрели на Стеллу — мне нравится общность рисунка, но я меньше привык к черному карандашу, чем к краскам. Фр^икен¹ сказывал, что художники были довольны. Боткина картина очень мила. Но памятник русский не того — главное, что мученики могут простудиться на сквозном ветру.

Саша еще в Стокгольме — и вряд будет ли раньше 25 июня. Мы все собираемся переезжать в новый дом.

Журнал твой, Ольга, мы с Ага читали и очень смеялись тому, что ты не совсем подчинилась важным авторитетам —

¹ Словом (франц.). — *Ред.*

а сама судишь. Это хорошо, но надобно обдумывать суждения и не судить с самонадеянностью. Вкус у тебя есть, и потому надобно его больше и больше воспитывать, т. е. много глядеть, много слушать и очень много читать.

Also d(as) letzte Gericht — *pour la bonne bouche* — so ein göttlich(er) *Charivari* von der Sixtiner Kapelle, so eine Walpurgisnacht — bei Tageslicht — etc., etc.

Ich, ungerichteter und ungeretteter, danke recht sehr.

In Polen — eine Umwälzung in der Umwälzung — eine Revolution in der Insurrektion. — Die aristokratische Partei — hat die Oberhand, die andere aber das Recht für Vaterland zu sterben — und die sterben, die sterben haufenweise — die anderen aber leben und leben und schreiben Manifeste und bedanken sich, daß die anderen sterben.

Das ist auch so ein Gericht — *plat — un peu trop plat*.

Und Schurz — mit seiner Legion — Blind Carolus schreibt, daß alle Deutschen heroisch waren — aber davонliefen — fügen die Mericaner zu. Und Puebla — und die Nationalgarde in Moskau und Petersburg¹.

Рукой Н. П. Огарева:

Спрашиваю Лизу, что она велит вам сказать, но она говорит такой вздор, что не разберешь. Говорит, что Ольга теперь большая, ей 4 года. — Милую Мальvidу благодарю за храм Весты. Тата, я тебе о твоём рисунке напишу на той неделе, очерк очень хорош; но я подробно его разберу. Целую тебя и Ольгу. Вот и все на сегодня..

Посылаю вам речь Саши — и прощайте.

Все здоровы — еще раз можете писать в

Orsett House,

а потом

Elmfield House,

Teddington near London².

¹ Итак, последнее блюдо — на закуску — своего рода божественный «Charivari» Сикстинской капеллы, Вальпургиева ночь — при дневном свете — etc., etc.

Я, несужденный и неспасенный, благодарю покорно.

В Польше — переворот в перевороте — революция в самом восстании. — Аристократическая партия взяла верх, другая же получила право умирать за родину, и эти умирают, умирают толпами, — те же поживают себе, пишут манифесты и благодарят других за то, что они умирают.

Это тоже своего рода блюдо — *plat — un peu trop plat*.

А Шурц — со своим легионом — Блинд Каролус пишет, что все немцы вели себя героями, но бежали, добавляют мериканцы. А Пуэбла — а национальная гвардия в Москве и Петербурге (нем.). — *Ред.*

² близ Лондона (англ.). — *Ред.*

19 (7) июня 1863 г. Лондон.

19 июня 1863. Orsett House.
Westbourne terrace. W.

Два письма твои и ваши пришли *разом*, Тата, — вот какие у вас непочтенные почты. Фрикен сегодня утром уехал в Париж — я ему дал два медальона (фотог<афии>) Иоанны. Мне не нравится ни мысль, ни исполнение, сходства никакого — и все вместе banal. Не лучше ли было бы сделать просто ее медальон? Ах, эти английские немцы... и немецкие англички.

От Саши телеграмма: он придет, вероятно, к 25, может, днем раньше — я тотчас тогда перееду в Elmfield House — завтра переезжает Natalie и дети — мы с Ор<аревым> остаемся одни. Чернец<кий> и Кельсиева тоже едут в Teddington.

Насчет того, куда вам ехать до конца сентября, я полагаю, что, в самом деле, лучше оставить Рим и ехать где лучше воздух, где можно заниматься и не так дорого.

Вот видишь, милая Тата, я думал так — это на старости лет фантазии — что, приехавши в Италию и встретившись с вами в каком-нибудь местечке, мы через неделю поедem в Неаполь. Мне хотелось вам показать самому лучшую часть Италии, но так как я всегда уступаю фантазии необходимости, а вам в Риме или в его окрестностях оставаться нельзя, то и поезжайте куда хотите — где не очень далеко и не очень дорого. Не знаю еще, но думаю, что приеду просто во Флоренцию в сентябре — а что потом? Потом я поеду назад — да, наконец, и ваше путешествие надобно покончить.

Поживите-ка начало весны в Teddington'e — а там я не знаю, да и не надобно так долго задумывать.

Что Григоровиус не понимает русского вопроса и России, меня не удивляет — ограниченность и национализм немцев поразителен. Во всех ужасах, которые теперь делаются, всякий не-немец — да и не-француз — поймет полное разложение петербургских порядков и начало социальной революции. Но об этом при свиданье.

Еще раз экспедиция не удалась из Швеции — а знаете ли вы, что наши скоты повесили Абихта?

Mais c'est déjà à vous que je dois m'adresser. Abicht pendu — pauvre diable — il donne la mesure de leur féroce stupidité. C'est trop loin d'ici pour vous expliquer — mais croyez-moi que tout cela ne sont que des convulsions d'agonie de l'impérialisme allemand, il sera débordé — par les forces océaniques qu'il évoque lui-même. — Malheureusement ce n'est que trop

вrai que les Allemands ont pris une fuite honteuse en Amérique. La politesse du général en chef ne veut rien dire. Et tout le monde est d'accord que Schurz — a fait tout son possible. Ne soyez pas trop patriote — en vue de ce qui se fait en Prusse.

Fricken — est parti aujourd'hui (il a eu l'esprit de ne pas parler sur *le sujet*¹). — J'ai écrit à Tata que vous pouvez vous retirer partout où vous voulez pour les mois de chaleur — pourvu que cela ne soit ni trop loin, ni trop coûteux — ma pensée (*eines alten Knaben Gedanke*) était d'aller à Naples avec vous tous. Je ne voulais pas en parler avant — mais comme cela ne va pas — je vous le dis — et n'en parlons plus. Je fais des plans, j'invente quelque chose pour 1864 — et je n'en sais rien où, comment. — Avez-vous des idées — (idées romaines) — communiquez-les. Il pleut à verse, Schwabe m'invite à *dinner* — à 7¹/₂ — je suis triste — et j'irai voir le *Faust* de Gounaud².

Тата, учишь ли ты Ольгу, и чему? — И, особенно читаешь ли с ней по-русски?

Стелла твоя отдана в рамку. Саша пишет, что в Стокгольме праздновал свое рождение. — Каковы числа в Швеции — у нас еще 6 дней остается.

Милнер-Гибсон, которая тебе и Малв<иде> кланяется, не играла — муж раскричался и в «Теймс» пропечатал. А играла Sidney — ее дочь.

Получены ли медали?

¹ Et pourtant cela a importé beaucoup de gêne et j'ai moins parlé avec lui de Rome.

² Но это уж относится к вам. Абихт повешен, бедняга, — из этого видно, как безмерна их жестокая глупость. Слишком далеко отсюда, чтоб я мог вам объяснить, но верьте, что всё это лишь предсмертные судороги немецкого империализма, он будет затоплен океаническими силами, которые он сам вызывает. К несчастью, слишком достоверно, что в Америке немцы пустились в постыдное бегство. Учтивость главнокомандующего ничего не означает. И все сходится на том, что Шурц сделал все, что мог. Не будьте слишком патриоткой при виде того, что делается в Пруссии.

Фрикен уехал сегодня (у него хватило ума не говорить на *тему* *). — Я написал Тате, что вы можете скрыться на жаркие месяцы куда вам угодно, лишь бы это было не слишком далеко и не слишком дорого — моя мысль (*eines alten Knaben Gedanke* <мысль старого холостяка>) была поехать с вами всеми в Неаполь. Я не хотел об этом говорить раньше, но так как это отпадает — скажу, и не будем об этом говорить более. Я строю планы, изобретаю кое-что на 1864 год — но не знаю, где и как. — Есть ли у вас идеи (римские идеи) — сообщите их. Дождь как из ведра, Швабе приглашает меня на *dinner* <обед> — в 7¹/₂ — я грущу — пойду смотреть «Фауста» Гвюно (франц.). — *Ред.*

* И однако это внесло большую натянутость, и я меньше говорил с ним о Риме.

Рукѣй А. А. Герцена:

24-го июня.

Милая Тата,

вот я и вернулся домой отдыхать от своих шведских лавр. Хочу сегодня только с вами поздороваться, а через два—три дни пошлю вам описание en règle¹ всех моих страданий и наслаждений на прохладных берегах Балтийского моря — почти в виду Санкт-Петербурга.

Архангел Михаил все так же шипит и пыхтит как локомотив, курит как Везувий и потеет как Лондон после 3-недельного тумана и дождя. Антония Ксавьеревна все так же... да, правда, вы ее не знаете... так пусть история о ней молчит. — Это для нее же выгоднее.

Здесь у нас всё здорово — сегодня еду к Натали, которая уже в Teddington; в понедельник переезжаем и мы.

Ты можешь себе представить, какие здесь укладывания, отсылания, приватия и сдачи инвентариев... поэтому я и не могу писать много сегодня.

Папа тебе послал мою речь на штокгольмском банкете. Что скажешь об моем красноречии? Я и не знал, что она напечатана. Все это я вам опишу порядком, когда совершится наш переезд.

На этот раз обнимаю и целую вас — в последний раз в моем 24-ом году, ибо завтра начинаю 25-й!!!

Мальвиде пожмите руку покрепче.

С и н к.

Я получил от Монтекки письмо, в котором он пишет, что медали в Риме получены, — что ж они у вас уж или нет?

Сама все свои поручения исполнил хорошо и уж опять собирается через месяц сделать экскурсию.

Чернецкий с типографией переехал в Теддингтон. Дом мне перестал нравиться — но окрестности очень хороши: от Hampton Court — 30 минут, от Буши-парка 5. Железная дорога (в июле откроется) — между домом и Буши-парком.

Завтра мы с Сашей едем смотреть «Фауста» Gounaud. В газетах очень хвалят.

Опять потянуло войной. — Это постоянное состояние тревожного ожидания — морит душу, не дает времени ни на работу, ни на покой.

Затем жду от вас вести, куда вы решились ехать на время жаров.

Пишите:

Elmfield House
Teddington near London.

Рукѣй А. А. Герцена:

Милая Ольга!

Читал я твой журнал, и он меня очень интересовал и забавлял; я завидую тебе, что ты видишь столько хороших вещей и делаешься совсем ученым человеком. Когда ты приедешь домой, я буду у тебя брать уро-

¹ как подобает (франц.).— *Ред.*

ки «истории развития искусства» и буду тебе за это давать уроки шведского языка. Вот тебе образчик:

Девочка: *Фликка*

Шведский язык: *Свенска спрокет*

Мальчик: *Госсе*

Lilla flicka = Little girl¹

Лошадь: *Гесте*

Желез(н)ая дорога: *Jernväg*

etc., etc.

Целую тебя.

С и н к.

Итак, флику Ольгу — целую.

385. Ю. КЛЯЧКО

26 (14) июня 1863 г. Лондон.

26 juin 1863. Londres.

Très cher monsieur Kiaczko!

Je viens de recevoir une lettre de Fr<icken> qui a été cnez vous — et maintenant j'ai l'affaire, au moins la filière, dans mes mains. Ne pensez pas que cela soit une indiscretion de sa part — non, je comprends maintenant que tout cela était forgé à Londres; — où pour m'éloigner du parti qui a le dessus on est allé jusqu'à se faire un instrument de la police russe. La lettre que vous avez reçue est pour moi — le point le plus important. Car je sais *qu'une personne — une seule* (non de notre intimité de 3, 4 personnes) a dû savoir que j'ai reçu une lettre de vous. J'en ai parlé au théâtre au Pr. Czar<toryski>; mais cela n'a rien à faire avec la personne en question.

Ecrivez-moi sans scrupule — la lettre parviendra. Voilà mon adresse après le 1 juillet.

Elmfield House, Teddington, S. W.

On peut ajouter — *near London.*

Nous avons des lettres de Goutsch de Marseille.

Merci pour toutes les amitiés.

Votre tout dévoué

A. H e r z e n.

П е р е в о д

26 июня 1863. Лондон.

Дорогой господин Клячко!

Я только что получил письмо от г-на Фр<икена>, который был у вас, и теперь если не само дело, то по крайней мере нить его в моих руках. Не думайте, что это нескромность с его стороны, — нет, теперь я понимаю, что все это было сфабриковано в Лондоне, где, ради удаления меня от партии, взявшей верх, дошли до того, что сделались орудием русской полиции.

¹ *Lilla flicka* (шведск.) = Маленькая девочка (англ.).— *Ред.*

Письмо, которое вы получили, является для меня самым важным обстоятельством. Ибо я знаю, что *одно лицо — единственное* (не из числа наших 3, 4 ближайших друзей) должно было знать, что я получил от вас письмо. Я говорил об этом в театре кн. Чар<торижскому>. Но это не имеет никакого отношения к лицу, о котором идет речь.

Напишите мне без колебаний — письмо дойдет. Вот мой адрес после 1 июля.

Elmfield House, Teddington, S. W.

Можно добавить — *near London*.

Мы получаем письма от Гутча из Марсея.

Спасибо за все дружеские чувства.

Преданный вам

А. Герцен.

386. М. А. БАКУНИНУ

27 (15) июня 1863 г. Лондон.

27 июня.

Лапинский прибыл благополучно, и Рейнг<ардт> здесь.

Мой адрес: *London*.

Elmfield House.

Teddington, S. W.

387. О. А. и Н. А. ГЕРЦЕН

27 (15) июня 1863 г. Лондон.

27 июня.

В последний раз пишу из Orsett House'a — и на закуску, т. е. *pour la bonne bouche*, пишу к тебе, Ольга.

Я рассказывал Саше все подробности о тебе, которые слышал от Фрикена, и нам обоим очень хочется тебя увидеть. Может, в сентябре и приеду, если Саша не поедет еще раз в Норвегию, а то приеду месяцем позже. Лиза очень довольна новым домом, и я тоже — но, как ты говорила, *pas beaucoup*¹.

Саша все укладывает — Жюль укладывает — *Ан* (не осел. а горничная) укладывает. Стекла летят, ящики летят, вороны летят.

Обеда нет. Ага уже переехал. Чернецкий с типографией прискакал на *Муму и Тоби* в Теддингтон и привез с собой Варвару Тимофеевну — с папирской.

Целую тебя. Прощай.

¹ не слишком (франц.). — *Ред.*

От вас больше недели писем нет. Мы приписываем жару. Насчет Ольгинова ученья, и особенно русского, еще ответа от тебя нет. Ну, а что Малвида забыла, чай, вовсе — по-нашему?

В Сашино рождение я ему отдал твой рисунок в *passé-partout*¹. Вечером мы ездили смотреть *гунявого* «Фауста» (т. е. оперу Gounod — «Фост»), здесь это делает фурор. Это *Фост* именно, а не *Фауст*.

Мне ужасно мескинно показалось — надо быть настоящему французику, чтоб взять гениальную вещь, сделать из нее какую-то куцую оперу — и быть довольным. А публика-то? И в Her Maj^{esty} theatre² и в Covent Garden'e.

Писал я тебе, что слышал Patti? — Она поет хорошо.

В «Фаусте» одна *Гретхен* порядочна — M^{selle} Totiens. Хлопочем. Завтра я еду в *Теддингтон* — он мне уж надоел.

Саша кланяется. Писать ему некогда.

388. Н. А. и О. А. ГЕРЦЕН

1 июля (19 июня) 1863 г. *Теддингтон*.

№ 1

из *Теддингто*(на).

1 July 1863. Elmfield House.
Teddington. S. W.

Вот мы и на даче, милая Тата, и сегодня же открыта сюда железная дорога — езды из Waterloo Station до *Теддингтона* 45 м(инут), от станции до нашего дома от 4 до 5 м(инут). Кажется, я в доме ошибся — окрестности превосходные, но дом лежит плохо. Можно через шесть месяцев переехать.

Меня давно не радовало так много никакое письмо, как твое последнее к Саше — с описанием дня. Я вас всех словно увидел — от тебя до *Жеоржины*, даже *Стеллу*, которая ожила en effigie³ твоей работы в рамке Chatelin. Саша сдает дом и приедет сегодня вечером. Здесь покойно и заниматься можно.

Я писал вам два раза о том, что вы ехать можете, и писал, почему вас останавливал — но не останавливаю.

В расположении твоего дня нету ни обеда, ни вечера. Читаете ли вы, и что? Читай как можно больше и, разумеется, вечные книги — их немного — читай в хорошем переводе (хоть немецком) «Илиаду», «Одиссею», читай Шекспира, читай Гёте, благо в Италии — читай Данта, — зато позволяется два года ничего не читать по-французски.

¹ рамке (франц.); ² Театре ее величества (англ.); ³ на портрете (франц.). — *Ред.*

Далее — когда же Ольга учится по-русски?
Получили ли вы «Кол(око)л» через Турин?

Это первое письмо отсюда, посылаю его не уверенный в часе и потому ранее.

Прощай.

Все тебе кланяются — *ждут писем*. Огар(ев) очень доволен твоим «Днем».

ИЮЛЯ 1

Милая Оля,

и твое письмо очень мило. — Я так и вижу, как вы на Monte Pincio — «Тата толстая с кринолинами» и «Малвида тонкая без кринолин». Чернецкий с типографией переехал сюда же — а с ним Тоби и Муму.

История потери Туту вот такая. Хозяйка любила, любила его — да и сказала Тхоржевс(кому), что не хочет больше держать, а затем с мальчиком прислала в его лавку. Мальчик привязал его. А Жихонь отвязал — он и ушел. Говорят, будто он побежал по римской дороге и долго о чем-то ворчал с собакой кардинала Вейземана, потом поискал у ней блох за ухом и на берегу спрашивал — Strada-Canina — Dog-Hotel¹ и Mastiff Cottage in Rome².

Засим целую тебя много раз. Кланяйся Жеоржине.

Рукой Н. А. Тучковой-Огаревой:

Милая Оля, ты меня обрадовала твоей записочкой — буду ждать письма. — Татин журнал очень забавен. — На днях я тебе пришлю очень забавную штучку, если можно, прислать ее по почте. — Леля с каждым днем более говорит, она ужасно любит лазить, падает и хохочет — к твоему приезду она будет славно лазить.

Ну, прощай, расти и не забывай нас, целую тебя и Тату и Мейз(енбург), если она позволяет.

Твоя Н.

Рукой Н. П. Огарева:

Здравствуй, моя Тата, моя Оля и Мальвида.

Не могу еще собраться писать к вам. Все перекладка. Читал твою комедию, Тата, и ужасно был рад, много тебя вспоминал. Целую вас всех.

Здесь у нас прелесть как хорошо, точно Италия, только не совсем

¹ Собачью улицу — гостиницу «Пса» (итал., англ.); ² дом мастифа в Риме (англ.). — *Ред.*

2 июля (20 июня) 1863 г. Teddington.

Рукой А. А. Герцена:

2-го июля.
Elmfield House.
Teddington. S. W.

Милая Тата,

целую тебя за Стеллу и за описание дня; ты меня обоими очень обрадовала; *Stella does meet with my approbation*¹; жаль, что я не могу судить о сходстве, сравнивая с оригиналом; как картина она очень хороша, особенно немножко издали, потому что вблизи, кажется, тень на лице грубовата — понимаешь, *a little too roughly shaded*²; может, это зависит от бумаги и угля; зато глаза хоть куда... не сделала ли ты их побольше, чем в природе? Словом, я очень доволен. — А твое описание нас всех очень забавляло, и оно, кажется, очень верно.

Я никак не мог дойти до того, чтобы написать вам раньше; ты не можешь себе представить, что за работа была укладка всех наших вещей, из которых около половины совершенно не нужны, а все-таки как-то жаль их раздать или бросить. Потом сдача Orsett-ьевки, продолжавшаяся два дня с утра до ночи, причем я (*m'étant ferré contre les alcoooliques en Suède*³) так удачно напоил агента Taylor'a, что он поставил на счет только 15 фунтов за порчу вещей и наконец упал под стол. Мой *apprentissage diplomatique* пошел мне впрок, как ты видишь, *if tells upon the accounts*⁴.

Новый дом мне очень нравится, у меня теперь такая славная комната, какой я никогда не имел. Сегодня я целый день выкладывал вещи и устраивался у себя, даже ошибкой открыл ящик с вашими вещами — и все еще не кончено. Я уж с ужасом думаю об том, что это ненадолго — если мы не будем и отсюда собираться переехать в продолжении трех лет, как из Orsett-ьевки.

Что же тебе сказать об деле? — На сию минуту, кажется, идет плохо — или по крайней мере очень тихо. А что касается до меня, то я, вероятно, до осени сделаю еще маленькую экскурцию по северным странам. А про-рос — сегодня я обруган в «Московских ведомостях» за мою речь; вот до какой чести я дожил!

Ну, теперь прощай, моя милая Тата, рисуй хорошенько и напиши мне об *сходстве* твоего портрета Стеллы. Я к тебе не пишу больше потому, что хочу написать Мали порядочное письмо; а потом я сегодня как-то не в расположении — что-то не клеится.

Целую тебя.

С а ш а.

Ваш молодой швед просто врет: на стокгольмском банкете было 150 человек, много почтенных стариков, даже приближенных короля. — Извольте апплицировать сию пилюлю вашим руссофобам.

Отчего же ты Ольгу не будишь утром, когда тебя будят? *Elle devrait*⁵ еще раньше тебя вставать; я в эти лета вставал в 5 часов, летом.

¹ Стеллу я одобряю (англ.); ² несколько грубо затенено (англ.); ³ понаторев по части спиртных напитков в Швеции (франц.); ⁴ если судить по тому, что касается счетов (англ.); ⁵ Ей надо было бы (франц.). — *Ред.*

№ 2 из Teddington'a.

А мне, Тата, дом не очень нравится, я, кажется, ошибся, но беда не велика. Мне кажется, что вы опять не получили одного письма — где я вам писал подробно о том, почему я сначала вас останавливал, желавши сам ехать с вами в Неаполь, а теперь не останавливаю больше. Пока вы будете пировать с Галле, я не приеду — для меня это было бы величайшей скукой. Если я еду, то это для того, чтоб видиться с вами, — по-сторонние мне всегда мешают, женщины больше мужчин. К тем порам опишемся. Прощай. Я писал уже отсюда одно письмо. Ольгу целую. — *Ihren Brief habe ich bekommen einen Tag später, als ich Ihnen geschrieben habe. Ich habe ja alles über die Reise geschrieben — haben Sie meinen Brief bekommen oder nicht?*¹

Addio.

390. М. А. БАКУНИНУ

8 июля (26 июня) 1863 г. Лондон.

Рукой А. А. Герцена:

8-го июля 63
Elmfield House
Teddington S. W.

Любезный Бакунин,

я уже вижу, как ты и меня ругаешь за то, что я не пишу; но, во-первых, с моего возвращения сюда ничего особенно интересного или важного не случилось, что бы заставило написать *quand même*²; а кроме того — мы переезжали, и это дело не шуточное, решительно не позволяющее писать, когда нету крайней необходимости. Теперь мы, наконец, устроились и начинаем свободно дышать в новом доме. Теперь я и примусь за исполнение всех ваших комиссий.

Первая и важная — деньги — об них припишет отец. Результат остальных сообщу в след(ующем) письме.

Жду я письма от тебя с известием об удаче отправленного куверта — видно, ответ не совершенно удовлетворителен, ибо ты не телеграфировал, или неужели его вовсе нет? Ну, тогда мы просто опростоволосились перед теми, которых заставили трудиться из-за этого.

Здесь мы, как и прежде, сидим и ничего не знаем, только, кажется, Бакунин, ты ошибался в важности русского «патриотобесия» — оно действительно доходит до отвратительных размеров, и никакое правительство никогда не может вынуждать подобных демонстраций; дело в том, что ты не знаешь «сущности предмета» за неполучением русских газет. — Когда Катковы, Аксаковы и Мартьяновы, т. е. шпионы, честные люди и безумные, говорят одно и то же и кричат *rinforzando*³ в унисон, это уже перестает быть правительственным обманом — как бы это печально ни было.

Что же у вас там делается? Всё речи да статьи, Hasselbacken да Mus-sabacken... а что связь между Сток(гольмом), Сёдертельей и Копенга-геном?

¹ Ваше письмо я получил на другой день после того, как написал вам. Я же все написал о путешествии — получили вы мое письмо или нет? (нем.); ² вопреки всему (франц.); ³ все сильнее (итал.). — *Ред.*

Пожалуйста, скажи *страубовским дамам*, что я давно отправил их посылку и письмо к Victor Hugo.

Ну прощай, пиши скорей.

Кланяйся Ант(онии) Кс(аверьевне).

А. А. Г.

Мы переезжали и были в хлопотах. Или в этом письме или через два дня ты получишь 50 фунт. через Ротшилда — остальные пока я оставляю à votre disposition¹.

Лапинс(кий) здесь — потолстел и весел. Мы хотим Рейнгар(дта) отправить обратно в Женеву.

Как ни гнусно правительство, а литература и общество еще гнуснее. Что за цинизм? Тосты Муравьеву, обед Каткову из рук вон.

В нынеш(нем) «Кол(околе)» мой турнир с Аксаковым за тебя.

Денег твоих остается 23 ф. Не прикажешь ли продать сундук, баню, и еще что? Я пока все твои сдал в магазин — беречь.

Рукой А. А. Герцена:

Деньги посланы £ 50 — можете получить у Michaelson & Benedicks. Stockholm.

391. Н. А., О. А. ГЕРЦЕН и М. МЕЙЗЕНБУГ

17 и 18 (5 и 6) июля 1863 г. Теддингтон.

17 июля. Elmfield House.
Teddington. S. W.

В прошлую субботу я к вам не писал, потому что не знал адреса, в продолжение этой недели было здесь splendidное лето, в рождение Nat(alie) мы ездили с Чернецким (который живет здесь же) в Virginia Water — там очень хорошо, и весь праздник сошел с рук отлично.

Итак, вы-таки увидели Неаполь без меня. За вас я рад, а за себя немного досажую. Мне же казалось, что вам так легко было нанять пока небольшую дачу близь Рима.

Дом наш — Elmfield H(ouse) — никуда не годится. Это совершенно моя вина, и я ищу опять, чтоб хоть к декабрю избавиться.

«Колокол» я посылаю вам прямо на ваш сложный адрес — у вас там не может быть цензуры. Ты увидишь войну мою с Аксаковым — в России все против нас.

¹ в вашем распоряжении (франц.). — *Ред.*

Оля!

Это писала Леля, кажется мне, потому что скверно.

Я думаю, что Леля может отчасти заменить тебе Туту (*certainement un tout — dans les deux tout's*). Если бы я поставил иначе множественное, то это был бы *кашель* — а у нас у всех *насморк*.

Вот тебе ребус инвербус.

Êtes-vous heureuse? Zu himmlisch! — Da haben Sie Vico — ich habe auch seine Scienza nuova gelesen — mit Corsi und Ricorsi. — Könnte ich dort sein mit Ihnen zugleich. — Gegen uns schreit ganz Rußland — les traîtres, — изменники.

Brauchen Sie Geld?¹

Рукой А. А. Герцена:

Милая Тата,

отчего ты так беспокоилась о своем письме ко мне? Оно только немножко опоздало, да и я не тотчас же отвечал. Письмо к Натали пришло как следует. Она себе выбрала вместо всяких подарков picnic в хорошее место. Выбрали мы Virginia Water, without ratcatcher's daughter, близъ Windsor'a (источник Темзы). Туда мы отправились в двух каретах, из которых одною правил я. Там было очень хорошо, жирно-сырая зелень, луга и огромные деревья, до самой воды, а озеро было как зеркало, погода отличная etc... etc. — и дети были все время очень умны; особенно бибушки уморительны, когда они разбегаются в разные стороны.

Жду от тебя еще письма об Vico.

Что же с Mme Gallait? Будет она или нет?

Обнимаю тебя.

С и н к.

Поцелуй Ольгу, Мали пожми руку.

Если возможно, дайте адрес приличнее, три строки довольно, а ваш адрес — статья в журнал.

Еще Ольге рапорт. Тоби кусает Варвару Тимофеевну и ее дочь. Какая сентенция? Муму не ходит, он занимается дома.

От Катерины Рап два письма, спрашивает, когда окончится заговор против ее жизни. Сегодня некогда и я не в духе. Буду писать в среду.

Р. S. Кн. Долг<оруков> спрашивал у Лизы, как он ей нравится. — Она посмотрела и говорит: «Очень гадко!» А он ей в ответ: «Я бороду отращу» — а она: «Ну, все же будет гадкий». Он рассердился.

¹ Счастливы ли вы? Божественно! Вот вам и Вико — я тоже читал его «Scienza nuova» с corsi и ricorsi. — Если бы я мог быть там, вместе с вами. Вся Россия кричит нам — «изменники».

Нуждаетесь ли вы в деньгах? (нем., франц.). — Ред.

391а. Н. А., О. А. ГЕРЦЕН и М. МЕЙЗЕНБУГ
Между 20 и 24 (8 и 12) июля 1863 г. Теддингтон.

<...>¹ et adoptive pour vous². — Мы вчера с Орап(евым) размечтались... Говорим: возьмем да и поедem в Швейцарию и Италию на 6 месяцев... Я прямо поехал бы к вам, Natalie с детьми сначала остановилась бы в Женеве, а сам неподвижный Ага — в корабле из Темзы, через Гибралтарский пролив. Когда мы всё решили и нашли, что это будет стоить то же, что самая поганенькая жизнь в Англии, мы пришли к следующему resolve³: искать дом в Путнее и остаться в Англии, т. е. всем, кроме меня.

Tout finit par des chansons et par des maisons furnished.

Потом мне пришло в голову нанять в Ричмонде дом с 12 спальнями и с весны всем собраться нам и прожить так год.

Мне и этого бы очень хотелось — иногда тоска от этой разбросанности.

Nun, was sagen Sie dazu?⁴ По порядку, я хочу, чтобы вы все написали ваше мнение. Ольга первая, как меньшая, что ты предлагаешь: Ричмонд, Барселону, Алжир или Путней? Лондон или à la campagne?⁵

Ну, а ты, Тата?

Und Sie, Malvida? — Ich werde alle Vorschläge sammeln und daran denken — denken — denken... Ob Miss Reeve italienisch spricht?⁶ Кланяйтесь ей.

Wir haben heute d(en) Punch geschickt als Probe⁷.

Прощайте.

Обнимаю вас всех.

Ага, Саша и все собираются писать в субботу.

392. Н. А., О. А. ГЕРЦЕН и М. МЕЙЗЕНБУГ

25 и 27 (13 и 15) июля 1863 г. Теддингтон.

Всем вместе.

25 июля. Elmfield House.
Teddington. S. W.

Tamburghi, Tamburghi...

Heureux habitants de Vico, probablement vous n'avez aucune idée de ce qui se passe — au delà des Apennins — et nous, nous voilà haletants, attendants, agonisants⁸.

¹ Начало письма неизвестно. — *Ред.*

² и приемлемая для вас (франц.); ³ решению (англ.); ⁴ Ну что вы скажете на это? (нем.); ⁵ в деревне (франц.); ⁶ А вы, Мальвида? Я соберу все предложения и буду думать — думать — думать... Говорит ли мисс Рив по-итальянски? (нем.); ⁷ Сегодня, в виде опыта, мы выслали «Punch» (нем.);

⁸ Тамбурги, Тамбурги...

Счастливые обитатели Вико, у вас, вероятно, нет ни малейшего представления о том, что происходит по ту сторону Апеннин — а мы, мы в это время задыхаемся, ожидаем, агонизируем (франц.). — *Ред.*

To be or not to be!

To be... (я это читал вслух, а Тоби из типографии пришел и хвостом спрашивает: «Что прикажете?»), т. е. если война будет, мы до мира прекращаем типографскую работу, «Колокол» покроем черным флёром.

Не будет войны — положение трудное, но как-нибудь перейдем и его. Что истина на нашей стороне — я не сомневаюсь, что *à la longue*¹ она победит — если не совсем, то в главном — но как долго ждать? *that is the question?* Во всяком случае тот период моей заграничной деятельности, который начался в 1853 типографией, в 1863 оканчивается войной.

Странно мне видеть почти всякий день наш твикнемский дом Richmond House. — Мы снова с Чернецким пришли к тому же положению, как были, а в промежутке — чего и чего не было. *So geht es in der Welt — so geht es auch unter in der Welt*².

27, понедельник.

Получили ли вы наше, т. е. мое прошлое письмо, в котором я сообщал наши фантазии насчет путешествия? — Все это действительно фантазии — а вот если б найти к весне сад с домом, — было бы хорошо. Мне как-то страшно, особенно за Ольгу — она совсем перестанет быть русской. Да и так бывает иногда грустно без вас. А ежели и «Колокол» тоже уедет, будет еще пуще.

Огар(ев) пишет к тебе длинное письмо — но оно еще не готово.

Nat(alie) кланяется.

Девочка до невероятности мила и умна. Как-то вырастет? Лиза в периоде шалости опять — но тоже умна.

Весело тебе, Ольгушка, или не очень? Везувий (которого Тата называет Везув) надоел или нет? У нас один Ага дымит³. Ну что твоя приятельница? Ты давно не писала подробно.

Целую тебя.

Папа.

La question n'est pas encore décidée — pourtant il y a plus de chances de guerre — dans quatre, cinq jours nous saurons à quoi nous en tenir. L'ultimo giorno — la grande lutte va à pas de géant. Heureux ceux qui ont prévu — car ils ne s'étonneront pas! aurait dit Jésus. Avez-vous lu, vu, goûté le livre de Renan?

¹ со временем (франц.); ² Так все идет в этом мире — и так в этом мире гибнет (нем.). — *Ред.*

³ Далее вставка рукой А. А. Герцена: «иногда и Синк». — *Ред.*

Quelle corvée que vous ne demeurez pas seules à Vico — cela doit être atroce — *Ungaresi, Inglesi, Irokesi*¹.

Рукой А. А. Герцена:

Милая Ольгушка-лягушка,
если бы ты была здесь, я думаю, я решился бы повторить для тебя шутку одного господина в Ричмонде — what they call a practical joke — a regular one². Ты, может быть, помнишь, что недалеко от того места, где всякий день *dînent les Deane* и кушают *гренки*, находится *грин* Ричмондский, на нем стоит пушка, отнятая когда-то у русских. Господин этот зарядил ее огромным зарядом из одного пороха и когда весь Ричмонд заснул, он середь ночи выстрелил — весь город пришел в панический страх, Miss Miles упала в обморок, жители бежали в Kew и в Twickenham, воображая, что конец мира пришел... и до сих пор неизвестно, кто это сделал.

Целую тебя.

С а ш а.

393. Н. А., О. А. ГЕРЦЕН и М. МЕЙЗЕНБУТ

2 августа (21 июля) 1863 г. Теддингтон.

7-е письмо
из Теддинг(тона).

2 августа. Elmfield House.
Teddington. S. W.

Милая Тата,

ваше последнее письмо удивило и огорчило нас. — Как же это случилось, что в продолжение 15 дней у вас не было писем? Неужели, уезжая из Рима, вы не дали вашего адреса? Писать очень трудно, не зная, дойдет или нет. Я же в предпрошлом письме писал о проекте путешествия — а сегодня буду писать о проекте неподвижности. Мы нашли было дом с парком, полями, садами, прудами и пр. в Barnes'e, но его надобно нанять на 7 лет, Сапа воспламенился, Огар(ев) одушевился, даже Чернец(кий) умилился — но, кажется, невыгодно. Наш тедд(ингтонский) дом я проклиная всякий день — и это чисто моя ошибка. Досадно. Я хочу прежде найти дом, потом ехать к вам, вероятно, жары настолько уменьшатся, что вы можете к 1 сентября или около оставить вашу прелестную виллу, где

¹ Вопрос еще не решен — однако больше шансов на войну; через четыре, пять дней мы будем знать, чего держаться. L'ultimo giorno (Последний день) — великая борьба идет гигантскими шагами. «Блаженные предвидевшие, ибо они не удивятся!» — сказал бы Иисус. Читали ли вы, видели, смаковали книгу Ренана?

Какая тоска, что вы не одни живете в Вико — это должно быть ужасно — Ungaresi, Inglesi, Irokesi (франц.). — Ред.

² то, что они называют фактической, настоящей шуткой (англ.). — Ред.

ночью собаки, а днем католички не дают покоя. Вот вам за то, что не хотели меня ждать. Лето в Лондоне удивительное — я такого не помню.

Ольга, я очень тебе благодарен, что ты не даешь в обиду Гарибалди и сражаешься с маленькой паписткой. Сегодня у нас удивительный обед — посылаю тебе афишу действующих лиц.

Ladies

Mme Neftel
mit Kind
Mme Diosy
noch mehr
Mme Kelsieff
ebenfalls
Mme Ogareff
Miss Liss

Gentlemen

Mr Neftel
Pr. Dolgoroukoff
Diosy
Tchorzevski
ohne Tutu
Czerniecki
mit Tobi und Mumu
Mr Ogareff
A. Herzen sen.
A. Herzen jun¹.

Хор — плачущие дети
лающие собаки

Лицы молчащие и носящие — Жюль
Анна

NB ? Получен ли «Колокол»?

Wieder eine Zögerung — wieder Noten, und am Ende komme der Krieg — nach einem Jahr. — Nun, wir <er>warten kriegेरische Neuigkeiten und friedliche Briefe von Ihnen².

¹ *Леди*

Г-жа Нефтель
с ребенком
Г-жа Диози
с еще большим числом
Г-жа Кельсиева
равным образом
Г-жа Огарева
Мисс Лиз

Джентльмены

Г-н Нефтель
Кн. Долгоруков
Диози
Тхоржевский
без Туту
Чернецкий
с Тоби и Муму
Г-н Огарев
А. Герцен ст.
А. Герцен мл. (нем.). — *Ред.*

² Снова задержка — снова ноты, и, в конце концов, будет война — через год. — Теперь мы ждем военных новостей и мирных писем от вас (нем.). — *Ред.*

6 августа (25 июля) 1863 г. Тебдингтон.

Рукой Н. П. Огарева:

Тате.

22 июля.

Сижу в Ричмонд-парке и пишу к тебе, моя милая Тата. День какой-то осенний и печальный, так что, кажется, и письмо должно бы выйти печальным; а вот оно не выйдет же печально, потому что мне хочется писать к тебе весело, чтоб не навести на тебя грусти. Мне сегодня как-то особенно так захотелось тебя видеть, что вот сейчас бы взял и поехал к тебе, посмотрел бы, хорошо ли тебе жить, и воротился бы довольный и радостный. Твои сцены из вашей жизни живо мне напомнили вас всех, и мне кажется, что вот я так вас и вижу... Ну и захотелось, чтоб это было в самом деле. А так как это невозможно, то я и начал писать к тебе. Однако здесь прерву письмо и пойду поискать теплого места. Ужас как холодно, а у меня кольт, и я боюсь дольше сидеть в парке. А жаль — здесь не хуже, чем у вас... в погребѣ¹.

Вот я и пришел в Ричмонд в кабачок и спросил чаю, чтоб согреться, и продолжаю писать к тебе. Прежде всего мне хочется сказать несколько слов о Стелле... (Боже ты мой, к чаю сливки подали, просто прелесть!)... да! — о Стелле. Мне твой рисунок чрезвычайно нравится, т. е. очерк; он правильно и легко сделан; а с тенями я примиряюсь только на известном расстоянии, т. е. шагов за восемь от картины. Ближе тени кажутся грубы. От того ли, что это уголь, а не черный карандаш — этого я уже решить не могу. Ты не огорчись этим замечанием — во-первых, потому, что правильность и непринужденность рисунка безукоризненны и что, следственно, у тебя основание для живописи верно. Во-вторых, нужно ли доводить *мягкость* отделки карандашом до совершенства — это еще вопрос. Может, это оторвет слишком много времени у красок, а цельто все-таки быть колористкой. Я на это скажу, что, если можешь, без утраты времени для красок, достигнуть совершенной мягкости рисунка карандашом — достигай, потому что карандашные тени, которые все состоят в *piano* и *forte* карандаша и во всех переходах между *piano* и *forte*, много заставят тебя подумать о верности самих красок, во многое заставят вдуматься и объяснят секрет искусства больше, чем сам Боткин. Я думаю, ты уже там поняла, что теперь собственное вникание в образы, и тени, и краски даст тебе больше, чем какой бы то ни было учитель. Мне так кажется отсюда, что ты, сама не замечая как, растешь своей внутренней мыслью. Мне это так кажется — и от этого еще больше хочется на тебя взглянуть.

А знаешь ты, моя Тата, где я пишу к тебе это письмо? В этой комнате (когда я уходил в Ричмонд) мы сидели и толковали с Потембей... Бедный Потембей! Я знал, что его убьют, а все же не могу переварить этой мысли, что он убит. Это был самый преданный из нас. И ведь погиб он, уверенный, что Россия вспомнит о нем как о своем мученике, «иже за нее распятом, во оставление ея грехов». Придет время... но не теперь. Теперь Россия порет дребедень. И это продолжится полгода и больше, пока лихорадка патриотизма не остынет. — Другой вопрос не меньше тяжел: как поляки поманут Потембю? Не дружески они поминают его; он для них чужой, ввязавшийся в их дело, и погибший... ну и бог с ним!.. Бедный Потембей! — А ведь надо вытерпеть смиренно это время диких патриотизмов. Дикость эта уляжется, а значение борьбы когда-нибудь поймется поглубже, и все же на поверку выйдет, что тут дико сразились аристократическое на-

¹ Извини, что скверно писано — без стола.

чало с социальным. История идет уродливо; поступки, слова русских теперь гадки до отвратительности, а тем не менее враждебен нам аристократический склад Польши. Это тоже становится постепенно яснее. — Однако прощай пока, пойду домой в свой Теддингтон. Поздно.

30 июля.

Прошла неделя, опять сижу в Ричмонд-парке и пишу к тебе. День удивительный, точно Италия. Долина тянется в таких разных оттенках мглы, что если ты сумеешь подобрать колорит, то я скажу, что ты великий живописец. Как это все тесно связано, Тата; я уверен, что ты сделаешь огромную ошибку, если пренебрежешь пейзажем. Краски природы дадут тебе столько понимания фигуры и колорита человека, что ты сама этого не ожидаешь. Может, это оттого, что вынуть человека из природы и рисовать отдельно нельзя. Так же как и пейзаж без человека — такая исключительная штука, что она редко может быть мотивом картины. Действительно поэтическая картина всегда берет человека в известной обстановке природы; а это тотчас дает и свойственное обстановке положение фигуры человеческой, свойственные краски; а пейзаж вырисовывается таким, как он идет к этой фигуре, с тем колоритом, с которым он этой фигуре близок к сердцу. Не оставляй пейзаж, Тата; теперь ты себе руку набила на колорите, стало, можешь запясться пейзажем. Старайся, чтоб понимание природы помогло тебе вдуматься в образы людей и, наоборот, чтоб понимание людей помогло тебе вдуматься в обстановку.

Почему я так глубоко верю, что из тебя выйдет художник? Потому ли, что мне этого так хочется, или потому, что ты в самом деле, в сердце своем — художник? Этого я уж и сам не знаю. Решай сама. Если ты способна быть вместе, разом и ребячески веселой и глубоко задумываться над скорбью этой жизни — да имеешь талант нарисовать свои впечатления так, как ты их понимаешь, — то ты будешь художник. Подумай об этом. Умей сосредоточиваться в мысли и чувстве и умей беспечно предаваться счастью существования — и ты будешь художник.

Что-то я уж много расписался. Письмо выйдет тяжело. И до Вико ему долго ехать. Я помню Вико, как бы вот вчера его видел. Желтые скалы да зеленые сады, голубое море и солнца, солнца... Жаль, что я не с тобой, моя Тата. Мне было бы до того весело, что я был бы счастлив, глядя на тебя среди этого пейзажа. Ну, а теперь пойду дальше в парк в Теддингтон. Прощай пока.

Не могу — еще раз останавливаюсь в парке, чтоб дописать мысль, которая меня преследует. Я думаю, что большая часть портретов потому не удаются, что человека берут без всякой обстановки, совсем отдельно; а это неестественно и невозможно. Жизнь выражается в лице только при известной обстановке. С обстановкой лицо меняется. Человек на бале и человек, сидящий один на берегу моря, — то же лицо да с другим выражением, с другой жизнью. Самый похожий портрет — это в той обстановке, в которой человек *привык* жить в самые лучшие, самые серьезные минуты жизни. Твой Галилей, который висит над моим рабочим столом, должно быть, писан в той комнате, где он проводил лучшие часы своей думы; от этого он и хорош. А если бы прибавить к этому часть самой комнаты, где он жил, — портрет был бы бесконечно лучше, и человек позировал бы живее, и живописец писал бы вдохновеннее. Я вот ненавижу менять квартиры, оттого что человек каждый раз перестает быть самим собою. Нельзя так безнаказанно менять обстановку.

А что ж — ты нарисуешь мне картинку в Albano, которую я тебе задал? Попробуй, Тата. В этой картинке ты испробуешь и силы своей любви, и силы своего таланта. Osez — et vous réussirez.

Вечером.

Я хочу покончить на этом месте, потому что иначе письмо выйдет длинно. Напиши к Кашперову, он огорчается тем, что вы к нему не пишете. Дай же мне тебя обнять и Олю — и будьте обе счастливы, насколько это возможно. — Лиза капризничает, но все же очень мила. Леля-девочка необычайно хороша; Леля-мальчик поглупее, но добродушен. Будь им доброй сестрой, моя Тата. — Прощай, пиши ко мне, когда вздумается.

6 августа.

Хотел сегодня еще писать, да уже и так длинно. Третьего дня мы читали конец твоих сцен. Ах вы, мои смешные.

Ну, прощай Тата.

Т<вой> А г а.

6 августа. Elmfield House.
Teddington.

Я хотел к тебе, милая Тата, писать завтра, но Огар<ева> длинное письмо едет сегодня, и я приписываю, чтоб сказать, что мы с истинным наслаждением читали забавный день твой. (Только, бога ради, пиши черными чернилами, можно же достать, — наконец, тушью.) Письмо Ога<рева> к тебе меня тронуло до слез — как он глубоко вас любит и особенно тебя. — Он всю дружбу ко мне перенес на вас. Вряд поедет ли мы все — но я поеду. Хочется вас видеть — я бы раньше мог приехать, если б не ваши *villégiatur*-ы то в Viso, то в Carpi. Из твоего письма я вижу, что у вас и книг мало, — это мне досадно и больно. — Чтоб не терять время, займись, в самом деле, пей-зажем.

Пиши сейчас, милая Тата, о получении письма — иначе мы опоздаем даже в выборе *rendez-vous*¹.

Прощайте. — У Ога<рева> был третьего дня обморок.

Рукой Н. П. Огарева:

Милая моя Оля,

давно я к тебе не писал. Где ты? Что ты делаешь? Как тебе правится Вико? Любишь ли ты Медитерранею? Лиза об тебе часто вспоминает, ей хочется с тобой поиграть. А она такая же резвая, как ты была, только потолще и потому не так поворотлива. Она начинает речь обычно вот как: «Ах, мой милый», и т. д. — Девочка ужасно умна, но говорит еще на своем особенном языке, исключая нескольких слов, которые знает, напр<имер>, *pièce* (*pièce of bread*)²; она выходит в залу и кричит: «Пис, пис, пис!» Она говорит без умолку. Мальчик — *taciturne*³. Он поумнеет позже.

Когда ты, мы будем все вместе играть в горелки?

Ну, прощай пока, моя Оля, пиши мне, не забывай меня.

Твой А г а.

¹ места свидания (франц.); ² кусок (кусочек хлеба) (англ.); ³ молчаливый (франц.). — *Ред.*

Целую тебя и прошу напомнить Тате, чтоб она писала или белыми чернилами на черной бумаге, или черными на белой. Иначе я буду отсылать назад.

395. Н. А. ГЕРЦЕН

8 и 10 августа (27 и 29 июля) 1863 г. Теддингтон.

8 августа. Elmfield House.
Teddington. S. W.

Милая Тата,

время идет — и скоро пора мне готовиться в путь. Поеду я в Ниццу сначала и притом через Эстрель. Там я проезжал в 1847 — там в 1851, когда погиб Коля, — и там хочу проехать через 12 лет. Из Ниццы — съезжу в Монако и Ментон. Может, я поеду через Женеву — прежде Ниццы. В Швейцарии останусь несколько дней. Из Ниццы — в Геную. Жаль, что вы затруднили переписку, переменяя одно дикое место на другое и, признаюсь тебе, до сих пор мне жаль, что вы разрушили мой план путешествия вашей, по-видимому, не очень удачной поездкой в Неаполь, Вико и пр.

Есть какой-то почти страх возвращаться через столько лет.

Cari luoghi —

Io vi ritrovoi —

певал, бывало, в Новогор<оде> Огар<ев> и прибав<лял> немец<кий> перевод: «Alte Bilder kehren wieder — Doch d<as> Leben kehrt nicht zurück»¹.

10 августа.

Забыл в субботу отправить. Олю целую — пусть мне в Капри раковин наберет.

Если удастся, я посмотрю chemin faisant², где бы можно было поселиться годика на два. Ога<рев> и Nat<alie> согласны к будущему лету ехать в Швейцарию. Это у нас новый проект, основанный на совершенной остановке типографского сбыта.

Сюда приехала молодая русская барышня, которая была схвачена в Петербурге и сидела в крепости за универс<итетскую> историю (фамилию — русским не говори еще — а зовут Корсини, она бывает у нас — и all right³, только очень больна). Барбара Тим<офеевна> отправляется в Константинополь, я боюсь, что черкесы ее украдут и, как красавицу, продадут паше. — Я писал, кажется, что из России ушел брат Кельсиева и Утин (брат того, которого ты видела). А ты всё же не пишешь о памятнике. — Nat<alie> ждет письма. — Теперь, вероятно, вам довольно досуга.

¹ «Возвращаются образы прошлого — Но не возвращается жизнь» (нем.); ² попутно (франц.); ³ все в порядке (англ.).—*Ред.*

13 (1) августа 1863 г. Теддингтон.

13 августа 1863.

Милая Тата, чем ближе подходит время — тем живее мне вспоминается старая жизнь наша в Италии... Двенадцать лет — шуточное ли дело. Много устали, а все же, кажется, и свежих сил довольно осталось, и этим я обязан труду. Вот почему я так настаиваю на то, чтоб у тебя было постоянное, страстное занятие, которое при всех обстоятельствах спасло бы тебя от жизненных бед и потерь. Мне кажется ваша жизнь совершенно праздной — этому следует помочь, да и время подходит. Из милого и забавного твоего описания я вижу одно — что с выезда из Рима всякое правильное занятие прекратилось, в Неаполе ничего не наладится. У нас теперь план переехать в Швейцарию — к маю месяцу. А потому я на сей раз в Неаполь не поеду — а встретимся *мы во Флоренции* (если хотите, в Генуе или Специи) — путь вам будет стоить от 300 до 350 фр. (на больш^{ом} пароходе, может, 400).

Деньги эти я прибавляю как *extra*¹, несмотря на то, что вы все ж должны были бы ехать до Рима.

Я думаю, что я поеду 15 сент^{ября} прямо в Ниццу и 20 можем встретиться в Флоренции. Если вы успеете прежде, о квартере не очень заботьтесь: найдется — хорошо, а нет — я могу и в отеле остановиться.

Если будешь писать, я еще раз прошу писать чернилами, а не молоком, оно, может, вкуснее — но читать неприятно. Последнее письмо твое я и не пробовал читать, а просил Сашу. Следующее я пришлю тебе переписать. Что за прыщи у Ольги? Как не быть в Неаполе порядочного доктора? Neftel в Вентпоре. Молодая русская, приехавшая сюда — Корсини — в чахотке.

Вы, наконец, имеете газеты и знаете, что делается на свете. Домагальский умер от ран. Молодой человек, которого ты видела раз в Orsett House'e, похожий на Петра I, — убит. Данич из типогр^{афии} был в австрийской тюрьме и бежал.

Бакунин в Стокгольме и в поту. Русское правительство дает 50 000 рубл. тому, кто его выкрадет или сюримирует. (Не забавно ли, что вы все приглашали меня жить в Сарги и Visco, где вы ходите окруженные пушками, конгревовыми ракетами и пр.?)

В заключение скажу, что я никогда подобного лета в Англии не видал. Окрестность здесь прекрасная... подом... я, как Малвида, рву волосы себе на голове.

Целую тебя от души и крепко.

О переезде в Швейцарию не говори — особенно русским.

¹ дополнение (франц.). — *Red*

Ja, ehrenwerteste Baronesse — nach der Schweiz, nach dem *Fazyland*, nach der *Juliespatrie*. — Mach deine Rechnung, Vogt — durch diese Bahn werden wir kommen.

La «Hauptsack» — chère Malvida — consiste dans un changement de plan. Pas de macaroni, pas de Naples — ici je compte que vous prendrez toutes exemple de moi — et vous me laisserez la liberté que je vous ai donnée! — Tout est prévu — 400 fr. de dépenses et si vous ne les avez pas, je vous <les> enverrai. Avez-vous reçu les 1000 fr. chez Rothschild à Naples?

Je pars vers le 15 sept<embre>. Je vous attends — (ou vous m'attendez le 20 à Florence, ou si vous voulez à Gênes, à Spezzia — même à Pise).

C'est un ultimatum — genre Mouravioff, Bismark. Je vous ai laissé fatiguer (exhauster, comme disait le général Aug) l'Italie — maintenant — obéissance, *rail ways*, vapeur — et j'attends vos rapports¹.

Ольга, зачем прыщи? — Да это не комары ли? У нас в России моются огуречной водой. Ты всех уложи и свежи во Флоренцию к 20 сентябр<я>. Лизе твое письмо отдал — все кланяются, а я кисс посылаю.

Вчера мы видели Дин в Ричм<онде>.

Elmfield House.
TEDDINGTON.

397. Н. А., О. А. ГЕРЦЕН и М. МЕЙЗЕНБУГ

17 и 18 (5 и 6) августа 1863 г. Теддингтон.

17 августа 1863. Elmfield House.
Teddington. S. W.

Программа наша остается та же неизменно, милая Тата и кара Ольга, — итак, извольте собираться в Флоренцию. Малв<ида> писала о загородных домиках вроде того, где жил Ма-

¹ Да, достопочтенная баронесса, в Швейцарию, в страну Фази, на родину Юлии. — Прими это в расчет, Фогт, — мы приедем этой дорогой.

Главное, дорогая Мальвида, в изменении плана. Не надо макарон, не надо Неаполя — я рассчитываю, что в этом вы все последуете моему примеру — и предоставите мне свободу, которую и я вам дал! — Все предусмотрено — 400 фр. на расходы, если у вас их нет, я пришло. Получили ли вы 1000 фр. у Ротшильда в Неаполе?

Я выезжаю около 15 сентября. Я жду вас (или вы меня 20-го во Флоренции или, если угодно, в Генуе, в Специи — даже в Пизе).

Это ультиматум — в стиле Муравьева, Бисмарка. Я предоставил вам обременять Италию («выкачать из нее все», как говорил генерал Ауг), теперь — покорность, железная дорога, пароход — и жду вашего отчета (нем., франц., англ.). — *Ред.*

gio, возьмите что-нибудь такое. Арно хорошо — но улицаazole будет скучна, я знакомых боюсь по-прежнему. Итак, скоро, скоро услышите вы, как я буду бранить кофей, и я скоро увижу, как кто вырос, надеюсь, что ты, Тата, не вздумала перестать расти оттого, что была в Риме. Вы не говорите никому, когда я приеду. Если вы не получили моего последнего письма, то повторяю, что 20 сентяб<ря>, если ничего не помешает, я буду в Флоренции. В Неаполь на этот раз не поеду и 400 фр. вам на дорогу ассигную. Если нет денег, пишите как можно скорее — чтоб мне вас не ждать.

18.

Твое письмо из Капри от 12-го сейчас получил — стало быть, письма ходят шесть дней, и ты это получишь 24. Если ты в самом деле наладила работу, то можешь несколько дней дольше пробыть — но к 20 приезжайте во Флоренцию (Пизу или Геную, пожалуй, в Милан). Когда я поеду second time¹ — тогда в Неаполь.

Если Жеорж<ина> начинает чувствовать Heimweh², не отослать ли вам ее с англичанами — мне кажется, она вам большая обуза.

Новра подал на меня просьбу за твой хлыстик, помнишь? Каково? А ведь меня заставят заплатить 5 ф<унтов> Justizia³ in Palazzo.

4 сентяб<ря> Лизино рождение, я уверил ее, что от Ольги и от тебя будет сюрприз, который и отправлю из Ричмонда по parcel⁴.

Вся банда: Стансфилд, Ашорст, Уильям, Джемс, Джо... St... в Италии.

Я предложил было писать рукой Лизы — тебе, милая Ольга, но она не хочет, а говорит: «Дай орех с миндалем», что значит миндаль с сахаром. У нас лето было удивительное — второй день немного сероватый. Жду тебя видеть загорелую как негр и с бутончиками как M^{selle} Oswald. Жду похвалы тебе от Мали и от Таты немножко.

Как же ты бы, Ольга, хотела устроиться, где жить:

в Женеве, или Генфе,

в Ахене, или Экс ла Шапели,

в Италии или в Швейцарии?

Прощай.

Целую вас обеих.

Муж Софии Львовны (сестры Левицкого) умер.

¹ во второй раз (англ.); ² тоску по родине (нем.).— *Ред.*

³ Чай, по вашему з?

⁴ посылкой (англ.).— *Ред.*

NB!! Ответь сейчас.

В письмах комильфоты пишут ко всем поклоны и любезности!!

18 Aug<ust>.

Ich kann also meinen Brief mit *a rivederci* anfangen. Sie müssen mich als ein recht altes Monstrum erwarten — ich *grow* älter und älter — was auch gar nicht eine neue Erfindung ist. Daß ich mich sehr freue — Sie alle zu sehen, und mich dazu festlich präpariere — *cela va sans dire*. Wie ich schon geschrieben habe, geh'ich über Genf — nach Florenz, *zum 20. werde* ich dort sein. Wenn man eine kleine Villa — (wie die Mario) finden könnte oder ein Haus etwas weiter, d<as> würde vortrefflich sein. — Es wird wieder ein Anfang zum seriösen Leben — nach den Turistenferien.

Die Frage, ob wir alle (mit Czerniecki) nach der Schweiz gehen können — ist noch nicht entschieden. Auch die grosse Frage über Krieg und Frieden — nicht...

Adieu. Avez-vous reçu les 1000 fr. pour le voyage à Florence — si vous manquez — et s'il n'y a plus de temps — empruntez les 400 fr. Je les renverrai de suite¹.

398. Н. А. ГЕРЦЕН и М. МЕЙЗЕНБУГ

23 и 24 (11 и 12) августа 1863 г. Теддингтон.

23 августа. Elmfield H<ouse>
Teddington.

Милая Тата,

время идет, и мне уже кажется, что я иногда слышу ваши голоса, вижу твою *сдобную* фигуру и козлиную — Ольги... что ты мне показываешь свои картины, а Ольга — свой язык. —

¹ Итак, могу начать свое письмо с *a rivederci* <до свидания>. Ждите меня как настоящего старого монстра — я *grow* <становлюсь> все старше и старше — что также, впрочем, не является большой новостью. Что я очень рад увидеть всех вас и празднично себя к тому подготавливаю — *cela va sans dire* <это само собой разумеется>. Как уже я писал, я еду через Женеву — во Флоренцию, к 20-му я буду там. Если бы можно было найти небольшую дачу (как Марио) или дом немного подальше, это было бы превосходно. — Это будет началом серьезной жизни — после туристских каникул.

Вопрос о том, сможем ли мы все (вместе с Чернецким) поехать в Швейцарию — еще не решен. Великий вопрос о войне и мире — также...

Прощайте. Получили ли вы 1000 фр. на путешествие во Флоренцию? — если у вас нет денег и ждать некогда, займите 400 фр. Я сразу же вышлю (нем., франц.). — Ред.

Я жалею, что это не русский, а натуральный, — а Малвида мечтает о Капри, саркофагах и ареопагах. Путь решен, и, если ничего не помешает, так и пойдет. Но главный вопрос не решен — о переезде с типографией — и не может быть решен иначе, как мною на месте. Мы помышляем ехать не просто от скуки (я вообще не знаю, что такое скука), а думаем: 1-е — что для вас на континенте гораздо лучше, и 2-е — при здешних ценах содержать на свой счет типографию (ничего не продается теперь) нельзя, или придется есть подошву с mushroom кечупом и пить джинс с водой. Если б сбылось что я хочу, то мне хотелось бы нанять в Швейцарии довольно большой дом — вы бы туда приехали и Natal<ie> с детьми — пожили бы сначала без нас — потом приехали бы мы, покончивши все в Лондоне. Нисколько не делая цепью — дом в Швейцарии, я желал бы из него сделать средоточие отдыха, общего очага, общей встречи.

24 августа.

Тата,

письма получил. Если бы вы умели никому не говорить — я приехал бы в Неаполь и вместе поехали бы в Флоренцию. Квартину Miss Reeve знаем — извещу через нее. Напишите сейчас — где и как (но только чтоб никто не знал).

Либейшая Мальвида.

Ей-богу, виноват. Фершпетовал, постабгинг и — оттого не пишу ни вам, баронесса, ни Ольге.

А Ольгу целую таузен-маль.

Ich kann bis Neapel kommen und dann zusammen nach Florenz kommen (nur kein Wort, sogar an Georgina) — ich gehe d<en> 15. ab, werde schreiben nach 3 Tage<n>¹.

Рукой Н. П. Огарева:

Buon giorno, carissimi!²

¹ Я могу доехать до Неаполя, а затем поехать вместе во Флоренцию, (только никому ни слова, даже Жеоржине) — я выезжаю 15-го, буду писать через 3 дня (нем.); ² Здравствуйте, дражайшие! (итал.).— *Ред.*

25 (13) августа 1863 г. Теддингтон.

25 août 1863. Elmfield House.
Teddington. S. W.

Pricadier — vouzafé raisson! (Souvenir de Müller-Strübing.)

Ein Wort — s h o r t — S w o r d — чорт! *und d(as) Wort haben Sie gesagt* — touchez là — et c'est bon. — C'est bon... bon... bon!.. (manière Deville — Bocquet).

«Etre le bourreau des bourreaux».

Og<areff> et moi nous avons immédiatement apprécié la vérité incontestable de cela, Brigadier. — Vous avez raison, vous devenez inhumain et misanthrope — c'est l'air de Capri — Tibère l'était aussi.

D'après toutes les suppositions vous avez reçu ma lettre d'hier. Tout cela expliqué *verbatim* — maintenant tenez-vous pour avertie.Nous partons le 15 — (Il y a un Mr russe qui va avec moi jusqu'à la Suisse). Si vous êtes déjà à Florence — c'est parfait — mais je puis venir jusqu'à vous — à condition d'un incognito scrupuleux (*seule exception* Miss Reeve) — vous devez être chez elle — dès le 20 (ou d'après nos lettres).Lisez-vous encore le russe?¹

Барв<ара> Тим<офеевна> отправилась в среду в Марсель, а в субботу поплыла в Константинополь, т. е. в нынешнюю субботу она будет в гареме Келси паши Салтана. Знаешь ли ты, что сюда приезжал к нам Гончаров, атаман некрасовских казаков в Турции? Оригинальнейший старик — если напомнишь, расскажу. Затем прощайте.

Помните приказ: *никому ни слова о моем приезде*, кроме Рив. Другим скажите, что вы едете, ждете писем, что я отложил, опоздал и т. <д.> Чтоб не забыть, я надену на себя Жеоржинины башмаки. Пишите к Nat<alie>, она огорчается.

¹ Прикадир, фы прафы! (Память о Мюллер-Стрюбинге.) Одно слово — short — Sword — черт! И вы это слово произнесли — по рукам — и хорошо. — Хорошо... хорошо... хорошо!... (в манере Девиль-Боке).

«Быть палачом палачей».

Мы с Og<аревым> тотчас же оценили неоспоримую истинность этого, бригадир. — Вы правы, вы становитесь бесчеловечной и мизантропкой — это воздух Капри — Тиберий тоже был таким.

По всем предположениям, вы получили мое вчерашнее письмо. Все это объяснено *verbatim* <слово в слово> — так что наматывайте себе на ус.Мы выезжаем 15-го (здесь есть один русский господин, он поседет со мной до Швейцарии). Если вы уже во Флоренции — великолепно, но я могу доехать и до вас — при условии тщательного инкогнито (*единственное исключение* мисс Рив) — вы должны быть у нее с 20-го (или согласно нашим письмам).

Читаете ли вы еще по-русски? (франц., нем.). — Ред.

Дом в Теддингтоне (Elmfield House), где жил Герцен в 1863—1864 гг.
Современная фотография.

27 (15) августа 1863 г. Теддингтон.

27 août 1863. Elmfield House.
Teddington. S. W.

Cher Charles Edmond,

Le doct<eur> Marco Guastalla — de Florence, membre du Comité polonais — est venu me demander à qui verser une somme d'argent de 8000 fr. pour la cause polonaise. Après le départ de Czwercekiewitch — je n'ose pas prendre sur moi cette responsabilité. Le C<om>te Zamoïski dit-on est l'agent du gouver<nement> national à Londres — d'autres le contestent, dans ce cas j'ai pris la liberté grande de vous l'adresser. Donnez-lui un conseil — doit-il aller chez Ordenga, chez Branicki — ou attendre (c'est mon opinion) un ordre de la part du gouvernement.

J'ajoute à cela que nos affaires du *Kolokol* et de l'imprimerie vont mal — le gouv<ernement> russe nous a coupé les $\frac{3}{4}$ des routes. Je pense quelquefois de me transporter en Suisse (entre nous), pensez-vous que cela soit possible? J'ai même pensé à un autre plan — de laisser l'imprimerie en Anglet<erre> et venir pour un an à Paris. Dites-moi votre opinion? Est-ce faisable? Alexandre vous verra bientôt — mais écrivez avant.

Lisez-vous la *Cloche*? Avez-vous vu notre protestation?

Tout à vous A. H e r z e n.

П е р е в о д

27 августа 1863. Elmfield House.
Теддингтон. S. W.

Дорогой Шарль Эдмон,

докт<ор> Марко Гуасталла из Флоренции, член Польского комитета, явился ко мне с вопросом, кому внести сумму в 8000 франков на польское дело. После отъезда Цверцякевича — я не смею взять на себя этой ответственности. Одни говорят, что граф Замойский является лондонским агентом национального правительства — другие это оспаривают. В данном случае я взял на себя смелость направить его к вам. Дайте ему совет — идти ли ему к Орденге, к Браницкому или ждать (таково мое мнение) распоряжения со стороны правительства.

Добавлю к этому, что наши дела с «Колоколом» и типографией плохи — русское правительство отрезало нам $\frac{3}{4}$ путей. Иногда я подумываю о переселении в Швейцарию (между нами), — как вы думаете, возможно ли это? Я даже думал о другом плане — оставить типографию в Англии и приехать на год в Париж. Скажите мне свое мнение. Осуществимо ли это? Александр скоро вас увидит — но напишите до того.

Читаете ли вы «La Cloche»? Видели ли вы наш протест?

Весь ваш А. Г е р ц е н.

1 сентября (20 августа) 1863 г. Теддингтон.

1 сентября 1863. Elmfield House.
Teddington. S. W.

Любезный Бакунин,

книгу твою я получил — а потом получил и дополнения, прочел внимательно и хочу отвечать не холодно, а хладнокровно. Целых книг я не умею писать в подобных случаях, а потому коснусь только главных точек. Защищать самолюбивые замашки моего сына, дерзкий тон, ошибки его я не стану — и уже много отчитал ему выговоров; но когда ты меня хочешь уверить, что он поступал как Картуш и делал комплот, такой хитрый, что Квентен (полубог твоих первых писем), Фсликс, Домонтович, Норвегия и Скандинавия были им надуты, когда ты боишься сообщить адреса — чтоб он их не переслал твоим врагам, тогда я жму плечами и думаю: как ты привык в сварливой жизни с хористами революции — к немецкой манере; уж обвинять, так обвинять — «вор, агент прусского короля, изнасиловал кошку, выкинул из окна родную дочь и пр.».

Я не оправдываю — еще раз — С<ашу> в том, что он говорил о тебе с другими; знаю также, что и другие говорили с ним. Еще менее оправдываю я, что он говорил с тобой — с тобой в глаза *никто*, кроме меня и Ог<арева>, не говорил откровенно. — С чего же ему, 24 лет, без прав — вчинать речь.

Ваш спор о том, кто из вас законный *chargé d'affaires*¹ «З<емли> и в<оли>», комичен до высшей степени. Что молодой человек мог найти приятным представлять начинающийся круг молодых людей — я понимаю. Но что ты тоже будто не прочь иметь помазание с Невы, когда ты его имеешь из Петропавловской крепости и Сибири, — это я не понимаю. Ведь ты не поверил же собственным словам в твоей речи, что попы, генералы, женщины, массы, птицы и пчелы — все составляет мощную корпорацию и пр.

Этот колоссальный канар в твоей речи и ведет меня прямо от твоей потасовки С<аши> внутрь дела. Поговорим об ней твердо, откровенно — и коротко. Книга твоя, особенно первая ее часть, ужаснула меня не обвинениями, а пустотой, ненужностью, призрачностью всех этих переговоров, сближений, отдалений, объяснений. Мастерски составленные тобою характеристики, ех<empli> gr<atia> Квентена и его жены, в любой роман идут — но ведь я тебе такую же характеристику напишу Оленицына и его жены (правитель канцелярии у Тюфяева в 1837). Если б ты имел художественную цель — это было бы хорошо.

¹ поверенный в делах (франц.). — *Ред.*

Но ты воображаешь, что все это *дело* — как воображал в 1847, что надобно сондировать Служальского, и за этим ходил с Rue de Bourbon — на железную дорогу.

Оторванный жизнью, брошенный с молодых лет в немецкий идеализм, из которого время сделало *dem Scheine nach*¹ реалистическое воззрение, не зная России ни до тюрьмы, ни после Сибири, но полный широких и страстных влечений к благородной деятельности, ты прожил до 50 лет в мире призраков, студентской распахки, великих стремлений и мелких недостатков. Не ты работал для прусского короля, а саксонский король и Николай — для тебя. После десятилетнего заключения ты явился тем же — теоретиком со всею неопределенностью *du vague*², болтуном (Саша опять-таки виноват, что сказал тебе, хотя и *нет человека*, который не знал бы этого и не боялся), не скрупулезным в финансах, с долей тихенького, но упорного эпикуреизма и с чесоткой революционной деятельности, которой недостает революция. Болтовней ты погубил не одного Налбандова, а напр<имер> и *Воронова*; твоя ненужная отметка о нем в письме к Налбанд<ову> свела его сначала в крепость из Кавказа — а потом в ссылку. После отъезда Цвер<цякевича> пришло ко мне письмо, писанное шифрами; враг всех конспиратороблудий, я положил его в сторону, но Тхорж<евский> сказал мне, что у него где-то есть твоя книга с «ключами»; он принес, и что же — мы с Огар<евым> обомлели: в одной книжке записаны адреса всех порядочных людей в России — с отметками и подробностями — и эта тетрадь ходила по рукам, была у Цвер<цякевича>, у Тхорж<евского>, чего доброго у Жихоня. Чему же удивиться, что шведы раскусили это и испугались. Ты велик ростом, ругаешься и шумишь — вот почему никто тебе в глаза не говорит, что тот, кто не умеет «ни пожатием плеча, ни качаньем головы» не выдать тайны, тот плохой конспиратор; да и я плохой — но, любезный Бакунин, я ведь и не напрашиваюсь на сей титул.

Ты, как Милорадович, берешь энергией, а не интуицией. На это лучшее доказательство — польский союз. Он был невозможен, они поступали с нами неоткровенно — результат тот, что ты чуть ли не потонул в нем, а мы сели на мель. Чтó ты меня упрекаешь, что я видел и не остановил? Ты, брат, стихия — солому ломить, как тебя остановить? Я был против печатания адреса офицеров в «Колок<оле>». Я был против жертвоприношения Потебни, против твоей поездки. Но когда ты поехал на деньги Бран<ицкого>, но когда адреса были везде перепечатаны, я считал, что ты и офицеры *обязаны были* делом подтвердить ваши слова. И когда ты засел в Шведах, я, *боясь за тебя*,

¹ по видимости (нем.); ² расплывчатых выражений (франц.).— *Ред.*

послал с Ог(аревым) телеграмм. То, что твоя нога была на пароходе, совершенно оправдало тебя. За что же ты попрекаешь седьмой раз тем, что Ог(арев) и я тебя уговорили или утelleграммили. Тебе не было выхода — без опыта побывать в Польше.

Что польское дело было устроено плохо с нашей стороны, что оно не *наше дело* — хотя и правое относительно — это доказано тем, что себя, как я сказал, ты доконал им, и умоляю тебя, если что будешь печатать — будь мудр яко змий. Наш принцип социальный — а с чьей стороны социальные начала? Со стор(оны) Демонт(овича) или петербургских сатрапов — отдающих крестьянам в надел помещичью землю? «Да нам нельзя же идти с Муравьевым?» Без сомнения, нельзя. Но можно иногда и эклипсироваться, и поработать в тиши, тут нет *calamité publique*¹. Надобно или *делать дело* — или спокойно *ничего не делать*. Финн совершенно прав, говоря, что иной раз преждевременный гам губит дело. А *propos*, его письма очень умны. Язык финский, впрочем, уже введен правительством.

Твое письмо в редакцию швед(ского) журнала очень хорошо, и, хотя Потебня был Андрей, а не Александр, а Николай Павл(ович) был похож на все, кроме Дон-Кихота — рыцарственного, сентиментального, защитника прекрасного пола и всего слабого — но тем не менее ее надобно здесь пропечатать.

Жаль, что нет твоего письма в польский комит(ет).

Письмо Ст. одно, а не *два*. В письме недост(ает) одной стр(аницы) 14—16.

Ог(арев) все же длинное письмо писать будет, я еду через 10 дней в Италию к детям, Ог(арев) напишет о книгах, предлож(ение) приплачивать 300 фр. смешно. «Колок(ол)» не продается — вся типография снова падает на мой кошт, теперь *ничего не сделаешь*.

Зачем же тебе сюда ехать, я так ищу куда-нибудь уехать — что ты будешь делать в Италии? Я думаю, все же полезнее жить в Шведах — до окончания польского вопроса.

Прощай, не сердись за откровенность. — Пора — ведь полвека прожито — пора знать свою силу.

А. Герцен.

P. S. Если правда, что в Киевской губ(ернии) крестьяне упорно отказываются от работы на помещиков, то это богатейшая отместка за злодеяния Мур(авьева) и пойдет далее (то, что у нас было в ст(атье) «А дело идет своим чередом»). — Конституция, говорят, явится скоро для всей России. — Тогда и заграничная пресса воскреснет. — Затем прощай,

«Колокола» будут посылаться.

¹ общественного бедствия (франц.). — *Ред.*

Рукой Н. П. Огарева:

А все-таки писать теперь воззвание к крестьянам было бы ридикульно — потому что это горох в стену, и вредно — потому что убьет с их стороны всякое доверие к нашему брату. Вскоре будет провозглашена в России конституция; через этот фазис надо перейти разумно. Встретить его надо разумно, от этого зависит вся возможность нашего участия в развитии русской мысли и гражданственности. Если я не писал к тебе длинного письма, то это потому, что ужасно внутренне тяжело за него приняться; но я исполню это вскоре. Теперь же тороплюсь сказать несколько слов только о книгопродавческом деле. Предложения S<traube> невозможны: 1) Приплатить 300 фр. к его поездке (которую он может предпринять, только если в этом видит свой расчет) — безосновательно. 2) Дать ему тысяч на пять фр. книг, с тем чтоб заплатить за их провоз обратно, — idem¹. 3) Большая часть изданий — Трюбнера, а он 45% может и уступит, но не наверное, обычно он уступает полгода срока и 33%; спросить теперь нельзя, ибо он в отъезде. 4) Дать S<traube> монополь на торговлю в Швеции, Норвегии и Дании еще куда бы ни шло, но дать монополь на Петербург — дело несбыточное, ибо значит лишить себя права торговли через Пруссию. На днях жду известий о торговле вообще — и тотчас напишу.

402. Н. А. и О. А. ГЕРЦЕН

3 сентября (22 августа) 1863 г. Теддингтон.

3 сентяб<ря>. Elmfield House
Teddington. S. W.

Рукой А. А. Герцена:

Милая Тата,
поздравляю тебя с именинами — я отправляю тебе сюрприз с папашей, который, надеюсь, тебе понравится. Папа уже начинает укладываться. Не забывай теддингтонской колонии, когда он уедет.
Целую тебя.

С а ш а.

Ольге тоже отправляю сюрприз.

Трешер Тата! Же те фелисит авек тон' жур денон', же ублие лотр жур е же таш де фер венир ла лотр атан'².

И пишу для отличия по-французски по-русски. Проведите день этот весело — мы выпьем за тебя.

Ты можешь почти расчесть день в день и час в час — когда я приеду, — уехавши 15 и полагая 2 дни в Пар<иже> и 3 в Женеве, выйдет около 22—23. Впрочем, я напишу—latest intelligence³.

¹ то же (лат.).— *Ред.*

² Джайшая Тата! Поздравляю тебя с именинами, забыл в прошлый раз — и стараюсь, чтобы письмо поспело вовремя (франц. Très chère Tata! Je te félicite avec ton jour de nom, j'ai oublié l'autre jour — et je tâche de faire venir la lettre à temps); ³ последние новости (англ.).— *Ред.*

Ольга!

Отгадай сюрприз Сашин. Ты напиши и Тата и положи под ключ, когда я приеду, я спрошу, и — кто отгадал — тому первый гостинец. Ты можешь расчесть, когда мы приедем, и идти нас встречать на S<anta> Lucia или Кияйю.

Завтра Лизино рождение, вот программа.

Дежене дансан — на ослах в 2 часа, в Hampton Court'е. Дети следующие — четыре девочки, и в их числе исправляющая твою должность (я на нее не могу смотреть, не вспоминая тебя). Далее Тхоржевс<кий> и Муму. Чернецкий и Тоби.

Вот и всё. Угощение состоит:

из Ослов

Кеков

Шоколаду

Фруктов

Запаха стеарином.

Подарки:

Ага — птицу (которую не принесли)

Я — собачонку (которую не привели)

Nat<alie> — накупила игрушек

Саша — мяч с хвостиком

В 6. Дине а ла фуршет санкуто.

Ну и целую тебя.

От Таты и тебя я подарю разный вздор: переамбулатор для куклы и ошейник для собаки.

403. Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

23 (11) сентября 1863 г. Генуя.

Ну что же ты делаешь, Natalie — и наладили ли вы la grande question¹ хозяйства? Путь по Корниче — если б не простуда — для меня был роднее посещения домов.

Здесь станция в станцию ехал я с N<atalie> из Турина в Ниццу...

Продолжение завтра.

Почта сейчас отходит.

Целую Лизу и бибушек.

¹ большой вопрос (франц.). — *Ред.*

404. Н. А., О. А. ГЕРЦЕН, М. МЕЙЗЕНБУГ и Э. РИВ

24 (12) сентября 1863 г. Генуя.

Милая Тата,
Милая Ольгушка,

в понедельник il vecchio hyperboreo¹ явится к вам в 6 часов утра, с Messageries Impériales². Нутка, кто рано встанет и придет старичка встретить?

Messagerie идет из Генуи в 8 вечера, в пятницу.

Суббота в Ливорне.

Воскресен³ — в море.

Понед⁴ельник — у вас.

Genova. 24, Hôtel Feder.

— und mit derselben Feder meinen Gruß und *a rivederci*, lieb^e Malvida³.

На обороте:

Pour Tata et très pressé.

Chère Miss Reeve. «Catilina est à vos portes». — Lundi à Strada medina⁴.

405. М. К. РЕЙХЕЛЬ

9 ноября (28 октября) 1863 г. Флоренция.

9 ноября 1863. Флоренция.

Вот мы в каких палестинах — и собираемся на час в лондонские туманы и кланяемся от души вам всем.

П е р и ф и с.

406. Н. П. ОГАРЕВУ и Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

11 и 12 ноября (30 и 31 октября) 1863 г. Флоренция.

11 nov⁵embre 1863. Firenze.
Hôtel Américain. Via Vigna nuova.

«Колокола» нет. Так, пожалуй, пропадают и письма. Я писал отсюда 4, 6, 8 и 10. В вчерашнем письме, довольно длин-

¹ старый гипербореец (итал.); ² государственными почтовыми (франц.); ³ и тем же росчерком пера привет и до свидания, дорогая Мальвида (нем., итал.); ⁴ Для Таты, и очень срочно. Дорогая мисс Рив. «Катилина у ваших ворот». — В понедельник на Strada medina (франц.). — *Ред.*

ном, была <вло>жена статейка Мечникова. Начинаю с по<пр>авки в моей статье о Неаполе — не забудь ее.

NB. Напис<ано>: Вольтер сказал то-то
следует: Пасхаль — NB.

Далее мелочи и смесь. 1-ое. Обручев никогда не принимал начальства над Главным штабом — а тотчас отказался и уступил место Вейнбергу. 2. Мне рассказывали, что капит<ан> Артюков¹ — кажется, так его фамилья, помнишь, который был с поваром и надул Тхоржевского — изготовлял проект доставки меня из Лондона в Одессу — и это в то время, когда ездил к нам.

Вчера я был у Долфи — сегодня буду у Mario (White). Долфи — молодец, Чичероваккио заткнул за пояс. Мужчина с Бак<унина> ростом, с лицом античной статуи, выражающим несокрушимую волю и энергию, у него мускулы не повисли. Настоящий трибун — и очень умен. Говорит троху по-французски, но больше по-итальянски — я понимаю хорошо. От него я узнал, что Мордини проездом в Флоренции, — Мордини принадлежит для меня к воспоминаниям о 1852. (Это *bête noire*² реакции — бывший продиктатор Сицил<ии>.) Мне говорили, что он стал важным человеком — не знаю, *almeno*³, не со мной. — Я его застал за обедом и нарочно взорел без доклада. Он не имел понятия, что я в Флоренции — но тотчас узнал и бросился меня целовать. Это тоже сила. Италия богата людьми. «Мы с вами встречаемся, — сказал я ему, — как старые солдаты, оставшиеся верными нашему знамени, — а об знакомых страшно вспомнить».

Где наш старец Ланжерон?

Где наш старец Беннигсен?

(Собств<енные> имена замени сам.)

Сегодня обед, который русские мне дают, — я откровенно должен сказать, что прием здесь и от своих, и от итальянцев далеко превзошел мои ожидания... и чего-чего здесь нет: и E. Piggot, Esq. из «Daily News», и граф Нессельрод — *aux perles*⁴, и Конст<антина> Ник<олаевича> ждут, видно, хочет сделаться артистом.

Один Доманже не показывается.

A *propos*, Dolfi-Fornaio⁵ сидит в лавке с мукой и крупой и продает ее — как некогда великий Боткин продавал чай — и, продавая ее, он один страшнее всей франц<узской> оппозиции правительству. Это самый популярный трибун в Флоренции.

¹ Нет, говорят, не он.

² пугало, жупел (франц.); ³ по крайней мере (итал.); ⁴ в жемчугах (франц.); ⁵ Дольфи-хлебопек (итал.). — *Ред.*

Обед был очень приличен и очень скромен — на нем был и Стюарт, он, без сомнения, глупее и тяжелее всех бывших. Травы эта — здесь уже недели три, не знает ни одного из русских, не знал, что я здесь, и, если б Саша его не застал у проф^{ессора} Шиффа, а Фрикен не пригласил бы участвовать в обеде — я его бы не видал. С такими заграничными Брунновыми не далеко уедешь. Я его нарочно столкнул с Мечниковым — но он и тут мямлил и пр. Разумеется, главный интерес — это Касатк^{ин}, его слова и дела. — Я предложил два тоста: за тебя и за «З^{емлю} и в^{олю}», Саша — за память Потебни. На обеде был один поляк-живописец.

Письма ваши пришли (снова приплатил 1 фр. 25) — т. е. собственно не ваши, а твое. Господи, да зачем это все продолжается какая-то томящая, скучная нота — и грустная. Я никогда не любил вас, cari miei¹, больше, — я стремлюсь возвратиться, и все дело в том, что ты, Огарев, меня все сердил и даже последним секретом о Саше.

Natalie, и ты оставь все Grübeleien² и сомнения. Вы у меня в воспоминании просветлели — не будем портить ни этого времени, ни возвращения. Мне больно, что слова меня сбивают всякий раз с настроения, и я делаюсь угрюм и привязчив. Не в том ли может быть сомнение, что я писал о втором будущем? Что я могу об нем сказать — прежде С^{ен}-Мало? Создать его надо — и тут я помогу тебе. Влияние мое на Тату очень велико. В препинаниях с Мейз^{енбург} я открыто взял ее сторону, т. е. Татину. И этим актом справедливости еще больше усилил веру в себя. Все это влияние — я тебе дарю. Теперь опять мир. 22 мы едем в Ливурну. — Ответ на это письмо лучше туда и адресовать... 24 дети отправятся в Чивиту, а 25 или 26 мы в Геную (это зависит от франц^{узского} парох^{ода}). Оттуда (а может, и прямо из Ливурны), может, поедem на Комо.

Прощай — покой и мир, твердость на жизнь и немного теплой веры в меня.

Дай твою руку и поцелуй детей.

Что с Лизой? И Ольга что-то хвораet.

Mademoiselle Lili ne doit pas être malade³.

Скажи Тхоржевс^{кому} или напиши князю Долгорукову, что я совершенно согласен на его предложение. «Московс^{кие} вед^{омости}», разумеется, выписывать следует особо и «Се^{верную} пчелу» — ну а «День» — как знаешь, я не вижу особой необходимости его читать днем раньше. «Le Nord» и «Келнс^{кая} газета» необходимы — но это успеем.

¹ мои дорогие (итал.); ² размышления, раздумья (нем.); ³ Мадемуазель Лили не должна хворать (франц.). — *Ред.*

О Каткове подумаю. Не лучше ли просто написать, что это ложь, т. е. Огар<ев> и Герц<ен>объявляют... но как же Бак<унин> скажет, что это ложь, когда он все то же говорил и даже в стокгольмской речи? Пользу, которую он принес, еще не знаю, а вред налицо. Повторяю, что я его видеть не хочу.

Если 250 взяты — то 50, т. е. 1250 фр. уже есть.

Ст<атья> Ут<ина> только в конце может быть помещ<ена>, т. е. где он говорит о «З<емле> <и> в<оле>», — но лучше подождать и прочесть брошюру. А коли хочешь — напиши, не упоминая о Ш<еде>-Фер<роти>, вызов от себя и меня — подтвердить хоть одним словом из «Колок<ола>». — Au reste¹, это должны сделать поляки — Тхоржевский может переговорить с Булевским.

Если напишу — пришлю послезавтра.

407. Д. ТАНАРКИ

20 (8) ноября 1863 г. Флоренция.

20 nov<embre> 1863.

Hôt<el> Américain.

V<ia> Vigna nuova.

Cher monsieur Tanarki,

Quelle horrible nouvelle vous nous donnez, moi je serais immédiatement accouru chez vous, mais je connais par moi-même — qu'il n'y a que le repos et le silence — qui calment la douleur. Nous partons dimanche matin... Pressez la main de madame Pulszky et de monsieur Pulszky — j'ai eu des pertes terribles dans ma vie, j'en connais donc le prix.

Je vous salue de tout mon cœur.

Alex. H e r z e n.

П е р е в о д

20 ноября 1863.

Hôt<el> Américain.

V<ia> Vigna nuova.

Дорогой господин Танарки,

какую ужасную новость сообщаете вы нам, я тотчас прибежал бы к вам, но по себе знаю, что только покой и безмолвие успокаивают горе. Мы уезжаем в воскресенье утром... Пожмите руку госпоже Пульской и господину Пульскому — у меня в жизни были страшные потери, я-то знаю им цену.

Приветствую вас от всего сердца.

Алекс. Г е р ц е н.

¹ Впрочем (франц.). — *Ред.*

23 (11) ноября 1863 г. Livorno.

23 нояб<ря>. Livorno. Hô<tel> de la Grande Bretagne.

Любезнейший Кашперов, я собирался посетить вас в Комо и поблагодарить от всей души за ваше приглашение и за приглашение Валерио, переданное мне Огаревым, а между тем дела требуют скорого возвращения, и я оставляю мои *pia desideria*¹ до будущих времен. Мне кажется, что если Италия сколько-нибудь осерьезится и в самом деле поймет свою независимость, Флоренция была бы лучшим местом для нашей жизни. Посмотрим, что принесет время. При теперичной обстановке переезжать с типографией нельзя — как думает об этом Вал<ерио>?

Дочери мои едут на днях в Рим — а я через Женеву в Лондон. Если вздумаете написать строчку, адресуйте до 5 декаб<ря> Genève, pos<te> rest<ante>, а потом к Огар<еву>.

Все вам кланяются. Прочитали ли вы в «Колок<оле>» мое неаполитанское письмо?

В России — бешенство патриотизма начинает бледнеть, опозоривши Россию без малейшей славы.

Передайте поклон всех наших и мой вашей супруге.

Преданный вам

Ал. Герцен.

P. S. Если у вас есть ко мне письма — пришлите в Женеву.

409. Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ, Н. П. ОГАРЕВУ
и ЛИЗЕ ГЕРЦЕН

25 (13) ноября 1863 г. Livorno.

25 ноября. Livorno.

Третьеводни вечером мы вспомнили с Татой рождение малюток. Вот и я на старости забыл было. Тата посылает свою иллюстрацию в виде поздравления. Она эти вещи делает хорошо, я ей советую заняться иллюстрацией какой-нибудь сказки или повести. Вчера твое письмо — и опять-таки упрек от тебя, Natalie. Как мало у тебя веры, и как ты не выносишь не только испытаний, но и случайностей. Оканчивается это всегда замечной светлого расположения болью. Принимаю я и ее — но строй, в котором я ехал, испорчен и, может, тем больше, — чем искреннее мне хотелось опять к вам. Буду ждать писем в Женеве, *poste restante* — может, они будут иные.

¹ благие намерения (лат.). — *Ред.*

Завтра я еду в Геную, 28 я буду в Турине, а дети отправятся в Чивиту — им удалось. Плывет опять «Aunis» — огромный пароход, погода дождливая, но тихая. Кто мог знать, что придется здесь ждать так долго? Саша, посадивши их на корабль, возвращается в Флоренцию. Если проезд по Mont-Cenis — обыкновенный (13 часов), то я 1-го буду в Женеве — но боюсь снегов.

Письмо мое к Гарибалди начерно готово. Оно вроде моей послед<ней> статьи — но для иностранцев. Для меня впереди становится светлее, для нас ничего не прошло — e pur si muove. Мы только для смирения загажены перед Европой.

Чек на Ротшильд<а> дать не могу, во-1-х, потому, что у него моих денег в Лондоне нет ни гроша, во-2-х, потому, что и бланк я не взял. Посылаю чек на Трюбнера для Чернецкого, а Dr пусть ждет.

Продал ли ты 5% ит., сверх того, 50 livr. излишних от Ут<ина> (он дал записку в 200)? Ты порядком не писал ни разу.

Сашу с Бакун<иным> ты не помирил, да и действительно мудреный выдумал путь для примирения. Он мне отдал к тебе письмо, и в нем письмо к Бак<унину>. Я, может, написал бы градусом мягче — но зачем насильственное примирение, я не понимаю.

Затем прощай. Ровно через пятнадцать дней я в Теддингтоне, и это — maximum.

NB. В общий фонд от русской эмиграции в Италии — 20 фр.

Милая Лиза — душка! Ты возьми Лелю и возьми боя — и поцелуй и скажи, что дядя, хоть и поздно, но поздравляет. А сама жди меня скоро-скоро — 1, 2, 3 — 6—10, и я буду с тобой дурачиться.

Что, окончание статьи пришло?

410. К. ФОГТУ

26 (14) ноября 1863 г. Livorno.

26 nov<embre> 1863. Livorno.

Très cher Vogt,

Me voilà encore une fois. Je vous ai écrit de Florence que je viendrai le 3 ou le 4 à Genève — et que j'ai besoin de voir Baxt. Mais mon voyage s'est raccourci et je pars ce soir de Livourne à Gênes, donc je serai le 27 à Turin et le 30 — à vos portes et aux portes de la ville qui porte sur son écu la moitié d'un perdreau rôti avec la moitié d'une clef pour fermer le *Post tenebras lux*.

J'ai diablement peur de ne pas trouver B<akst>— et je n'ai pas le temps de rester plus de 2 ou 3 jours. Auriez-vous l'extrême bonté de lui écrire s'il est à Bern?

Et *a reverci*.

A. H e r z e n.

П е р е в о д

26 ноября 1863. Ливорно.

Дорогой мой Фогт,

это снова я. Я вам писал из Флоренции, что 3 или 4 числа приеду в Женеву и что мне необходимо видеть Бакста. Но мое путешествие сократилось, сегодня вечером я выезжаю из Ливорно в Геную и, значит, 27-го буду в Турине, а 30-го — у ваших врат и у врат города, который носит в своем гербовом щите половину жареной куропатки с половиной ключа, чтобы запереть *Post tenebras lux*¹.

Я дьявольски опасаюсь не застать Б<акста>, а у меня нет времени, чтобы остаться более 2—3 дней. Не окажете ли вы мне чрезвычайную любезность написать ему, если он в Берне?

И *a reverci*².

A. Г е р ц е н.

411. А. А. ГЕРЦЕНУ

29 (17) ноября 1863 г. Женева.

29 нояб<ря> 1863. Женева.

Hôtel de la poste.

Вот я и один и в Женеве. Как-то доехали наши — ночью вчера была сильная вьюга за Mont-Cenis. Жду телеграмма. Мой путь был изыщен. Переезд через Mont-Cenis (15 часов) — великолепие. За этим за одним стоило ехать. Я писал об этом из Culoz, где мы ждали 4½ часа поезд, Огар<еву> и Тате. Третий раз не могу писать — надобно будет иногда посылать письмо к тебе, а ты его к Тате.

Женева выросла — не знаю, поумнела ли. Никого не видал. Из Парижа напишу. Я постараюсь приехать к рождению Огар<ева>. Думаю ехать отсюда 2 декаб<ря>.

Прощай, пиши не реже одного раза в неделю.

Чемодан был очень плохо уложен, а прогроз, ни одной черной рубахи я не нашел — разве остались?

Если встретишься с Бак<униным>, старайся как можно учтивее объясниться.

¹ После мрака свет (лат.); ² до свидания (искаж. итал.).— *Ред*

1 и 3 декабря (19 и 21 ноября) 1863 г. Женева, Париж.

№ 3 из Женевы.

1 декабря. Genève.

Касатк<ин> и Черкес<ов> прислали телеграмм — они будут сегодня вечером. Все русские сегодня завтракают у меня — Б<акст>, трое тебе известных и молодой профессор, который мне нравится. Обедаю я с Б<акстом> у Фогта. Если бы я здесь остался неделю, то пошло бы как в Флоренции. Даже содержатель Hôtel'я пришел в такой восторг любви, что я предпочел его Hôtel — что произнес мне речь, в которой упоминал, что он своей жене в «Gartenlaube» читал мою биографию — и за 14 фр. дает фенсервы и ананасы с сардинками. Но, Огарев, сделаю ли я что-нибудь в смысле примирения? Мне кажется, что Касатк<ин> — мелочной человек. Всех русских, не исключая Фенина, я нашел лучше, чем ждал — они страшно озлоблены против него. Один работает (Касп.) у переплетчика — денег не хотел взять. Р. я через Б<акста> оставил 40 и Ф. — 30 фр. Жук<овский> в Берне — я остав<ил> еще золотой Б<аксту> на случай нужды. Поговоривши с Касат<киным>, я напишу. Мое путешествие сюда имеет иную важность и снова подтверждает, что Лондон — скверное место, — путешествуя, я могу почти больше сделать, чем статьями. Я разбудил и растолкал Ст<уарта>, которым больше доволен при отъезде. Мечников поехал в Ливурну искать сбыта, и все расшевелились. Как с одной стороны тебя ни обрадует это, так с другой — будет больно.

Ты хвалил мою наблюдательность в Неаполе, она еще лучше в собственных делах. Итак, поверь мне, что решительно никто (не исключая Б<акста> и Ст<уарта>) — никто не верит ни в какой центр, ни в кого — и все говорят то, что в Париже 2 месяца тому назад гов<орили> Хоецкий и поляки: центр — «Колокол», и нет центра разве его. На этом можно много построить, но для постройки надобно, чтоб «Кол<окол>» был свободен — *совершенно свободен*. Он компрометировался, но благородно, ему это отпустят, но *bis in idem* — и он, как его старший брат, московский колокол, падет. Каждое животное имеет свой процесс пониманья. Я долго и *par saccade*¹ разбираю дело, а потом оно вдруг становится ясно. Кризис во мне прошел — боль, унижение, сострадание были святы, но я слушаюсь Берга и снимаю траур. Если ты объективно взглядишься и пове-

¹ рывками (франц.).— *Ред.*

ришь мне — дело сделано. Но тогда не привязывай гири — да и какие: сам Раппо не сташил бы Бакун(ина). Видно, кое-что надобно подвязывать в сердце — и жертвовать иногда лицами делу. Я Бакун(ина) считаю вредным, и чего ты боишься, что Будб(ерг) узнает о разладе? Лишь бы не мы говорили, а коли узнает, то это только кулирует Бак(унина), а не нас. Тебе его жаль — да ведь и Ворцелю было жаль Жабицкого.

Я тебе на это письмо везу том комментарий. Даже я остался при моем мнении, что все деньги, которые даются на Одиссеи и колумбовские поездки, брошены в печь (Б., разумеется, не верит).— Своими силами, силой обстоятельств мы вынырнем, и с нами — наше знамя.

Только не упрекай меня в династической враждебности к Бакун(ину). Дерзость Саши — мне противна до тошноты — а все же он не пойман на воровстве. У тебя делается тик в некоторых вопросах — как же ты не понимаешь, что молодой чел(овек) 24 лет обязан отвечать по крайней мере оплеухой на такое обвинение? А ты говоришь: «Проси прощенье» — а физиолог, сердцегноз.

До завтра.

Natalie, вчера я видел мельком девушку, о которой говорил Фогт, сегодня я ее увижу подробно и поговорю с ней о разных разностях. Она может учить всему первоначальному. Ее семья старая, здешняя, всем известная за почтенную и хорошую. Девушка, собственно, хочет *chemin faisant*,² себя образовывать в гувернанты, и одна из целей — выучиться по-английски. Я не говорил с нею, а видел с женою Фогта в зале, где было чтение. А пророз, вот для вашего брата чтения — он читает с какой-то веселой ясностью и совершенно радикально. Большая зала битком набита.

Ну, что же ты снова успокоилась и одержала над собой победу? — А ведь я думаю, что потом тебе стыдно — беда в том, что еще потом забудется, что стыдно. Ну что за вечные счета в письмах Таты? Она ленива, рассеянна — и что значат ее письма рядом с моим свидетельством? Мне страстно хотелось бы не возвращаться на это — я еду набравшись сил не для того, чтоб их разбить в бесплодных коллизиях, а чтоб двинуть общее и частное. Взять вас всех — тебя, детей — и на возможно здоровый простор светлой осени. Не так ли? — а старое за борт, так чтоб дурное утопло, а хорошее — всплыло.

Если б можно было в самом деле переселиться в Италию, было бы очень хорошо. Я готов курьером провожать туда и

¹ попутно (франц.).— *Ред.*

сюда — но это пока вдали. Теперь прощай. Зачем ты жалуешься на Лелю — я ничему этому не верю, она просто живой ребенок.

Лиза, теперь дядя уж очень близко, готовь скорее сюрприз.

Ночь.

Ну, Natalie, девушка, которую сыскал Фогт, меня пленила, действительно это все, что можно было ожидать — наивно-благородное дитя — это уж не сестра Алтгузихи. 500 фр., 6 ф. на дорогу и столько же назад, если через полгода она или ты захотите. Это такой шанс, которого в сто лет не сыщешь.

С<ерно>-С<оловьевич> мол<одой>, говорят, совсем повредился — его друзья скрывают это, и потому не говорят.

3 декабря. Париж на Сене.
Hôtel du Louvre, № 63.

Скоро дело делается — но не скоро письмо пишется, а потому финал уж не в Женеве, а в Париже. 17 часов express'a — и я в гигантском Hôtel du Louvre. Кас<аткин>, Чер<кесов> и Провансов прискакали из Цюриха. Это было очень кстати. Прованс<ов> рассказал о письме к У. I am against — sans phrases¹. Нет, не bis in idem.

Не знаю, помирил ли я, но, кажется, свел на приличную ногу. Кас<аткин> виделся у меня с Бак<стом> — при прощанье в зале железной дороги. Я именем Николая Лондонского миротворца просил их забыть вздор — обещали постараться.

Все требуют с неистовством переселения Чернецкого и его генерал-губернаторство над обеими типо<графиями>.

Моя мысль о необходимости путешествия так же фурор сделала. Остальное на словах.

Письмо, ставшее, как блин Комом, с берегов озера приплыло ко мне в Женеву. «Колок<ол>» тоже. «Вече» еще не успел прочесть.

Пишу на другую минуту после выхода из вагона — никого не видал.

Schlafen Sie wohl².

Думаю, Natalie, что это последнее письмо — или предпоследнее, а вам и вовсе нечего писать, если ж что важное, то помните — по телеграфу: Hôtel du Louvre, № 63 (это № комнаты) — и на мое имя. Но крайностей дурных, верно, не будет, а Долгорукий не родит еще так скоро.

¹ Я против — без фраз (англ., франц.); ² Спокойной ночи (нем.). — Ред.

Повторяю тебе о девушке для Лизы, что она очень мила и проста — ты ее в таком случае только и зови, если хочешь, чтоб она была как в родственном доме. Я еще перед отъездом говорил с Фогтом — она не возьмет никакого места до 20 декабря.

Именины мои я праздную один и приглашу Голынского не приходить.

Лизе не знаю, что уж и писать.

A rivederci¹.

Четверг.

С Бак<униным> увижусь, хотя это мне страшно противно, потому что ложь мне противна. Это, Огар<ев>, мой подарок тебе.

413. Н. А. и О. А. ГЕРЦЕН

4 и 7 декабря (22 и 25 ноября) 1863 г. Париж,
Теддингтон.

№ 1.

4 декаб<ря>. Paris. Fr<ance>.
Hôt<el> du Louvre.

Ваш телеграмм пришел тотчас после моего письма в Женеву. Итак, у вас была *traversée magnifique*² в то самое время, как на Mont-Cenis бушевала вьюга; впрочем, ему-то вы и обязаны этим. Буря была по нашу сторону — а я очень не то что боялся, а жалел вас. Ну что «Aunis»?

С тех пор как мне приходится писать и к вам, и к Саше — я к обоим начинаю писать меньше. Надобно посылать циркуляры так, чтоб он, т. е. Саша, пересылал вам.

Еду я завтра (если ничего не помешает) и, след., в воскресенье на рассвете буду в Лондоне. В Женеве меня приняли по-флорентински, и Фогт был очень мил, а Б<акст> и еще милее.

7 декаб<ря>. Лондон.
Elmfield House.

Вот я и дома, господа дети, — приехал 5-го вечером в бурю и *gale*³. Этот переезд из Calais в Дувр был хуже всего на свете — такой мерзости я не видел еще на море. В Твикнеме я на станции встретил Огарева — а я ехал, чтоб сделать сюрприз. Вместе взяли флей и поехали. Natalie и дети цветут. Лиза до того сконфузилась, что с пятнами на лице долгое время не могла произнести ни слова. Девочка очень умна и зла, мальчик у нее

¹ До свидания (итал.); ² великолепная переправа (франц.); ³ шторм англ.).— *Ред.*

под башмаком. Письма, подарки — все раздал (в доме). — J'ai dit à Lise que la petite main en corail de Malvida était faite pour gratter dans le nez—cela lui a tellement plu qu'elle gratte continuellement. — Ogareff est bien en santé. Czerniecki souffre beaucoup et il est très triste. Tchorzevski cherche encore des traces (sérieusement) de Toutou. Dans deux jours je vous écrirai une longue lettre — maintenant seulement une grande nouvelle.

Considérant l'avis de Baxt, Kas<satkine> — et divers -off et -sky.

Considérant.....

Considérant.....

Avons décidé¹ — типография переносится в мае месяце — в Лугано. — Мы все переедем туда на лето — а осенью в Милан. Это окончательно решено. Ну, вот важная задача климата и деятельности будет решена к общему удовольствию.

Ог<арев> находит памятник холодным, хоть многое зависит от статуи.

Рукой Н. А. Тучковой-Огаревой:

Ну вот и мы с праздником, Тата, Г<ерцен> привез нам от вас немного света (а к здешнему освещению не может еще привыкнуть).

Нового нечего сказать, надеюсь весной с вами видаться, и не на один день — все это желают, я тоже. — Пиши, что ты рисуешь теперь, твоя старуха нам всем больше понравилась, впрочем, ты знаешь, что я не знаток в живописи.

Прощайте, поцелуй Ольгу, кланяйся Мейз<енбург>.

Твоя N.

Рукой Н. П. Огарева:

Милые мои дети, ну вот и pater с нами. И рад я, что он здесь, и жаль мне, что он не с вами, и жаль мне, что вы не с нами. Авось, мы скоро все свидимся. Обнимаю вас крепко, Малvidу благодарю за красную рубашу; но нот нет. Pater старается припомнить мотив, и все, что ни запоет, выходит:

Perche quanno me vede
T'engriffa come u gatto...

¹ Я сказал Лизе, что Мальвидина коралловая ручка для того, чтобы ковырять в носу — ей это так понравилось, что она без конца ковыряет. — Огарев в полном здравии. Чернецкий очень страдает и очень грустен. Тхоржевский все еще разыскивает следы (серьезно) Туту. Через два дня напишу вам письмо — а пока только большую новость.

Принимая во внимание мнение Бакста, Касаткина и различных -ов и -ский.

Принимая во внимание.....

Принимая во внимание.....

Решили (франц.). — *Ред.*

Писать больше сегодня не хочется. Тата, сидячая сонная женщина мне больше всего и чрезвычайно нравится. Выработывай себе genre во всех размерах — и в росте и в уменьшенной величине.— Что Ольгина болезнь?.

Natalie ждет писем от тебя — пиши, пиши и ко мне. — Как Малвиде понравилась новая программа:

Лугано — Милан?

Ольга, Лиза думает, что черепаху ты прислала, и потому довольна ей — но говорит, что все было бы лучше, если б она была живая.

414. А. А. ГЕРЦЕНУ

7 декабря (25 ноября) 1863 г. Теддингтон.

7 декабря. Elmfield House.
Teddington.

Ну вот, Саша, я на Ort und Stelle¹. Все застал хорошо и здорово. Огарев меня встретил случайно в Твикнеме — вечером в 9 часов, в воскресенье. Дети и Natalie — все all right². Переезд через канал был ужасный — такого я не испытывал, но все прошло подобру и поздорову.

Теперь как можно будь осторожнее с Бак<униным> и не отдавай ему без нужды письма. В Женеве ко мне приехал из Цюриха Провансов и рассказал, что у них есть одно предположение, пренелепое и, по-моему, превредное, более вредное Lapinskiad'ы. Тут выбора мне не было — я сказал, что я кладу с своей стороны veto; но этого было мало, и надобно было в том же смысле иметь влияние на Б<акунина>. Я все сделал, и виделся с ним, и ни слова не говорил о частных делах.

Он всеми силами хочет мир с нами и потому ничего не делает для скандала. Огар<ев> будет к нему об этом писать. А ты немного погоди посылать письмо. Огарев тебе представил дело в слишком черном цвете — ему так хотелось, чтоб все взшло в гармонию и чтоб все забыли личные дела, что он хотел сильнее подействовать. К тому помпи, что ты нигде не можешь встретиться на одном terrain³ с Бак<униным> — ты убедился, вероятно, сам, что ни ты в политическом деле не имеешь таланта, ни Бак<унин> — в естественных науках.

Жду письмо, как и что куда прислать. Сходи к Vieusseux и спроси, не возьмется ли он получить — у него здесь брат, и Тхоржевский его знает — он посылает книги в Италию.

Твою большую Зоологию советую выписать.

¹ месте (нем.); ² здоровы (англ.); ³ почве (франц.). — Ред.

12 декабря (30 ноября) 1863 г. Теддингтон.

№ 2.

12 декаб(ря). Elmfield House.
Teddington.

Письмо ваше пришло как следует. Если до вас доходят какие-нибудь газеты, то вы, верно, читали об буре, свирепствовавшей от 2 до 6 дек(абря). Я именно по ней-то и приехал. Теперь здесь тепло (т. е. так, как в Флоренции было), воздух влажен и хорош. Но все вместе после Италии lugubre¹, угрюмо, темно, только Буши-парк шумит, как океан.

Сегодня у меня в комнате праздник: принесли огромный письменный стол, я полжизни намеревался иметь такой — и перед отъездом завел.

Отъезд наш остается решенным. К 1 мая Чернецк(ий) отправляется, за ним мы побатальонно — кочевье назначаю entre²

Ludwig. Rome
M. Tan

Квартера ваша, если удобна и с солнцем, я советую, без новой, еще удобнейшей, не менять. У Линдемана учиться хорошо, но я считаю это совершенно недостаточным — без сомнения, надобно еще работать в галереях и с натуры. Вообще, не очень подчиняйся одним немецким методам — и работай, работай.

Помечай мои письма, т. е. смотри на № и сама ставь на своих — а то ужасно скучно писать, не уверясь в исправности вашей почты.

Милая Ольга,

перестала ли ты дергать носом? Я жду об этом вести от Таты. Далее, учись хорошо с твоим Дидригсоном — а я тебе купил не только историю de mademoiselle Lili, но и вторую его же — «Bébé à la Mer». Это так хорошо, что мы целый вечер хохотали с Ага, Natalie и Тхоржевским. Да как тебе послать? разве через Сашу.

Целую Тату и тебя и не целую Жеоржину — но кланяюсь ей.

Твой Папа.

А Жюль останется в Англии.

Дети милы — но девочка гораздо умнее мальчика.

¹ мрачно (франц.); ² между (франц.).— *Ред.*

24 (12) декабря 1863 г. Теддингтон.

Рукой Н. А. Тучковой-Огаревой:

Милая Тата, письмо мое придет слишком поздно, мне хотелось тебя поздравить и поболтать с тобой. 19 лет, вот ты уж какая большая! Я все еще помню тебя толстой девочкой с Лизу с нахмуренными бровями и вечно спокойным лицом, потом вижу тебя с двумя длинными косами, несмелую и любящую — а вот ты вытянулась в эту толстую Тату, которая нам всем так необходима.

Как я рада, что и тебе новый план понравился, да, хорошо бы пожить вместе, и вместе в Италии, а не в этой пасмурной Англии, право, не климат здесь дурен, по-моему, может, он тяжел для слабых организмов, но нам всем здесь только плохо от того, что так много дней без солнца; да от того, что англичане несимпатичны сами — вот, по-моему, что омрачает нас всех, Гер(цен) заметил это очень резко — после своего путешествия. — Ты очень обрадовала меня тем, что хочешь брать уроки музыки, я боялась, что ты совсем оставила фортепьяно — ах, Тата, как, живя в Италии, не попробовать учиться петь, ну хоть бы узнать наверное, есть ли у тебя голос или нет, да если голос и небольшой, какое наслаждение и себе и другим — я, просто, с ума сойду: или ты напишешь, что учишься петь, или вот что, моя Тата, — сделай мне этот сюрприз и не говори об деньгах для таких вещей, как уроки и модели, лучше здесь быть позкономнее. — Как мне кажется долго до мая, Гер(цен) так подновил твой образ, что мне страшно захотелось тебя видеть — я все-таки предлагаю сначала пожить с вами месяца два где-нибудь у моря, это и весело и почти необходимо для Лели, у него нынче нет припадков, но он все-таки не нормальный ребенок, голова страшная, ноги тоненькие, аппетит очень плох, несмотря на холодную воду и свежий воздух, — вообрази себе, что здесь всю осень было очень мало дождей, а когда и были, то грунт такой песочный в Теддингтоне, что сейчас после дети могли выйти. — Лиза очень занята елкой, она два раза садилась писать тебе поздравленье, но портила письмо от волнения и с отчаянья бросила — она очень часто к тебе пишет и серьезно относит письма к Гер(цену), но мы их не посылаем, потому что она пишет на толстой бумаге печатанными буквами. Лизе будет очень хорошо с тобой, мы слишком стары для нее — а с нянюшками или с детьми ей нехорошо, это ее не развивает. Я уверена, что Лиза опять тебя полюбит страстно, долгие разлуки в эти годы нехороши, ребенок более натягивает чувство. Она теперь уж гораздо благоразумнее, есть у нее тоже недостатки, и я уверена, что ты их быстро уничтожишь своим влиянием, не правда ли, Тата? Не отнимая времени от своих занятий, ты однако не забудешь, что я тебе сказала, когда она родилась. — Иногда мне кажется, что Лиза на тебя немного похожа, и это меня очень радует, ты не знаешь, как я люблю твое светлое выраженье, как оно для меня лучше всякой красоты, а это светлое выражение в глазах бывает у Лизы иногда.

Я делаю разные châteaux en Espagne¹ для нашей будущей жизни, мне хочется так устроиться, чтоб дети вам не мешали, и в особенности чтоб Ольгинны занятия не пострадали от Лизы, ты должна мне во всем этом помогать, не правда ли, Тата? Теперь все легче; Лиза может быть с тобой, когда она тебе не мешает, а когда тебе дело, то она очень будет рада, если Жеоржина ей почитает по-англицки, она ужасно это любит — а маленькие дети никогда не в тягость, они вдвоем славно играют под надзором Мари; что касается до материальной стороны, то ты удивишься,

¹ воздушные замки (франц.). — *Ред.*

как все просто и аккуратно. Они завтракают в 7 хлеб с молоком, обедают в 12 мясо с какими-нибудь овощами, в 4^{1/2} ужинают что есть дома: холодная говядина или пудинг и молоко — в 6^{1/2} они отправляются спать — я сама мою мальчика (но каждый может его мыть) холодной водой и кладу в постель, он сам засыпает — а девочку укладывает Мари, до сих пор ее укладывают на руках, потому что она так жива, что в постели играет и все выбрасывает — подушки и пр.

Бедная моя Тата, вот как я тебя замучила, все из желанья, чтобы меня похвалила.

Ну прощай, моя Тата, пиши побольше, когда вздумаешь, твой журнал нас всех очень радовал. — Ах, Тата, чтоб не забыть <...>¹

№ 4.

24 дек<абр> 1863. Elmfield House.

Милая Тата, я только приписываю строчку. Письмо твое пришло. Уроки музыки бери на особый счет — я тебе пришло. — За успокоение носа Ольги — молюсь богу и Ольгу целую, «Кол<окол>» и превосходный «Пунш» для пробы посылаю. У вас что-то много немцев, — нельзя сколько-нибудь подальше от них? Повторяю, что Линдеман недостаточен. За модели, что надобно, плати. Напиши о «Кол<околе>», это очень интересно, дойдет ли?

О Ж ю л е.

Он предложил мне за неимением вина и коньяку — содовую воду с мочром кечупом.

Это так гениально, что мы всю неделю смеемся.

Кланяйся много Малвиде. В полиции процесс десяти немцев, обвиняющих друг друга, что они шпионы.

Кинкель не был свидетелем «за сыпью» — сказано в «Times».

Если «Кол<окол>» не придет, спросите другой адрес у Плат<науэра>.

Прощайте.

417. Е. В. САЛИАС де ТУРНЕМИР

24 (12) декабря 1863 г. Теддингтон.

Ружой Н. П. Огарева:

24 декабря.

Спасибо вам, старый друг, за память о моих именинах, которые совпадали с именинами Николая Павловича. Перед этим торжественным днем был другой — 24 ноября ст. ст. — когда мне стукнуло 50 лет. Но несмотря на эти годы, я столько разнюсь с вами в постановке вопросов (о чем я уже вам писал), что если у нас явится Пугачев, то я пойду к нему в адъютанты, потому что я сотой доли так не <не>навижу польское шляхетство, как ненавижу русское дворянство, которое пошло, подло и неразрывно связано с русским правительством. Зачем вы сюда прицупали эмансипацию женщины, разрушение семьи и пр. — этого я совершенно не понимаю. У вас носятся какие-то призраки, мой милый старый друг. Но это не должно поселять между нами сердечной розни. Давайте дружелюбно спорить, я согласен; только Женни не вводите в понятие аристократи-

¹ Письмо Н. А. Тучковой-Огаревой не закончено. — *Ред.*

ческой свободы, которая равна народному рабству, и менять паризм на шляхетство — игра не стоит свеч. Ну, что ж? Сердитесь? Посердитесь и дайте дружески пожать вашу руку.

Вы были так добры ко мне и в вашем приеме, и в ваших письмах, что я прошу вас позволения сказать несколько слов в ответ на последнее письмо к Огар(еву). Будьте уверены, что мы, шедшие по одной дороге с 1825 года, не пошатнемся. Но сильны мы только тогда, когда вполне откровенны. Молчать — мы можем. Но говорить из других побуждений, чем из страсти истины и победы во имя ее, — мы не можем. И все опыты подобных уступок оказались неловкими с нашей стороны.

В вашем письме вы меня совершенно оправдали — вы говорите, что вы не делите моих воззрений, потому что вы *никогда* не были со стороны социализма, а я *всегда*, — отчего же после этого ждать, чтоб мы смотрели одинаким образом? В 1849 году я проповедовал громко гибель Европы от *avortement* социальной революции и с тем же знаменем я поднял заграничную русскую речь.

Вот когда и я поставлю социальное пересоздание ниже политических *геше-мэнэж*'ей¹, тогда я отклонюсь от своей мысли.

Далее — я должен вам рекомендовать, больше — просить вас перечитать наши статьи о провинциях, вы тогда увидите, что у нас и речи не могло быть об отстаивании их для России.

Теперь, т. е. в декаб(ре) мес(яце), в Лемберге печатается ряд статей, в которых поляки говорят с полной ширью о необходимости признать русинскую народность и аутономию русинов. Теперь остатки народ(ного) правит(ельства) говорят положительно о разделе, т. е. о наделе землей крестьян. Виноваты ли мы, что это говорится в дек(абре) 1863, а не в дек(абре) 1862? Ведь мы этого требовали в октябре 62. Тогда ждали выручки от Европы — теперь, когда все мечты пали, они начинают говорить то, что мы говорили. Трагический элемент — трагическим, и будьте уверены, что нынешнее лето измучило нас, но ведь и объективной истине надобно отдать долю.

Теперь позвольте мне обратиться к вам с просьбой, даже с двумя.

Вы не пишете — Бак(унин) в Париже или уехал; если он еще здесь, то потрудитесь передать ему, что Осип Иванов(ич) очень заботится о письмах и даже желает, чтобы он послал по известному ему адресу² поскорее и известил бы о том, послано или нет³.

2-я моя просьба к вам и к нему, и притом секретная, т. е.

¹ перестановок (франц.). — *Ред.*

² Слова «по известному ему адресу» написаны Н. П. Огаревым по тексту Герцена, не поддающемуся прочтению. — *Ред.*

³ Дописано Н. П. Огаревым. — *Ред.*

чтоб не знали, откуда идет вопрос. Нельзя ли узнать, точно ли известный партизан *Шварц* содержится в Кронштадте (он уж давно приговорен в каторжную работу), имя его Bronislaw Schwartz. Русское правительство скрывает, что оно с ним делает. И близкие ему люди (положим, женщины) в совершенном отчаянии. Не узнаете ли вы через Ор(лова)? Вы меня очень одолжите. Не может ли Баку(нин) узнать? Только я попрошу вас сделать это скорее.

Засим еще раз требую от вас un vote de confiance¹ и поздравляю не с тем, что новый год пришел, а с тем, что подлый год прошел.

А. Герцен.

Скажите Бак(унину), что я на днях получил самое дружеское письмо от Игнатия Хмелинского, он ему душевно кланяется. Письмо его печально, но дышит силой.

Рукой Н. П. Огарева:

А от меня спросите его, не получил ли он помимо меня известий от купца Штраубе и дошло ли до него мое письмо. Мне нужно знать.

418. К. ВИНЕРУ

26 (14) декабря 1863 г. Теддингтон.

Cher monsieur Wiener,

Vous recevrez chez M. Tchorzewski 1, Macclesfield street — Soho — le montant des 25 copies à 3 sh. Si cela vous arrange de me donner les 175 en dépôt — envoyez-les, je tâcherai de les vendre à 3 sh. Je viens assez souvent à Londres — je tâcherai de passer chez vous.

Votre tout dévoué

А. Н е р з е н.

26 déc(embre). Elmfield House.
Teddington.

Перевод

Дорогой господин Винер,

вы получите у г. Тхоржевского по адресу: 1, Macclesfield street — Soho — стоимость 25 копий по 3 ш. каждая. Если вас устраивает отдать мне на хранение остальные 175, присылайте их, я постараюсь продать по 3 ш. Я бываю довольно часто в Лондоне — постараюсь зайти к вам.

Всецело преданный вам

А. Герцен.

26 декабря. Elmfield House.
Теддингтон.

¹ вотума доверия (франц.).— *Ред.*

26 (14) декабря 1863 г. Теддингтон.

26 дек<абря> 18<63> г.
Elmfield House. Teddington.

Мы долго думали с Огар<евым>, что вам рекомендовать для перевода с английск<ого>. Пока что найдем, посылаю «Opium-eater'a» De Quin<с>еу. В нем страницы, писанные с той откровенностью и мужественной отвагой, к которой француз не способен — по тщеславию, а немец — по грязной Plumpheit¹.

Но зачем вы хотите переводить только романы? Я думаю, что из исторических книг, хоть бы из «Ист<ории> франц<уз>ской» револ<юции>» Карлейля и популярных трактатов можно много набрать хорошего. <...>²

Мы знаем о вашем брате и о Черныш<евском> — лишь бы физич<еские> силы выдержали. И Мартьянова отправ<или> на 5 лет каторги.

Аккуратно ли вы получаете «Кол<окол>»? Обращаю ваше внимание на № 15 дек<абря>, будущий 1 янв<аря> и 2—15 янв<аря>. Мы там взяли иную боевую позицию.

Кланяйтесь Чер<кесову>, если он с вами <...>² понравился ли вам «Opium-eater»?

А. Герцен.

Рукой Н. П. Огарева:

P. S. Книга, которую посылаем мы, чрезвыч<айно> замеч<ательна> <...> Выздоровливайте <...>² но всего больше выслечите себе печень <...>² Кланяйтесь вашему товарищу.

Пишите что знаете о брате. Он не выходит у меня из памяти; я его бесконечно люблю.

Огарев.

На конверте: Switzerland.
Herrn Tscherkessoff.
Oberstraßhaus Schabelitz.
Zürich.

28 (16) декабря 1863 г. Теддингтон.

28 дек<абря> 1863. Elmfield House.
Teddington.

Вот, Саша, и Новый год на дворе. Поздравлять надобно не с тем, что 64 пришел, а что 63 прошел. Да, это был очень тяжелый год. На днях ты получишь новый «Кол<окол>» — этот лист еще удачнее последнего. Заметь статью о Мартьянове.

¹ неуклюжести (нем.); ² Далее в копии строка точек. — Ред.

Письма твои доходят исправно. В цене за квартиру я ошибся. *Ergare humanum est*, — как я писал, когда Эрар прислал двойной счет за наем рояля.

Я был очень рад, что случайно взял в Ливурне «David Copperfield'a»; если ты не читал — прочти. Это «Былое и думы» Диккенса. Вторая часть (буря, путешествие и возвращение) превосходна. Меня это подзадорило — опять заняться сценами из прошедшего. Это мой настоящий *genre*, и Белинский угадал это в 1839 году. Досуг теперь есть — у нас тихо — нет посторонних и нет больших споров. Ждем теперь одного — уверенности, что в Ломбардии не будет войны, чтоб окончательно собираться. Я тоже думаю, что в конце апреля тебе недурно приехать, чтоб помогать нам.

Корабль, на котором посылаются вещи, не мог выйти за буриями и, кажется, отправится только на днях. Имя его «Justitia». Одной вещи будет всего жалчее, если погибнет, — Тата просила портреты Ив<ана> Ал<ексеевича> и Мам<еньки> — я их послал. Впрочем, Саффи говорит, что он все свои вещи получил так и что кораблекрушения редки. Саффи получ<ает> в Генуе раз через 15 дней. Кстати, Осип Ив<анович> здоров и весел. Был ли ответ от Гар<ибальди>? Письмо не будет в 1 №, а во 2-м. Уговори *Vieusseux* брать «La Cloche».

Рукой Н. А. Тучковой-Огаревой:

Поздравляю с Новым годом тебя, Саша, и искренно желаю, чтоб в будущем мы все были вместе, — целую тебя, Гер<цен> спешит — Жюль-ждет —

твоя Н а т а л и.

Рукой Н. П. Огарева:

Поздравляю с Нов<ым> годом. Мне надо тебе написать такое длинное письмо, что я сделаю это к концу недели. Пока обнимаю тебя.

421. С. Л. ЛЕВИЦКОМУ

28 (16) декабря 1863 г. Теддингтон.

28. Elmfield House.
Teddington. S. W.

Бёкль — историк и философ, никогда не участвовавший ни в чем польском (кроме в танце Polka да и то неверно) — которого история цивилизации принята с восторгом в России... и пр., имел лицо. Издатели хотят репродукции — и просят рекомендовать твоему ходатайству перед солнцем.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

А. И. Герцен. Фотография начала 1860-х годов. Государственный литературный музей. Москва	4
Письмо к А. А. Герцену от 22—23 января 1860 г. (Автограф А. И. Герцена.) Международный институт социальной истории. Амстердам	8
Дом в Лондоне (Orsett House), где жил Герцен в 1860—1863 гг. Современная фотография	112
Письмо К. Д. Кавелину от 7 июня 1862 г. (Черновой автограф А. И. Герцена.) Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Москва	224
Медаль в память десятилетия Вольной русской типографии в Лондоне, выполненная К. Винером. Март 1863 г.	304
Дом в Теддингтоне (Elmfield House), где жил Герцен в 1863—1864 гг. Современная фотография	368

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА 1860—1863 годов

1860

	Стр.
1. А. А. Герцену. 9 января (28 декабря 1859 г.)	7
2. М. А. Маркович. 17 (5) января	8
3. М. К. Рейхель. 20 (8) января	8
4. А. А. Герцену. 22—23 (10—11) января	9
5. А. Делаво. 23 (11) января	10
6. М. А. Маркович. 26 (14) января	11
7. И. С. Аксакову. 31 (19) января	12
8. А. А. Герцену. 31 (19) января	13
9. Н. Н. Мазуренко. 3 февраля (22 января)	14
10. М. К. Рейхель. 4 февраля (23 января)	15
11. А. А. Герцену. 7 февраля (26 января)	16
12. С. Лазаревичу. Начало февраля	17
13. А. А. Герцену. 13 (1) февраля	18
14. М. А. Маркович. 23 (11) февраля	18
15. Р. Гриффину. 24 (12) февраля	19
16. А. А. Герцену. 25 (13) февраля	21
17. И. С. Аксакову. 28 (16) февраля	22
18. С. Лазаревичу. Февраль (после 15)	22
19. А. А. Герцену. 5 марта (22 февраля)	23
20. А. А. Герцену. 10 марта (27 февраля)	24
21. Л. Фогт. 13 (1) марта	25
22. А. А. Герцену. 15 (3) марта	28
23. Э. Рив. 19 (7) марта	29
24. А. А. Герцену. 20 (8) марта	30
25. П.-Ж. Прудону. 23 (11) марта	31
26. А. А. Герцену. 30 (18) марта	33
27. А. А. Герцену. 6 апреля (25 марта)	34
28. М. К. Рейхель. 9 апреля (28 марта)	35
29. П. В. Долгорукову. 12 апреля (31 марта)	36
30. К. Фогту. 13 (1) апреля	37
31. М. К. Рейхель. 16 (4) апреля	38

32. Э. Рив. 18 (6) апреля	39
33. А. А. Герцену. 20 (8) апреля	40
34. И. С. Аксакову. 28 (16) апреля	41
35. А. А. Герцену. 1 мая (19 апреля)	42
36. Г. П. Данилевскому. 1 мая (19 апреля)	43
37. А. А. Герцену. 2 мая (20 апреля)	43
38. М. И. Жихареву. 5 мая (23 апреля)	44
39. М. И. Жихареву. 7 мая (25 апреля)	44
40. А. А. Герцену. 12 мая (30 апреля)	44
41. Т. П. Пассек. 12 мая (30 апреля)	46
42. М. К. Рейхель. 12 мая (30 апреля)	46
43. П. В. Анненкову. 14 (2) мая	48
44. П. В. Долгорукову. 15 (3) мая	49
45. И. С. Тургеневу. 18 (6) мая	49
46. М. К. Рейхель. 19 (7) мая	50
47. А. А. Герцену. 22 (10) мая	51
48. П. В. Долгорукову. 24 (12) мая	51
49. И. С. Тургеневу. 24 (12) мая	52
50. П. В. Долгорукову. 28 (16) мая	52
51. А. А. Герцену. 29 (17) мая	53
52. М. Мейзенбург. 29 (17) мая	54
53. Н. М. Сатину. 29 (17) мая	56
54. П. В. Долгорукову. 31 (19) мая	57
55. Н. А. Герцен и М. К. Рейхель. 1 июня (20 мая)	58
56. М. К. Рейхель. 3—4 июня (22—23 мая)	58
57. Н. А. Герцен. 3—4 июня (22—23 мая)	59
58. А. А. Герцену. 7 июня (26 мая)	59
59. Н. М. Сатину. 7 июня (26 мая)	61
60. М. К. Рейхель. 7—8 июня (26—27 мая)	62
61. Н. А. Герцен. 7—8 июня (26—27 мая)	63
62. П. В. Долгорукову. 9 июня (28 мая)	64
63. И. С. Тургеневу. 14 (2) июня	64
64. Н. А. Тучковой-Огаревой. Около 14 (2) июня	65
65. Н. А. Герцен. 15 (3) июня	65
66. В. Фоггу. 20 (8) июня	67
67. А. А. Герцену. 22 (10) июня	69
68. Н. А. Герцен. 23 (11) июня	70
69. М. К. Рейхель. 23 (11) июня	71
70. И. С. Тургеневу. 23 (11) июня	71
71. А. А. Герцену. 30 (18) июня	72
72. Н. А. Герцен. 30 (18) июня	73
73. Н. А. Герцен и М. К. Рейхель. 6 июля (24 июня)	74
74. М. А. Маркович. 7 июля (25 июня)	74
75. А. А. Герцену. 9 июля (27 июня)	75

76. М. К. Рейхель. 12 июля (30 июня)	76
77. Н. А. Герцен. 12 июля (30 июня)	77
78. А. А. Герцену. 14 (2) июля	78
79. И. С. Гагарину. 21 (9) июля	78
80. Н. А. Герцен. 23 (11) июля	79
81. Н. А. Герцен. 24 или 25 (12 или 13) июля	79
82. И. С. Тургеневу. 25 (13) июля	80
83. А. А. Тучкову. 25 (13) июля	81
84. Н. А. и А. А. Герценам. 26 (14) июля	81
85. М. А. Маркович. 27 (15) июля	82
86. М. К. Рейхель. 27 (15) июля	83
87. М. К. Рейхель. 2 августа (21 июля)	83
88. А. А. и Н. А. Герценам. 6 августа (25 июля)	84
89. М. К. Рейхель. 7 августа (26 июля)	85
90. Н. А. Герцен. 7 августа (26 июля)	85
91. С. Тхоржевскому. 7 августа (26 июля)	85
92. А. А. и Н. А. Герценам. 9 августа (28 июля)	86
93. А. П. Туманской. 11 августа (31 июля)	86
94. А. А. Герцену. Между 10 и 13 августа (29 июля и 1 августа)	87
95. М. А. Маркович. 13 (1) августа	87
96. М. К. Рейхель. 15 (3) августа	88
97. П. В. Анненкову. 21(9) августа	89
98. П. В. Анненкову. 22 (10) августа	89
99. Дж. Гарibaldi. 23 (11) августа	90
100. М. К. Рейхель. 23 (11) августа	91
101. П. В. Анненкову. 24 (12) августа	92
102. М. К. Рейхель. 28 (16) августа	93
103. П. В. Анненкову. 6 сентября (25 августа)	94
104. О. Р. Скарятинной. 7 сентября (26 августа)	94
105. Э. Рив (черновое). 20 (8) сентября	95
106. И. С. Тургеневу. 23 (11) сентября	98
107. М. А. Маркович. 27 (15) сентября	98
108. И. С. Аксакову. 5 октября (23 сентября)	99
109. М. К. Рейхель. 6 октября (24 сентября)	100
110. П. В. Долгорукову. 8 октября (26 сентября)	100
111. А. А. Герцену. 17—29 (5—17) октября	101
112. А. А. Герцену. 26 (14) октября	103
113. И. С. Тургеневу. 29 (17) октября	104
114. А. А. Герцену. 1 ноября (20 октября)	105
115. И. С. Тургеневу. 1 ноября (20 октября)	106
116. А. А. Герцену. 8 ноября (27 октября)	107
117. И. С. Тургеневу. 9 ноября (28 октября)	107
118. А. А. Герцену. 12 ноября (31 октября)	109

	Стр.
119. И. С. Тургеневу. 13 (1) ноября	110
120. А. А. Герцену. 14 (2) ноября	110
121. А. А. Герцену и Н. А. Тучковой-Огаревой. 16 (4) ноября	112
122. И. С. Тургеневу. 19 (7) ноября	113
123. П. В. Анненкову. 20 (8) ноября	114
124. А. А. Герцену. 22 (10) ноября	115
125. М. К. Рейхель. 25—27 (13—15) ноября	116
126. П. В. Долгорукову. 27 (15) ноября	117
127. М. А. Маркович. 28 (16) ноября	118
128. И. С. Аксакову. 29 (17) ноября	118
129. А. А. Герцену. 5 декабря (23 ноября)	118
130. П. В. Анненкову. 11 декабря (29 ноября)	120
131. П. В. Долгорукову. 18 (6) декабря	121
132. И. С. Тургеневу. 19 (7) декабря	121
133. А. А. Герцену. 24 (12) декабря	122
134. С. Тхоржевскому. 26 (14) декабря	123

1 8 6 1

135. И. С. Тургеневу. 5 января (24 декабря 1860 г.)	124
136. С. Тхоржевскому. 7 января (26 декабря 1860 г.)	125
137. С. Тхоржевскому. 7 января (26 декабря 1860 г.)	126
138. М. К. Рейхель. 9 января (28 декабря 1860 г.)	126
139. И. С. Тургеневу. 11 или 12 января (30 или 31 декабря 1860 г.)	127
140. А. А. Герцену. 11 и 15 января (30 декабря 1860 г. и 3 января 1861 г.)	127
141. К. Фогту. 17 (5) января	129
142. Т. П. Пассек. 27 (15) января	131
143. М. К. Рейхель. 2 февраля (21 января)	132
144. А. А. Герцену. 5 февраля (24 января)	132
145. К. Фогту. 5 февраля (24 января)	133
146. А. А. Герцену. 11 февраля (30 января)	135
147. И. С. Тургеневу. 11 февраля (30 января)	136
148. М. К. Рейхель. 16 (4) февраля	136
149. А. А. Герцену. 24 (12) февраля	137
150. И. С. Тургеневу. 1 марта (17 февраля)	137
151. И. С. Тургеневу. 7 марта (23 февраля)	138
152. И. С. Тургеневу. 12 марта (28 февраля)	139
153. И. С. Тургеневу. 15 (3) марта	140
154. С. Тхоржевскому. 20 (8) марта	140
155. А. А. Герцену. 21 (9) марта	141
156. С. Тхоржевскому. Между 21 и 25 (9 и 13) марта	142
157. С. Тхоржевскому. 25 (13) марта	142
158. А. А. Герцену. Между 25 и 28 (13 и 16) марта	142

159. Л. Чернецкому. Между 25 и 28 (3 и 6) марта	143
160. Н. И. Тургеневу. 28 (16) марта	143
161. И. С. Тургеневу. 28 (16) марта	144
162. М. К. Рейхель. 8 апреля (27 марта)	144
163. И. С. Тургеневу. 15 (3) апреля	145
164. Н. Ф. Щербине. 15 (3) апреля	146
165. С. Тхоржевскому. 16 (4) апреля	146
166. Дж. Гарibaldi. 19 (7) апреля	147
167. А. С. Уварову. 24 (12) апреля	149
168. А. С. Уварову. 26 (14) апреля	149
169. И. С. Тургеневу. 30 апреля — 1 мая (18—19 апреля) . . .	149
170. Дж. Гарibaldi. 1 мая (20 апреля)	150
171. М. К. Рейхель. 13 (1) мая	151
172. К. Д. Кавелину. 15 и 19 (3 и 7) мая	152
173. М. К. Рейхель. 28 (16) мая	154
174. Наполеону III (черновое). 30 (18) мая	154
175. С. Рошу. 3 июня (22 мая)	155
176. Вл. Чарторыскому (?) (черновое). Начало (до 6) июня . . .	156
177. М. К. Рейхель. 12 июня (31 мая)	158
178. Ж. Мишле. 22 (10) июня	158
179. Ел. Мицкевичу. 24 (12) июня	159
180. И.-В. Фричу. 26 (14) июня	160
181. Вл. Мицкевичу. 29 (17) июня	160
182. А. А. Герцену. 11 июля (29 июня).	161
183. Н. Ф. Щербине. 19 (7) июля	161
184. Н. Р. Цесбрикову (?) 25 (13) июля	162
185. Н. А. Тучковой-Огаревой, Н. А. Герцен и М. Мейзен- бург. 30 (18) июля	163
186. Н. В. Гербелю. Конец июля	164
187. Н. В. Шелгунову. 3 августа (22 июля)	164
188. Н. А. Тучковой-Огаревой и дочерям. 6 августа (25 ию- ля)	167
189. М. К. Рейхель. 13 (1) августа	168
190. К.-Э. Хоецкому. 15 (3) августа	169
191. Д. К. Шедо-Ферротти (Ф. И. Фирксу). 22 (10) августа . . .	172
192. Н. П. Огареву. 24 (12) августа	173
193. Н. П. Огареву. 29 (17) августа	173
194. Н. П. Огареву. 30 (18) августа	174
195. Ф. Пульскому. 31 (19) августа	175
196. Н. П. Огареву. 1 сентября (20 августа)	177
197. В. Н. Кашперову. 15 (3) сентября	177
198. В. И. Кельсиеву. 19 (7) сентября	178
199. П. В. Долгорукову. 27 (15) сентября	179
200. Н. П. Огареву. 1 октября (19 сентября)	179

201. К.-Э. Хоецкому. 1 октября (19 сентября)	180
202. Н. П. Огареву. 2 октября (20 сентября)	181
203. А. А. Герцену. 3 октября (21 сентября)	183
204. Н. П. Огареву. 3 октября (21 сентября)	183
205. И. С. Тургеневу. 12 октября (30 сентября)	185
206. Н. П. Огареву и Н. А. Тучковой-Огаревой. 13 (1) ок- тября	185
207. И. С. Тургеневу. 15 (3) октября	186
208. К.-Э. Хоецкому. 15 (3) октября	187
209. К.-Э. Хоецкому. 18 (6) октября	189
210. И. С. Тургеневу. 28 (16) октября	190
211. И. С. Тургеневу. 28 (16) октября	190
212. П. А. Мартыанову. 29 (17) октября	190
213. К.-Э. Хоецкому. 29 (17) октября	191
214. З. Йордану. 30 (18) октября	191
215. П. В. Долгорукову. 1 ноября (20 октября)	192
216. М. К. Рейхель. 3 ноября (22 октября)	193
217. Неустановленному лицу. 14 (2) ноября	193
218. А. Бени. 19 (7) ноября	194
219. П.-Ж. Прудону. 21 (9) ноября	194
220. А. Рейхелю. 21 (9) ноября	195
221. К. Фогту. 21 (9) ноября	195
222. К.-Э. Хоецкому. 21 (9) ноября	197
223. Дж. Коуэну. 27 (15) ноября	198
224. Дж. Коуэну. 28 (16) ноября	199
225. И. С. Тургеневу. 2 декабря (20 ноября)	200
226. М. К. Рейхель. 4 декабря (22 ноября)	201
227. Н. М. Владимирову. 5 декабря (23 ноября)	201
228. А. Запаснику. 5 декабря (23 ноября)	202
229. Н. М. Владимирову. 7 декабря (25 ноября)	202
230. М. К. Рейхель. 12 декабря (30 ноября)	203
231. А. А. Герцену. 21 (9) декабря	203

1 8 6 2

232. Ю. Н. Голицыну. Около 3 января (22 декабря 1861 г.)	205
233. И. С. Тургеневу. 3 января (22 декабря 1861 г.)	205
234. И. С. Тургеневу. Начало января (до 12)	205
235. Г.-А. Мано. 13 (1) января	206
236. Ж. Мишле. 1 февраля (20 января)	207
237. И. С. Тургеневу. 3 февраля (22 января)	207
238. И. С. Тургеневу. 9 февраля (28 января)	208
239. А. Таландье. 10 февраля (29 января)	209
240. И. С. Тургеневу. 12 февраля (31 января)	210
241. И. С. Тургеневу. 13 (1) февраля	211

242. М. К. Рейхель. 19 (7) февраля	211
243. И. С. Тургеневу. 20 (8) февраля	213
244. И. С. Тургеневу. 22 (10) февраля	213
245. М. К. Рейхель. 16 (4) марта	214
246. И. С. Тургеневу. 28 (16) марта	214
247. М. К. Рейхель. 6 апреля (25 марта)	215
248. И. С. Тургеневу. 11 апреля (30 марта)	216
249. И. С. Тургеневу. 21 (9) апреля	217
250. Неустановленному лицу. 29 (17) апреля	218
251. Ф. Пульскому. 29 (17) апреля	218
252. И. С. Тургеневу. 9 мая (27 апреля)	220
253. И. С. Тургеневу. 19 (7) мая	221
254. В. С. Печерину. 21 (9) мая	221
255. И. С. Тургеневу. 21 (9) мая	222
256. Ж. Мишле. 27 (15) мая	223
257. В. И. Баксту. Май	224
258. Н. А. Тучковой-Огаревой. 1 июня (20 мая).	225
259. К. Д. Кавелину (черновое). 7 июня (26 мая)	226
260. Н. А., А. А., О. А. Герценам и М. Мейзенбург. 10 июня (29 мая)	228
261. А. А. Герцену. 11 июня (30 мая)	229
262. А. А., Н. А. и О. А. Герценам. 12 июня (31 мая)	230
263. А. А. Герцену. 12 июня (31 мая)	231
264. А. А., Н. А. Герценам и М. Мейзенбург. 13 (1) июня	233
265. А. А. Герцену. 14 (2) июня	234
266. Н. П. Огареву. 14 (2) июня	236
267. К. Д. Кавелину. 15 (3) июня	237
268. Н. П. Огареву. 15 (3) июня	237
269. А. А. Герцену. 16 (4) июня	239
270. А. А. Герцену. 16 и 17 (4 и 5) июня	239
271. И. С. Гагарину. 19 (7) июня	240
272. Е. В. Салиас де Турнемир (приписка). 19 (7) июня	240
273. Н. А. Серно-Соловьевичу. 20 (8) июня	240
274. Н. А. Тучковой-Огаревой. 21 (9) июня	241
275. Н. А. Тучковой-Огаревой. 26 (14) июня	242
276. Н. А. Серно-Соловьевичу. 6 июля (24 июня)	243
277. Е. В. Салиас де Турнемир. 8 июля (26 июня)	244
278. В. В. Стасову. 10 июля (28 июня)	245
279. Н. М. Сатину. 11 июля (29 июня)	246
280. Н. П. Огареву. 17 (5) июля	247
281. Н. П. Огареву. 17 (5) июля	248
282. Н. П. Огареву. 19 (7) июля	249
283. Н. П. Огареву и А. А. Герцену. 30 (18) июля	249
284. В. В. Стасову. 4 августа (23 июля)	250

285. В. В. Стасову. 9 августа (28 июля)	250
286. Е. В. Салиас де Турнемир. 21 (9) августа	251
287. И. С. Тургеневу. 22 (10) августа	252
288. В. В. Стасову. 5 сентября (24 августа)	252
289. А. А. Герцену и М. Мейзенбуг. 16 (4) сентября	253
290. И. С. Тургеневу. 22 (10) сентября	254
291. Н. А. Герцен. 15 (3) октября	254
292. Н. А. Герцен. 22 (10) октября	256
293. И. Цверцякевичу. 22 (10) октября	257
294. Неустановленному лицу. 24 (12) октября	260
295. С. Тхоржевскому. Сентябрь — октябрь	260
296. В. Т. Кельсиевой. Сентябрь — октябрь	261
297. В. Т. Кельсиевой. Сентябрь — октябрь	261
298. И. С. Тургеневу. 1 ноября (20 октября)	261
299. К. Фогту. 4 ноября (23 октября)	262
300. С. Тхоржевскому. 5 ноября (24 октября)	263
301. И. С. Тургеневу. 22 (10) ноября	264
302. И. С. Тургеневу. 29 и 30 (17 и 18) ноября	265
303. А. Ф. Фрикену. 3 декабря (21 ноября)	266
304. Н. А. и О. А. Герцен. 5—10 декабря (23—28 ноября)	267
305. В. Н. Кашперову. 12 декабря (30 ноября)	269
306. И. С. Тургеневу. 12 декабря (30 ноября)	270
307. В. И. Баксту. 15 (3) декабря	271
308. Н. А. Герцен. 20 (8) декабря	272
309. Н. А. и О. А. Герцен. 24 (12) декабря	273
310. Н. А., О. А. Герцен и М. Мейзенбуг. 27 (15) декабря	274
311. Н. А. и О. А. Герцен. 30 (18) декабря — 5 января 1863 г. (24 декабря 1862 г.)	274
312. Д. Н. Свербееву (?) 31 (19) декабря	277

1 8 6 3

313. В. Т. Кельсиевой. 2 января (21 декабря 1862 г.)	278
314. В. Т. Кельсиевой. 3 января (22 декабря 1862 г.)	278
315. Неустановленному лицу. 3 января (22 декабря 1862 г.)	278
316. Н. А. Герцен. 7 января (26 декабря 1862 г.)	279
317. С. Л. Левицкому. 9 января (28 декабря 1862 г.)	280
318. Н. А. Герцен. 10 января (29 декабря 1862 г.)	280
319. С. Тхоржевскому. 10 января (29 декабря 1862 г.)	281
320. В. Т. Кельсиевой. Около 10 января (29 декабря 1862 г.)	281
321. Н. И. Тургеневу. 19 (7) января	281
322. Н. А. и О. А. Герцен. 20 (8) января	282
323. В. Т. Кельсиевой. 24 (12) января	283
324. Н. А. Герцен. 24 и 26 (12 и 14) января	283
325. Н. А. Герцен. 30 и 31 (18 и 19) января	284

326. Н. П. Огареву. 31 (19) января	285
327. Н. П. Огареву. 3 февраля (22 января)	286
328. Н. П. Огареву. 4 февраля (23 января)	286
329. Н. П. Огареву. 5 февраля (24 января)	287
330. Н. А. Герцен. 7 февраля (26 января)	289
331. А. А. Черкесову. 8 февраля (27 января)	289
332. Н. П. Огареву. 15 (3) февраля	290
333. М. Мейзенбург и Н. А. Герцен. 17 (5) февраля	291
334. И. С. Тургеневу. 20 и 24 (8 и 12) февраля	292
335. Н. А. Герцен и М. Мейзенбург. 24 (12) февраля	293
336. Н. А., О. А. Герцен и М. Мейзенбург. 26 и 28 (14 и 16) фев- раля	294
337. Н. А., О. А. Герцен и М. Мейзенбург. 5 марта (21 фев- раля)	295
338. М. И. Жихареву. 8 марта (24 февраля)	296
339. Н. А. и О. А. Герцен. 12 марта (28 февраля)	297
340. Н. А. и О. А. Герцен. Между 13 и 15 (1 и 3) марта	297
341. Г. Фогту. 19 (7) марта	298
342. Н. А., О. А. Герцен и М. Мейзенбург. 24 (12) марта	299
343. В. И. Касаткину. 27 (15) марта	300
344. В. И. Касаткину. 4 апреля (23 марта)	301
345. А. Сохновскому. 4 апреля (23 марта)	302
346. Н. А. и О. А. Герцен. 6 апреля (25 марта)	303
347. М. К. Рейхель. 6 апреля (25 марта)	304
348. В. О. Ковалевскому. 7 апреля (26 марта)	304
349. Н. А. и О. А. Герцен. 11 апреля (30 марта)	305
350. И. С. Тургеневу. 11 апреля (30 марта)	306
351. Р. Пшотровскому и С. Л. Левинскому. 12 апреля (31 марта)	307
352. Вл. Мицкевичу. 14 (2) апреля	308
353. Ю. Клячко. 16 (4) апреля	309
354. А. Сохновскому. 17 (5) апреля	309
355. Н. А. и О. А. Герцен. 20 (8) апреля	310
356. М. А. Бакунину. 21 (9) апреля	311
357. Н. Д. 23 (11) апреля	312
358. Н. А., О. А. Герцен и М. Мейзенбург. 27 (15) апреля	313
359. Н. П. Огареву. 28 (16) апреля	314
360. М. А. Бакунину. 29 (17) апреля	315
361. Н. П. Огареву. 29 (17) апреля	316
362. Н. П. Огареву. 1 мая (19 апреля)	318
363. Н. А. Герцен. 2 мая (20 апреля)	320
364. О. А. Герцен. 2 мая (20 апреля)	321
365. М. А. Бакунину. 8 мая (26 апреля)	322
366. А. А. Слепцову. 9 мая (27 апреля)	323

	Стр.
367. Н. А. Герцен. 11 мая (29 апреля)	325
368. О. А. и Н. А. Герцен. 18 (6) мая	326
369. А. А. Герцену. 20 (8) мая	327
370. А. А. Герцену. 21 (9) мая	328
371. Ж. Мишле. 21 (9) мая	329
372. А. А. Слепцову. 21 (9) мая	330
373. Н. А., О. А. Герцен и М. Мейзенбург. 23 (11) мая	331
374. А. А. Герцену. 25 (13) мая.	332
375. А. А. Герцену. 30 (18) мая	333
376. Н. А., О. А. Герцен и М. Мейзенбург. 31 мая и 1 июня (19 и 20 мая)	334
377. Н. А., О. А. Герцен и М. Мейзенбург. 6 июня (25 мая)	337
378. А. А. Герцену. 8 июня (27 мая)	338
379. Ю. Клячко. 9 июня (28 мая)	340
380. А. А. Герцену. 11 июня (30 мая)	341
381. Ф. Зенковичу. 11 июня (30 мая)	342
382. Н. А., О. А. Герцен и М. Мейзенбург. 13 (1) июня	342
383. Н. А., О. А. Герцен и М. Мейзенбург. 19 (7) июня	344
384. Н. А. и О. А. Герцен. 24 (12) июня	346
385. Ю. Клячко. 26 (14) июня	347
386. М. А. Бакунину. 27 (15) июня	348
387. Н. А. и О. А. Герцен. 27 (15) июня	348
388. Н. А. и О. А. Герцен. 1 июля (19 июня)	349
389. Н. А. Герцен и М. Мейзенбург. 2 июля (20 июня)	351
390. М. А. Бакунину. 8 июля (26 июня)	352
391. Н. А., О. А. Герцен и М. Мейзенбург. 1 и 18 (5 и 6) июля	353
391а. Н. А., О. А. Герцен и М. Мейзенбург. Между 20 и 24(8 и 12) июля 1863 г.	355
392. Н. А., О. А. Герцен и М. Мейзенбург. 25 и 27 (13 и 15) июля	355
393. Н. А., О. А. Герцен и М. Мейзенбург. 2 августа (21 июля)	357
394. Н. А. и О. А. Герцен. 6 августа (25 июля)	359
395. Н. А. Герцен. 8 и 10 августа (27 и 29 июля)	362
396. Н. А., О. А. Герцен и М. Мейзенбург. 13 (1) августа	363
397. Н. А., О. А. Герцен и М. Мейзенбург. 17 и 18 (5 и 6) ав- густа	364
398. Н. А. Герцен и М. Мейзенбург. 23 и 24 (11 и 12) августа	366
399. М. Мейзенбург, Н. А. и О. А. Герцен. 25 (13) августа	368
400. К.-Э. Хоецкому. 27 (15) августа	369
401. М. А. Бакунину. 1 сентября (20 августа)	370
402. Н. А. и О. А. Герцен. 3 сентября (22 августа)	373
403. Н. А. Тучковой-Огаревой. 23 (11) сентября	374
404. Н. А., О. А. Герцен, М. Мейзенбург и Э. Рив. 24 (12) сентября	375

	Стр.
405. М. К. Рейхель. 9 ноября (26 октября)	375.
406. Н. П. Огареву и Н. А. Тучковой-Огаревой. 11 и 12 ноября (30 и 31 октября)	375
407. Д. Таварки. 20 (8) ноября	378
408. В. Н. Кашперову. 23 (11) ноября	379
409. Н. А. Тучковой-Огаревой, Н. П. Огареву и Лизе Гер- цен. 25 (13) ноября	379
410. К. Фогту. 26 (14) ноября	380
411. А. А. Герцену. 29 (17) ноября	381
412. Н. П. Огареву, Н. А. Тучковой-Огаревой и Лизе Гер- цен. 1 и 3 декабря (19 и 21 ноября).	382
413. Н. А. и О. А. Герцен. 4 и 7 декабря (22 и 25 ноября)	385
414. А. А. Герцену. 7 декабря (25 ноября)	387
415. Н. А. и О. А. Герцен. 12 декабря (30 ноября)	388
416. Н. А. Герцен. 24 (12) декабря	389
417. Е. В. Салиас де Турнемир. 24 (12) декабря	390
418. К. Винеру. 26 (14) декабря	392
419. А. А. Серно-Соловьевичу. 26 (14) декабря	393
420. А. А. Герцену. 28 (16) декабря	393
421. С. Л. Левицкому. 28 (16) декабря	394
Список иллюстраций	395.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. П. ВОЛГУН (главный редактор), И. И. АНИСИМОВ, Д. Д. БЛАГОЙ, В. В. ВИНОГРАДОВ, Н. М. ДРУЖИНИН, С. А. МАКАШИН, Ю. Г. ОКСМАН (зам. главного редактора), Л. Д. ОПУЛЬСКАЯ, В. А. ПУТИНЦЕВ, З. В. СМИРНОВА, Д. И. ЧЕСНОКОВ, А. В. ШАПИРО, Я. Е. ЭЛЬСБЕРГ

*

Тексты подготовили: Т. Г. Динесман, Е. Н. Дрыжакова, М. И. Гилельсон, Л. Р. Ланский, Е. В. Павлова, М. К. Перкаль (при участии Б. С. Бобкова), А. Е. Полозова, И. Г. Птушкина, М. В. Толмачев.

Переводы иноязычных текстов: Л. Я. Боровой, Л. Р. Ланский, М. К. Перкаль, М. В. Толмачев.

Лингвистическая редакция иноязычных текстов И. Д. Постоловой (франц.) и О. Н. Михеевой (нем.). Редакторы переводов: М. Г. Ашукина (франц.) и О. Н. Михеева (нем.); подстрочных переводов: Н. Г. Елина (итал.), О. Н. Михеева (нем.), О. В. Моисеенко (франц.), Ф. А. Петровский (лат.), Д. М. Урнов (англ.).

Редакторы тома — Я. Е. ЭЛЬСБЕРГ и И. Г. ПТУШКИНА

*

Редакторы, Издательства М. Б. Покровская и Л. М. Стенина

Переплет и титул художника А. П. Радицева

Технический редактор И. А. Макогонова

Корректор В. К. Гарди

*

РИСО АН СССР № 2-10В. Сдано в набор 6/VIII 1962 г.

Подписано к печати 26/XII 1962 г. Формат 60 × 92¹/₁₆.

Печ. л. 25,5 + 6 вкл. Уч.-изд. л. 23,9(23,5 + 0,4 вкл.)

Тираж 17 000 экз. Изд. № 1218. Тип. зак. 1016

Цена 1 руб. 50 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР. Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

